

САМООРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

Э. И. Колчинский
Е. Ф. Синельникова

САМООРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

в годы кризиса: 1917-1922

Э. И. Колчинский
Е. Ф. Синельникова

St. Petersburg Branch
S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of
Russian Academy of Sciences

E. I. Kolchinsky, E. F. Sinelnikova

**SELF-ORGANIZATION OF
RUSSIAN SCIENCE**
During the Crisis Years: 1917—1922

St. Petersburg
2020

Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова
Российской академии наук

Э. И. Колчинский, Е. Ф. Синельникова

САМООРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ в годы кризиса: 1917—1922

Санкт-Петербург
2020

УДК 94(47).084.3
ББК 63.3(2)61"197/1922"
К61

Рецензенты:

д. истор. наук В. С. Соболев
д. истор. наук А. Е. Ростовцев

Колчинский Э. И., Синельникова Е. Ф.

К61 Самоорганизация российской науки в годы кризиса: 1917–1922. — СПб.: Скифия-принт, 2020. — 276 с.
ISBN 978-5-98620-469-7

В книге предпринята попытка комплексного анализа влияния революции 1917 г. и Гражданской войны как глобального системного кризиса на мотивацию, кадровый состав, структуризацию и самоидентификацию российского научного сообщества и его институтов. Именно в 1917–1922 гг. была создана модель развития отечественной науки как государственной фабрики по производству знания и организована сеть научно-исследовательских институтов, обеспечивающая функционирование и развитие науки и образования до настоящего времени. Сформированные в то время механизмы финансирования научных учреждений и организаций, нормативно-правовая база их деятельности, а в равной степени и созданные структурные формы организации исследований были актуальны и эффективны длительное время.

В основу монографии положен комплекс разнообразных по своему составу и содержанию исторических источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Настоящее издание адресовано специалистам в области истории науки и культуры, а также широкому кругу читателей.

Kolchinsky E. I., Sinelnikova E. F.

Self-organization of Russian Science During the Crisis Years: 1917–1922. — St. Petersburg: Skifia-print, 2020. — 276 p.

The book makes an attempt to comprehensively analyze the impact of the 1917 revolution and the Civil War as a global systemic crisis on the motivation, staff, structure and self-identification of the Russian scientific and pedagogical community and its institutions. During 1917–1922 a model for the development of domestic science as a state factory for the production of knowledge was created and a network of research institutes was organized, which ensures the functioning and development of science and education to date. The financing mechanisms of scientific institutions and organizations formed at that time, the legal framework of their activities, and equally the created structural forms of research organization were relevant and effective for a long time.

The monograph is based on a complex of historical sources that are diverse in composition and content, many of which are introduced into scientific circulation for the first time.

This publication is addressed to specialists in the field of the history of science and culture, as well as to a wide range of readers.

При оформлении обложки использован фрагмент
картины Павла Филонова «Формула мировой революции» (1923)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-011-00730.

The reported study was funded by RFBR, project number № 18-011-00730.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (Е. Ф. Синельникова)	9
Введение (Э. И. Колчинский)	12

Часть I

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И АКАДЕМИЯ НАУК

(Э. И. Колчинский)

Глава 1. Начало революции и несбывшиеся надежды	23
1.1. Накануне революционных потрясений	23
1.2. Восприятие Февральской революции.	32
1.3. Реформы Академии наук: проекты и реальность.	38
1.4. Демобилизация естественных наук	55
1.5. Спасение культурного наследия	63
1.6. В поисках национальной самоидентификации	70
1.7. В преддверии Гражданской войны	73
Глава 2. Октябрьская революция и РАН: между конфронтацией и конформизмом (ноябрь 1917 — январь 1919 г.)	91
2.1. Восприятие РАН Октябрьской революции и попытки противостояния.	91
2.2. Осознание реальности и дифференциация позиций	100
2.3. Поиск компромиссов и попыток сохранить автономность	117
2.4. Старт бурной институционализации академической науки	137
2.5. Участие РАН в институционализации неакадемической науки в Советской России	153
2.6. Институционализация науки на территориях, контролируемых антибольшевистскими правительствами	159
2.7. РАН и борьба за сохранение автономии высшей школы	165
2.8. Голод, террор и кадровые изменения	175
2.9. Первые итоги адаптации РАН к новым условиям	183

Часть II

НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА И РЕВОЛЮЦИЯ

(Е. Ф. Синельникова)

<i>Глава 1.</i>	Научные общества в 1917 г.	186
1.1.	Научные общества в России на пороге революции . . .	186
1.2.	Восприятие научными обществами революционных событий	189
1.3.	Адаптация к новым политическим условиям	193
1.4.	Деятельность научных обществ в революционной обстановке.	196
1.5.	Итоги революционного года: финансовые трудности и сокращение численности научных обществ.	200
<i>Глава 2.</i>	Законодательно-нормативные основы взаимоотношений власти и научных обществ в первые послереволюционные годы	205
1.1.	Правовое положение научных обществ в Российской империи до 1917 г.	205
1.2.	Законотворчество Временного правительства: демократизация взаимоотношений научных обществ с властью	210
1.3.	Первые декреты советской власти и судьба научных обществ.	212
1.4.	Легитимация деятельности научных обществ	216
1.5.	Новое законодательство об общественных организациях	219
<i>Глава 3.</i>	Научные общества в годы кризиса: проблемы выживания и взаимодействия с советской властью.	224
1.1.	Установление властного контроля над системой научных обществ.	224
1.2.	Господдержка деятельности общественных организаций ученых	230
1.3.	Основные формы и методы деятельности научных обществ в условиях гражданского противостояния.	237
1.4.	Научные общества и переход к нэпу	243
1.5.	Динамика численности и личный состав научных обществ.	248
Заключение	(<u>Э. И. Колчинский</u>), Е. Ф. Синельникова)	257
Именной указатель.	261
Сведения об авторах.	275

TABLE OF CONTENTS

Preface (<i>E. F. Sinelnikova</i>)	9
Introduction (<i>E. I. Kolchinsky</i>)	12

Part I

GREAT RUSSIAN REVOLUTION AND ACADEMY OF SCIENCES

(*E. I. Kolchinsky*)

<i>Chapter 1.</i> The beginning of the revolution and unfulfilled hopes.	23
1.1. On the eve of revolutionary upheaval	23
1.2. Perception of the February Revolution	32
1.3. Reforms of the Academy of Sciences: projects and reality.	38
1.4. Demobilization of Natural Sciences	55
1.5. Saving Cultural Heritage	63
1.6. In search of national self-identification	70
1.7. Ahead of the Civil War	73
<i>Chapter 2.</i> The October Revolution and the Russian Academy of Sciences: between confrontation and conformism (November 1917 — January 1919).	91
2.1. Perception of the RAS of the October Revolution and attempts to confront	91
2.2. Awareness of reality and differentiation of positions.	100
2.3. Dialogue and adaptation	117
2.4. The rapid start of the institutionalization of academic science.	137
2.5. RAS participation in non-academic institutionalization science in Soviet Russia	153
2.6. Institutionalization of science in territories controlled by anti-Bolshevik governments	159
2.7. RAS and the struggle to preserve the autonomy of higher education	165
2.8. Hunger, terror and personnel changes.	175
2.9. The first results of the RAS adaptation to new conditions	183

*Part II***SCIENTIFIC SOCIETIES AND REVOLUTION***(E. F. Sinebnikova)*

<i>Chapter 1. Scientific societies in 1917.</i>	186
1.1. Scientific societies in Russia on the verge of revolution . . .	186
1.2. Perception by scientific societies of revolutionary events . .	189
1.3. Adaptation to new political conditions	193
1.4. The activities of scientific societies in the conditions of revolution	196
1.5. The results of the revolutionary year: financial difficulties and reduction in the number of scientific societies.	200
<i>Chapter 2. The legislative and regulatory framework for the relationship of power and scientific societies in the first post- revolutionary years</i>	205
2.1. The legal status of scientific societies in the Russian Empire until 1917	205
2.2. Legislation of the Provisional Government: democratization of the relations between scientific societies and the government	210
2.3. The first decrees of soviet power and the fate of scientific societies	212
2.4. The legitimization of the scientific societies activities . . .	216
2.5. New legislation on public organizations	219
<i>Chapter 3. Scientific societies during the crisis: problems of survival and interaction with the Soviet government</i>	224
3.1. The establishment of power control over the scientific societies system.	224
3.2. State support for the activities of public organizations of scientists.	230
3.3. The main forms and methods of activity of scientific societies in the context of civil confrontation	237
3.4. Scientific societies and the transition to NEP	243
3.5. The dynamic of the number and personnel of scientific societies	248
Conclusion (<u>E. I. Kolchinsky</u> , E. F. Sinebnikova).	257
Index of Names.	261
Information about Authors.	275

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга посвящена комплексному анализу процессов самоорганизации науки в условиях острого социально-политического и экономического кризиса 1917–1922 гг., требовавшего новых форм диалога и взаимодействий ученых с властью и обществом, перестройки всей системы патронажа науки со стороны властных структур, военных ведомств и промышленности. Именно в указанный период была создана модель развития отечественной науки как государственной фабрики по производству знания и создана сеть научно-исследовательских институтов, обеспечивающая функционирование и развитие науки и образования до настоящего времени. На модельных объектах — Академии наук и научных обществах — показано, как непросто выработывалась стратегия взаимоотношений научно-педагогического сообщества со сменяющимися властями и обществом с целью сохранения и умножения научного потенциала страны, как основы ее поступательного развития. Выяснение механизмов трансформации мотивации ученых и их внутренней этики, динамики кадрового состава академического и профессорско-преподавательского корпуса, бурной институционализации науки дало возможность проследить роль предшествовавшей мобилизации науки в годы Первой мировой войны в выработке нового самосознания российского научного сообщества в годы революции и Гражданской войны. Изменения, произошедшие в изучаемый период, позволили приступить к созданию государственной сети научно-исследовательских институтов, ориентировать исследования на выполнение правительственных заданий, пересмотреть соотношение фундаментального и прикладного знания в пользу последнего, усилить связь фундаментальной науки и образования, сформировать новую систему общенациональных научных обществ. В ходе исследования было выяснено, как ключевые научные институты при поддержке правительственных ведомств обеспечили

единство научно-прикладных исследований в масштабах всей страны и переход к государству главной функции в финансировании исследований, в их централизованном планировании и в внедрении системы правительственных заказов в науку.

В годы системного кризиса 1917–1922 гг. происходило становление самоидентификации научного сообщества России, связанного с перестройкой традиционной системы международных связей, личного состава научных учреждений и обществ, с внутренней и внешней миграцией ученых и признанием самодостаточности российской науки.

Работа выполнена на основе материалов из Государственного архива Российской Федерации, Архива Российской академии наук и его Санкт-Петербургского филиала, Российского государственного исторического архива, Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга и др., а также опубликованных источников, отчетов и протоколов научных учреждений и обществ, материалов периодической печати и законодательно-правовых актов изучаемого периода, воспоминаний, дневников и писем ученых.

К сожалению, книга получилась не такой, какой изначально задумывалась коллективом авторов. 24 января 2020 г. Эдуард Израилевич Колчинский ушел из жизни, не окончив работу над рукописью. Тем не менее результаты его исследования составляют основной объем настоящего издания.

В первой части книги, хронологически охватывающей период с 1917 г. до января 1919 г., дан комплексный анализ процессов самоорганизации науки в условиях ожесточенной Гражданской войны на большей части территории бывшей Российской империи, подконтрольной разным правительствам. На основе Протоколов Общего собрания РАН и годовых отчетов, правительственных постановлений 1917–1919 гг., а также других официальных источников и эгодокументов (мемуары, письма и дневники академиков) показано, что создание новых научных учреждений детерминировалось прежде всего задачами выживания ученых, стремившихся заручиться поддержкой властей и общества в условиях политической нестабильности, военных действий, репрессий, голода, эпидемий и отсутствия элементарных условий для проведения исследований и обучения.

В свою очередь правительства, как правило, были готовы оказать содействие ученым, нуждаясь в их политической поддержке, результатах их работы, а также в собственном самоутверждении. Новые учреждения создавались в основном по инициативе ученых, которые обычно использовали планы, разработанные академическим сообществом задолго до

1918 г., а также опыт организации науки, выработанный в годы Первой мировой войны.

Вторая часть книги, более скромная по объему, посвящена анализу деятельности научных обществ и взаимоотношениям со сменяющейся государственной властью в 1917–1922 гг. Характеризуются нормативно-правовые, финансовые и бытовые аспекты функционирования научных обществ в условиях острого социально-политического и экономического кризиса и гражданского противостояния. Показано, что научные общества активно шли на сотрудничество с властью, а та, в свою очередь, находила целесообразным поддерживать их деятельность, назначая им субсидии и оказывая помощь в решении хозяйственных проблем.

Выражаю благодарность С. И. Зенкевич и Ю. А. Однодворцевой за помощь в редактировании настоящей книги и А. В. Полевому за помощь с именованием указателем.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00730.

Мне посчастливилось работать над этим исследованием под руководством Эдуарда Израилевича Колчинского в течение нескольких лет. К сожалению, для него этот проект стал последним. Предлагаемое вниманию читателей издание послужит еще одним свидетельством благодарной памяти, которую оставил по себе этот неординарный человек и выдающийся ученый.

Е. Ф. Синельникова

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время стало традиционным утверждение о том, что Великая русская революция 1917 г. и Гражданская война были подготовлены прежде всего Первой мировой войной и что все эти важнейшие события начала XX в. представляют собой три этапа единого глобального процесса перехода от Российской империи к СССР, условно названного П. Холквистом «непрерывным кризисом»¹. Неизбежно возникает вопрос, насколько подобное суждение справедливо для отечественной науки. В какой-то степени ответу на него посвящена недавняя монография, в которой авторы попытались процессы мобилизации отечественной науки во время Первой мировой войны вывести из тени последующих событий и не рассматривать их лишь как прелюдию к Великой русской революции². Проведенное исследование показало, что российская наука в эти годы должна быть полноправным субъектом изучения в рамках концепции, в которой Первая мировая война рассматривается не в качестве чего-то промежуточного между Российской империей и Советской Россией, но скорее как период интенсивной мобилизации, когда в ряде воюющих государств были созданы формы власти, социального контроля и массовой культуры, характерные для тоталитарно-авторитарного

-
- ¹ Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Vol. 3. Book 1: Russia Revolution in Regional Perspective / Eds. S. Badrock, L. G. Novikova, A. B. Retish. Bloomington: Slavica Publishers, 2015. P. XII; Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Vol. 3. Book 2: The Experience of War and Revolution / Eds. A. Lindenmeyr, Cr. Read, P. Waldron. Bloomington: Slavica Publishers, 2016. P. XII–XIII; Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии / Отв. ред. Д. Б. Павлов. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 7–16.
 - ² Колчинский Э. И., Зенкевич С. И., Ермолаев А. И. и др. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны / Под. общ. ред. Э. И. Колчинского. СПб.: Нестор-История, 2018. 672 с.

управления во многих странах в период между двумя мировыми войнами и в годы холодной войны. Такая практика включала национализацию экономики, жесткий контроль над всеми сферами общества, вплоть до вторжения в частную жизнь, националистически окрашенную идеологию, массовую пропаганду в поддержку построения утопий и т. д. Все эти аспекты активно обсуждались в публикациях, связанных со столетним юбилеем Первой мировой войны.

Насколько все это сказалось на самой науке? И здесь ответ будет далеко не однозначным, так как необходимо уточнить, о какой стороне науки идет речь: о ее организации или институционализации; о системе знаний или методологии их получения; о фундаментальных или прикладных аспектах; о гуманитарных, естественнонаучных или технических отраслях знания и т. д. В свою очередь, каждый аспект дробится на многие и многие более частные вопросы, на большинство из которых до сих пор не найдены ответы. Это показала наша попытка реконструировать противоречивую картину переплетения сложных факторов и мотивов, побуждавших ученых провозглашать необходимость создавать мобилизационную науку и совершать порой удачные, но чаще всего безрезультатные усилия в этом направлении. Тем не менее в ходе формирования мобилизационной модели организации науки и связанной с ней перестройки системы взаимоотношений ученых с властью и обществом шла трансформация научных учреждений России, изменялась самоидентификация научного сообщества в связи с возрастанием его роли в обеспечении фронта и тыла сырьем и продовольствием, в разработке оружия и военных технологий, в создании новых отраслей оборонной промышленности, в охране памятников науки и культуры, в хозяйственном использовании флоры и фауны. Под влиянием войны изменялась тематика исследований, соотношения естественных и гуманитарных наук, прикладного и фундаментального знаний, утверждался образ науки как фабрики его производства, ставший основой для планов формирования сети научно-исследовательских институтов. Принципиально новыми организационными формами взаимодействия власти, военных, ученых и промышленников стали сформированные тогда Особые совещания, военно-промышленные комитеты, Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), Ученый комитет Министерства земледелия, а также научные общества при Императорской академии наук (ИАН). Они положили начало организации научно-прикладных исследований в масштабах всей страны и обозначили необходимость перехода к государству главной функции финансирования исследований, к их централизованному планированию и к внедрению системы правительственных заказов в науку.

Далеко не все отрасли научного знания были готовы ответить на эти вызовы военного времени. Многие зависело от наличия в ней лидера, со-

четающего в себе талант исследователя, признанного в своей дисциплине и в научном сообществе в целом, а также блестящие организаторские способности и навыки политика, умение договариваться с разными общественными кругами и представителями властей, предпринимателями, военными и т. д. Еще сильнее навыки политика и организатора науки были востребованы во время революции 1917 г. и особенно Гражданской войны, когда отечественная наука оказалась в сфере повышенного интереса новых властей, не скрывавших планов подчинить ее полностью и заставить работать ради построения нового государства. К тому времени академическое сообщество убедилось, что демократическое Временное правительство оказалось не способным провести требуемые реформы в сфере организации науки и высшего образования, и значительная его часть была готова принять сильную власть, которую ему навязывали как диктатуру пролетариата. В этих условиях основная цель ученых, оставшихся на территории, контролируемой большевиками, состояла в том, чтобы наладить с ними рабочие взаимоотношения, адаптируясь к принципиально новым социально-политическим реалиям.

Исследование динамики взаимоотношений ученых и власти во время Гражданской войны позволяет раскрыть механизмы преобразования отношений науки, государства и общества и мотивы поведения отдельных ученых, их групп и академической корпорации в целом. При этом временные границы самой Гражданской войны все более расширяются. Если раньше было принято ее датировать 1918–1920 гг., то позже ее стали продлевать до 1922 г., а затем включать также вооруженные столкновения летом 1917 г. и особенно в первые послеоктябрьские дни, а также последующие ожесточенные вооруженные стычки в Сибири и на Дальнем Востоке, в частности в Якутии и на Сахалине в 1923 г. По мнению С. Н. Полторака, в будущей историографии Гражданской войны ее временные границы вполне могут быть расширены до 1917–1925 гг.³ Новая власть, установленная силой Военно-революционного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября 1917 г. и удержавшаяся путем жесткого подавления сопротивления политических оппонентов, действовала в условиях глубокого политического и социально-экономического кризиса и жесткого вооруженного противостояния. Она не желала довольствоваться прежними формами организации научных исследований и стремилась к их пересмотру с целью максимальной реализации своих целей и утверждения полного доминирования. В свою

³ Полторака С. Н. Современная историография Гражданской войны в России и перспективы ее развития // Гражданская война в России: проблемы истории и историографии: сб. докл. межвуз. науч. конф., г. Санкт-Петербург. 29 ноября 2013 г. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2014. С. 29.

очередь, ученые, исходя из собственных интересов, старались не только выжить в неблагоприятных условиях, но и добиться пересмотра системы взаимоотношений с властью для реализации ранее разработанных планов, кадрового и институционального роста, сохранения и упрочения социального статуса.

Попытки достичь столь противоположных целей и задач формировали поле особого напряжения во взаимодействиях власти и научного сообщества, оказывавшегося порой буквально на грани выживания. Тем не менее во время голодного, но относительно свободного существования Гражданской войны научное сообщество убедилось, что сотрудничество с властью не только необходимо, но и полезно. Более того, научное сообщество в целом и отдельные ученые нередко задавали алгоритм общения с властью, его формы и механизмы, постоянно убеждая власть, что их деятельность крайне необходима не только ей, но и всему человечеству.

Долгое время сами исследования процессов налаживания сотрудничества академического сообщества с властью находились под сильным идеолого-политическим давлением. В трудах по истории РАН в 1917–1922 гг. обычно делался акцент на положительных эффектах ее сотрудничества с советским правительством и особенно на решающей роли В. И. Ленина в организации советской науки⁴. Были изданы сборники документов, раскрывавших важные детали этих процессов⁵. В те же годы за рубежом доминировала литература о пагубном воздействии советской власти на развитие отечественной науки в годы Гражданской войны.

Вместе с тем изначально существовала и альтернативная версия оценки происшедших тогда событий в отечественной науке. В значительной степени она основывалась на мемуарной литературе эмигрантов. С начала 1920-х гг. в научный оборот был введен большой массив дневников и воспоминаний участников тех событий. Здесь особое место занимали 22 тома «Архива русской революции» (1921–1937), изданные

4 Федюкин С. А. Советская власть и специалисты. М.: Мысль, 1965. 253 с.; Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М.: Наука, 1972. 472 с.; Кольцов А. В. Ленин и становление Академии наук как центра советской науки. Л.: Наука, 1969. 280 с.; Кольцов А. В. Становление и развитие АН СССР как высшего научного учреждения страны (1917–1932 гг.). Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л.: ЛГУ, 1975. 31 с.; Кольцов А. В. Академия наук в первое десятилетие Великого Октября // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 4. С. 3–10; Кольцов А. В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. 1917–1961 гг. / Отв. ред. Б. П. Пиотровский. Л.: Наука, 1988. 261 с.; Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. Л.: Наука, 1988. 352 с.

5 Организация науки в первые годы советской власти (1917–1925): Сб. документов. Кн. 1. Л.: Наука, 1968. 419 с.; Ленин и Академия наук: Сб. документов. Л.: Наука, 1969. 342 с.; Документы по истории Академии наук СССР. Л.: Наука, 1986. 384 с.

в Берлине И. В. Гессеном. Там же в Берлине под редакцией А. С. Яценко в 1921–1923 гг. издавался журнал «Русская книга» («Новая русская книга»), где публиковались заметки о русских ученых, в том числе и оказавшихся в регионах, контролируемых антисоветскими режимами.

В книге «Русская школа и университеты в мировой войне», изданной в 1929 г. в США Д. М. Одинцом (историком и министром великорусских дел в правительстве Украинской народной республики — УНР) и П. И. Новгородцевым (юристом и философом, профессором Московского университета, одним из главных идеологов Белого движения), а также с предисловием П. Н. Игнатьева в русской серии «Экономическая и социальная история Мировой войны» затрагивается и деятельность членов академии в российских университетах и политехнических институтах в первый год Гражданской войны⁶. Однако вышедшая в год «Великого перелома» книга эмигрантов не привлекла внимания советских историков науки и образования в силу понятных причин, а западным ученым, пытавшимся выжить в Великой депрессии, было не до прошлых событий далекой России. В итоге эта книга достаточно редко упоминается в литературе, хотя до сегодняшнего дня остается одной из наиболее удачных попыток дать коллективный образ науки и высшей школы в годы Первой мировой войны. После Второй мировой войны в США были изданы мемуары академика В. Н. Ипатьева и ректора Московского университета М. М. Новикова, подробно освещавших мотивы научной элиты страны, пошедшей на сотрудничество с советским правительством, но в конечном счете оказавшейся в эмиграции⁷. Иностраный член АН СССР знаменитый механик С. П. Тимошенко при посещении СССР в 1958 г. передал советским историкам права на издание своих мемуаров, в которых рассказал о тяжелых испытаниях отечественных ученых в Петрограде, на Украине, Северном Кавказе и в Крыму в годы Гражданской войны. Но книга тогда в СССР не вышла из-за запрета властей и впервые увидела свет за рубежом⁸.

На эту литературу и опиралась в основном формировавшаяся на Западе альтернативная история академического сообщества в годы Гражданской войны. Противоречивый путь адаптации российской науки к новым реалиям освещался в книгах американских историков науки,

6 *Odinetz D. M., Novgorodtsev P. J.* Russian Schools and Universities in the World War. New Haven: Yale University Press, 1929. 239 p.

7 *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика. Т. 1: 1867–1917. Нью-Йорк, 1945. 130 с.; *Новиков М. М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952. 320 с.

8 *Тимошенко С. П.* Воспоминания. Париж: Изд-во Санкт-Петербургских политехников, 1963. 416 с.

занимавшихся историей АН СССР и опиравшихся на новые архивные источники, а также опубликованные в СССР исследования⁹.

С середины 1970-х гг. в зарубежном альманахе «Память» под псевдонимом И. Вознесенский стал публиковаться Ф. Ф. Перченок, который обратил особое внимание на репрессивный характер взаимоотношений РАН и советского правительства в первые послереволюционные годы¹⁰. Фактически продолжением сборника «Память» стали выпуски исторического альманаха «Минувшее» (1986–1999), а также два тома «Звенья» (1991–1992), в которых были опубликованы материалы личного характера, принадлежащие ученым этого периода. Эти материалы особую популярность приобрели с началом перестройки и особенно в 1990-х гг., послужив основой формированию нового взгляда на историю взаимодействия академического сообщества и власти в разных регионах бывшей Российской империи.

К. Бэйлс на примере В. И. Вернадского и его школы показал, как устанавливался технократический симбиоз ведущих естествоиспытателей и советских руководителей в годы революции и Гражданской войны¹¹. Изданные на Украине дневники В. И. Вернадского раскрыли сложную эволюцию отношений этого крупнейшего ученого к различным противостоящим режимам и сообщили много ценных сведений об участии членов РАН в организации научных учреждений в регионах, контролируемых несоветскими правительствами¹². Дневниковые записи В. И. Вернадского уникальны и масштабом описываемых событий: покинув Петроград в ноябре 1917 г. и проведя большую часть в различных регионах юга России, он продолжал играть важную роль в организации науки на территориях, не подвластных большевикам, сотрудничал с сотнями крупных ученых и высшими представителями различных правительств.

⁹ *Vucinich A. The Soviet Academy of Sciences. Stanford, Stanford University Press, 1956. 157 p.; Vucinich A. Empire of Knowledge. The Academy of Science of USSR (1917–1970). Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1984. 484 p.; Graham L. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party: 1927–1932. New York; Princeton: Princeton University Press, 1967. 255 p.*

¹⁰ *Вознесенский И. (Перченок Ф. Ф.) Имена и судьбы (Над юбилейным списком Академии наук) // Память. Исторический сборник. Вып. 1. New York: Chalidze Publ., 1978. С. 353–410; Вознесенский И. (Перченок Ф. Ф.). Материалы к истории Академии наук // Память. Исторический сборник. Вып. 4. М., 1979; Париж, 1981. С. 469–495.*

¹¹ *Bailes K. Sciences and Russian Culture in an Age of Revolutions. V. I. Vernadsky and His Scientific School, 1863–1945. Bloomington: Indiana University Press, 1990. 238 p.*

¹² *Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Ч. 1. Октябрь 1917 — январь 1920 / Сост. М. Ю. Сорокина, С. Н. Киржаев, А. В. Мемелов, В. С. Неаполитанская. Киев: Наукова думка, 1994. 271 с.; Ч. 2. Январь 1920 — март 1921 / Сост. и авт. комм. М. Ю. Сорокина. Киев: Наукова думка, 1997. 348 с.; Вернадский В. И. Дневники 1921–1925 / Отв. ред., сост. В. П. Волков. М.: Наука, 1998. 215 с.*

Особое значение имел выход в свет дневников будущего директора Архива АН СССР Г. А. Князева, который с наблюдательностью и точностью историка запечатлел не только канву происходящих трагических событий, но и дал блестящий социально-политический портрет всего академического сообщества Петрограда в целом¹³. О том, как выживала РАН в голодном Петрограде, и ее контактах с новой властью говорится и в воспоминаниях вице-президента РАН В. А. Стеклова, опубликованных в начале 1990-х гг.¹⁴ В 1988 г. в США был опубликован московский дневник будущего академика АН СССР Ю. В. Готье, который, осознавая роковой характер разворачивавшихся вокруг него событий и профессиональную ответственность историка, вел записи до середины 1922 г., а затем передал их американскому историку и архивисту Ф. Гольдбергу¹⁵. Позднее эта книга была издана в России, став часто используемым источником при описании восприятия Гражданской войны научной элитой¹⁶. В ней дана яркая и необычная жизнь ученых Москвы в послереволюционные годы, в эпоху утверждения советской власти и военного коммунизма.

Эпистолярное наследие академиков В. М. Истрина, В. Н. Перетца, Е. Ф. Карского, Н. П. Кондакова, А. А. Маркова, К. А. Поссе, А. И. Соболевского, Е. В. Тарле, А. А. Шахматова и членов-корреспондентов К. Я. Грота, П. А. Лаврова, Н. П. Лихачева, Б. М. Ляпунова, Н. К. Никольского, М. Н. Сперанского, А. И. Томсона, В. А. Францева, К. В. Харламповича и др. позволило лучше представить морально-психологическое состояние академической элиты в годы Гражданской войны. По их письмам можно судить о ее реакции на требования властей безусловной политической лояльности и административного подчинения, о степени ее готовности к сопротивлению, компромиссу и конформизму, о ее приверженности академическим традициям¹⁷. На передний план выдвигались репрессии против ученых, их страдания: болезни, голод и трудности при

13 Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. // Русское прошлое: Историко-документальный альманах. Кн. 2. СПб.: Свелен, 1991. С. 97–199; Кн. 4. СПб.: Logos, 1993. С. 35–149; Кн. 5. СПб.: Logos, 1994. С. 148–242.

14 Стеков В. А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания / Отв. ред. В. С. Владимиров. Сост. и авт. коммент. Е. П. Ожигова и В. С. Соболев. Л.: Наука, 1991. 375 с.

15 Time of Troubles: the Diary of Iurii Vladimirovich Got'e: Moscow, July 8, 1917 to July 23, 1922 / Transl., ed. T. Emmons. Princeton Princeton univ. Press, 1988. 513 p.

16 Готье Ю. В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. 589 с.

17 Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. 432 с.; Алексей Александрович Шахматов. Избранная переписка: В 3 т. Т. 1. Переписка с Ф. Ф. Фортунаговым, В. Н. Перетцем, В. М. Истриным / Авт.-сост. В. Г. Вовина-Лебедева, Е. Н. Груздева, А. Е. Жуков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 943 с.

продолжении научных исследований. Содержащиеся в них материалы и оценки до начала 2000-х гг. в какой-то степени предопределили подход к истории академического сообщества как некоей структуры, изначально враждебной советской власти, находящейся с ней в жестком внутреннем противостоянии и озабоченной только стремлением как-то пережить тяжелые времена. Фактически это был взгляд, прямо противоположный ранее доминирующей в отечественной историографии концепции бережного отношения вождей Октябрьской революции к научной элите страны.

На протяжении многих десятилетий замалчивался вопрос о том, как академические ученые способствовали выживанию науки в условиях многократных смен режимов в южных и восточных регионах, контролируемых на протяжении длительных периодов Гражданской войны несоветскими правительствами и оккупационными войсками. Более того, эта тема старательно обходилась при написании биографий многих крупных ученых, действовавших в таких условиях. Только недавно эта тема стала предметом специальных исследований¹⁸. В посмертно изданной статье С. А. Федюкина была показана роль научной интеллигенции в идеологическом обосновании Белого движения и политическом течении несоветской России¹⁹. В ней ставилась задача изучения научной интеллигенции по ту сторону фронта на территориях, составлявших в первые годы Гражданской войны большую часть страны. В статье были названы фамилии ученых, работавших в белогвардейских структурах, а также тех, кто не занимался активной политической деятельностью, а полностью сосредоточился на науке и образовании. Как отметила О. М. Морозова, среди типажей выживания в Гражданскую войну особое место занимает «человек с книгой и пером»²⁰. Для представителей этой категории «искусство, наука и образование стали нишей, в которой они желали бы пережить это время. Выдавливаемые с севера войной и голодом, они сбивались в школы, университеты, театральные группы, литературные кружки на более сытом юге и так сохраняли себя и свою душу»²¹. По существу, это стало возвратом к теме, поднятой еще в годы Гражданской войны.

Одним из первых к ней обратился академик А. Е. Ферсман, который описал деятельность основных научных учреждений на Украине в

18 *Еремеева А. Н.* «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Издатель И. Платов, 2017. 208 с.

19 *Федюкин С. А.* Интеллигенция и Белое движение // Советская культура: 70 лет развития. М.: Наука, 1987. С. 105–118.

20 *Морозова О. М.* Цари, казаки, красные командиры... Семь очерков в жанре историко-психологического портрета. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2010. С. 131.

21 Там же.

1917–1918 гг. и участие в ней членов РАН²². В начале 1920-х гг. в журналах «Природа», «Наука и ее работники», «Книга и революция» публиковались короткие заметки о науке в российских регионах, в том числе и о причастности к научным событиям академических сотрудников. Д. М. Павлов, описывая научную жизнь Северного Кавказа, проанализировал и факторы, способствующие бурной институционализации науки и образования в регионах во время их оторванности от Центральной России, в том числе «похвальную отзывчивость» властей (советской, казачьей, добровольческой) на стремление молодежи к знаниям и на планы создания новых «очагов науки» и образования²³. Необыкновенную интенсивность научной деятельности в Крыму и ее подлинный расцвет в первые послереволюционные годы описал В. И. Вернадский²⁴, а в другой статье было рассказано о деятельности в Крыму КЕПС, поддержанной правительством П. Н. Врангеля²⁵.

Оказавшись в Германии после Второй мировой войны, Н. Д. Полонская-Василенко — вдова бывшего министра образования в правительстве П. П. Скоропадского — опубликовала двухтомную историю Украинской академии наук, подробно исследовав причины ее создания и функционирования в условиях многократной смены власти²⁶. Автор подчеркивает, что изначально целью ее создателей было развитие независимой украинской науки.

За последнюю четверть века не раз предпринимались попытки выйти за рамки этой дилеммы: были ли Революция и Гражданская война стимулом для развития Академии наук или же абсолютным злом для нее. Происходившие события рассматривались как поиск академическим сообществом общего языка с меняющимися правительствами. Попытка такого комплексного анализа впервые была предпринята в начале 2000-х гг. в ряде коллективных монографий²⁷. Такой подход представлялся актуальным в свете «реформирования» фундаментальной науки в современной России. Общий очерк истории Академии наук в эти годы дан в предисловии к четвертому тому «Летописи Российской академии

22 Ферман А. Е. Из научной деятельности на Украине // Природа. 1919. № 4–6. С. 265–272.

23 Павлов Д. М. На северном Кавказе // Наука и ее работники. 1921. № 1. С. 28–29.

24 Вернадский В. И. О научной работе в Крыму в 1917–1921 гг. // Наука и ее работники. 1921. № 4. С. 3–12.

25 В. О. КЕПС Крыма // Природа. 1921. № 4–6. С. 86–87.

26 Полонская-Василенко Н. Д. Українська Академія Наук; нарис історії. Частина 1 (1918–1930). Мюнхен: Інститут вивчення СРСР, 1955. 148 с.

27 Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 357–449; Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX веках / Ред.-сост. Э. И. Колчинский, Э. А. Тропп; отв. ред. Ж. И. Алфёров. СПб.: Наука, 2003. 1040 с.

наук», в которой на основе протоколов Общего собрания (ОС) и отделений ИАН/РАН, различных периодических изданий и современной исторической литературы воссоздана повседневная научная и научно-организационная деятельность академического сообщества и сложные пути обретения им новой идентификации в меняющихся социально-политических и экономических условиях²⁸. Эти проблемы анализировались впоследствии в ряде статей и монографий²⁹. Важные сведения о путях трансформации Академии наук в этот период содержатся в опубликованных за последние два десятилетия биографиях ее руководителей, их воспоминаниях и эпистолярном наследии. Помимо уже названных выше дневников и воспоминаний можно упомянуть еще некоторые монографии, посвященные ученым³⁰.

Остается неясным: что подобное «реформирование» тогда значило для самой РАН? Было ли это началом усмирения фрондирующей научной элиты или стартом ее симбиоза с властью? Если верно первое, то почему ученые смогли начать реализовывать свои давние планы о создании сети институтов? Если это было начало симбиоза, то насколько соизмерима выгода от него для РАН в свете раскола среди академиков, ухудшения условий исследований и быта, начинавшихся репрессий, преждевременной смерти многих ученых или их эмиграции? Складывалось ли из этого сотрудничества нечто целостное и гармоничное, или оно скорее напоминало химеру, в которой немислимая без свободы поиска наука была втиснута в рамки жесткого контроля в результате попыток объединить привыкшее к демократии научное сообщество и жестко дисциплинированную власть? Наконец, была ли уже тогда пройдена граница между административным управлением наукой и навязыванием ей идеологием для тотального контроля?

Поиск ответов на эти вопросы и составляет задачу предлагаемого исследования. В ходе его мы постараемся проанализировать механизм

28 Колчинский Э. И. Предисловие // Летопись Российской Академии наук. Т. IV: 1901–1934 / Отв. ред. Э. И. Колчинский, Г. И. Смагина. СПб.: Наука, 2007. С. 14–32. (Далее: Летопись РАН). Там на страницах день за днем рассмотрена деятельность РАН на протяжении всей Гражданской войны.

29 Соболев В. С. Нести священное бремя прошедшего: Российская академия наук. Национальное и культурное наследие. 1880–1930 гг. СПб.: Нестор-История, 2012. 378 с.

30 Манойленко К. В. Иван Парфеньевич Бородин. СПб.: Наука, 2005. 280 с.; Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб.: Феникс, 2006. 248 с.; Каганович Б. С. Евгений Викторович Тарле. Историк и время. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2014. 357 с.; Ученый в эпоху перемен: Н. И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / Авт.-сост. Е. А. Долгова. М.: РОССПЭН, 2015. 512 с.; Манойленко К. В. Андрей Сергеевич Фаминцын / Отв. ред. Э. И. Колчинский. СПб.: Нестор-История, 2016. 283 с.; и др.

не только выживания, но и бурной институционализации академической науки во время ожесточенной Гражданской войны, начало которой далее датируется событиями 25 октября 1917 г., положившими начало вооруженной борьбе сначала в столицах, а затем и по всей стране, а завершение — концом 1922 г., ознаменованным созданием СССР³¹.

Гражданская война стала заключительным периодом единого глобального процесса коренного переустройства Российского государства, начавшегося со вступлением Российской империи в августе 1914 г. в Первую мировую войну и завершившегося созданием СССР. Она сыграла решающую роль в преобразовании имперской науки в советскую.

31 *Петров Ю. А. К читателю // Россия в годы Гражданской войны... С. 15.*

ЧАСТЬ I

ВЕЛИКАЯ РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И АКАДЕМИЯ НАУК

ГЛАВА I

Начало революции и несбывшиеся надежды

1.1. НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТряСЕНИЙ

Первая мировая война неуклонно разрушала материально-финансовую базу научных исследований и высшего образования. Это касалось прежде всего учреждений, оказавшихся в зоне боевых действий. Надолго была парализована деятельность вузов Варшавы, Киева, Новой Александрии, Прибалтики. В тыловых вузах большинство помещений было занято мобилизационными пунктами, военными и ведомственными складами, лазаретами. Храмы науки и просвещения превращались в военные бивуаки, где студентов обучали оказывать первую медицинскую помощь, чинить оружие, телефонные аппараты и автомобили, устраивать обозы, бельевые части и полевые кухни.

Инфляция быстро съедала и выделяемые ассигнования ИАН. Многие научные проекты были свернуты. Не было средств на экспедиции, на закупку оборудования и книг, охрану культурных и научных памятников. Несмотря на попытки наладить сотрудничество со странами Антанты, изоляция от мирового научного сообщества усиливалась, а с учеными центральных стран ее вообще не было с августа 1914 г. Непрерывные поражения русской армии усиливали оппозиционные настроения среди академиков, чьи сыновья гибли на фронтах, защищая чуждое правительство. Из-за инфляции ухудшалось и материальное положение. Начинались трудности со снабжением продовольствием, топливом и т. д. Требовалась своего рода ремобилизация всех сфер жизни, которая в России была затруднена из-за отсутствия отлаженных механизмов взаимодействия правительства и разных слоев общества, а также практики их диалога с властью¹. Отсутствовали они и в сфере науки, хотя ученых часто привлекали на посты министров, товарищей министров, попечителей учебных округов, руководителей департаментов, комитетов, в Госсовете и в Госдуме². Например, в годы Первой мировой войны протозоолог В. Т. Шевяков был товарищем министра народного просвещения; академик А. Н. Крылов — председателем Морского технического комитета и главным инспектором судостроения и начальником Главного военно-метеорологического управления, вместо скончавшегося в 1916 г. академика Б. Б. Голицына, который одновременно был управляющим Экспедицией заготовления государственных бумаг и председателем Ученого комитета Главного управления землеустройства и земледелия; В. Н. Ипатьев — председателем Химического комитета при Главном артиллерийском управлении (ГАУ); профессор К. И. Богданович — директором Геологического комитета; профессор ботаники П. А. Костычев — директором Департамента земледелия. Выдающиеся ученые занимали важные посты в последнем царском правительстве. Так, например, министром путей сообщения был прекрасный инженер Э. Б. Кригер-Войновский, министром народного просвещения — профессор, великолепный эмбриолог и гистолог Н. К. Кульчицкий, министром иностранных дел — крупный экономист Н. Н. Покровский и т. д. Накануне революции 1917 г. доля академиков, профессоров, деканов и ректоров среди чинов третьего класса составляла 10%. Включаясь в высшие слои государственной бюрократии, ученые неизбежно сотрудничали с царским правительством в решении важнейших экономических и оборонных вопросов. За-

1 Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Ред. Л. С. Белоусов, А. С. Манькин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 378–381.

2 Левин А. Наука в России на пути к формированию гражданского общества // Фило-софские исследования. 1993. № 4. С. 451–460.

нимая посты в структуре государственного управления, они неизбежно действовали как служащие, что было для них вполне привычно, так как, будучи академиками и профессорами, они всегда находились именно на государственной службе, на что им не раз указывало МНП в конфликтных ситуациях. В то же время пребывание ученых на высоких государственных должностях создавало для академическо-профессорской корпорации возможность неформально воздействовать на правительство при создании организационных структур, готовых интегрировать как усилия власти, так и ученых для решения важных для страны задач. Но правительство не забывало об оппозиционной настроенности профессорско-преподавательского корпуса и академического сообщества. Оно по-прежнему легко находило десятки миллионов рублей на запросы военных ведомств, но из-за недостатка средств отказывало научным учреждениям и вузам в тысячах не только на новые проекты, но порой и на самые неотложные нужды.

Это выталкивало часть научного сообщества в оппозицию. В законодательных органах власти ученых призывали к освобождению от недемократического правительства и к прекращению работы на войну, стихией которой якобы является «ложь», в то время как наука неотделима от «истины»³. Неуступчивость правительства по отношению к либералам, возрастающая нетерпимость к любым реформам и усиление влияния на царскую политику Григория Распутина заставили ученых-либералов в законодательных органах власти забыть о «внутреннем мире» и объединиться с другими центристскими оппозиционными группами в Госдуме и в Госсовете в так называемый Прогрессивный блок. Оценивая ситуацию летом 1915 г., академик В. А. Стеклов был возмущен ничтожностью всех политических деятелей, за разговорами и поступками которых «прячутся обман, предательство и разбой, либо невежество и тугодумие», в результате чего мы «несемса в пропасть, к явной гибели»⁴. Разъедавшие страну коррупция и спекуляция, паралич власти, интриги германофильских кругов вызывали негодование среди ученых, которые не были едины. Часть профессорско-академического корпуса ориентировалась на правые партии, требовавшие борьбы с инфляцией и дороговизной путем обуздания спекулятивного капитала, национализации промышленных и финансовых сфер; увеличения заработной платы рабочим и служащим; ограничения свободы слова и деятельности либеральных и социалистических партий; укрепления государственной

³ Кризис самодержавия в России. 1895–1917 / Отв. ред. В. С. Дякин. Л.: Наука, 1984. С. 563–564.

⁴ Стеклов В. А. Переписка с отечественными математиками. Воспоминания / Сост. Е. П. Ожигова. СПб.: Наука, 1991. С. 229.

власти во всех сферах жизни вплоть до установления жесткой диктатуры⁵. Однако программные заявления, базировавшиеся на радикальном национализме, шовинизме и антисемитизме, не находили широкой поддержки в академических кругах и профессорско-преподавательском корпусе, хотя некоторые из правых имели научные публикации, и даже звания и степени (А. А. Бобринский, Т. И. Буткевич, В. И. Герье, Н. А. Гредескул, А. Н. Деревицкий, Д. И. Иловайский, С. В. Левашев, С. М. Лукьянов, Б. Ф. Никольский, И. А. Сикорский, А. И. Соболевский и др.). За исключением А. А. Бобринского, С. В. Левашева и И. А. Сикорского, они не имели высокой профессиональной репутации и не могли существенно влиять на настроение научного сообщества.

Напрасно президент Императорского археографического общества и бывший председатель Вольного экономического общества (ВЭО) граф А. А. Бобринский в Госсовете призывал отложить до победы пререкания и междоусобицу партий, перестать упрекать правительство за прошлые ошибки и «домогаться новых прав или изменения существующего внутреннего положения»⁶. Ему вторил в Госдуме бывший ректор Новороссийского университета профессор медицины С. В. Левашев, подчеркивая «необходимость самого тесного сплочения и самого крайнего напряжения наших сил для того, чтобы дать отпор дерзкому врагу»⁷.

В российских университетах, по точному замечанию активного участника революционных событий в феврале 1917 г. М. И. Воронкова, причудливым образом уживались настроения «нежных гимнов родине и проклятий войне»⁸. В условиях третьего года войны, требовавшей мобилизации всех ресурсов страны, научные учреждения и университеты продолжали придерживаться размеренного распорядка академической жизни, в какой-то мере даже более спокойного и автономного, чем в эпоху противостояния с МНП, возглавляемого Л. А. Кассо. Власть, несмотря на критику со стороны части научного сообщества, продолжала выделять дополнительные субсидии на научные проекты, важные для обороны. Поэтому научное сословие достаточно уверенно смотрело на надвигавшиеся перемены.

Ведущую роль в стане оппозиции играли кадеты, среди которых было много академиков, профессоров и преподавателей высшей школы.

5 Первая мировая война в оценке современников. Т. 2. Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / Отв. ред. А. В. Репников. М.: РОССПЭН, 2014. С. 22–27.

6 Государственный совет. Стенографические отчеты 1916 г. Сессия тринадцатая. Заседание первое. СПб.: Гос. тип., 1916. Стб. 51.

7 Государственная дума. Созыв IV. Сессия VI. Заседание 18. Стб. 1260.

8 *Воронков М. И. Из жизни дореволюционного студенчества*. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1947. С. 32.

Депутаты от Академической курии составляли ядро левой оппозиции и в Госсовете. Участвуя в обсуждении тех или иных вопросов, академики (В. И. Вернадский, М. А. Дьяконов, М. М. Ковалевский, С. Ф. Ольденбург) и их университетские коллеги (Д. И. Багалея, А. В. Васильев, Д. Д. Гримм, И. Х. Озеров) нередко склоняли большинство Государственного совета в свою пользу, реализуя через дискуссии и аргументы свои цели и программы⁹.

Важно подчеркнуть, что все они придерживались либеральных взглядов, а пятеро из шести членов Государственного совета, избранных от Академической группы, накануне Февральской революции были членами ЦК партии кадетов¹⁰. Совсем иное распределение было среди остальных ученых, попавших в Государственный совет по назначению или избранных от других групп: Т. И. Буткевич, А. Н. Деревицкий, Н. А. Зверев, С. М. Лукьянов, академик А. И. Соболевский и др., за исключением почетных академиков Н. С. Таганцева и А. Ф. Кони, придерживавшихся центристских взглядов, и октябриста, члена-корреспондента В. И. Герье, были сторонниками крайне правых партий, а многие были их идеологами и лидерами. Все это говорит о том, что профессорско-преподавательский корпус, да и ИАН в начале 1917 г. не были политически однородны¹¹.

Тем не менее от Академической курии традиционно выбирали либеральных академиков и профессоров столичных вузов, что объясняется как их высоким профессиональным авторитетом, так и усилившейся независимостью академического сообщества и профессорско-преподавательского корпуса, уделявшего все больше внимания критике правительства и поиску внутренних врагов. На смену критике Германии шла резкая критика правительства, не способного создать великое государство и осуществить многовековую национальную мечту об освобождении Константинополя от турецкого владычества¹². Ученым, как и ближайшему окружению императора и его генералам, было ясно, что монархия является главным препятствием для успешного продолжения войны. Здесь крылось непонимание академиками и профессорско-преподавательским корпусом позиции масс, которые к тому времени были сильно заражены радикализмом и пацифизмом¹³.

⁹ Арчegov С. Б. Академическая группа Государственного Совета (1906–1917 гг.): историко-правовое исследование. Дис. ... канд. юр. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 15.

¹⁰ Там же. С. 240–242.

¹¹ Там же. С. 250–253.

¹² Устрялов Н. В. К вопросу о русском милитаризме // Проблемы Великой России. 1916. № 15. 15 (28) октября. С. 1.

¹³ Лейберов И. П. Патриотические настроения, их проявление и участие в годы Первой мировой войны // Проблемы социально-экономической и политической

Возникали и новые поводы для недовольства правительством. Одним из них стал введенный Советом министров с 1 января 1917 г. запрет на посылку всяких печатных изданий за границу, в том в числе в страны союзников — Англию, Италию, Францию и Японию. Тем самым ученые союзных и нейтральных стран как бы приравнялись к ученым центральных держав. И хотя оставался официальный путь отсылки научных трудов, было ясно, что усиление контроля и цензуры в почтовых отправлениях не только затруднит обмен научной информацией между учеными России и их иностранными коллегами из дружественных стран, нарушив имеющиеся международные контакты, но и приведет к усилению изоляции отечественной науки. Этот вопрос был поднят на ОС ИАН 14 января 1917 г. В. И. Вернадским. Он предложил предупредить правительство о «гибельных последствиях принятой меры для научного общения с союзными и нейтральными странами», так как она «только усиливает нашу зависимость от германского научного посредничества и влияния»¹⁴. В связи с этим было решено обсудить этот вопрос в возглавляемой А. П. Карпинским Комиссии по вопросу об установлении более тесных научных связей с союзниками.

В то время академический корпус еще не сомневался в благоприятном исходе войны и считал необходимым начать изучение ее воздействия на национальный состав областей по обе стороны российской границы, как в Азии, так и в Европе. Как сообщил 4 февраля 1917 г. на ОС С. Ф. Ольденбург, правительство, в первую очередь МИД, заинтересовано в этнографическом обследовании этих территорий Академией наук. Академики озаботились тем, что власть «черпает свои сведения часто из ненадежных источников», и вняли советам докладчика «не ждать призыва, который может и не последовать, а пойти самим навстречу необходимости организовывать научные силы страны» на изучение племенного состава тех областей России, которые «соприкасаются с землями наших противников»¹⁵. Исследование предлагалось вести как по уже имевшимся данным, так и с экспедиционными поездками. Патриотический порыв

истории России XIX–XX веков: Сб. статей памяти В. С. Дякина и Ю. Б. Соловьева. СПб.: СПбИИ, 1999. С. 19–31; Лимонов Ю. А. Первая мировая война и ментальность петербуржца // Первая мировая война. История и психология. Материалы Российской научной конференции. 29–30 ноября 1999 г., г. Санкт-Петербург. СПб.: Нестор, 1999. С. 48; Ростовцев Е. А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России. 1884–1917. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 312–314.

14 Протоколы заседаний Общего собрания Императорской Академии наук 1917 (далее — ОС ИАН 1917). С приложением перечня заседаний и алфавитного указателя. 316 с. (печатано как рукопись) (Сектор Библиотеки Российской академии наук при СПбФ ИИЕТ.) С. 12–13. § 37.

15 Там же. С. 48. § 64.

ученых подкрепляла уверенность их неперменного секретаря в том, что правительство обязательно даст средства на «эту необходимую в настоящее время работу»¹⁶. Под его председательством была создана Особая комиссия для исследования племенного состава областей, прилегающих к границам России (КИПС), в которую вошли также А. А. Шахматов, М. А. Дьяконов, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, В. Н. Перетц, Е. Ф. Карский. Ольденбург убеждал коллег в ее необходимости и для обороны страны: «В настоящее время все яснее и яснее обрисовывается необходимость стать во всеоружии науки на страже интересов нашей родины и в смысле правильного учета последствий войны»¹⁷. Это была четкая заявка на особую роль науки в определении устройства послевоенного мира. За несколько дней до Февральской революции, 21 февраля 1917 г. С. Ф. Ольденбург писал главе МИД Н. Н. Покровскому, что КИПС в течение шести месяцев сможет подготовить этнографические карты Литвы, Польши, Галиции, Буковины, а также Азербайджана и Северной Персии¹⁸.

За две недели до начала Февральской революции А. Е. Ферсман докладывал Общему собранию КЕПС о предстоящих планах организации экспедиций для изучения производительных сил на территориях Турции и Персии, пограничных с Россией¹⁹. Важность таких исследований обосновывалась общим направлением ближневосточной политики России, а также поиском полезных ископаемых, необходимых для нужд обороны (медь, алюминий, серный колчедан, сера, мышьяк, бура). Просьба КЕПС о выделении 160 тыс. рублей для проведения подобных исследований была поддержана МИД и МНП. Была начата детальная проработка плана и подбор исполнителей. Но события Февраля, а затем продолжительная болезнь А. Е. Ферсмана остановили налаженную работу.

Об умонастроениях академического сообщества свидетельствует записка академика А. А. Шахматова в связи с докладом на ОС председателя Постоянной библиотечной комиссии М. А. Дьяконова о «возможных улучшениях в постановке библиотечного дела»²⁰. Если Комиссия ограничилась предложениями о незначительных изменениях в информации

16 Протоколы ОС ИАН. 1917. С. 48. § 64.

17 Там же.

18 Отчет о деятельности Российской Академии наук по отделениям Физико-математических наук и исторических наук и филологии за 1917 год, составленный неперменным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1917 г. (далее — Отчет о деятельности РАН. 1917). Пг.: Тип. РАН, 1917. С. 312.

19 Ферсман А. Е. О необходимости обследования естественных производительных сил пограничных с Россией областей Малой Азии и Персии (Доклад Общему собранию Комиссии. 11 февраля 1917 г.). Пг.: КЕПС, 1917.

20 Протоколы ОС ИАН. 1917. С. 13–14. § 38.

о получаемых по обмену периодических изданиях, то Шахматов ставил вопрос о реорганизации управления Библиотекой. По его мнению, Библиотеку должен возглавлять не чиновник, не библиограф и даже не профессор, а академик, так как «нахождение во главе Библиотеки лица без известного общественного и научного ценза может быть для Библиотеки вредным, а такому цензу удовлетворяют прежде всего академики»²¹. К тому же именно академик-директор будет способствовать наибольшему сближению интересов ОС и Библиотеки, а также большей ее независимости от власти²². Академиков беспокоило, что из-за дороговизны рабочих рук и материалов сокращается издательская деятельность академической типографии. Буквально за десять дней до начала революционных событий в столице они решили ходатайствовать о дополнительных ассигнованиях.

Эти просьбы возникали на фоне все увеличивавшегося числа и непрерывного роста объемов периодических изданий как самой Академии наук, так и научных обществ и университетов по всей стране, учреждавших все новые и новые периодические издания в условиях растущего спроса на научную и научно-педагогическую литературу. Несмотря на трудности военного времени, только ИАН выпустила свыше 1200 печатных книг и журналов, а продажа и рассылка академических изданий превысила нормы прежних лет, хотя объемы заграничных продаж и рассылок уменьшились в десятки раз²³.

Правительство шло навстречу проектам институционализации науки и накануне революции. Об этом подробно говорилось в годичном отчете С. Ф. Ольденбурга в публичном заседании ИАН 29 декабря 1916 г. Свой доклад он начал с пафосного заявления, что война «уносит жертвы не только на поле битвы», но также требуется напряжение, «проникающее жизнь каждого работника, у какого бы дела он ни стоял»²⁴. На 445 страницах подробно было рассказано об интенсивной работе в военные годы, когда самой академией или ее членами были созданы Химический комитет, Военно-химический комитет, лазареты, эвакуационные госпитали, КЕПС, КИПС, Палестинская комиссия, Постоянная полярная комиссия, Комиссия по изучению Байкала, десятки опытных заводов и

21 Протоколы заседаний ОС АН. 1917. Приложение II к протоколу I заседания ОС ИАН. 14 января 1917 г. (к § 38). С. 27.

22 Там же. С. 24–29.

23 Отчет о деятельности Российской Академии наук по Отделению физико-математических наук и Отделению исторических наук и филологии за 1916 год, составленный Непременным секретарем академиком С. Ф. Ольденбургом и читанный в публичном заседании 29 декабря 1916 г. (Отчет о деятельности ИАН. 2016.). Пг.: Тип. ИАН, 1916. С. 15.

24 Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 5.

мастерских, достаточно успешно решавших задачи мобилизационной науки, а также целые отрасли промышленности. Властные структуры, армия, флот и разные слои общества в целом с уважением относились к планам ученых. По восходящей шло финансирование работы КЕПС и ее изданий. Положительно был воспринят проект учреждения Кавказского историко-археологического института, поддержанный наместником на Кавказе вел. кн. Николаем Николаевичем и министром народного просвещения гр. П. Н. Игнатьевым. МНП обещало также финансировать исследования в рамках будущего Ломоносовского института.

10 января 1917 г. на совместном заседании КЕПС и Военно-химического комитета при Отделении химии РФХО на основе доклада В. И. Вернадского о государственной сети научно-исследовательских институтов и доклада Н. С. Курнакова об организации Физико-химического института рассматривались также проекты создания институтов: платины, золота и других благородных металлов (Л. А. Чугаев), общей и прикладной химии (А. П. Поспелов), для исследования эфирных масел и лекарственных растений (А. Е. Фаворский), а также Центральной испытательной станции по огнеупорным и глиняным материалам (А. Е. Ферсман)²⁵. Для создания Глиняно-керамического института была создана подкомиссия, в состав которой вошли В. И. Вернадский, Н. С. Курнаков, П. А. Землячский. Так план институционализации науки стал воплощаться в жизнь.

Взгляды многих академиков хорошо вписывались в социокультурные парадигмы начала XX в., утопическая вера в возможность науки решать глобальные проблемы сочеталась с ожиданием рациональных революционных преобразований под руководством ученых. У них природное честолюбие сочеталось с претензиями на политическую власть и выполнение неких «морально-пасторских» обязательств²⁶. Не столько проблемы организации и финансирования ИАН, сколько претензии части академиков на политическое влияние и определение векторов развития общества лежали в основе их противостояния власти, ведущего их в лагерь либеральной оппозиции и даже к поддержке радикального студенчества в Императорском Петроградском университете (ИПГУ). В то же время они не представляли себе развитие науки без государственной поддержки. В условиях нарастающих трудностей войны и недовольства правительством все большее число академиков будущее развитие нау-

25 Отчет о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России (далее КЕПС), состоящей при Российской Академии наук. Пг.: Тип. ИАН, 1918. № 8. С. 156–196.

26 Сидорчук И. В. Н. Я. Марр и государственная культурная политика 1917–1930 гг. // Вест. СПбГУ. Сер. 2. 2011. Вып. 4. С. 88.

ки связывали с заменой царского режима конституционной монархией. Послевоенное устройство им грезилось как союз европейских стран, базировавшийся на всеобщем разоружении и высоких этических нормах. Экономическое и правовое устройство России должно было обеспечиваться всесторонним использованием научного знания.

Для академического сообщества победа была связана с таким возрождением России, «в котором науке будет принадлежать почетное место», и многие, наподобие Непременного секретаря ИАН, искренне верили, «что русские ученые своей неустанной творческой работой смогут завоевать русской науке право на это почетное место»²⁷. С этими наивными буржуазно-демократическими мечтаниями либералы-ученые вошли в эпоху крупных социально-экономических потрясений, поставивших под сомнение само существование России и ее науки.

1.2. ВОСПРИЯТИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Вопреки доминирующему мнению, далеко не все академики с ликованием встретили весть о падении царизма. Многие из них были согласны с Нобелевским лауреатом И. П. Павловым, который считал преступлением насильственное свержение власти во время «тяжкой войны» и, по воспоминаниям его жены С. В. Павловой, всегда резко прерывал разговоры на эти темы: «Ведь это к добру не приведет! Нет, никогда я не приму участие в гибели Родины! <...> При истощенном государстве, при незаконченной тяжелой войне, что можете вы создать новое? Дай бог все успокоить и привести к благополучному концу!»²⁸ Ему вторил лидер российских ботаников И. П. Бородин. В те дни он писал дочери в Париж: «Время очень тревожное... Что будет? Поживем — увидим, но на душе не весело»²⁹. И они не ошиблись, революция обернулась не такой, какой ожидали ее либералы, жаждавшие увидеть прекрасную даму в белоснежных одеждах и с ужасом взиравшие на безликую толпу «с широко раскрывавшимися ртами», склонную к пьянству, грабежам и насилию и явно занимавшую позицию «левее здравого смысла»³⁰. Так описал впе-

27 Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 5.

28 Павлова С. В. Из воспоминаний // И. П. Павлов — первый Нобелевский лауреат России. Т. 2. Павлов без ретуши. Мемуары С. В. Павловой, А. Ф. Павлова, М. К. Петровой / Сост. и авт. комм. А. Д. Ноздрачев, Е. Л. Поляков, Э. А. Космачевская, Л. И. Громова, К. Н. Зеленин. СПб.: Гуманистика, 2004. С. 255.

29 Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 125. Оп. 1. Д. 71. Л. 19.

30 Интуитивное предвидение Егора Ивановича Орлова (Накануне и в первый год после Великой Октябрьской) [фрагменты дневников акад. Е. И. Орлова] // Природа. 1994. № 2. С. 92–105.

чтение о Февральской революции известный химик-технолог, будущий академик АН УССР Е. И. Орлов.

ИАН встретила революцию без полноценного президента. Возглавлявший ее четверть века вел. кн. Константин Константинович, тяжело переживавший гибель на фронте младшего любимого сына Олега, скоропостижно скончался 2 июня 1915 г., и пост президента с тех пор оставался вакантным. После кончины в мае 1916 г. вице-президента П. В. Никитина врио вице-президента был назначен А. П. Карпинский. В дни Февральской революции С. Ф. Ольденбург фактически был единственным полноправным руководителем ИАН и умело воздействовал на «первенствующее ученое сословие России» с целью выработки консолидированных решений при существенных разногласиях. Это обеспечило ему влияние на корпоративное поведение академиков в 1917 г. Как член Госсовета Ольденбург был причастен к ключевым событиям Февральской революции, одобрив телеграмму М. В. Родзянко от 27 февраля 1917 г. Николаю II с предложением отречься от престола³¹. Ее напечатали во всех газетах наряду с другими репортажами о «бескровной победе» свободы и демократии при поддержке всех слоев общества.

До недавнего времени в литературе указывалось, что научное сообщество с ликованием встретило Февральскую революцию, нацепив все как один красные банты. Про банты, возможно, правда. Но нет оснований переоценивать единство мнений о свершившемся свержении монархии. Мемуары, письма и дневники ученых, введенные в оборот в 1990–2010-х гг., позволили выполнить дифференцированный анализ особенностей реакции академиков, политические взгляды которых колебались от крайне правых до либеральных. К тому же важно учитывать эволюцию установок и поведения как руководителей академии, так и остальных ее членов, и специфику реакции в зависимости от политических убеждений и профессиональных интересов того или иного ученого.

С первых дней революции ее оценки со стороны представителей академического сообщества и профессорско-преподавательского корпуса порой были прямо противоположными. В. И. Вернадский, вспоминая события 20-летней давности, говорил: «Если бы царское правительство — в сущности царь и его жена — были умнее, было бы просв[ещение]. Это вполне было возможно»³². Но среди ученых было немало тех, кто в обстановке всеобщей эйфории негативно оценивал происходящие события и задавался вопросом, что они сулят России. Это «начало ее возрождения или гибели?» — вопрошал будущий директор академическо-

³¹ Аксенов Г. Вернадский. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 205.

³² Савина Г. А. Чистые линии (В. И. Вернадский о Н. И. Вавилове) // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 10.

го архива Г. А. Князев³³. По воспоминаниям многолетней любовницы и сотрудницы И. П. Павлова М. К. Петровой, он в первые дни революции «смотрел на все в высшей степени пессимистически, не разделяя наших надежд на лучшую будущую жизнь»³⁴. На ее ликование по поводу происходящего Павлов сказал: «А я не радуюсь; я предвижу впереди много горя и страданий»³⁵. Еще резче высказывался академик В. А. Стеклов. По его мнению, столичная масса, впрочем, как и провинциальные обыватели, «совершенно <...> рассудок утратила. Достаточно того, что такого шута и мелочь, как Керенский, возвела чуть ли не в национального героя. Омерзительно было смотреть на все это»³⁶.

Тем не менее именно от министра юстиции А. Ф. Керенского 3 марта 1917 г. в Академию наук поступило первое распоряжение новой власти: в подписанном им приказе № 1 академику Н. А. Котляревскому поручалось вывезти из Департамента полиции все бумаги и документы и «поместить их в Академию наук»³⁷. В письме министра-председателя и министра внутренних дел Г. Е. Львова от 11 марта за № 5931 академии было предложено: «1) принять на вечное хранение Архив бывшего III Отделения Собственной Его Величества канцелярии и Архив Департамента полиции по 1905 г. включительно; 2) озаботиться приведением этих архивов в порядок и 3) открыть их в возможно близком будущем для общего пользования на условиях, какие Академии наук покажутся целесообразными»³⁸.

Сам факт передачи подобного рода документов, особенно присовокупленных к ним бумаг архивов Охранного отделения и Жандармского губернского управления, занимавшихся политическим сыском, несомненно, свидетельствует о доверии Г. Е. Львова лично к С. Ф. Ольденбургу и к Академии наук в целом. Ведь бумаги легко могли быть использованы в разгоравшейся политической борьбе для дискредитации противников. Понимало значение этого акта и Общее собрание Академии наук. Конечно, тогда никто не мог предположить, что через 12 лет в вину Академии наук будет постановлено как раз профессиональное исполнение долга сохранения исторической памяти о грандиозных событиях в истории России и наличие документальных свидетельств о них посчитают поводом для организации «Академического дела», для арестов академиков

33 Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922. С. 132.

34 Петрова М. К. И. П. Павлов // И. П. Павлов — первый Нобелевский лауреат России. Т. 2. С. 529.

35 Там же.

36 Стеклов В. А. Переписка с отечественными математиками. С. 284.

37 Летопись РАН. Т. IV. С. 295.

38 Протоколы ОС АН. 1917. С. 92. § 95.

Н. П. Лихачева, М. К. Любавского, С. Ф. Платонова, Е. В. Тарле и десятков сотрудников АН, а также для отстранения от должности непременно-го секретаря С. Ф. Ольденбурга³⁹. Сейчас же академическое собрание, не предвидя, что передаваемым архивам предстоит сыграть роль троянского коня в судьбе самой Академии наук, благодарило Б. Л. Модзалевского, А. С. Полякова, А. А. Шилова и Л. К. Ильинского за содействие в их сохранении и передаче⁴⁰.

Реагируя на смену власти, Совет Петроградского университета единогласно принял уже 3 марта заявление о том, что он предоставляет себя в распоряжение «Временного правительства, опирающегося на полную поддержку народа и армии, чьими героическими усилиями навсегда опрокинут старый порядок», и приложит «все свои силы, дабы способствовать прочному насаждению нового порядка»⁴¹. Аналогичным образом отреагировали советы всех университетов и академия, включая Петроградскую духовную академию, которая, забыв о прежних молитвах за прежнюю власть, также приветствовала «облеченное всею полнотою власти Временное Правительство» и заверяла всех «в полной готовности Академии и в дальнейшем, в подчинении Временному Правительству, честно служить на благо дорогой родины, Православной Церкви и богословской науке, которая от своих корней питает и укрепляет духовно-нравственную жизнь многих десятков миллионов русских людей»⁴².

Более сдержанно и порядочно повело себя Общее собрание Академии наук. Ее руководители — А. П. Карпинский и С. Ф. Ольденбург — 4 марта 1917 г. также направили обращение к Временному правительству, приветствуя объединение России в «могучий и свободный народ, способный отстаивать свою культуру и оберегать ее от внутренней разрухи и от внешнего врага». «Россия, — говорилось в обращении, — под верховным руководством Государственной думы, вступила на истин-

39 Летопись РАН. Т. IV. С. 685–695; *Вознесенский И. (Перчёнок Ф. Ф.)* Имена и судьбы (над юбилейным списком Академии наук) // Память. Исторический сборник. Вып. 1. New York: Chalidze Publ., 1978. С. 353–410; Академическое дело 1929–1931 гг.: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ. Вып. 1–2 / Отв. ред. В. П. Леонов. СПб.: БАН, 1993–1998; *Есаков В. Д.* (сост.) Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б)–КПСС. 1922–1952. М.: РОССПЭН, 2000. С. 69–92.

40 Протоколы ОС АН. 1917. С. 92. § 95.

41 *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2017. С. 726–727.

42 Цит. по: *Шкаровский М. В.* Закрытие духовной академии, семинарии и духовных училищ в годы революционных потрясений // Санкт-Петербургские духовные школы. СПб., 2015. Т. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/7621/> (дата обращения: 04.06.2020).

ный путь победы — объединения Русского народа, его армии и правительства». Далее отмечено: «В первом своем собрании после совершившихся событий Академия наук единогласно постановила предоставить Правительству, пользующемуся доверием народа, те знания и средства, какими она может служить России»⁴³.

Однако слово «единогласно» здесь явно излишне. Судя по прессе, обращение действительно было составлено на ОС АН, состоявшемся в тот же день⁴⁴. Удивительно, но в протоколе ОС от 4 марта нет ни слова о смене власти⁴⁵, а само обращение, написанное рукой С. Ф. Ольденбурга, не только не занесено в протокол, но даже и не упоминается в нем. Не было оно одобрено и три недели спустя (24 марта) на экстраординарном ОС, а только «принято к сведению»⁴⁶, после чего занесено в протокол ОС и напечатано в «Известиях АН»⁴⁷. Тогда же был принят к сведению и указ Временного правительства от 3 марта об отречении Николая II⁴⁸. Академики, собравшиеся в первый день новой власти, явно не пожелали официально обсуждать «совершившиеся события», так как в их рядах высказывались разные их оценки. Так, например, когда либералы ликовали, лингвист и палеограф А. И. Соболевский, придерживавшийся крайне правых взглядов, тяжело переживал происходящие события и, как и многие его коллеги, редко появлялся на Общих собраниях после Февраля 1917 г. Да и на последующих собраниях с кворумом было напряженно. Нередко более половины академиков предпочитали оставаться в дни заседаний дома. На том же ОС 4 марта 1917 г. присутствовали 22 из 39 академиков, и проходило оно так, как будто ничего особенного не случилось: только из названия Академии наук исчезло слово «Императорская»⁴⁹.

Обращение никак не отражало гаммы умонастроений академиков, в том числе и тех, кто на протяжении многих лет выступал с критикой научной политики царского правительства, но понимал, какими бедами чревата любая, а тем более насильственная смена власти во время войны. Одним из них был президент Российского ботанического общества ака-

43 Протоколы ОС АН. 1917. С. 92. § 94.

44 Хроника. В учебных заведениях // Новое время. 1917. № 14 721. 8 (21) марта. С. 6, без подписи.

45 Протоколы ОС АН. 1917. С. 68–73. § 75–92.

46 Там же. С. 92. § 94.

47 Извлечение из протоколов заседаний Академии наук. Общее собрание. Экстраординарное IV заседание, 24 марта 1917 г. // Известия Академии наук. 1917. № 11. С. 739.

48 Протоколы ОС АН. 1917. С. 92. § 93.

49 С 4 марта до 9 августа в протоколах ОС не указывалась принадлежность Академии наук. Лишь после указа Временного правительства от 11 июля она стала Российской.

демик И. П. Бородин, который буквально на следующий день, в письме к дочери от 5 марта 1917 г., с болью оценивал произошедшее в Пскове отречение Николая II: «Мог ли я думать, что доживу до падения монархии у нас, да еще такого позорного!»⁵⁰ Его прогнозы в тот день были крайне осторожными и довольно пессимистическими: «Если все кончится теперь и временно установившемуся правительству удастся удержаться, то, разумеется, это будет величайшая из революций, стоившая сравнительно очень малой крови <...> Стойких защитников у монарха не оказалось нигде <...> Но что будет дальше? Надо быть большим оптимистом, чтобы смотреть в глаза даже ближайшему будущему <...> Теперь каждый день стоит года».

Академики, присутствовавшие на ОС, понимали, что молниеносное развитие событий, покончивших за несколько дней с многовековой монархией, показало все несоответствие самодержавной власти реалиям XX в. Но им было неясно будущее государственное устройство страны и само ее дальнейшее существование. Легитимность Временного правительства, взявшего на себя одновременно функции законодательной и исполнительной власти, заменившего императора, Госсовет, Госдуму и подчинившего себе Сенат и Синод во имя «свободного» народа, не была очевидной. А что интеллигенции ждать от народа, освобожденного от страха перед властью, академики узнали еще в 1905 г.

Вот почему, официально не обсуждая складывавшуюся политическую ситуацию, они сконцентрировались на рутинных вопросах — утверждении «Проекта положения о Палестинском комитете», избрании представителей ИАН в Особое совещание о культурном сближении России с дружественными странами, избрании ординарного академика по физике, дарениях Пушкинскому Дому, составе Комиссии по изучению племенного состава пограничных областей России (КИПС), выдаче академических изданий и т. д.⁵¹

Собравшиеся, среди которых было немало лиц, тесно связанных с министрами нового правительства, скорее всего, осознавали неустойчивость ситуации в стране, что прорывалось в некоторых формулировках принимаемых решений, например, в постановлении на обращение В. Т. Шевякова как председателя Особого совещания о культурном сближении России с дружественными странами выделить в его состав представителей Академии наук. К тому времени иностранные посольства уже назначили таковых, и, понимая, что «вследствие перемены правительства» судьба новой структуры остается не вполне ясной, академики

⁵⁰ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 125. Оп. 1. Д. 71. Л. 20об.-21.

⁵¹ Протоколы ОС АН. 1917. С. 68–73. § 75–92.

все-таки решили не откладывать ответ и избрали в формируемый орган А. П. Карпинского и профессора Оксфордского университета историка-медиевиста П. Г. Виноградова, а также представителей отделений — В. И. Вернадского и А. С. Лаппо-Данилевского⁵².

Принятое решение об учреждении Палестинского комитета и о его задачах имело четкую геополитическую направленность на продолжение войны до победного конца⁵³. Ратуя за создание академического Палестинского института, академики, видимо, не сомневались в близкой победе, и планируемое учреждение должно было не только дать научное обоснование российской экспансии на Ближнем Востоке, еще контролируемом Турцией, но и, опять же, подключить академию к устройству послевоенного мира.

В целом нейтральную позицию занимали и другие научные учреждения, возглавляемые академиками. По свидетельству главы Химического комитета В. Н. Ипатьева, среди его руководителей не оказалось лиц, которых можно было заподозрить «в приверженности к только что развалившемуся старому строю, т.к. безусловно никто из них, ни по роду своей деятельности, ни по службе, никогда никакими политическими вопросами не занимался и был честно беспартиен, стремясь своей работой приносить только пользу родине и искренно сожалея, что при тех порядках, которые существовали ранее, многое шло ей во вред»⁵⁴.

Можно твердо сказать, что большинство академиков не приветствовали свержение самодержавия, случившееся не желали называть революцией, а 4 марта начали вести специальное дело Канцелярии Конференции АН с характерным названием «О вопросах, возникших в связи с государственным переворотом»⁵⁵. И в дальнейшем многие, видимо, надеялись, что все эти беспорядки когда-нибудь закончатся, и только 13 января 1923 г. было завершено последнее дело с таким названием⁵⁶.

1.3. РЕФОРМЫ АКАДЕМИИ НАУК: ПРОЕКТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Академики, веря во всепобеждающую силу науки в обновленной России, хотя и осознавали бессмысленность кровопролития на фронтах, были согласны с новой властью в необходимости продолжать войну до

52 Протоколы ОС АН. 1917. С. 69. § 80.

53 Приложение I к протоколу III заседания ОС АН. 4 марта 1917 г. (к § 82). С. 74–76.

54 *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика. Т. 1: 1867–1917. Нью-Йорк, 1945. С. 128

55 СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1917. Д. 40.

56 *Тункина И. В.* На переломе: Академия наук в 1917 г. // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2017. М.: «Культура–НАУКА–Книга», 2018. С. 46.

победного конца ради спасения революции и демократии. Из воззвания, подписанного членами ОФМН Н. И. Андрусовым, И. П. Бородиным, В. И. Вернадским, А. Н. Крыловым, П. П. Лазаревым, А. А. Марковым, И. П. Павловым, В. А. Стекловым, А. С. Фаминцыным и Е. С. Федоровым, видно, что авторитетные математики, физики, геологи и биологи верили: Февральская революция прокладывает путь к расцвету науки и образования в России⁵⁷. Среди авторов воззвания были Бородин, Павлов и Стеклов, которые совсем недавно осуждали выступления против правительства и охлаждали пыл своих родных и близких по поводу перспектив свободной России. Теперь же Павлов, приветствуя участников I съезда физиологов им. И. М. Сеченова, буквально ликует, что «мы расстались с мрачным, гнетущим временем»⁵⁸, и ожидает «при новом строе нашей жизни чрезвычайного усиления средств всякого рода для научной деятельности»⁵⁹. В кратком приветствии Павлова целый абзац символично посвящен А. Л. Лавуазье и «великому греху» Великой французской революции, не давшей ему отсрочки от казни для завершения важных химических опытов, так как «республика не нуждается в ученых и их опытах». Как бы отгоняя нехорошие предчувствия, Павлов уверял коллег, а может, и себя: «...протекшее столетие произвело решительный переворот и в этом отношении в человеческих умах, и теперь нельзя бояться такой демократии, которая бы забыла про вечно царственную роль науки в человеческой жизни»⁶⁰. В унисон с ним звучат и слова в письме А. А. Шахматова к профессору славистики в Новороссийском университете И. А. Линниченко: «Я предвижу много лишений и неудач для нашей страны, но твердо верю и в близкое торжество правого порядка»⁶¹.

О подлинных чаяниях народа и принципах устройства нового государства ученое сословие не слишком беспокоилось, хотя, конечно, не могло не знать, насколько различны представления о счастливом будущем в огромном государстве, десятилетиями раздираемом национальными, сословными, классовыми и конфессиональными противоречиями. Февральские события ускорили центробежные тенденции в национальных образованиях. Уже 4 марта 1917 г., когда шло первое послереволюционное ОС АН, в Киеве была сформирована Центральная Рада, избравшая

57 Манойленко К. В. Андрей Сергеевич Фаминцын. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 169–170.

58 Павлов И. П. Приветственное письмо председателя Организационного комитета I съезда физиологов им. И. М. Сеченова при открытии съезда 6 апреля 1917 г. // Павлов И. П. Избранные труды / Сост. Н. А. Григорян. М.: Медицина, 1999. С. 36.

59 Там же. С. 37.

60 Там же.

61 Цит. по: Магомедов М. Б., Лахитов П. М. Летописец Шахматов: Творческий путь // Системные технологии. 2014. № 10. С. 100.

через три дня своим главой известного историка М. С. Грушевского — либерального демократа, отбывавшего ссылку в Москве. Прибыв в Киев 14 марта 1917 г., Грушевский немедленно стал добиваться национально-территориальной автономии Украины с последующей договорной федерацией с Россией⁶². Начало распада «единой и неделимой» повергло в шок петроградских коллег Грушевского, и прежде всего А. А. Шахматова, много сделавшего для смягчения наказания самого историка и для успеха его трудов в России как феномена «общей» русско-украинской исторической науки. Он с болью писал А. Ф. Кони: «Как и Вы, я с особенным ужасом останавливаюсь перед предательством украинцев во главе с Грушевским. Это самый тяжелый удар по России...»⁶³ Разговор даже о федерации казался странным ученым, которые полагали, что демократические реформы увеличат тяготение окраин к центру и достойно завершат великое дело собирания земель России, и вдруг самый близкий по языку и культуре славянский народ сразу устремился на выход из славянского демократического братства.

К середине марта стало ясно, что вся страна, ее правящие структуры, центральные и земские, военное руководство, церковь, подавляющее большинство партий и союзов, а также союзники признали новую власть. Армия и флот присягнули Временному правительству. Но у части ученых не проходило чувство сохраняющейся опасности: «Крайние левые, особенно с.-д. могут испортить все. Соглашение держится с ними на волоске»⁶⁴. В обстановке всеобщего воодушевления, царящего в Петрограде в мартовские дни, Бородин, наблюдая за толпами манифестантов в городе, с некоторой уязвленностью и горечью констатировал: «Весь Николаевский мост запружен процессиями с красными флагами, всюду марсельеза (своего гимна свободы у нас так и нет), но на душе не весело... Назревают, быть может грозные события внутри страны»⁶⁵. И, как всегда, больше горьких дум о будущей, чем о разворачивавшейся на глазах трагедии: «Выдержит ли тяжелое испытание здравый смысл русского народа?»⁶⁶ Разделяя всеобщую обеспокоенность сограждан будущим России, Бородин не разделял их «радости по поводу феерически совершившегося у нас переворота»⁶⁷. Натренированный глаз полевого

62 Верстюк В. Ф. М. С. Грушевский у перший період діяльності Центральної Ради // Український історичний журнал. 1996. № 5. С. 28–37.

63 Цит. по: Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие (к 150-летию со дня рождения) / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемывшева. СПб.: Нестор-История, 2015. (ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 14. Ед. хр. 1. Л. 203).

64 СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 71. Л. 20 об.

65 Там же.

66 Там же. Л. 22.

67 Там же. Л. 23.

исследователя фиксировал приметы надвигающегося коллапса: «...почти забыл, как ездят в трамваях, — все хожу пешком»⁶⁸, отмечая и положительные стороны — для здоровья и для воспоминаний о студенческих годах, ежедневного пути вдоль Невы от «Дома академиков» на углу Николаевской набережной, до Ботанического музея в Таможенном пер., 2.

Ученые, убедившись во всенародной поддержке нового правительства, были склонны эффективно использовать ситуацию и, полагаясь на тесную связь с его ведущими министрами, сконцентрировали свои усилия на решении корпоративных задач реформирования и развития науки и образования в стране, видя в их успехе залог процветания. Многие полагали, что Февральская революция снимает всяческие препятствия к развитию научных связей с союзниками. Ученые с энтузиазмом восприняли оценку перспектив англо-русских отношений, данную английским послом Дж. Бьюкененом в марте 1917 г. По его мнению, никогда эти отношения не были столь сердечными и крепкими, как после прихода к власти либеральных сил. Союз Англии с императорской Россией, по словам посла, базировался на общности интересов и братстве по оружию, но в Туманном Альбионе никто и никогда не симпатизировал господствовавшему в России строю, воспринимая его как режим произвола и реакции. Февральская же революция, по утверждению посла, сняла последние препятствия к сердечному взаимопониманию обеих стран. Непременный секретарь Комитета по укреплению духовных связей между союзными странами Артур Мэкьюари, информируя С. Ф. Ольденбурга 17 и 19 апреля 1917 г. о деятельности Комитета в Лондонском королевском обществе по литературе, выразил «надежды на взаимную поддержку в дальнейшем»⁶⁹.

Большую заинтересованность в научном сотрудничестве с Россией проявили также Франция и особенно США, объявившие 24 марта (6 апреля по н. ст.) 1917 г. войну Германии. Об этом говорилось в обращении государственного секретаря США, зачитанном на экстраординарном ОС АН, состоявшемся 29 марта 1917 г. В нем подчеркивалось, что вступление США в войну на стороне Антанты открывает перспективы для широкого сотрудничества ученых двух стран ради успеха общего дела, отмечалась особая роль созданного В. Вильсоном Национального исследовательского совета для мобилизации научных ресурсов с целью решения военных и промышленных проблем⁷⁰. Отметив вклад Академии наук в оборону, ОС АН приветствовало вступление США в ряды союзников, но никаких конкретных организационных мер по укреплению на-

68 СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 71. Л. 20 об.

69 Протоколы ОС АН. 1917. С. 221. § 188.

70 Там же. С. 104. § 107.

учного сотрудничества не стало предпринимать. Аналогичная реакция последовала и на обращение президента Национальной академии наук США и председателя Военного комитета Национального исследовательского совета палеонтолога Ч. Уолкотта, и на адрес с приветствием России от «ученых и деятелей на поприще литературы, искусства и науки», зачитанные на 11-м экстраординарном ОС РАН 9 августа 1917 г.⁷¹

Правительственные органы Великобритании, США и Франции в 1917 г. еще не раз обращались к руководству РАН с призывами активизировать усилия по укреплению научных контактов, но ситуация не менялась. Возможно, это связано с тем, что в то время в самой России рост антивоенных настроений сопровождался усилением негативного отношения к союзникам, якобы заставлявшим Россию продолжать войну, цели которой были неприемлемы для революционных масс. К тому же академики в первую очередь старались решить свои внутренние проблемы, связанные с введением автономности и выборности президента и вице-президента, с отказом от обязательного присутствия академиков в Петрограде, с созданием сети исследовательских институтов и всероссийской ассоциации научных сотрудников, с устранением сословных, национальных и конфессиональных ограничений для образования и научной работы и т. д.⁷²

Вопросы демократизации самой Академии наук были рассмотрены на втором послереволюционном ОС, состоявшемся 24 марта 1917 г. как экстраординарное. К тому времени ощущение происшедшей катастрофы отошло на второй план. В заседании участвовали 22 человека, т. е. чуть больше половины списочного состава. На нем, как уже говорилось, было решено «принять к сведению» указы Временного правительства об отречении Николая II от престола и об отказе великого князя Михаила Александровича взять на себя верховную власть «впредь до установления в Учредительном собрании образа правления»⁷³. На тот раз специальным пунктом повестки дня записали информацию об обращении руководителей Академии наук к Временному правительству от 4 марта 1917 г., но никакой оценки ОС происшедшим событиям по-прежнему не было дано, хотя оптимистические резолюции к тому времени принимались во всех вузах, научных учреждениях и обществах. Академики старались не фиксировать внимание на реальной ситуации и настроениях масс, продолжая ратовать за решительное продолжение войны. Многие полагали, что победоносная война позволит воплотить в жизнь все прежние пла-

71 Протоколы ОС АН. 1917. С. 235. § 217.

72 Есаков В. Д. От Императорской к Российской. С. 120–132.

73 Протоколы ОС АН. 1917. С. 92. § 93.

ны о развитии науки как главном гаранте экономического и социального процветания страны.

Для подобных настроений, казалось, были основания. Ведь большая часть нового правительства была связана с теми же политическими кругами и земством, с которыми давно тесно сотрудничали академики, включая членов ЦК кадетской партии В. И. Вернадского и С. Ф. Ольденбурга, игравших ключевую роль в Академии наук в то время. Они с 1904 г. сотрудничали с главой Временного правительства кн. Г. Е. Львовым в «Союзе освобождения». В этой нелегальной политической организации участвовал и новый министр народного просвещения А. А. Мануйлов, которому напрямую подчинялась академия. Бывший ректор Московского университета и член Государственного совета, Мануйлов был известен как сторонник демократизации научных и образовательных учреждений, на чем настаивали академики и профессора, не подозревая, что у студентов и младшего состава преподавателей и сотрудников академии могут быть свои представления на этот счет. На ускорение этих процессов были направлены первоначальные усилия академиков⁷⁴.

Уже 24 марта 1917 г. они решили внести на рассмотрение правительства предложения об изменении Устава, в том числе пункта о выборности президента⁷⁵. По сути дела, он касался легитимности руководства академии, так как почти год ее врио являлся вице-президент А. П. Карпинский. По старому уставу президента назначал император из «особ первых четырех классов». Отныне его должны были избирать академики, а Временное правительство утверждало избранного президента указом Правительствующему Сенату. Избираемый президент отныне освобождался от обязанности отчитываться перед верховной властью о состоянии дел, проводимых исследованиях, экспедициях, итогах выборов, а представлял бы ей лишь те постановления Общего собрания, которые необходимы для указов и распоряжений правительства. Большинство проголосовало за ограничение срока полномочий президента пятью годами и против предоставления ему возможности единолично решать вопросы без ОС⁷⁶. Проект, напротив, предполагал расширение полномочий ОС, отделений, учреждений и музеев АН, определял обязанности вице-президента и т. д.

В духе закрепления руководящей роли академиков в деятельности Библиотеки Академии наук были приняты основные положения доклада Постоянной библиотечной комиссии о реорганизации управления БАН,

⁷⁴ Протоколы ОС АН. 1917. С. 93. § 97.

⁷⁵ Там же. Приложение I к протоколу IV Экстраординарного заседания ОС ИАН. 24 марта 1917 г. (к § 97). С. 96–97.

⁷⁶ Протоколы ОС АН. 1917. С. 93. § 97.

сделанного ее председателем М. А. Дьяконовым⁷⁷. Было решено, что не только БАН, но и оба его отделения должны возглавлять академики-директора, главная функция которых состояла бы в руководстве собранием библиотекарей, проектирующим число и виды отделов (книжных, журнальных, рукописных и т. д.) и занимающимся закупкой книг и кадровыми вопросами, составляющим отчеты и т. д. Внешне все выглядело демократично, но директорам принадлежало решающее слово при разногласиях с собранием библиотекарей. К тому же главная руководящая роль в управлении БАН оставалась за Постоянной библиотечной комиссией, в которой восемь человек были академиками и только трое — библиотекарями. В реальности это была демократия не для профессионалов, а для академиков, т. е. своего рода академическая олигархия.

А вот вопрос о реформе секретариата академии по предложению С. Ф. Ольденбурга был отложен до осени «ввиду сложности обстоятельств настоящего времени»⁷⁸. К тому же выяснилось, что остальные сотрудники РАН не желают, чтобы без них решались вопросы реорганизации академических учреждений, и избрали Комиссию по вопросу о разработке устава и штатов академии. Руководители Комиссии (председатель физиолог Г. П. Зеленый, товарищ председателя востоковед В. М. Алексеев, секретарь геолог О. О. Баклунд и др.) 14 марта 1917 г. выразили желание «участвовать во всех совещаниях Конференции», где будут обсуждаться эти вопросы⁷⁹. Такая демократия, возможно, была не очень нужна «либеральным» академикам, поручившим Комиссии директоров, которую возглавлял И. П. Бородин, пригласить на заседание по одному представителю от каждого учреждения. Такое заседание состоялось 14 мая 1917 г. На нем были выработаны положения о том, что все лаборатории, музеи и Библиотека управляются советами, в которые входят штатные научные сотрудники, академики по соответствующей специальности, а возглавляет их директор⁸⁰. 15 мая 1917 г. ОС согласилось с принятым решением. На этом же собрании было принято к сведению решение ОРЯС о том, что М. Горький, избранный 25 февраля 1902 г., но не утвержденный Николаем II, считается почетным академиком по ряду изящной словесности⁸¹.

29 марта 1917 г. на экстраординарном заседании было решено ходатайствовать перед правительством о дальнейшем наименовании Академии

77 Там же. С. 94. § 102; Приложение II к протоколу IV Экстраординарного заседания ОС ИАН 24 марта 1917 г. (к § 102). С. 100–101.

78 Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 93.

79 Там же. С. 115. § 132.

80 Приложение к протоколу VIII Экстраординарного заседания ОС АН. 15 мая 1917 г. (к § 176). С. 215.

81 Протоколы ОС АН. 1917. С. 93–94. § 99.

наук «Российской академией наук» — “Académie des Sciences de Russie”⁸². 11 июля Временное правительство удовлетворило эту просьбу⁸³.

Другие предложения были приняты еще раньше, и в «Вестнике Временного правительства» были опубликованы в новой редакции параграфы Устава РАН, предусматривавшие демократизацию внутренней жизни, устранение сословных и национальных привилегий⁸⁴. О них было сообщено 27 мая 1917 г. на экстраординарном ОС. В новой редакции предусматривалось избрание президента и вице-президента тайным голосованием на пять лет при наличии кворума не менее 2/3 от общего числа ординарных академиков с последующим их утверждением указом Временного правительства Правительствующему Сенату. Избранным считался кандидат, получивший не менее 2/3 голосов всех присутствующих на собрании и более половины от числа всех ординарных академиков. Президент должен был представлять интересы академии в правительстве, в случае необходимости добиваться утверждения правительством постановлений ОС, а также созывать ОС. Общие собрания могли также созываться по письменному заявлению не менее чем 10 академиков, но должны были заниматься обсуждением только научных проблем и не касаться вопросов управления и финансов. Вместе с тем распределение обязанностей между президентом и вице-президентом осуществлялось на основе инструкции, утверждаемой ОС, которое должно определить и число членов-корреспондентов.

15 мая 1917 г. состоялось экстраординарное собрание, на котором Академии наук появился первый избранный президент — А. П. Карпинский⁸⁵, утвержденный правительством 19 июля 1917 г. сроком на пять лет⁸⁶. Он был избран коллегами единогласно. Из-за отсутствия кворума в 2/3 академиков не удалось провести полноценные выборы вице-президента, академик А. А. Марков не стал участвовать в голосовании и покинул ОС. Здесь явно была интрига, связанная с тем, что математики хотели видеть на этом посту В. А. Стеклова, который по каким-то причинам не выдвигал своей кандидатуры. Вместо выборов была произведена баллотировка, и исполняющим обязанности вице-президента стал И. П. Бородин, получивший при баллотировке 22 голоса, три голоса было подано за А. С. Лаппо-Данилевского и один за В. И. Вернадского⁸⁷.

82 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а–1917. Д. 164. Л. 57.

83 Протоколы ОС РАН. 1917. С. 218. § 209.

84 Постановления Временного правительства: О новой редакции § 36, 40, 42, 43, 44, 84, 92 и 94 действующего устава Академии наук; Приложение к протоколу Экстраординарного IX заседания ОС АН. 27 мая 1917 г. (к § 181). С. 229–230.

85 Протоколы ОС АН. 1917. С. 212. § 173.

86 Там же. С. 234. § 213.

87 Протоколы ОС АН. 1917. С. 212. § 173.

В течение двух лет, в самое тяжелое время, Бородин продолжал действовать с приставкой *врио* и благодаря своей настойчивости, авторитету и мужеству многое сделал для спасения РАН⁸⁸.

Академическое сообщество проявляло повышенную активность в первые месяцы после Февральской революции, проводя не только обычные, но и экстраординарные собрания, порой с зазором всего в несколько дней, а 15 мая 1917 г. состоялось даже два заседания. Почти во всех из них участвовали лишь чуть больше половины списочного состава действительных членов, а на последнем весеннем экстраординарном собрании, состоявшемся 27 мая 1917 г., присутствовали всего 17 академиков из 42. Как правило, на собрание являлись одни и те же люди, заинтересованные в развитии Академии наук и желавшие эффективно использовать идеолого-политическую близость с ведущими членами Временного правительства, в то время как значительная часть академиков предпочитала не тратить время на общественно-политическую и организационную деятельность, покидая уже с середины мая Петроград в поисках более спокойных и сытых регионов.

«Свободные» академики интенсивно занимались пополнением своих рядов. За два месяца были заполнены все вакантные позиции обычных академиков. Новыми членами РАН стали: физик П. П. Лазарев; археолог Я. И. Смирнов, филолог и археолог А. В. Никитский, историк М. И. Ростовцев, политэконом, историк и публицист П. Б. Струве. Как видно, преобладали гуманитарии. Все они были близки либералам, и судьба каждого из них сложилась непросто. П. Б. Струве активно участвовал в Белом движении и после его поражения эмигрировал. За рубежом после окончания Гражданской войны обосновался и М. И. Ростовцев. Осенью 1918 г. от голода в Петрограде скончался Я. И. Смирнов; ему не было и 50 лет. Пережив основные тяготы Гражданской войны, А. В. Никитский скончался в Петрограде в 1921 г. П. П. Лазарев более 10 лет процветал в СССР, но в 1929 г. его арестовали, сослали ненадолго на Урал, но и после возвращения в столицу в 1932 г. до конца жизни подвергали гонениям за «лженаучные» теории.

Временное правительство в лице МНП на повестку дня поставило задачу коренной реорганизации науки и высшей школы. Видя ее резкий поворот к решению утилитарных, прикладных задач и нарастающую политизацию студенчества, все большее количество ученых выступали за создание сети специализированных научно-исследовательских институтов (типа Общества кайзера Вильгельма в Германии или Института Карнеги в США), субсидируемых государством, но управляемых самими

88 Маноиленко К. В. Иван Парфеньевич Бородин. М.: Наука, 2005. С. 181–194.

учеными. Наиболее последовательным пропагандистом этой идеи был В. И. Вернадский.

21 марта 1917 г. была создана Комиссия по реформе высших учебных заведений во главе с профессором Московского университета М. М. Новиковым, в которую вошли также академики В. И. Вернадский, Н. Я. Марр и С. Ф. Ольденбург и будущие члены РАН А. А. Васильев, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, М. Я. Пергамент, М. И. Ростовцев, В. М. Шимкевич. В качестве первоочередных задач были названы: реформа уставов вузов; развитие сети университетов; предоставление студентам права создавать общества и клубы в зданиях университетов в свободное от занятий время. Для научных сотрудников предлагали создать материальные условия, благоприятные для их научной и преподавательской деятельности, и улучшить нормы оплаты труда профессоров и младших преподавателей. В университетах была учреждена должность доцента, а звание приват-доцента присуждалось после защиты диссертации. Был расширен круг лиц, допускаемых к занятию профессорских должностей в университетах.

Реализация части этих предложений дала кратковременный позитивный эффект. Был дан ход проекту «Об учреждении университетов нового типа», позволивший открывать факультеты по прикладным специальностям. Закрылись или были преобразованы некоторые привилегированные высшие учебные заведения типа Училища правоведения, Александровского и Катковского лицеев. Комиссия немало сделала для разработки планов по расширению сети университетов (в Ростове-на-Дону, Иркутске, Тифлисе, Ташкенте) и других высших учебных заведений (Киевский географический институт, Омский сельскохозяйственный институт, Польские философско-религиозные курсы в Петрограде, Екатеринославские высшие женские курсы). Были реформированы педагогические институты в Москве, Петрограде и Самаре, в ряде университетов (в Перми и Саратове) планировались новые факультеты и кафедры и т. д. Сам М. М. Новиков полагал, что возглавляемая им Комиссия явила «образец того, как во время революционного строительства может быть создан орган, по внешности как бы бюрократический, но по своему составу и характеру работы так глубоко проникнутый общественными настроениями, что вся деятельность его протекает в полном согласии с настроением широких общественных кругов»⁸⁹.

Вскоре после Февральской революции академик А. А. Шахматов составил проект Союза научных учреждений, рассмотренный МНП в мае 1917 г. Предлагалось сгруппировать научные учреждения страны (музеи,

⁸⁹ Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка: моя жизнь в науке и политике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. С. 210.

общества, институты) и отдельные группы ученых по функциональному признаку, образуя союзы гуманитарных, естественнонаучных, научно-прикладных и т. д. исследований. В свою очередь, они образуют «союз союзов» во главе с Комитетом, председатель которого имеет право прямо обращаться в Совет министров. При этом Союз, собрав под своей крышей все научные учреждения страны, не должен был их контролировать. Его задача заключалась лишь в обеспечении государственного финансирования проводимых ими научных исследований. И сам он не должен был подчиняться какому-либо ведомству, а самостоятельно определял свою деятельность, основополагающим принципом которой была автономия каждого коллектива и исследователя. Реформа должна была проводиться на основе и с сохранением существовавших институтов, в том числе и Академии наук.

Были предприняты первые шаги для реализации этого проекта, хотя бы в масштабах столицы. В апреле 1917 г. в Петрограде стало функционировать постоянное Совецание представителей научных учреждений и вузов, председателем которого стал А. П. Карпинский.

12 апреля 1917 г. под председательством В. И. Вернадского при МНП была создана Комиссия по ученым учреждениям и научным предприятиям, в которую вошли также академики Н. С. Курнаков, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург. Они наметили обширную программу: созыв съезда представителей научных учреждений и обществ России с целью учреждения Свободной ассоциации для развития и распространения знаний, для упорядочения финансирования научных предприятий, для преобразования старых и создания новых научных учреждений, для объединения их в единую государственную сеть. Под председательством В. И. Вернадского Комиссия обсуждала вопросы штатов в научных учреждениях и обществах, обеспечение потребностей в их комплектовании и размещении, а также ходатайства отдельных ученых о пособиях на исследования⁹⁰. Ученые ратовали за создание системы государственных исследовательских институтов и расширение академических учреждений как исторически оправдавшей себя в России формы взаимоотношений науки и государства, а также предлагали создавать академии в Грузии, в Сибири, на Украине.

Важная попытка организации новых научных учреждений была предпринята рядом академиков и членов-корреспондентов РАН (Н. И. Андрусов, И. П. Бородин, Н. Е. Введенский, В. И. Вернадский, В. Л. Комаров, А. Н. Крылов, Н. С. Курнаков, П. П. Лазарев, А. А. Марков, В. Л. Омелянский, И. П. Павлов, В. А. Стеклов, К. А. Тимирязев,

⁹⁰ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 54–66, 69–75, 87–89, 94–95.

А. С. Фаминцын, Е. С. Федоров) и профессорами — будущими членами РАН (Д. К. Заболотный, Н. М. Книпович, С. П. Костычев, Д. С. Рождественский, А. Е. Фаворский, А. Е. Ферсман, Ю. М. Шокальский) вместе с М. Горьким, И. А. Буниним, Л. Б. Красиным, В. Г. Короленко, Г. В. Плехановым⁹¹. По их инициативе 28 марта 1917 г. в помещении Женского медицинского института было принято решение создать «Свободную ассоциацию для развития и распространения положительных наук». Ее задачей было привлечь внимание общественности и правительства к перспективам развития науки, а в конечном итоге — отыскать средства на создание новых научных институтов. Предполагался поиск практического применения достижений науки и систематическое распространение научных знаний в народе. Это решение было поддержано рядом научно-просветительских обществ и учреждений Петрограда и Москвы, а также представителями исполнительной и законодательной власти.

На состоявшихся в апреле — мае собраниях Ассоциации выступали министры Временного правительства (А. Ф. Керенский, П. Н. Милюков, А. И. Шингарев). На учредительном собрании, проходившем 26 мая в Петроградском университете, в совет были выбраны 50 человек (11 академиков и 26 профессоров). Его председателем стал академик В. А. Стеклов, заместителями — М. Горький и будущий академик Д. К. Заболотный, секретарями — В. А. Догель и А. А. Петровский. Исполнительный орган Ассоциации возглавил астроном А. А. Иванов, его заместителем стал гидробиолог Н. М. Книпович, а секретарем — генетик Ю. А. Филипченко. В обращении к гражданам России М. Горький от имени ассоциации писал: «Нам необходимо немедленно приступить к созданию новой России, — начнем же эту работу <...> с фундамента, будем развивать и распространять спасительную силу знания»⁹². Без этого Горький считал невозможным преодолеть вопиющую техническую, экономическую и культурную отсталость страны, превратившейся в сырьевой придаток тех стран, которые смотрят «на Россию как на Африку, на колонию, куда можно дорого сбывать всякий товар и откуда дешево можно вывозить сырые продукты, которые мы, по невежеству и лени нашей, не умеем обрабатывать сами. Вот почему в глазах Европы мы — дикари, бестолковые люди, грабить которых, так же как негров, не считается зазорным»⁹³.

91 *Менделевич Г. А.* Из истории Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук // Вторая научная конференция аспирантов и младших научных сотрудников Института истории естествознания и техники. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 53–54.

92 *Горький М.* Свободная ассоциация положительных наук // Новая жизнь. 1917. № 35. 30 мая. С. 1.

93 Там же.

В качестве доказательств он приводил нищету крестьянства, высокую смертность, при которой половина детей умирает до пятилетнего возраста, низкую производительность сельскохозяйственного производства, уступающую зарубежным аналогам в 4–5 раз, и т. д. Горький был уверен, что гражданин демократического будущего должен быть вооружен точными знаниями, и поэтому необходимо ему «привить уважение к разуму, развить в себе любовь к нему, почувствовать его универсальную силу»⁹⁴. Неразрывность науки и демократии подчеркивал во всех своих выступлениях знаменитый физиолог растений и дарвинист К. А. Тимирязев. Для многих тогда будущее рисовалось неким светлым царством разума, демократии и науки.

Задуманное прежде всего как ассоциация точных наук, новое объединение ученых предполагало создать Институт положительных наук с хорошо оборудованными лабораториями, библиотеками, музеями, аудиториями. Планировалось привлечь к научной работе талантливую молодежь, обеспечив ее «надлежащим образом» материально. Но жизнь не дала возможности проверить реализуемость задуманного синтеза науки и общества, внедрить научные достижения в практику и образование. Создатели Ассоциации не зря подчеркивали, что задуманные планы могут осуществиться лишь в случае сохранения и укрепления демократии в России. Свержение Временного правительства и захват власти большевиками в октябре 1917 г. похоронили эти надежды. Некоторые из задуманных планов нашли воплощение в системах институтов уже в Советской России.

Проекты организации новых институтов возникали и у представителей гуманитарных наук. Инициатором многих из них был М. Горький и его близкое окружение. 16 марта на квартире М. Горького обсуждался вопрос о создании Общества «Дом-музей памяти борцов за свободу» — некоего института социальных наук и гражданского воспитания. Участники этого заседания (М. Горький, В. Л. Бурцев, Л. П. Куприянова, В. Н. Фигнер и др.) обратились с заявлением в АН, которое зачитал А. А. Шахматов на экстраординарном ОС АН 29 марта 1917 г. В нем граждан свободной России призывали включиться в работу по созданию дома-музея «погибшим борцам за свободу», который должен был раскрывать «великий смысл совершившегося переворота»⁹⁵. В обращении подчеркивалось, что такой музей необходим для «духовного возрождения»

⁹⁴ Горький М. Наука и демократия // *Летопись*. 1917. № 5–6 [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.mobi/chapter.php/90227/4/Vestnik_Znaniya_%28N5_1928%29.html (дата обращения: 20.09.2019).

⁹⁵ Приложение к протоколу V Экстраординарного заседания ОС АН. 29 марта 1917 г. (к § 117). С. 109–110.

страны, для воспитания «юношества в духе свободы и справедливости» и для прививания им «гражданского мужества». Авторы заявления просили Академию наук «временно собирать и хранить все документы и литературу по истории общественного и политического движения, которые будут поступать из разных концов России для Дома-Музея». Согласившись на эту просьбу, академия включилась в пропаганду целей и задач Февральской революции⁹⁶. 22 мая в Академии наук состоялось учредительное собрание общества «Дом-музей памяти борцов за свободу», которое просуществовало до сентября 1919 г., когда возобладали совсем иные представления и о свободе, и о гражданственности, и о борцах за них.

15 апреля 1917 г. С. Ф. Ольденбург сообщил ОС РАН, что МНП считает целесообразным вместе с РАН как с «первенствующим ученым учреждением в государстве» провести съезд представителей всех ученых учреждений и научных обществ России и предлагает РАН созвать такой съезд⁹⁷. Предложение было принято с условием, что на съезде сама РАН будет представлена в полном составе, а в Комиссию по созыву съезда включат по два человека от каждого отделения. Месяц спустя МНП было сообщено, что в Комиссию по созыву планируемого съезда избраны: от ОФМН И. П. Бородин и В. В. Заленский, от ОРЯС Е. Ф. Карский и А. А. Шахматов, от ОИНФ А. С. Лаппо-Данилевский и В. В. Бартольд⁹⁸. Позднее, 24 мая, товарищ министра народного просвещения Д. Д. Grimm обратился к университетам и высшим учебным заведениям всех ведомств выделить представителей для обсуждения вопросов их управления, постановки в них учебной части, хозяйственно-финансового положения и т. д. К участию в обсуждении приглашалась и РАН, которая делегировала А. С. Лаппо-Данилевского⁹⁹. Планируемые совещания состоялись. 7–10 июня в Москве проходил IV Депутатский съезд Всероссийского академического союза, на который съехались около 70 делегатов из разных университетских городов¹⁰⁰. В принятой на съезде резолюции высшая школа провозглашалась «учено-учебным учреждением», в котором «задачи научного исследования и преподавания науки должны стоять на первом месте и не могут быть принесены в жертву никаким другим

⁹⁶ Протоколы ОС АН. 1917. С. 106. § 117.

⁹⁷ Там же. С. 112. § 125.

⁹⁸ Там же. С. 187. § 171.

⁹⁹ Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 219. § 182.

¹⁰⁰ Всероссийский академический союз. Депутатский съезд (1917; 4). Отчет Четвертого Депутатского съезда Всероссийского академического союза. М.: [б. и.], 1917. 18 с.

целям»¹⁰¹. Ни слова не говорилось о тяжелом материальном положении студентов и преподавателей, зарплата которых превращалась в гроши¹⁰².

12–16 июня в Петрограде состоялось Совецание представителей высших учебных заведений России, посвященное ее реформированию и примирению различных общественно-политических течений в них и уравниванию в правах всего профессорско-преподавательского корпуса. Впервые в истории российской высшей школы в обсуждении предложенных реформ на равных участвовали академики (В. В. Бартольд, В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург), профессора, приват-доценты и ассистенты. По воспоминаниям М. М. Новикова, принятые законодательные новшества «живительным потоком влились в академический обиход», сплотив профессорско-преподавательский корпус и обеспечив его доверительные отношения со студентами в течение всех лет Гражданской войны¹⁰³. Этот оптимистичный вывод разделяют многие современные историки, но он явно нуждается в уточнении. Основная масса студентов была настроена антимилиитаристически, в то время как профессура придерживалась позиции «надклассового патриотизма»¹⁰⁴.

Профессура оказалась не готова обсуждать на равных с доцентами и ассистентами дела университета и факультетов, а профессорско-преподавательский корпус в целом не желал демократизировать свои отношения со студенчеством. Все это вызвало недовольство студентов, посчитавших себя обманутыми преподавательским корпусом. Не удовлетворены были и притязания на равноправие младших преподавателей, что создавало в целом неустойчивую конфигурацию в столичном вузе, где преподавали многие члены РАН. Потенциально студенты могли объединиться с приват-доцентами и ассистентами для борьбы против консерватизма профессуры и диктата руководства. В любом случае демократическая реформа Временного правительства не только не привлекла на свою сторону студенчество, но скорее способствовала его дальнейшей радикализации.

В результате важные для высшей школы постановления не дали требуемого эффекта на фоне разразившихся в Петрограде в июле 1917 г. событий. Из-за своей половинчатости они обострили социальные про-

101 Русские ведомости. 1917. 8 июня; Русские ведомости. 1917. 13 июня; Речь. 1917. 25 июня.

102 *Абросимова Т. А.* Студенты Петрограда в 1917 г. (протестность и политические предпочтения) // Петербургский исторический журнал : исследования по российской и всеобщей истории. 2018. № 3 (19). С. 341.

103 *Новиков М. М.* Временное правительство и высшая школа // Российская школа за рубежом (Прага). 1927/28. Кн. 27. С. 373.

104 *Ростовцев Е. А.* Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России. С. 319–320.

тиворечия в университете, разведя по разным сторонам три основные социальные группы: студенчество, жаждавшее нового устава, в котором было бы признано их право на участие в управлении вузов; неудовлетворенный младший преподавательский корпус, претендовавший также на участие в управлении и независимость от профессуры; консервативную профессуру, страдавшую от ухудшения своего финансового положения, но не готовую поступиться своими исключительными правами и привилегиями. Все жаждали свободы, но, как всегда, только для себя. В итоге проведенная реформа не только не решила, а резко обострила проблемы высшей школы, которая прежде выглядела более или менее единой в противостоянии с царским правительством.

Продовольственный кризис стал одной из главных причин Февральской революции, поэтому неудивительно, что к МЗ и его Ученому комитету было приковано особое внимание Временного правительства. Активное внимание этому уделяла и РАН, так как ее члены всегда участвовали в Ученом комитете МЗ, а до мая 1916 г. его возглавлял академик Б. Б. Голицын. 6 июня было принято положение о Сельскохозяйственном ученом комитете, призванном заменить бывший Ученый комитет МЗ, а также реорганизовать его бюро, научно-опытные и специальные отделы. Вопреки нараставшему финансовому кризису реформаторы-ученые старались увеличить бюджетные ассигнования на сельскохозяйственную науку и активизировать научно-исследовательскую деятельность различных бюро. Учебная комиссия (Учебного бюро), ведавшая сельскохозяйственными учебными заведениями, и Комиссия по сельскохозяйственному опытному делу рассматривали вопросы организации, финансирования и исследовательской политики опытных учреждений, включая разработку основных положений и законов, регламентирующих деятельность опытных учреждений. 10 июня 1917 г. академик В. И. Вернадский был единогласно избран на пост председателя Сельскохозяйственного ученого комитета (СХУК). Накануне избрания он писал А. Е. Ферсману: «В Ученом комитете <...> должна быть развернута большая государственная организация исследовательского дела, и эта работа в связи с общим планом должна быть принята во внимание при проведении реформы»¹⁰⁵.

Именно эти соображения побудили Вернадского принять пост, оставшийся вакантным с мая 1916 г., и исполнять обязанности председателя до ноября 1917 г., когда, по его собственному выражению, «изгнался [как] тов[арищ] мин[истра] нар[одного] прось[ещения]»¹⁰⁶. Заместителями В. И. Вернадского стали Д. Д. Арцыбашев, Н. М. Тулайков, А. А. Ячев-

¹⁰⁵ Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману. 1897–1944. М.: Наука, 1995. С. 91.

¹⁰⁶ Цит. по: Савина Г. А. Чистые линии. С. 10.

ский. Фактически это был орган управления сельскохозяйственной наукой и исследованиями, работающий в тесном единстве с РАН, члены которой активно участвовали в разработке проектов его учреждений.

Для организации будущего научно-исследовательского центра, где разместились бы учреждения СХУК, КЕПС, Ботанический сад, Художественный Гатчинский музей, академический Ломоносовский институт, Геологический и минералогический музей, отделение Палаты мер и весов, Вернадский планировал получить Гатчинский дворец, парк, уголья царской охоты и прилегающие леса¹⁰⁷. Его вдохновляли «550 десятин одного парка» и «более 600 комнат» только во дворце, не считая «ряда флигелей и домов». Гатчина, по его мнению, должна была стать «ученым городом-садом», и соединение за городом «разнообразных учреждений» представлялось ему крайне нужным и важным.

Но этим планам не суждено было осуществиться, хотя 18 июня 1917 г. Временное правительство приняло временное положение СХУК, предусматривавшее его развитие как крупного научно-исследовательского центра с лабораториями, опытными станциями и вспомогательными учреждениями. Сам Вернадский вскоре вынужден был много времени уделять обязанностям товарища министра народного просвещения и своей концепции о геохимических аспектах живого вещества, в свете которой все происходящее вокруг становилось для него второстепенным. В октябре перед СХУК была поставлена задача готовиться к эвакуации МЗ¹⁰⁸, а 26 октября 1917 г. оно было упразднено. Учреждения СХУК, который после отъезда В. И. Вернадского на Украину недолго возглавлял Д. Д. Арцыбашев, а затем Н. М. Тулайков¹⁰⁹, составили основу отечественной сельскохозяйственной науки, объединенной в ВАСХНИЛ уже Н. И. Вавиловым.

Позднее В. И. Вернадский признавал, что, возглавив научные учреждения Министерства, только «познакомился с совсем новой» для него областью, и не скрывал, что при этом «учился и чрезвычайно много вынес»¹¹⁰. Конечный успех инициированных при нем реформ объясняется тем, что на самом деле Вернадский как земский и общественный деятель в течение многих лет занимался аграрным вопросом и, будучи членом Аграрной комиссии ЦК конституционно-демократической пар-

107 См.: Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М.: Наука, 1981. С. 285.

108 *Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920 / Сост. М. Ю. Сорокина, С. Н. Киржаев, А. В. Мемелов, В. С. Неаполитанская. Киев: Наукова думка, 1994. С. 22.*

109 *Гончаров Н. П. Государственная организация аграрной науки в России (К 175-летию РАСХН) // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 3. С. 13.*

110 *Савина Г. А. Чистые линии. С. 10.*

тии, имел свой взгляд на пути его решения¹¹¹. К тому же он максимально использовал проект, поданный в Государственную думу осенью 1916 г. министром земледелия графом А. А. Бобринским, о преобразовании Ученого комитета МЗ в Институт опытной агрономии.

1.4. ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

Время потребовало внесения изменений в научные планы, нацеленные уже не на победоносную войну, а на сохранение науки и на ее использование в послевоенном устройстве мира. Одними из первых задачу своеобразной демобилизации науки выразили В. Н. Ипатьев и В. И. Вернадский, явившие как раз наиболее удачные образцы ее мобилизации в предшествующие годы.

К тому времени центральное место в деятельности Химического комитета занимали вопросы, связанные с переходом химической промышленности России к мирному развитию. В составе Комитета создали Центральную подготовительную комиссию (председатель академик В. Н. Ипатьев, товарищ председателя академик П. И. Вальден), членами комиссии были академик Н. С. Курнаков, А. Е. Ферсман и др. Основную задачу комиссии В. Н. Ипатьев видел в том, чтобы обеспечить переход химической промышленности на рельсы мирного строительства. В первые дни революции появились различные предложения о коренной реорганизации Химического комитета в Главное химическое управление. Для их рассмотрения были созданы две комиссии, возглавляемые академиком Н. С. Курнаковым и полковником А. А. Дзержковичем — главой Артиллерийского комитета при Главном артиллерийском управлении и председателем Комиссии по применению взрывчатых веществ, — которые пришли к выводу о несвоевременности коренных изменений, и «Химический Комитет вплоть до конца своего существования весной 1918 г. продолжал работать фактически на тех же основаниях, какие имели место и до революции», а В. Н. Ипатьеву было сделано несколько замечаний «за то, что некоторые срочные заказы были даны без спроса надлежащих учреждений»¹¹². Деятельность же химических заводов сокращалась из-за недостатка сырья, расстройств транспорта и резкого падения производительности труда вследствие падения дисциплины. Под руководством Ипатьева члены Химического комитета прилагали большие усилия, чтобы, используя многолетние контакты и доверительные отношения

¹¹¹ *Вернадский В. И.* Из размышлений по аграрному вопросу // Вопросы истории естествознания и техники. 1989. № 1. С. 63–66.

¹¹² *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика. С. 129.

с инженерно-техническим персоналом и рабочими организациями, сохранить химическое производство и обеспечить его перевод на выпуск мирной продукции.

В первой половине 1917 г. КЕПС продолжала выполнять задания, которые с конца 1915 г. получила из различных ведомств и организаций Военного и Морского министерств. Химическая лаборатория Петроградского университета, возглавляемая Л. А. Чугаевым, исследовала возможности использования отработанных кислот в военных целях. Там же разрабатывались методы получения чистой платины, очистки родия от иридия, переработки осмистого иридия на чистый иридий и др. В Химической лаборатории ИАН С. Ф. Жемчужный занимался методами получения некоторых специальных ферросплавов, а на опытном заводе Военно-химического комитета Русского физико-химического общества В. П. Ильинский создавал технологию электролитического получения металлического магния для целей обороны.

Обстоятельства заставили отказаться почти от всех полевых исследований, в том числе от обследования месторождений прозрачного шпата, используемого в оптических приборах, и пришлось ограничиться сбором литературных сведений о его природных источниках. Тем не менее некоторые экспедиции состоялись. По поручению Управляющего Особого совещания по обороне Химическая лаборатория Горного института под руководством И. Ф. Шредера проводила обследование сапропелита озера Балхаш на содержание в нем бензола и толуола. Для получения солей магния КЕПС по предложению Артиллерийского управления обследовала Крымские озера и обнаружила там соединения калия, являвшиеся ценным удобрением, которое до войны доставляли из Германии. Под руководством Н. С. Курнакова его получением занимались в Химических лабораториях РАН и Политехнического института, найдя тем самым возможность перехода от оборонной тематики к проектам мирного времени.

Прекращение военных действий делало неизбежным переход от оборонной тематики к вопросам, непосредственно связанным с разработкой «естественных производительных сил России». Без их использования стране грозило «полное экономическое рабство» ввиду реальной угрозы поражения в войне с Германией¹¹³. Так характеризовал стратегию КЕПС С. Ф. Ольденбург в отчете РАН за 1917 г.

Интенсивно шли работы над глинами, их огнеупорностью и адсорбирующей способностью, изучались русские каолины для нужд бумажной промышленности, а также способы добычи из них алюминия¹¹⁴.

113 Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 10.

114 Там же. С. 258–260.

Материал полевых исследований огнеупорных ископаемых Северо-Запада и Юга России, собранный в 1916 г. И. И. Гинзбургом, П. А. Земятченским и В. И. Искулем, обрабатывался и готовился к печати. В Тихвинском уезде впервые были найдены бокситы, перспективные для промышленной эксплуатации. Это установила специально созданная Комиссия по изысканию алюминиевых руд при Геолкоме, которая финансировалась из военного фонда. Крупнейшие химики были привлечены к разработке промышленных технологий извлечения алюминия из глин. Для испытания огнеупорности глин в Минералогической лаборатории Л. С. Коловрат-Червинский устроил электрическую печь, удобную в обращении и дающую температуру до 2 000 °С и выше. И. И. Гинзбург подготовил сводку по уральским и южным глинам с указанием их пригодности для использования в бумажной промышленности. А. А. Твалчрелидзе в районе Апшеронского полуострова открыл богатые месторождения сульфатных глин, и некоторые из них стали разрабатываться для очистки нефти.

От Министерства торговли и промышленности удалось добиться поддержки проектов создания оптико-механического завода, который должен был заняться не только выпуском военных оптических инструментов, но и разработать технологию их промышленного производства, как и массового производства разных типов микроскопов для биологов, петрографов, металлургов, а также поляризационных инструментов и теодолитов¹¹⁵.

Продовольственные трудности побудили к введению в рацион армии и мирного населения большего числа культурных (кормовых) травянистых, кустарниковых и древесных растений и диких видов, которые обычно мало или совсем не используются в пищу¹¹⁶. Исследования были призваны показать, какие части этих растений могут войти в пищу без всякой предварительной обработки в виде салатов, основы для супов, приправы, а какие требуют специальной обработки в виде предварительного аутолиза, высушивания или сбраживания при помощи соответствующих микроорганизмов. Эти исследования проводили А. Ф. Сулима-Самойло и М. П. Дубянская в пищевом отделе Центральной научно-технической лаборатории Военного министерства при участии сотрудников Ботанического сада (В. Н. Любименко и др.). Итогом работы стало несколько брошюр, содержащих рекомендации по практическому использованию разного рода заменителей обычного питания¹¹⁷.

115 Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 262–274.

116 Там же. С. 260–261.

117 Сулима-Самойло А. Ф. Съедобная ботва огородных растений северной полосы России. Пг.: Научтехиздат, 1918; Любименко В. Н., Монтеверде Н. А., Сулима-Самой-

В них предлагалось изготавливать муку из соломы, кофе из свеклы, хлеб из чилима, чай из дикорастущих ягод и т. д. Для ознакомления населения с этими рекомендациями была создана подкомиссия из представителей Министерства продовольствия, технического комитета Главного интендантского управления, Главного военно-санитарного управления, продовольственного отдела Центрального военно-промышленного комитета. Эти исследования призваны были восполнить все нарастающий дефицит продовольственного рынка различного рода суррогатами¹¹⁸.

Прилагались усилия по институционализации перспективных направлений в области прикладной химии и металловедения¹¹⁹. На рассмотрение Временного правительства были внесены разработанные в январе 1917 г. проекты создания Института физико-химического анализа, Института для изучения платины и других благородных металлов, Глиняно-керамического института. КЕПС организовала серию совещаний, посвященных: роли почвоведения в земельном вопросе; использованию естественных производительных сил Русского Севера; соляным озерам России, русской платине и т. д.¹²⁰

О переориентации интересов КЕПС на мирную тематику свидетельствовала продолжающаяся серия брошюр под общим названием «Материалы для изучения естественных производительных сил России». Несмотря на трудности с бумагой и типографские сложности, в 1917 г. увидели свет брошюры: «Ценные деревья Кавказа» Н. А. Буша, «Месторождения плавикового шпата в России» Е. В. Ереминой, «Ближайшие задачи культуры и сбора лекарственных растений на Южном Берегу Крыма» Н. И. Кузнецова; «О мясном вопросе в России в современной экономической обстановке» Е. Ф. Лискуна, «Русские месторождения исландского шпата» Е. Д. Ревуцкой, «Пшеницы России» К. А. Фляксбергера. Вышли также № 6–9 «Отчетов о деятельности КЕПС», освещавшие деятельность Совета и Общих собраний КЕПС с кратким изложением обсуждаемых там вопросов. К печати была подготовлена также серия книг геологов, минералогов и геохимиков (И. И. Гинзбурга, П. А. Земятченского, А. Е. Ферсмана, В. Г. Хлопина и др.), которые увидели свет два года спустя¹²¹.

ло А. Ф. Съедобные дикорастущие растения северной полосы России. Вып. 1–2. Пг.: Тип. Э. Ф. Мекс, 1918; Дубянская М. П., Свидерский Л. Ф., Сулима-Самойло А. Ф. Суррогаты чая. Пг.: Научтехиздат, 1918; и др.

118 Никитинский Я. Я. Суррогаты и необычные в России источники пищевых средств растительного и животного происхождения.

119 Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 264–265.

120 Там же. С. 267–269.

121 Гинзбург И. И. Слюда, ее свойства, применение и распространение в России; Ефремов Н. Н., Уразов Г. Г., Ферсман А. Е. К исследованию озер юга России, Пг.: КЕПС,

КЕПС выступала в качестве интегратора усилий многих правительственных и научных организаций¹²². Ее главными партнерами в 1917 г. были Министерство торговли и промышленности, Особое совещание по обороне, Геологический комитет, Центральный военно-промышленный комитет, Комитет военно-технической помощи, Военно-химический комитет, Управление Верховного начальника санитарной части, Химический комитет ГАУ, Бюро по организации химического обслуживания армии, СХУК, Полярная комиссия, различные лаборатории Петроградского университета, Горного и Политехнического институтов и др. Кроме того, КЕПС интенсивно завязывала контакты с региональными научными обществами, стремясь ввести естественнонаучные исследования губерний и уездов в рамки общего проекта по природным производительным силам России. Научные связи были установлены с рядом правительственных и научных учреждений Англии, США, Франции.

Несмотря на неблагоприятные обстоятельства, КЕПС обростала все большим числом разных подкомиссий, которых к концу 1917 г. уже было 14. Десять из них возглавлял сам В. И. Вернадский (по битумам, по глинам и огнеупорным материалам, по микроскопии, по платине, по почвам, по исследованию Севера, по солям, по изданию сборника «Естественные производительные силы России», по зоологии, по «белому углю»). Редакционный комитет по изданию очерков для материалов возглавлял А. П. Карпинский, Ботаническую подкомиссию — И. П. Бородин, Подкомиссию по артезианским водам — Н. И. Андрусов, Подкомиссию по использованию силы ветра — М. А. Рыкачев. Во главе Совета Комиссии стоял В. И. Вернадский. Его заместители — А. Н. Крылов и Н. С. Курнаков, а секретари — С. Ф. Жемчужный и А. Е. Ферсман, члены Комиссии: Н. И. Андрусов, И. П. Бородин, В. К. Бражников, П. И. Вальден, В. В. Заленский, А. П. Карпинский, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Е. Ф. Лискун, А. К. Мейстер, М. А. Рыкачев, А. С. Фаминцын. Всего КЕПС насчитывала 135 членов, помимо них в подкомиссиях состояли несколько сот ученых¹²³.

В 1917 г. Комиссия по изучению озера Байкал РАН, созданная годом раньше во главе с академиком Н. В. Насоновым для систематического и комплексного изучения флоры и фауны уникального водоема, не смогла продолжить начатую в 1916 г. работу на Биологической

1919; *Земятченский П. А.* Поглотительные свойства русских глин. Часть экспериментальная. Вып. 1–2. Пг.: 1-я Гос. тип., 1919; *Хлопин В. Г.* Бор и его соединения, их свойства, техническое применение и нахождение в пределах России и прилегающих к ней областях. Пг.: 2-я Гос. тип., 1919; *Чирвинский В. Н.* О фосфоритах Украины. Пг.: КЕПС. 1919; и др.

122 Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 270–272.

123 Там же. С. 290–300.

станции, построенной В. Ч. Дорогостайским на средства иркутского миллионера Н. В. Второва. Планируемую экспедицию для гидробиологических и научно-промысловых исследований, которые должен был возглавить ихтиолог И. Д. Кузнецов — бывший заведующий Промыслово-научной экспедицией Псковского водоема и редактор «Вестника рыбопромышленности»¹²⁴. Назначением Кузнецова обозначились приоритеты планируемых исследований, преследовавших не столько научные, сколько хозяйственно-промысловые цели. В экспедиции должны были участвовать также директор Зоологического музея Московского университета Г. А. Кожевников, профессор Харьковского университета ботаник В. М. Арнольди и профессор МСХИ гидробиолог С. А. Зернов. К лету 1917 г. стало ясно, что отсутствие большинства заказанных приборов и общая ситуация в стране не позволяют реализовать намеченную программу, и было решено перенести финансирование экспедиции на следующий год.

Работавшая при ИАН Высочайше утвержденная Межведомственная Комиссия по выработке мер к охранению кавказского зубра, возглавляемая вел. кн. Сергеем Михайловичем, также должна была остановить свою работу. Все согласованные ранее вопросы об отводе под Государственный кавказский заповедник территории свыше 230 тысяч десятин в нагорной полосе Кубанской области¹²⁵ после Февральской революции пришлось решать заново. Только 12 мая 1924 г. был учрежден Кавказский зубровый заповедник, но сохранившиеся к тому времени 10–15 особей были уничтожены в ближайшие два года¹²⁶.

Сначала 1917 г., казалось, сулил прекрасные перспективы природоохранному движению, энтузиасты которого собрались с 30 октября по 2 ноября в Петрограде на конференцию, созванную Русским географическим обществом¹²⁷. Незадолго до этого было создано Московское общество охраны природы. На нем был рассмотрен проект закона о создании центрального правительственного ведомства, доложенный С. В. Завадским. Одновременно В. П. Семенов-Тянь-Шанский разработал план создания в России сети государственных заповедников во всех географических зонах России. До этого Временное правительство назначило зоолога МЗ В. Э. Мартино комиссар-директором Императорского охотничьего заказника в Крымских горах для преобразования его в национальный парк, что удалось сделать в марте 1919 г. декретом Крымского

¹²⁴ Там же. С. 305–306.

¹²⁵ Отчет о деятельности ИАН. 1916. С. 374.

¹²⁶ Башкиров И. С. Кавказский зубр (монографический очерк) // Кавказский зубр / Ред. Н. М. Кулагин. М.: [Б. и.], 1939 (1940). С. 3–72.

¹²⁷ Вайнер Д. Экология в Советской России. Архипелаг свободы: заповедники и охрана природы. М.: Прогресс, 1991. С. 42–43.

правительства, отбив атаки многочисленных браконьеров — от немецкого генерала до банд «зеленых».

В 1917 г. актуальной стала задача сохранить прежние, а не создать новые биологические станции, питомники, заповедники, музеи. В связи с их погромами в регионах в середине 1917 г. посыпались обращения местных обществ любителей природы к центральной власти, которая сама была бессильна перед самоуправством местных властей и откровенными грабежами. Немногочисленные заповедники постоянно находились под угрозой уничтожения со стороны местного населения, не желавшего понимать их научное значение для человечества. В этом отношении характерны были ситуации со Степной, Бородинской, Мурманской биологическими станциями. Тем не менее ученые старались спасти научные объекты и памятники природы, обращаясь за поддержкой во все научные учреждения страны и властные структуры.

В мае 1917 г. забило тревогу Кавказское общество акклиматизации животных в связи с угрозой уничтожения уникального зоопарка и дендрологического парка в имении барона Ф. Э. Фальц-Фейна Аскания-Нова, расположенного в засушливых степях Таврической губернии и служащего базой полевых исследований более чем 250 видов животных и экспериментальных работ по отдаленной гибридизации. На их призыв откликнулась газета «Русское слово», опубликовав 18 мая 1917 г. статью о гримасах революции, уничтожающей памятники истории и культуры, а теперь угрожающей уникальному парку, созданному упорным многолетним трудом «среди запорожского “Дикого поля” в “глухой степи”». Комиссия ученых учреждений и предприятий при МНП, возглавляемая В. И. Вернадским, переслала в РАН обращение натуралистов юга России и переписку с ними о принятии мер для охраны.

ОФМН попросило А. П. Карпинского и И. П. Бородина посетить министра земледелия В. М. Чернова с просьбой подключить возглавляемое им ведомство к сохранению уникального исследовательского центра и памятника природы¹²⁸. К тому времени сам владелец парка покинул имение, помня о разгроме, учиненном местными жителями в 1905 г. Поскольку В. И. Вернадский был председателем СХУК в МЗ, товарищ министра П. А. Вихляев без промедления обратился с соответствующей просьбой в МВД. 15 сентября на заседании ОФМН было сообщено, что для охраны заповедника Аскания-Нова назначен особый комиссар Временного правительства — энтомолог Херсонской губернии и заведующий музеем в Херсоне И. К. Пачоский, а в декабре 1917 г. его сменил путешественник генерал-майор П. К. Козлов. Было обещано, что о положении дел в заповеднике будет сообщаться в РАН. В лихолетье Гражданской войны парк

128 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1917. Д. 164. Л. 262 об.

оказался в зоне непрекращающихся боевых действий, и большинство ценнейших животных было уничтожено.

13 сентября 1917 г. Временное правительство направило в РАН документ, в котором говорилось о необходимости приступить к созданию заповедных участков и национальных парков в местах, «не затронутых или мало затронутых культурой», с целью сохранения их «в неприкосновенном виде»¹²⁹. Директорам академических музеев, включая Зоологический и Ботанический, предлагалось заполнить анкету о памятниках природы, которые в первую очередь должны быть взяты под охрану. О необходимости сохранить лес шла речь и на Всероссийском съезде лесоводов и лесных техников, который открылся 28 апреля в Петрограде в Лесном институте. Почетный председатель съезда Г. Ф. Морозов призывал «сберечь леса» как государственное достояние.

Разгулявшаяся к тому времени революционная стихия, ведущая к варварскому уничтожению парков, садов, лесов и их обитателей, делала невозможной не только консервацию природных систем, но и рациональное использование биологических ресурсов. Задачи первых российских заповедников, созданных охотоведами ради воспроизводства охотничьей фауны и сохранения промысла, отчетливо противопоставлялись задачам сохранения природных экосистем и их изучению. В условиях войны такой подход имел шансы на правительственную поддержку, но и он скоро стал неприемлемым для населения в деревнях, готового смести всех, кто, по словам В. И. Талиева, «печется о памятниках природы»¹³⁰.

Изменение конъюнктуры отразилось и на особой Комиссии для исследования племенного состава пограничных областей России (КИПС). 1 апреля 1917 г., когда стал актуален вопрос о национальном размежевании на территории самой России, собралась инициативная группа во главе с С. Ф. Ольденбургом для учреждения уже Комиссии по изучению племенного состава населения России. Собравшиеся обратились к Временному правительству, указывая, что создание такой Комиссии обусловлено необходимостью иметь «строгие объективные научные данные по определению племенного состава и границ племенных групп населяющих Россию народов»¹³¹. Учреждаемая Комиссия была готова взять на себя эту задачу и провести определение и картографию народов, проживавших в России. В обращении ничего не говорилось о политических целях предлагаемой работы, но было очевидно, что они диктуются предстоящими спорами о разграничении территорий внутри России по национальностям в связи

¹²⁹ Там же. Ф. 125. Оп. 1. Д. 499. Л. 95 об.

¹³⁰ Талиев В. И. Охрана природы // Природа. 1917. № 11–12. Стб. 1151.

¹³¹ Приложение II к протоколу VI заседания ОС АН 15 апреля 1917 (к § 138) // Протоколы ОС РАН. 1917. С. 127–128.

с предстоящим созывом Учредительного собрания и новым государственным строительством. В итоге Комиссия по изучению племенного состава пограничных областей преобразовалась в Комиссию по изучению племенного состава населения России (КИПС)¹³². В качестве важнейшего национального признака был объявлен язык, а вспомогательного показателя — вероисповедание. Культура, национальное самосознание и национальная самоидентификация, антропологические и этнографические особенности признавались вторичными данными, не подлежащими отражению на будущих картах. Эта инициатива была одобрена на экстраординарном ОС 15 апреля 1917 г.¹³³

КИПС приступила к работе только в начале сентября. Д. А. Золотареву, С. К. Патканову, С. И. Руденко, А. А. Шахматову и Л. Я. Штернбергу поручили разработать инструкцию по составлению племенных карт и пояснительных записок в виде этнологических очерков. В них предполагалось на базе однородных статистических и картографических материалов обрисовать численные и территориальные соотношения между различными этносами. Вся территория России была разделена из несколько областей, состоящих из нескольких губерний: 1) Северная, Поволжская и Центральная области, населенные преимущественно русскими; 2) Латышско-литовская; 3) Белорусская; 4) Украинская; 5) Приуральская; 6) Крым и Прикаспийская область; 7) Бессарабская; 8) Кавказ и Закавказская область; 9) Средняя Азия и Туркестан; 10) Сибирь¹³⁴. Столь трудно соизмеримые территории предполагалось отобразить на картах разного масштаба. В качестве источников были определены перепись 1897 г., материалы сельскохозяйственной переписи 1916 и 1917 гг., труды научных экспедиций, полевые исследования и т. д. Всего в КИПС входили 26 человек, в том числе академики В. В. Бартольд, В. И. Вернадский, М. А. Дьяконов, Е. Ф. Карский, Н. Я. Марр, С. Ф. Ольденбург, В. Н. Петец, М. И. Ростовцев, А. А. Шахматов¹³⁵.

Надвигающаяся разруха все чаще вмешивалась в планы научных исследований и публикацию их результатов.

1.5. СПАСЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Разрушительная стихия революции практически сразу поставила вопрос об охране исторических и культурных памятников на госу-

¹³² Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 311–312.

¹³³ Протоколы ОС РАН. 1917. С. 117. § 138.

¹³⁴ Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 313–314.

¹³⁵ Там же. С. 315–316.

дарственном уровне. Уже 4 марта 1917 г. возникает Комиссия по делам искусств при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов, а 13 марта 1917 г. создается Художественное совещание при Комиссаре Временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов. 16 марта 1917 г. они объединяются в Особое совещание при комиссаре Временного правительства. В его задачи входила охрана памятников старины и художественных ценностей в учреждениях придворного ведомства, а об остальной собственности должны были заботиться их владельцы и общество. Особое совещание просуществовало до 19 апреля 1917 г.

7 августа 1917 г. по предложению Комиссара Временного правительства над бывшим Министерством двора Ф. А. Головина академики А. С. Лаппо-Данилевский и М. И. Ростовцев вошли в состав Особой комиссии по приемке имущества Петроградского дворцового управления, возглавляемой библиографом и историком искусства В. А. Верещагиным¹³⁶.

Академия наук продолжала снаряжать экспедиции с целью учета и по возможности сохранения археологических и исторических памятников на Юго-Западном и Кавказском фронтах. Эта работа велась в районах расположения армий и после прекращения военных действий, что позволяло сберечь от мародерства разнообразные произведения искусства, книги, рукописи.

Революционные события изменили отношение правительственных ведомств и армейских властей к деятельности ученых. Последние охотнее шли на контакты с учеными, так как понимали, что в условиях начинавшегося хаоса надо действовать безотлагательно, чтобы сохранить памятники. Так, 15 апреля 1917 г. на ОС было заслушано сообщение от 29 марта 1917 г., в котором археолог Управления военного генерал-губернатора областей Турции, занятых по праву войны, сообщал о действиях ученой военно-археологической комиссии в завоеванных областях Турции и о принимаемых мерах по охране памятников¹³⁷. Информация была передана в Комиссию по охране памятников старины в районе военных действий.

Это обращение было вызвано тем, что с крахом самодержавия встал вопрос о бюрократически правильном оформлении археологических исследований в оккупированных районах Турции, которые раньше осуществлялись благодаря личным связям авторитетных академиков с правящей элитой. Уже в начале марта 1917 г. известный спелеолог-археолог И. Я. Стеллецкий возглавил Археологический отдел при генерал-губернаторе областей Турции, занятых по праву войны, и в мае 1917 г. по-

¹³⁶ Протоколы ОС АН. 1917. С. 219. § 214.

¹³⁷ Там же. С. 113. § 214.

дал отчет о проделанной работе, в котором настаивал «на организации именно военно-археологической экспедиции», которая могла бы проводить неотложное археологическое обследование района, прежде всего передовых позиций. Отмечая необходимость охраны памятников архитектуры, рукописей, документов и собственно археологических памятников, нередко хранящихся в пещерах, Стеллецкий особо подчеркивал: «...турецкие архивы представляют новооткрытые собрания архивных документов, с регистрацией и изучением коих необходимо поспешить, определив с местных мулл и софи основной характер их содержания (церковное или светское) <...> подвергнуть, если не все, то более ценные по древности и сохранности экземпляры хотя бы беглому палеографическому описанию»¹³⁸.

Однако и при новой власти сохранение культурного наследия в зонах боевых действий оказалось невозможным. В отчете Ф. И. Успенского за 1917 г. сказано, что он два года занимается в Трапезунде и его окрестностях археологическими памятниками с целью их регистрации и охраны, «насколько это допускает военное положение в стране и поскольку военные интересы не преобладают над требованиями археологии». При этом он сетовал, что постоянно сталкивается с трудностями сохранения произведений искусства, рукописей и книг от порчи, расхищения и перепродажи. И видно, что никакие запоры, решетки и двери не могли воспрепятствовать находчивым и настойчивым расхитителям. Начавшаяся анархия сводила на нет все усилия Комиссии. От ее деятельности в этот период осталось немного материалов, в основном планы и обмеры церквей, копии росписей на стенах, фотографии Трапезунда и его достопримечательностей. В экспедиции участвовали харьковский археолог Ф. И. Шмит и профессор Петроградского университета, ориенталист, будущий академик Всеукраинской АН А. Е. Крымский, основное внимание которых было сосредоточено на церквях св. Софии, св. Евгении и Богородицы Златоглавой. Там были найдены усыпальница трапезундского императора, а также фрески, мозаики, запечатленные в планах, рисунках, фотографиях. В храме Богородицы Златоглавой был организован археологический музей.

Будущий академик РАН И. Ю. Крачковский, приглашенный для регистрации и разбора более чем тысячи арабских рукописей, занимался главным образом Ванской коллекцией, собранной еще в 1916 г. В том же году поступила в Азиатский музей коллекция коранов, привезенная из Трапезунда академиком Ф. И. Успенским¹³⁹. Рукописи и документы,

¹³⁸ Цит. по: *Старостин Д. Н.* Трапезундская экспедиция 1916–1917 гг. // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 289.

¹³⁹ Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 111–112.

о сохранении которых так заботились Ф. И. Успенский и И. Я. Стеллецкий в 1917 г., до РАН не дошли. Из-за нехватки средств вынужден был свернуть деятельность в Галиции уполномоченный Комиссии по охране памятников в районе боевых действий академик архитектуры П. П. Покрышкин¹⁴⁰. Киевский литературовед А. В. Багрий телеграфировал 2 июля 1917 г., что в районе Буковины удалось спасти черновицкие культурные ценности, тогда как остатки Кимполунгского музея разгромлены, а Сучавицкий монастырь разграблен проходящими частями¹⁴¹.

Тем не менее, несмотря на отсутствие значимых результатов в сохранении культурных и исторических памятников, РАН старалась выполнить свое призвание, выстраивая взаимоотношения между самими исследователями, а также властными структурами в условиях начинавшегося хаоса.

Однако более грозным бедствием, чем война, для произведений искусства, а также памятников старины и природы становились учащавшиеся погромы помещичьих усадеб взбунтовавшимися крестьянами и просто бандитами. Как с горечью говорилось в отчете РАН за 1917 г.: «Трудно теперь даже учесть те народные, национальные сокровища, которые погибли жертвою народной темноты и безрассудного подстрекательства»¹⁴².

В этих условиях РАН зачастую оказывалась менее влиятельной, чем в районах боевых действий, где она все-таки опиралась на некоторые властные структуры, имевшие хоть какое-то представление о значении исторических памятников. Относительно погромов в сельской местности оставалось только взывать к центральной власти, которая сама не контролировала местное руководство, также бессильное перед лицом анархии и самоуправства. Немногочисленные заповедники постоянно находились под угрозой уничтожения местным населением, не желавшим понимать их значение. В этом отношении характерны ситуации со Степной, Бородинской, Биологической станциями на озере Байкал, заповедником Аскания-Нова и др., разграбленными местным населением¹⁴³. Тем не менее РАН старалась спасти гибнущие памятники культуры и природы, призывая местные и центральные власти вмешаться, апеллируя к их долгу перед страной и будущими поколениями.

140 Протоколы ОС АН. 1917. С. 221. § 189.

141 Там же. С. 242. § 238.

142 Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 14.

143 *Борисовская Г. М.* Бородинская станция // *Очерки по истории С.-Петербургского общества естествоиспытателей. 125 лет со дня основания* / Ред. Т. А. Гинецинская. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1994. С. 138–139; *Гинецинская Т. А.* Степная станция // Там же. С. 140–141; и др.

Риск погромов, грабежей или конфискации, а затем и сдачи Петрограда немцам по-новому поставил задачу спасения культурных ценностей. Под угрозой оказалась двухвековая работа многих поколений российских ученых по формированию коллекций и библиотек. Как отмечал В. И. Вернадский, вследствие паники за бесценнок раскупались научные библиотеки, в связи с чем «у многих тяжелые переживания, близкие к отчаянию»¹⁴⁴. Поэтому РАН по мере сил пыталась организовать охрану уникальных коллекций и библиотек. Много частных владельцев и учреждений стремились отдать свои культурные сокровища на вечное хранение в РАН, что вызывало бурный рост рукописного отдела Библиотеки и Пушкинского Дома. Сбор материалов в «Архив войны» слился с собиранием революционных листовок, периодических партийных изданий первых дней революций¹⁴⁵. К сожалению, все они исчезли в ходе дальнейших бурных событий, и следов их до сих пор найти не удалось. Собрание книг русской заграничной печати и подпольных изданий получило огромное пополнение из Архива Департамента полиции, Охранного отделения, Жандармского губернского управления. В них хранилась великолепная подборка запрещенных книг, периодических изданий, партийных листов, прокламаций.

В 1917 г. РАН пополнилась собраниями бумаг графа И. И. Шувалова и Ф. И. Голицына, переданных почетным академиком вел. кн. Николаем Михайловичем; письмами академика П. С. Палласа; обширным собранием литературных и исторических материалов известного коллекционера и библиофила В. И. Яковлева; бумагами и книгами графов Степана С. и Сергея С. Ланских; библиотекой Э. Калужняцкого; рукописями Н. И. Пирогова; рисунками А. П. Хотулева; картотекой для «Словаря русских портретов» Н. Н. Врангеля; библиотекой из сгоревшего замка Штокмансгофа в Латвии и, наконец, уникальной библиотекой вел. кн. Елены Павловны, содержащей 8 тыс. научных книг XVIII в.¹⁴⁶ Академия мгновенно отреагировала на письмо принцессы Е. Г. Саксен-Альтенбургской от 21 августа 1917 г. о намерении передать в дар РАН эту библиотеку. На совещании с участием А. П. Карпинского, С. Ф. Ольденбурга, И. П. Бородин, М. А. Дьяконова и Н. А. Котляревского было решено как можно быстрее вывезти книги из Каменноостровского дворца, поскольку «в настоящее тревожное время частный дом уже не может обеспечить подобные культурные ценности от разорения»¹⁴⁷.

¹⁴⁴ Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 27.

¹⁴⁵ Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 45.

¹⁴⁶ См. об этом книжном собрании: *Кульматова Т. В.* Библиотека великой княгини Елены Павловны // Великая княгиня Елена Павловна. СПб.: Лики России, 2011. С. 300–304.

¹⁴⁷ Протоколы ОС АН. 1917. С. 243. § 239.

Будучи товарищем министра просвещения, В. И. Вернадский добился также положительного решения об усилении поста милиции для охраны библиотеки и музея члена-корреспондента РАН Н. П. Лихачева. Причем начальник Петроградской городской милиции заверил РАН, что в случае необходимости охрана дома Лихачева «будет усилена»¹⁴⁸. Узнав о том, что под угрозой усадьба Л. Н. Толстого Ясная Поляна, РАН также обратилась за помощью в МВД.

Вскоре после Февральской революции по инициативе начальника Морского архива А. И. Лебедева был создан Союз российских архивных деятелей с целью неотложного спасения архивов упраздняемых учреждений, частных усадебных архивов и архивов прифронтовой зоны. Начавшиеся разгромы помещичьих усадеб, полицейских и жандармских учреждений, судов, прокуратуры и т. д. заставляли действовать решительно и незамедлительно приступить к разработке планомерного вывоза наиболее важных и ценных документов из столичных архивов на хранение в Академию наук. 8 апреля 1917 г. председателем Союза был избран академик РАН А. С. Лаппо-Данилевский. В ответ на обращение многих организаций, обеспокоенных состоянием архивного дела в революционной России, на экстраординарном ОС АН 27 мая 1917 г. было решено образовать при академии Межведомственное совещание во главе с А. С. Лаппо-Данилевским для обсуждения положений о губернских ученых архивных комиссиях¹⁴⁹. В результате этого совещания был разработан устав Союза российских архивных деятелей, утвержденный министром народного просвещения 16 июня 1917 г. Это позволило объединить «разрозненных до того деятелей архивного дела в России, на попечении которых находятся исторические документы первостепенной важности»¹⁵⁰.

Начавшийся распад Российского государства создавал новую ситуацию в сохранении культурных ценностей. Становящиеся самостоятельными национальные окраины начинали требовать возвращения когда-то вывезенных в столицу своих библиотек, архивов и других культурных объектов. Первой возникла проблема с Ликвидационной комиссией по делам Царства Польского, созданной Временным правительством 15 марта 1917 г. во главе с бывшим кадетом А. Р. Ледницким. 9 июня 1917 г. Ликвидационная комиссия запросила в Академическом архиве сведения об архивных фондах, в целом или частично переданных из собраний, принадлежавших ранее государственным, общественным, церковным или частным хранилищам Царства Польского, и об их описях.

148 Там же. С. 256. § 261.

149 Там же. С. 225. § 201.

150 Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 15.

Академию наук попросили также разрешить представителям комиссии ознакомиться с самими фондами и документами об их передаче в Академический архив. Со ссылкой на летние отпуска сначала было сказано, что до осени архив закрыт. 2 сентября ОС РАН ответило, «что все учреждения Академии теперь открыты и доступны для общего пользования»¹⁵¹, но было уже не до них.

Практически сразу на повестке дня оказался давний вопрос о реформе русского правописания с целью его упрощения. Еще 14 февраля 1904 г. на заседании ОРЯС была создана Особая орфографическая комиссия по вопросу о русском правописании во главе с императором Николаем II¹⁵². Его заместителем стал Ф. Ф. Фортунатов. В комиссию вошли также А. А. Голенищев-Кутузов, А. Ф. Кони, Ф. Е. Корш, А. И. Соболевский и А. А. Шахматов. 10 апреля 1904 г. на заседании ОРЯС Ф. Ф. Фортунатов доложил президенту ИАН о плане работы Комиссии по подготовке конкретных предложений к реформе правописания¹⁵³. Подготовленные предложения вел. кн. Константин Константинович оценил как слишком радикальные, и проект отложили на долгие годы, хотя перед началом Первой мировой войны многие педагогические съезды и курсы, включая 1-й Всероссийский съезд по вопросам народного образования, принимали резолюции о насущной необходимости реформы русского правописания. Тогда была создана Орфографическая подкомиссия, но и ее предложения многих не удовлетворили. С 27 декабря 1916 по 4 января 1917 г. в Москве проходил 1-й Всероссийский съезд преподавателей русского языка, в котором участвовали 2 090 педагогов, единодушно высказавшихся за скорейшую реформу и обратившихся к ИАН, «чтобы состоящая при ней Орфографическая комиссия без замедления завершила начатую работу»¹⁵⁴. Тяжелое время, по мнению собравшихся, не может служить отговоркой для бездействия, а, напротив, требует энергичного устранения всего того, что мешает народному образованию.

Академики услышали учителей и создали Комиссию в составе А. А. Шахматова, С. Ф. Ольденбурга, А. И. Соболевского, В. Н. Перетца, Е. Ф. Карского и Н. К. Никольского для выработки возможных мер в этом направлении. 25 апреля 1917 г. Комиссия собралась под председательством А. А. Шахматова и совместно с Отделением ОРЯС рассмотрела все проекты реформ, подготовленные Орфографической комиссией (1904) и Орфографической подкомиссией (1912)¹⁵⁵. Решения, принятые по каж-

151 Протоколы ОС АН. 1917. С. 241. § 234.

152 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1–1904. Д. 218. Л. 28.

153 Там же. Л. 73–74.

154 Протоколы ОС АН. 1917. С. 115. § 133.

155 Там же. С. 183–185. § 161.

дому пункту голосованием, были еще раз обсуждены 11 мая 1917 г. на Совещании по вопросу об упрощении русского правописания. В нем помимо членов Комиссии участвовали члены Орфографической комиссии 1904 г., представители ряда высших учебных заведений, а также МНП, Министерства торговли и промышленности, Синода, Всероссийского педагогического союза, Главного управления военно-учебных заведений, Комиссии по народному образованию Петрограда¹⁵⁶. Председательствовал А. А. Шахматов, который подробно рассказал историю затянущихся реформ, глубоко волнующих общество, особенно ученых, педагогов, писателей, журналистов, и подчеркнул еще раз, что речь может идти только об изменении правописания, а язык должен оставаться в «полной неприкосновенности» и развиваться дальше по собственным законам, «которыми определяется жизнь». После оживленных дебатов, в которых участвовали Н. И. Андрусов, И. А. Бодуэн-де-Куртенэ, С. К. Булич, О. П. Герасимов, Е. Ф. Карский, Н. К. Кульман, П. Н. Сакулин и др., было решено представить согласованное предложение на утверждение ОС, намеченное на 13 мая 1917 г.

Осторожные академики постановили «иметь суждение осенью», но предложения были переданы в МНП¹⁵⁷, где необходимую научную работу по реформе русского правописания посчитали завершённой. А. А. Мануйлов поддерживал проект реформы русского правописания и уже 17 мая 1917 г. выпустил циркуляр, содержащий основные правила нового, упрощенного правописания и предписывавший попечителям округов немедленно провести реформу русского правописания. Еще один циркуляр вышел 22 июня 1917 г. Но через 10 дней Мануйлов ушел в отставку, и правила стали обязательными уже после прихода к власти большевиков.

1.6. В ПОИСКАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Революционные события сделали особенно актуальной работу над коллективным трудом по истории отечественной науки. Для продвижения интересов науки в обществе, расставшемся с авторитарным правлением и декларировавшим демократические цели, особенно важно было иметь труд, в котором в общедоступной и яркой форме, но на высоком научном уровне было бы показано, как в течение двух столетий шло развитие русской науки. Учитывая, что этому уникальному проекту было

¹⁵⁶ Приложение I к протоколу VII заседания ОС АН 13 мая 1917 г. (к § 161) // Протоколы ОС АН. 1917. С. 189–207.

¹⁵⁷ Протоколы ОС АН. 1917. С. 185. § 161.

посвящено специальное фундаментальное исследование¹⁵⁸, остановимся только на том, как революция 1917 г. изменила его целевые установки. Об этом откровенно говорил С. Ф. Ольденбург 29 декабря 1917 г. в годовом отчете РАН¹⁵⁹. Первоначально работа задумывалась как средство общения с союзниками с целью лучшего понимания ими двухвековой истории российской науки и ее «вклада в сокровищницу человеческих знаний»¹⁶⁰. В связи с этим планировалась публикация сборника одновременно на русском и французском языках. В этом аспекте и шла подготовка проекта, идейным вдохновителем которого стал академик А. С. Лаппо-Данилевский, разработавший теоретическое обоснование предстоящего исследования, его цели и задачи, методологию отбора и подачи материала, предварительную структуру и т. д. На фоне развития мировой науки предполагалось осветить не только когнитивную историю отечественной науки, но и ее институциональные, социальные и антропологические аспекты. Эти плодотворные идеи Лаппо-Данилевский сформулировал в «Заметках о развитии русской и европейской науки» и в «Плане работы о зарождении научной мысли в России»¹⁶¹.

Детальное обсуждение проекта и подготовки к изданию сборника проходило на совещании в Малом конференц-зале 25 февраля 1917 г., когда в Петрограде уже начались волнения. В совещании участвовали 25 человек, между которыми и была распределена значительная часть из 59 намечаемых глав. В условиях войны и борьбы за самостоятельность российской науки неизбежно возникали вопросы о том, как отражать роль иностранных, прежде всего немецких, ученых в развитии отечественной науки. По мнению А. С. Лаппо-Данилевского, обязательного упоминания заслуживали те, кто был в числе ее творцов и жил в России, основав научные направления, также ставшие ее «необходимыми звеньями»¹⁶². Он не видел «нужды называть» лиц, отнесенных им к категории наставников, под которыми, видимо, подразумевались зарубежные ученые, не работавшие в России.

Из-за революционных событий экстраординарное ОС АН только 27 мая рассмотрело план предполагаемого издания в двух томах¹⁶³, построенный по дисциплинарному принципу. К тому времени в его реализации собирались участвовать не только академики (Н. И. Андрусов, В. В. Бартольд, А. А. Белопольский, И. П. Бородин, П. И. Валь-

158 Судьба проекта «Русская наука» / Отв. ред. Ю. М. Батурич; ред.-сост. Г. И. Смагина, В. М. Орёл. М.; СПб.: Перо, 2016.

159 Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 8–9.

160 Судьба проекта «Русская наука». С. 162.

161 Там же. С. 163–166.

162 Там же. С. 33.

163 Протоколы ОС РАН. 1917. С. 222. § 191.

ден, В. И. Вернадский, П. Г. Виноградов, В. В. Заленский, В. М. Истрин, Н. П. Кондаков, П. П. Лазарев, Н. Я. Марр, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. В. Насонов, М. И. Ростовцев, С. Ф. Ольденбург, П. Б. Струве, Ф. И. Успенский, А. А. Шахматов), но также профессора и доценты вузов Петрограда, Москвы и других университетских городов¹⁶⁴.

Проект становился центром усилий практически всей интеллектуальной элиты России, заинтересованной в продвижении корпоративных интересов научного сообщества. Это связано с тем, что не столько укрепление контактов с гражданскими обществами стран-союзников, сколько лоббирование своих интересов внутри страны придавало «гораздо большее еще значение для знакомства и понимания русской науки и культуры со стороны населения самой России»¹⁶⁵. Необходимо было объяснять и новым властям, и революционным массам, что российская наука глубокими корнями уходит в прошлое, в котором «лежит громадная работа длинного ряда поколений сознательных работников на великое дело просвещения»¹⁶⁶. Предполагалось, что книга будет укреплять «самосознание народное», останавливать «легкомысленные и пагубные шаги к разрыву с прошлым, предпринимаемые из-за невежественного смещения прошлого политического с прошлым настоящим».

По словам Ольденбурга, «Русская наука» должна показать, «как много мысли, упорного труда и забот положено русскими людьми на создание тех народных духовных сокровищ, которые в виде книг, библиотек, музеев, опытных станций становятся доступными все более и более широкому кругу лиц, по мере того как в них самих усиливается желание знать и понимать окружающую их жизнь человек[<]ека[>] и природы»¹⁶⁷. Он уверял, что история науки свидетельствует о ее надклассовом характере и политической нейтральности, так как она домогается «истины для всего человечества и для каждого человек[<]ека[>], кто бы ни был этот человек»¹⁶⁸. Особо было подчеркнуто патриотическое значение истории отечественной науки, создаваемой вначале трудами иностранцев и перешедшей «постепенно в руки русских ученых»¹⁶⁹. Массовый отъезд академиков из Петрограда осенью 1917 г. поставил крест на этих планах, так как было невозможно писать историю развития отдельных отраслей науки вдали от библиотек и архивов¹⁷⁰.

164 Судьба проекта «Русская наука». С. 168–172.

165 Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 8.

166 Там же.

167 Там же.

168 Там же.

169 Там же.

170 Есаков В. Д. Неосуществленный проект Академии наук. С. 1136.

Затормозилась работа и над проектом «Наука в России», задуманным совместно с журналом «Природа» и Петроградским университетом и призванным дать точные сведения обо всех научных учреждениях и обществах. По утвержденному ОС в декабре 1916 г. плану в 1917 г. должны были быть изданы две части справочника, содержащего сведения о ведущихся в стране исследованиях, их институциональной базе и о самих ученых. Первоначально этот проект рассматривался как важный путь к мобилизации научных сил России и эффективному их использованию, интегрирующий ученых разных отраслей знания и ведомственной принадлежности, работавших в Петрограде и Москве. Несмотря на трудности, работа шла достаточно успешно, и к осени в Петрограде были собраны важные сведения о гуманитарных науках, а в Москве — о математических и естественных. Это позволяло лучше представить научный потенциал страны в виде сотен научных обществ, лабораторий, бюро, институтов, библиотек, опытных и селекционных станций, работавших чаще всего разрозненно. Октябрьский переворот обрушил финансирование этого проекта, но придал ему особую ценность в диалоге с новыми властями. РАН выступала в роли объединяющего центра, способного интегрировать усилия разных учреждений страны в целях более «интенсивной научной, исследовательской работы»¹⁷¹.

1.7. В ПРЕДВЕРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Апрельский политический кризис вызвал уход в отставку первого Временного правительства и быструю поляризацию политических сил с резким полевением народных масс, а вслед за ними и правительства. Первым вынужден был его покинуть лидер кадетов, министр иностранных дел П. Н. Милюков, который пообещал союзникам выполнить долг до победного конца, но не смог уговорить народ дальше воевать. Энтузиазм первых послереволюционных дней прошел. В мае 1917 г. в ЦК партии кадетов были избраны В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург и А. А. Шахматов¹⁷². Но прежнего оптимизма не было и у них. Своему ученику А. Е. Ферсману, находившемуся в Симферополе, В. И. Вернадский пишет 9 июня 1917 г.: «В общем, здесь нехорошо. Мы быстро идем к какой-то катастрофе»¹⁷³. Правда, он все-таки не теряет надежды выйти «из нее не очень пострадавшим» и надеется в ближайшее время уехать

171 Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 9.

172 Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 658.

173 Письма В. И. Вернадского А. Е. Ферсману. С. 80.

из Петрограда на Полтавщину, чтобы заняться биогеохимическими исследованиями.

Предчувствие не обмануло ученого. Политическая борьба переросла в вооруженное противостояние. После провала июньского наступления и расстрела июльского восстания в Петрограде разразился правительственный кризис. Руководство партии кадетов, не приняв соглашения с Центральной радой о федерализме с Россией, призвало своих сторонников покинуть коалиционное правительство. Среди них был и А. А. Мануйлов. 7 июля 1917 г. ушел в отставку министр внутренних дел и председатель Временного правительства Г. Е. Львов, многолетний соратник В. И. Вернадского, С. Ф. Ольденбурга, П. Б. Струве и других академиков-кадетов по «Союзу освобождения». Новое коалиционное правительство возглавил военный и морской министр А. Ф. Керенский, что само по себе вызвало отрицательную реакцию в научном сообществе.

В благополучный исход революции все меньше верил И. П. Павлов, наблюдая за ростом активности масс, за их выступлениями против Временного правительства и за столкновениями между большевиками с одной стороны и эсерами и меньшевиками с другой¹⁷⁴. Когда же во главе коалиционного правительства, состоявшего в основном из представителей левых, социалистических партий, встал Керенский, негодованию Павлова не было предела¹⁷⁵. Академик знал будущего премьера раньше благодаря прокурору судебной палаты С. В. Карчевскому — своему шурина. По воспоминаниям Л. А. Орбели, Павлов возмущался в те дни: «О, паршивый адвокатишка, такая сопля во главе государства — он же загубит все!»¹⁷⁶ Резко политику Временного правительства в области науки и культуры критиковал академик Н. Я. Марр¹⁷⁷.

Приближение катастрофы ощущали многие академики-гуманитарии, воспринявшие и отступление войск, и уход кадетов из правительства как оправданный акт, обусловленный невозможностью мириться с признанием поражения страны и началом ее распада. Многих потрясли уступки Центральной раде, расцененные как предательство единой и неделимой России и готовность пойти на сепаратный мир.

Начавшийся распад единого русскоязычного научного пространства, инициированный Центральной радой во главе с кадетом-историком М. С. Грушевским, произвел крайне гнетущее впечатление на А. А. Шах-

174 Мозжухин А. С., Самойлов В. О. И. П. Павлов в Петербурге–Ленинграде. Л.: Лен-издат, 1977. С. 213.

175 Самойлов В. О. Эволюция политических взглядов И. П. Павлова в годы советской власти // И. П. Павлов. Pro et contra. / Сост. Ю. П. Голиков, К. А. Ланге. СПб.: Изд-во РХГУ, 1999. С. 653.

176 Орбели Л. А. Воспоминания. М., Л.: Наука, 1966. С. 83–84.

177 Сидорчук И. В. Н. Я. Марр и государственная культурная политика... С. 88.

матова. 5 июля 1917 г. он писал почетному академику, известному юристу А. Ф. Кони: «Как и Вы, я с особенным ужасом останавливаюсь перед предательством украинцев во главе с Грушевским. Это самый тяжелый удар по России <...>. Наши социалисты, а в числе их даже Керенский, пошли на удочку Грушевского и одобрили то, что им, как государственным, должно было бы претить»¹⁷⁸. Две недели спустя, 19 июля 1917 г., он напишет академику В. М. Истрину: «Россия пропала — это ясно! Совершенно не вижу выхода и возможности спасения! <...> Неужели можно пережить позор и унижение родины с легким сердцем? Вообще я лишен дара видеть что-нибудь впереди, но теперь события рисуются мне так, что Керенский недели через две-три будет устранен, а Некрасов пойдет на сепаратный мир и позорные условия. А что дальше, трудно себе даже и представить. Выходу кадетов из министерства сочувствую в особенности после покрытого министрами предательства украинцев»¹⁷⁹.

Либеральные академики убеждались, что революция, которой они ждали как начала обновления и созидания, не только не оправдывала надежд на демократические реформы, но и несла хаос и разрушение, угрозу всем их планам и чаяниям. В Петрограде шла ожесточенная политическая борьба, при которой наука оказывалась никому не нужной. С горечью отмечал И. П. Бородин: «Положение интеллигенции теперь вообще самое печальное. Но еще печальнее положение несчастной России»¹⁸⁰. «Феерический переворот» в феврале 1917 г. обернулся беспорядками и трагедиями, резким ухудшением жизни для всех слоев населения, и научной интеллигенции в первую очередь. Начинается рефлексия по поводу несбывшихся надежд. Бородин делает неожиданный вывод о преждевременности демократических преобразований: «Слишком мало подготовлен народ, понимающий свободу только как анархию и возможность никому не подчиняться»¹⁸¹.

В то же время шел дрейф части академиков на правый фланг общественной и политической жизни. Июльские события в Петрограде были оценены некоторыми из них как открытие «русско-русского фронта», т. е. как начало Гражданской войны, которое заставляло их задумываться об альтернативе либеральной парадигме.

178 Цит. по: Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. Сборник статей к 150-летию со дня рождения ученого / Отв. ред. О. Н. Крылова, М. Н. Приемышева. СПб.: Нестор-История, 2015. 1040 с.

179 Жуков А. Е. А. А. Шахматов и В. М. Истрин // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. С. 144. Цит. по: Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отчетственное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. С. 22.

180 СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 71. Л. 32 об.

181 Там же. Л. 28 об.

Свидетельством поправления интеллектуальной элиты стала Лига русской культуры, пытавшаяся объединить в мае — октябре 1917 г. обширный спектр русской научной и творческой интеллигенции от монархистов и националистов-славянофилов до октябристов и кадетов¹⁸². Идейным вдохновителем и инициатором этой национально-патриотической организации стал профессор Петроградского Политехнического института (ППИ) П. Б. Струве, незадолго до того избранный академиком по кафедре политической экономии и статистики. 29 мая 1917 г. на «подготовительном собрании» Лиги в помещении редакций «Русской мысли» и «Русской свободы» он выступил с программной речью о тесной связи патриотизма и культуры с национальной идеей, воплощенной в политическом строе государства. В прошлом Струве был убежденным марксистом, участником Лондонского конгресса II Интернационала (1896), редактором первых в России марксистских газет и журналов «Новое слово» (1897) и «Начало» (1899), автором «Манифеста Российской социал-демократической рабочей партии» (1898), а затем редактором либерального журнала «Освобождение», одним из основателей либеральных «Союза освобождения» (1905) и кадетской партии (1915), членом которой он состоял до 1915 г.¹⁸³ Теперь он ратовал за возрождение «здорового патриотизма», звал на борьбу с «антигосударственной стихией» и «бесовской трагедией национально-государственного отступничества».

Струве фактически возглавлял Временный совет Лиги, избранный на ее собрании 7 июня 1917 г., где М. В. Родзянко стал почетным председателем. Новая организация носила элитарный характер. Среди ее основателей было много политических деятелей, включая С. Ф. Ольденбурга. Вскоре к нему присоединились академики И. П. Бородин, М. А. Дьяконов, Е. Ф. Карский, Н. П. Кондаков, Н. А. Котляревский, А. С. Лаппо-Данилевский, В. В. Латышев, А. В. Никитский, Н. К. Никольский, М. И. Ростовцев, которых, видимо, не шокировала близость с крайне правыми, монархистами и националистами. Политический плюрализм объединения подчеркивался в его программной декларации, ставящей цель приступить в «единении с пробужденным и отрезвленным народом» в «освобожденной России», переживающей период «великого разброда и распада», к созидательной работе «укрепления русской культуры и государственности в их благородно-национальной форме, предуказанной

182 Знаменский О. Н. Интеллигенция накануне Великого Октября. С. 219–221; Жердева Ю. А. «Рожденные» в 1917-м: общественно-политическое движение «Лига русской культуры» // Проблемы отечественной истории: источники, историография, исследования / Отв. ред. М. В. Друзин и др. СПб.; Киев; Минск: Нестор-История, 2008. С. 532–543.

183 Pipes R. Strove, Liberal on the Right, 1905–1944. Cambridge: Harvard University Press, 1980. 526 p.

всей нашей историей»¹⁸⁴. Эта декларация отражала умонастроение элиты отечественной гуманитарной науки, пришедшей к выводу, что только творческой работой на ниве культуры, пронизанной глубоким национальным чувством, можно избежать «духовного распада и нравственного одичания» населения.

Упор на национализм явно разводил создателей Лиги русской культуры с усилиями ученых-естественников из круга М. Горького, делавших упор на пропаганду достижений интернациональной науки. Призывая к перевоспитанию народа и интеллигенции в духе патриотизма и национализма, они уповали на перестройку формировавшихся сознания и психологии масс. Они смутно представляли реальные потребности и устремления взбудораженного революцией народа. Лига прекратила свое существование накануне Октябрьской революции, не оставив следов в сохранении ни национальной культуры в целом, ни ее отдельных памятников. Лозунги о возрождении «культуры и государственности» были заглушены «призывами к справедливости и перераспределению собственности», показав в очередной раз бессилие изодрванного разума перед «пробужденным», но явно «не отрезвленным» народом¹⁸⁵. Национально-патриотические устремления и культ «исторических традиций русской государственности» не мог вдохновить русских либеральных интеллектуалов, не говоря о национальной интеллигенции окраин, жаждущих независимости. И здесь были бесполезны усилия профессора Петроградского университета историка И. М. Гревса, уверявшего, что Лига является «надпартийной, надклассовой, и надплеменной» организацией, призванной объединить в общерусской культуре культуру всех национальностей России¹⁸⁶.

В прежнем патриотическом хоре профессорско-преподавательского состава стали отчетливо слышны заявления о необходимости быстрее замирения с Германией без аннексий и контрибуций и отказа от планов национал-либералов прибрать к рукам Константинополь и проливы¹⁸⁷. Так писал бывший доцент Московского университета историк Н. А. Рожков, занимавший некоторое время пост министра почт и телеграфов во Временном правительстве. Радикальнее высказывался приват-доцент Петроградского университета историк и юрист М. А. Рейснер, отец Ларисы Рейснер, ставшей прообразом Комиссара из пьесы В. В. Вишневского «Оптимистическая трагедия». По его мнению, три года войны вскрыли всю фальшь ультрапатриотических заявлений о

184 К русским гражданам // Русская свобода. 1917. № 9. С. 20.

185 Жердева Ю. А. «Рожденные» в 1917-м. С. 542.

186 Гревс И. М. Лига русской культуры // Речь. 1917. № 195. 20 августа. С. 6.

187 Рожнов Н. А. Нужны ли нам проливы? М.: Грядущее, 1917.

возвышенных духовных целях России за национальные интересы, за освобождение славян и за сокрушение тевтонских варваров¹⁸⁸. Он допускал ведение свободной Россией только оборонительных войн.

После провала июньского наступления и развала фронта о «мире без аннексий и контрибуций» заговорил министр иностранных дел М. И. Терещенко, а военный министр генерал-майор А. И. Верховский настаивал, что армия воевать больше не может. Комментируя их споры, В. И. Вернадский 11 октября 1917 г. записывает в дневнике: «М[ожет] б[ыть], правильна постановка на обсуждение вопроса о мире»¹⁸⁹. К тому времени угроза оставления Петрограда стала реальной. Это плохо понимал Вернадский. Буквально накануне вооруженного восстания в Петрограде он расценил требования Верховского о мире как большевистскую пропаганду и задается вопросом: «Всюду толки о мире — но что из себя представляет сейчас “мир”. Насколько он возможен и что значит?»¹⁹⁰ В то же время он признает, что, в сущности, Верховский прав, так как армия драться не может, а мир необходим для того, чтобы завоевать ее расположение и повернуть против большевиков. Сторонником широкой коалиции с социалистическими партиями был А. А. Мануйлов, оставивший пост министра народного просвещения и с ним политическую деятельность. Создавалось впечатление, что он, как и многие другие сторонники реформ науки, разуверившись в возможности их реализовать в условиях острейшего политического кризиса, с облегчением покинул государственную ниву и вернулся к привычной научно-преподавательской деятельности. Во имя спасения науки многие ученые были готовы отказаться и от ее реформирования, и от сотрудничества с властью, которая с провалом «февральской демократии» казалась им обреченной¹⁹¹. Они понимали, что речь идет уже не о мобилизации науки во время войны, а о ее спасении.

Иначе на это смотрел С. Ф. Ольденбург и отчасти В. И. Вернадский, которые по-прежнему считали, что ученые должны участвовать в общественно-политической жизни и взаимодействовать с правительством в лоббировании планов научного сообщества. 25 июля 1917 г. С. Ф. Ольденбург вошел в состав Временного правительства А. Ф. Керенского. Незадолго до этого, 17 июля 1917 г., А. А. Блок сделал запись о разговоре с Ольденбургом, который собрался идти на фронт солдатом, так как полагал, что там он нужнее, чем в тылу, а «Керенский его отговаривает»¹⁹².

188 Рейснер М. А. Война и демократия. Пг.: Изд-во И. Р. Белопольского, 1917.

189 Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 14.

190 Там же. С. 27.

191 Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации. С. 232–241.

192 Блок А. А. Записные книжки. 1901–1920. М.: Художественная литература, 1965. С. 378.

При всей парадоксальности ситуации, когда премьер-министр уговаривает 55-летнего неперменного секретаря РАН и кандидата на пост министра не идти на фронт простым солдатом, она хорошо отражает чувство разочарования ученых, осознавших, что народ в бой идти не желает, но понимавших вместе с тем всю пагубность сепаратного мира. Об этом можно судить по письму от 25 июля 1917 г. В. И. Вернадского к Г. В. Вернадскому — профессору Пермского университета. Отец указывает сыну на нецелесообразность его решения «идти в армию», так как «профессора и определенные группы учителей и ученых» «ввиду важности их функций для государства» «идут на военную службу лишь в последней крайности»¹⁹³. По мнению В. И. Вернадского, в военное время ученые обязаны не только интенсивно заниматься своей основной работой — «они должны самым энергичным образом участвовать и в организации тыла. И я не знаю, что сейчас важнее: тыл или фронт»¹⁹⁴.

Буквальные совпадения дневника А. А. Блока и письма В. И. Вернадского в суждениях о тыле и фронте вряд ли случайны. С. Ф. Ольденбург сам хорошо понимал, что для страны и российской науки важнее, чтобы он занялся организационной работой в тылу, чем отправился на фронт солдатом. Итогом уговоров премьер-министра стал пост министра народного просвещения, принятие которого, судя по дневнику Блока, сам Ольденбург воспринимал как сакральную жертву во имя науки. Вскоре он предложил В. И. Вернадскому, уехавшему 5 июля из Петрограда в Украину, стать товарищем министра и возглавить отдел высшей школы и организации научных учреждений.

Это предложение явно нарушало планы В. И. Вернадского, также разочаровавшегося к тому времени в политической деятельности и жаждавшего вернуться к научной работе. Но, с другой стороны, у него не было сил отказаться, так как со студенческих лет они вместе с С. Ф. Ольденбургом были уверены, что только просвещение и наука могут обеспечить развитие России, а здесь им предоставлялась возможность на практике проверить свои убеждения. Хотя он чувствовал «всю непрочность положения дел», но все-таки надеялся «что что-нибудь можно будет сделать»¹⁹⁵. Как вспоминал Вернадский в 1930-х гг., он принял предложение Ольденбурга не только из-за того, что не хватило «мужества отказаться, т. к. признавал свой долг не оставлять людей, партию в общем деле», но и потому, что «вопросы правильной организации научной и

193 В. И. Вернадский. Pro et contra. Антология литературы о В. И. Вернадском за 100 лет (1898–1998) / Сост. А. В. Лапо; отв. ред. А. Л. Яншин. СПб.: РХГИ, 2000. С. 138.

194 Там же.

195 Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 209.

учебной работы» его всегда «глубоко интересовали»¹⁹⁶. И в дальнейшем Вернадский никогда не жалел ни о том, что принял предложение Ольденбурга, ни о том, что остался на посту после ухода в отставку 31 августа 1917 г. самого С. Ф. Ольденбурга.

К тому времени влиятельные члены академического сообщества явственно ощущали трагизм происходящего и скептически оценивали участие своих коллег в деятельности Временного правительства, быстро терявшего авторитет в стране. Так, например, 24 августа 1917 г. академик В. А. Стеклов писал А. П. Карпинскому из Кисловодска, что очень сожалеет по поводу согласия С. Ф. Ольденбурга занять министерский пост¹⁹⁷. Его утешало только то, что в министерской чехарде, за короткое время превзошедшей чехарду правительств и министров при царизме, у Ольденбурга мало шансов удержаться долго в правительстве, и академия вновь сможет использовать блестящие административные способности своего неперменного секретаря. И в этом он не ошибся, как и в том, что краткое отсутствие Ольденбурга сразу сказалось на делопроизводстве ОС АН. Так, судя по дошедшим протоколам, 9 августа 1917 г. состоялось два экстраординарных ОС — десятое и одиннадцатое, на обоих присутствовали одни и те же 12 академиков из 42, но повестка дня, особенно количество вопросов существенно отличаются: например, в 1-м протоколе значатся параграфы от 207 до 217, а во втором от 210 до 219¹⁹⁸.

Неполные полтора месяца пребывания Ольденбурга на посту министра были ознаменованы рядом важных событий. В системе РАН появился первый научно-исследовательский институт — Кавказский историко-научный, учрежденный в Тифлисе постановлением Временного правительства от 1 июля 1917 г.¹⁹⁹ Институт создавался на базе Кавказского музея, а его научным руководителем был назначен академик Н. Я. Марр с правом передачи обязанностей директора на время отсутствия местному историку Е. С. Такайшвили, который не раз обращался к ОС с ходатайствами об увеличении ассигнований на Кавказский музей в 1918 г. Из 12 ученых сотрудников, предусмотренных Уставом Института, работали только четверо, включая самого Такайшвили, а также С. Ф. Тиграняна — автора труда «Древне-армянская книга канонов», депутата Госдумы и комиссара Кавказского учебного округа; историка грузинской литературы Г. Н. Чубинов (Чубинашвили) и кавказоведа и византиниста Д. П. Гордеева. Практически сразу, вступив в должность министра, С. Ф. Ольденбург 27 июля 1917 г. дал ход обращению Такайшвили, о чем и сообщил на ОС

196 Там же.

197 СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 558. Л. 1–1 об.

198 Протоколы ОС АН. 1917. С. 217–220, 233–235.

199 Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 232–234.

2 сентября²⁰⁰. 6 сентября 1917 г. ОС РАН утвердило Устав и программу Института²⁰¹. Тогда же Ольденбург сообщил, что для ускорения открытия нового Института он приказал перевести в распоряжение Н. Я. Марра 10 тыс. руб., а Марр сделал доклад о подготовительной деятельности по открытию Кавказского историко-археологического института²⁰².

Создания такого института для изучения языков, культуры и истории народов Кавказа и современных и вымерших народов Ирана, Месопотамии и Малой Азии РАН добивалась много лет. Вскоре институт оказался отрезан от Петрограда на долгий срок, а его сотрудники на несколько лет остались без финансирования. Только в 1921 г. юрисдикция РАН над институтом была восстановлена. К тому времени Е. С. Такайшвили эмигрировал со многими коллекциями.

В конце августа были сделаны два важных шага по расширению государственной сети научно-исследовательских институтов. Граф В. П. Зубов, создавший в 1912 г. в семейном доме на Исаакиевской площади знаменитый частный Институт истории искусств, решил подключить к его финансированию государство. В июне 1960 г. он вспоминал: «При Временном правительстве через проф. Ольденбурга я вошел в контакт с Министерством (вероятно — народного просвещения. — *Прим. Э. К.*), т. к. я уже не мог покрывать все расходы»²⁰³. 30 сентября 1917 г. от имени министра народного просвещения В. И. Вернадский направил в РАН письмо В. П. Зубова с измененным пунктом 36 Устава института, позволявшим передачу его в собственность РАН в случае прекращения деятельности. 7 октября ОС согласилось с предлагаемым изменением устава, чем был сделан важный шаг по превращению частного института в государственный²⁰⁴.

20–24 августа в Москве состоялся организационный съезд Объединения (Ассоциации) русских естествоиспытателей и врачей, на котором работали секции: физико-химическая, биологическая, геолого-географическая и педагогическая²⁰⁵. Решение о создании Ассоциации было принято еще в 1902 г., но только спустя 15 лет проект при поддержке В. И. Вернадского был реанимирован, преимущественно московскими

200 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1–1917а. Д. 164. Л. 124; Протоколы ОС РАН. 1917. С. 239–240. § 226–228.

201 Известия РАН. 1917. С. 955.

202 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1–1917а. Д. 164. Л. 448–449 об.

203 Проект «Акмеизм» (Беседа с графом Валентином Платоновичем Зубовым. Париж, 1960 год) // Новое литературное обозрение. 2002. № 58 [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2002/58/akmeiz.html>. (дата обращения: 22.09.2017).

204 Протоколы ОС РАН. 1917. С. 256. § 260.

205 Объединенный съезд Объединения (Ассоциации) русских естествоиспытателей и врачей. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1917.

членами академии — Д. Н. Анучиным, Н. К. Кольцовым, П. П. Лазаревым, А. П. Павловым и др. На съезде центральное место заняли вопросы о влиянии войны на развитие естествознания и медицины: воздействие отравляющих газов на флору и фауну; воздействие различных ранений на физиологические, психологические и поведенческие функции; разработка проблем акустики, метеорологии, рентгенологии. В ряде докладов рассматривались успехи в связи с решением военных задач, требовавших изготовления термометров, анероидов, актинометров, оптических стекол.

Одно из заседаний было посвящено проблеме охраны природы. В принятой резолюции говорилось, что охрана природы является общенациональной задачей и правительство обязано выделить большие средства на создание комиссии по заповедникам, организовать сеть «охранных комиссаров» и внести в Учредительное собрание проект закона об охране природы, а пока принять срочные меры для охраны заповедника Аскания-Нова, Крымского заповедника и др.

Съезд состоялся в дни подготовки и начала Корниловского мятежа и остался практически незамеченным, хотя в нем участвовали сотни ученых. Правда, 10 октября 1917 г. министр земледелия С. Л. Маслов утвердил «Временные правила об охране лесов от их рубки», по которым защита лесов возлагалась на местные земельные комитеты. Через два дня с просьбой защитить сады от революционного разгула к Временному правительству обратился уже Всероссийский съезд садоводов.

В конце августа состоялось заседание Военно-химического комитета Русского физико-химического общества, на котором были сформулированы планы создания Института прикладной химии и Института чистых реактивов. Разрешение на их создание было подписано еще 19 декабря 1916 г. Николаем II. Председателем оргкомитета был избран В. Н. Ипатьев, заместителем — П. И. Вальден²⁰⁶. С. Ф. Ольденбург добился также выделения 40 тыс. руб. в качестве субсидий на расходы Ломоносовскому комитету, что позволило М. А. Рыкачеву, В. И. Вернадскому, Н. С. Курнакову, В. Н. Игнатьеву, А. Н. Крылову и П. П. Лазареву приступить к разработке положения о его полномочиях и к формированию штата²⁰⁷. В целом продолжали укрепляться связи РАН с военной наукой. В сентябре академики Н. С. Курнаков и В. И. Вернадский были назначены постоянными членами Центральной научно-технической лаборатории Военного ведомства, а А. Е. Ферсман — ее членом с совещательным голосом²⁰⁸.

206 *Страдынь Я. П., Соловьев Ю. И.* Павел Иванович (Пауль) Вальден (1863–1957). М.: Наука, 1988. С. 99–100.

207 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1–1917а. Д. 164. Л. 281.

208 *Летопись РАН.* Т. IV. С. 304.

В. И. Вернадский рассматривал проблему реорганизации науки и высшего образования как единую задачу, которую можно решить лишь при активном содействии государства. При его участии была подготовлена программная записка о создании университетов нового типа и о предоставлении им права открывать факультеты и отделения по прикладным наукам²⁰⁹. В ней подчеркивалось, что по количеству студентов на 10 тыс. населения Россия занимает последнее место среди ведущих стран Европы. Следствием этого является острый недостаток лиц с высшим образованием (врачей, инженеров, агрономов, учителей и др.), что мешает экономическому и культурному развитию страны. Для быстрого исправления создавшегося положения предлагалось создавать высшие учебные заведения нового типа, совмещающие задачи чисто научного и профессионального образования. Предварительный план предусматривал возникновение таких вузов в Воронеже, Иркутске, Казани, Одессе, Перми, Самаре. Буквально накануне свержения Временного правительства рассматривались вопросы об открытии рыбацких институтов и о подготовке инженеров-авиаторов. Продолжались оживленные дискуссии об открытии университетов в Симферополе, Нижнем Новгороде, а также о соотношении принципов выборности и назначения с представителями Советов Петроградского и Московского университетов, о переходе Сухумского ботанического сада и Петровской академии в ведение МНП, о судьбе «Журнала Министерства народного просвещения».

В дальнейшем в правительство были поданы проекты об учреждении в Саратовском университете физико-математического и историко-филологического факультетов, о преобразовании Демидовского юридического лицея в Ярославле в университет, об открытии в Тифлисе частного Грузинского института и Кавказского университета, об учреждении Туркестанского университета в Ташкенте. В это время разрабатывались законопроекты о предоставлении автономии не только высшим, но и средним учебным заведениям, о введении всеобщего бесплатного образования. В то же время по-прежнему отрицалось участие студентов в форме и управлении высшей школы.

Дополнительный импульс получили дискуссии о создании международной сети институтов и о «желательности большего сближения научных кругов с французскими»²¹⁰. С послом Франции Ж. Нулансом обсуждался план реорганизации Французского института в Петрограде и создания аналогичного Русского института в Париже, а также шла речь о выезде во Францию делегации русских ученых для обсуждения этих планов. Проект был поддержан правительством Франции, а роль организа-

209 Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). М.: Наука, 1982. С. 219.

210 Протоколы ОС АН. 1917. С. 257. § 267.

тора такого института была возложена на Петроградский университет. Об этих планах М. А. Дьяконов сообщил на ОС РАН 7 октября 1917 г., ссылаясь на письмо министра народного просвещения С. С. Салазкина на имя президента РАН. Министр просил РАН избрать представителя на созываемое министерством собрание, на котором предлагалось обсудить доклады об учреждаемом институте и задачи делегации русских ученых в Париж для обсуждения вопроса на месте.

Общее собрание поручило быть представителями на этом заседании А. С. Лаппо-Данилевскому, С. Ф. Ольденбургу и М. И. Ростовцеву, как уже принимавшим участие «в подготовительной по этому делу работе, с тем, однако, чтобы при голосовании право голоса имел старейший по избранию из этих академиков, о чем уведомить этих академиков и Министерство народного просвещения»²¹¹. На том же заседании была оглашена записка директора Французского института в Петрограде Ж. Патуйе, который сообщил, что считает важным издание будущего сборника не только на русском, но и на французском языке и готов со своими сотрудниками обеспечить «перевод статей, посвященных литературе, археологии, литературоведению, филологии, философии, истории, географии, экономическим наукам», в то время как служащие французской военной миссии «охотно возьмут на себя науки о религии и юридический раздел»²¹². По свидетельству М. И. Ростовцева, который вместе Н. И. Кареевым и М. Я. Пергаментом представлял интересы Петроградского университета, делегация должна была прояснить и вопрос о перспективах Русского института в Лондоне²¹³. До последних дней существования Временного правительства МНП обсуждало вопрос об учреждении Русско-итальянского института в Риме²¹⁴.

Всем этим планам не суждено было сбыться, хотя в различном формате они поднимались вплоть до 1922 г. Столь разнообразная деятельность производила на многих коллег впечатление лихорадочно-спешного учредительства. Например, академик М. И. Ростовцев обвинял Салазкина и Вернадского в грюндерстве²¹⁵. Непрерывно ухудшающаяся политическая и экономическая обстановка заставляла откладывать конкретные действия по реализации планов развития науки и высшего образования. В августе стала актуальной задача уже не мобилизации и даже не реорганизации науки, а ее спасения в условиях реальной угрозы

211 Там же. С. 258.

212 Цит. по: Судьба проекта «Русская наука». С. 175; Сообщение директора Французского института в Петрограде. Приложение I к протоколу XIII заседания ОС РАН. 7 октября 1917 г. (к § 270) // Протоколы ОС АН. 1917. С. 264–265.

213 Скифский роман. С. 465.

214 Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 22.

215 Там же. С. 23.

оккупации Петрограда немцами. Дневниковые записи В. И. Вернадского в октябре 1917 г. наполнены соображениями об эвакуации Университета и Ветеринарного института в Юрьеве, учреждений и коллекций РАН, Петроградского университета.

И здесь стратегические ошибки допустили либеральные академики, не оценив реальную ситуацию после ареста Л. Г. Корнилова и поддержав Временное правительство, потерявшее к тому времени доверие не только населения Петрограда, но и всей страны, включая армию и флот. Многие из них участвовали в исполнительных и законодательных властных структурах этого времени. Академик С. Ф. Ольденбург, профессор Петроградского университета, будущий академик Е. В. Тарле — члены Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию противозаконных действий высших должностных лиц старого режима. С. Ф. Ольденбург, М. А. Дьяконов, А. С. Лаппо-Данилевский, М. И. Ростовцев, Е. В. Тарле и другие участвовали 12–15 августа в Государственном совещании в Москве. С. Ф. Ольденбург был членом Временного совета Российской республики, хотя понимал, что он не имеет никакого политического будущего. В то же время все большее число ученых осознавали, что Временное правительство ведет страну к краху. Скептически наблюдая за попытками Временного правительства обуздать ход событий, ведущих к новой революции, многие из них полагали, что судорожные усилия спасти буржуазную республику помогут, как «мертвому припарки». Ученые понимали, что правительство не контролирует события и разваливается, и не все были согласны с решением Ольденбурга и Салазкина держаться за Керенского «за неимением лучшего»²¹⁶.

Начался поиск контактов с крайними левыми. В октябре 1917 г. академик Н. Я. Марр, до того особо не проявлявший политических амбиций, неожиданно для всех стал членом Петроградского совета, возглавляемого Л. Д. Троцким и готовящего вооруженное восстание. Там он с неизбежностью познакомился с видными большевиками, включая Н. И. Седову-Троцкую, с которой потом был очень дружен. По мнению Б. С. Илизарова, на сближение с большевиками Марр пошел не по собственной инициативе, а подталкиваемый руководителями РАН, которые надеялись через него завязать хоть какие-то личные контакты с нацеленными на захват власти большевиками²¹⁷. Многих, как, например, Вернадского, раздражали нерешительность и метания правительства, бесконечные разговоры и поиски компромиссов. Теперь им демократия в период гибели казалась непозволительной роскошью. Ратуя за возвра-

²¹⁶ Там же. С. 13.

²¹⁷ *Илизаров Б. С.* Почетный академик Сталин и академик Марр [Электронный ресурс] URL: <https://history.wikireading.ru/319233> (дата обращения: 27.11.2019).

шение в РАН авторитарных конструкций, Вернадский пояснял: «Революция научила»²¹⁸. В то же время он считал долгом оставаться на посту товарища министра, используя любую возможность для лоббирования интересов научного сообщества.

Ему была неприятна «трусость математиков», которые уже «удрали или удирают» из Петрограда²¹⁹. К тому времени в Одессу перебрался академик А. М. Ляпунов, в Зарайск Рязанской губернии — академик А. А. Марков, в Севастополь — академик В. В. Заленский, в Хвалынский Саратовской губернии — почетный член РАН К. А. Поссе. На заседании ОС РАН 7 октября В. А. Стеклов сообщил о необходимости эвакуации в Москву Физической лаборатории и академиков В. А. Стеклова, Н. С. Курнакова, А. Н. Крылова, П. П. Лазарева сроком на один год²²⁰. При этом указывалось, что нормальная научная работа в Петрограде стала невозможной, так как идет распыление научных сил по разным регионам страны, при котором невыполнимы ученые работы, имеющие «общественное и государственное значение для данного момента»²²¹. Длительная командировка в Москву представителей математики, механики, физики и химии, по мнению авторов заявления, позволит продолжить исследования, имевшие первостепенное значение «для обороны страны (изготовление точных измерительных приборов, авиационное дело, взрывчатые вещества и т. д.)». Для эвакуируемой лаборатории уже было найдено помещение со штатом служащих, готовых к исследованиям по оборонной тематике. Было решено передать вопрос на рассмотрение ОФМН, которое три дня спустя поручило А. Н. Крылову и В. Н. Ипатьеву взять на себя «все исполнения по настоящему вопросу»²²².

В тот же день В. И. Вернадский резко и язвительно прокомментировал принятое решение: «Стеклов считает, что его деятельность может считаться военной (!) и потому он должен быть эвакуирован, Марков и Ляпунов уже уехали. В общем, характеры все очень мелкие»²²³. Характерно, что он при этом не упомянул физика П. П. Лазарева, с которым дружил и придерживался близких политических взглядов. «Охота к перемене мест» овладела не только математиками. На казавшийся сытым и теплым юг потянулись академики других специальностей, желавшие пережить смутное время в провинции ввиду надвигавшейся угрозы сдачи столицы немцам и усиливавшихся трудностей с продовольствием. Не желая дать повод для обвинений со стороны коллег в трусости и

218 *Вернадский В. И.* Дневники. 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 15.

219 Там же. С. 13.

220 Протоколы ОС АН. 1917. С. 260. § 272.

221 Там же.

222 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1917–1а. Д. 164. Л. 282.

223 *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 14.

дезертирстве, академики выискивали благородные доводы для длительных отъездов. В подмосковном Серпухове обитал академик В. М. Истрин. Ссылаясь на невозможность проводить эксперименты в условиях недостатка света в осенние и зимние месяцы, физиолог и биохимик растений В. И. Палладин попросил командировку в Одессу на полгода²²⁴. В длительную командировку с научной целью для работы в рукописных собраниях Москвы, Казани, Саратова и Самары отправился филолог и литературовед В. Н. Перетц²²⁵. 14 октября уехал на юг историк и археолог Н. П. Кондаков, который жил до сентября 1918 г. в Одессе, а затем переехал в Ялту²²⁶. Не вернулся из Севастополя В. В. Заленский, где он более 10 лет номинально числился директором биологической станции. К тому же многие академики (П. А. Вальден, П. Г. Виноградов, В. М. Истрин, И. С. Пальмов, А. И. Соболевский и др.) и раньше большую часть времени проводили в Москве, Риге, Лондоне и т. д.

В итоге массовых «командировок» академиков и эвакуации проблема кворума для ОС академии стала практически неразрешимой. На ОС РАН 9 августа присутствовали всего 12 академиков, а 2 сентября — 17²²⁷. 20 июля на экстраординарном собрании православных академиков присутствовали только 11 человек, и в результате пришлось перенести выборы представителя РАН на Предсоборное присутствие на 2 сентября, когда был избран Н. К. Никольский²²⁸. Из-за невозможности собрать 2/3 академиков, проживавших в Петрограде, РАН так и не смогла провести выборы вице-президента РАН и вынуждена была 7 октября 1917 г. обратиться к правительству «о допущении академика И. П. Бородина к временному исполнению обязанностей Вице-президента» сроком на 2 года, считая с 7 октября²²⁹.

Возникали трудности с финансированием учреждений, с печатанием трудов, с подготовкой к эвакуации музейных коллекций, библиотеки, научных приборов. С начала сентября эти вопросы заняли центральное место в заседаниях Общего собрания и отделений. Возвышенные планы, авторы которых в первые революционные месяцы грезил о демократической и процветающей России, уступили место прозе повседневных дел, поскольку события шли в совершенно другом, далеком от оптимистических ожиданий направлении.

224 Протоколы ОС РАН. 1917. С. 244–245. § 245.

225 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1–1917а. Д. 164. Л. 326 об.

226 Никодим Павлович Кондаков. Личность, научное наследие, архив. СПб.: Palace editions; Наука, 2001. С. 19.

227 Протоколы ОС АН. 1917. С. 233, 237.

228 Там же. С. 249–250. § 254.

229 Там же. С. 262. § 275.

2 сентября 1917 г. ОС РАН по предложению А. П. Карпинского создало Комиссию из директоров музеев и членов конференции по вопросу об эвакуации академических учреждений Петрограда в связи с ухудшающейся военной и политической обстановкой²³⁰. Далеко не все академики согласились с такими планами. По мнению служащих Музея антропологии и этнографии, высказанному на ОС ее директором В. В. Радловым, эвакуация коллекций крайне нежелательна, так как их отправка связана с риском при упаковке и передвижении. Персонал предлагал принять все необходимые меры для охраны и безопасности музея с «непременным условием, чтобы все служащие оставались при вверенных им отделах»²³¹.

27 сентября 1917 г. академик Н. В. Насонов на заседании ОФМН сообщил, что «при обсуждении вопроса об эвакуации Зоологического музея признано возможным сделать частичную эвакуацию наиболее ценных в научном отношении и имеющих особую рыночную ценность предметов»²³². Для оперативного решения вопросов была создана Комиссия, в которую вошли сам Насонов, его заместитель и три зоолога: А. А. Бялыницкий-Бируля, Г. Ю. Верещагин и Г. Г. Якобсон.

Такой стратегии последовали и другие музеи РАН. 9 октября 1917 г. в Саратовский университет были эвакуированы рукописи, старопечатные книги и почти все издания XVIII в., хранящиеся в Библиотеке РАН, рукописи Библиотеки, Архива Конференции, Архива ОРЯС, Азиатского музея, которые благополучно прибыли 21 октября²³³. Вместе с академическими собраниями в Саратов поступили рукописи Петроградского университета и Археографической комиссии. Сопровождали вагоны с книгами и рукописями библиотекарь Ф. И. Покровский и служители Д. И. Виноградов и И. Д. Грузнов, а особо ценные рукописи в специальном купе вез чл.-корр. РАН В. И. Срезневский. РАН приняла участие в упаковке предметов «большой художественной ценности, находящихся в Петровской галерее», принадлежащей Эрмитажу, но расположенной в Кунсткамере²³⁴. Октябрьская революция сделала невозможной безопасную эвакуацию остальных сокровищ. Обстрел московского Кремля, где были размещены коллекции многих учреждений, и погромы в ряде тыловых городов подтвердили правильность осторожной позиции РАН. Тем не менее в РАН продолжали разрабатываться планы эвакуации коллекций, составлялись их описи, паковались экспонаты, книги, рукописи, списки эвакуируемых и членов их семей. Ответственным за эвакуацию

230 Протоколы ОС АН. 1917. С. 243. § 240.

231 Там же. С. 244. § 243.

232 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1917–1а. Д. 164. Л. 277.

233 Отчет РАН. 1917. С. 38, 107, 229; Протоколы заседаний ОС АН. 1917. С. 282. § 297.

234 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1917–1а. Д. 164. Л. 507 об.

от РАН был назначен А. А. Шахматов²³⁵. По словам М. И. Ростовцева, научно работать становилось труднее с каждым днем²³⁶.

Академики, преподававшие одновременно и в столичном университете, особенно хорошо осознавали, что надежное финансирование гораздо важнее, чем искомая академическая свобода и университетская автономия. Им становилось ясно, что студенчество в целом отнюдь не разделяет их политические воззрения и не склонно следовать лозунгу «надклассового патриотизма». Значительная часть студентов были недовольны тем, что демократия была введена только для профессуры, и считали себя обманутыми своими учителями. Спрятаться за университетскими стенами от происходящего в стране было невозможно. Политическая борьба пришла в университеты, студенты которых, не желая идти на фронт, все активнее поддерживали лозунг «Долой войну».

Вместо поиска социального согласия в университетах Временное правительство занялось борьбой со студентами, не желавшими воевать до победного конца и требовавшими немедленных социально-политических и экономических преобразований. В высшей школе снова стало очень беспокойно. Предложенный в сентябре 1917 г. проект нового устава высших учебных заведений давал ректорам право принимать меры «для поддержания порядка и спокойствия в университете, хотя бы меры сии и превышали принадлежащую ему власть»²³⁷. Под предлогами продовольственной и жилищной нужды Временное правительство затягивало начало учебных занятий в вузах Петрограда, тем самым фактически их закрыв. Десятки тысяч студентов были выбиты из колеи нормальной жизни и обучения. Это вызвало протесты среди них и осуждение правительства в либеральной и социалистической прессе. Ситуация в вузах однозначно оценивалась современниками в газетах как развал высшей школы. Многие считали, что правительство не желает допустить студентов в Петроград и начать нормальные занятия, опасаясь их оппозиционного настроения и готовности к революционным действиям.

К осени 1917 г. обозначилась угроза распада единой русскоязычной науки, так как курс на отделение от России взяли многие общественно-политические движения Польши, Финляндии, Украины, Прибалтики, Закавказья, Туркестана, включавшие немало деятелей науки и образования. Автономистские и националистические тенденции набирали силу в казачьих областях, в Поволжье и Сибири, на Северном Кавказе и Урале.

²³⁵ Протоколы ОС АН. 1917. С. 262. § 273.

²³⁶ Ростовцев Е. А. Санкт-Петербургский университет в контексте социально-политической истории России. С. 321.

²³⁷ Цит. по: *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти. С. 27–28.

Даже устное общение с коллегами в столичных городах, все чаще сталкивавшимися с вопросами не мобилизации, а спасения науки и личного выживания, становилось все более «затруднительным», а с октября 1917 г. и вовсе «невозможным». Как вспоминал Н. А. Максимов, «последние два года пребывания в Тифлисе, до отъезда моего оттуда в 1919 г., наша небольшая семья ботаников-физиологов чувствовала себя вроде как в тюрьме или на необитаемом острове, принужденной вариться в собственном соку и довольствоваться давно уже прочитанными книгами. Само собой разумеется, что в этих условиях научная работа могла продолжаться только по инерции и постепенно все больше и больше замирала»²³⁸.

Академики, близкие к правительству, прекрасно осознавали, что обстановка в стране достигла какого-то максимума напряжения и в политической атмосфере ощущается быстро приближающаяся Гражданская война. Многие, включая В. И. Вернадского, понимали, что военный министр А. И. Верховский прав: «...армия не может драться и мир необходим для того, чтобы ею овладеть и направить ее на организацию порядка, против большевиков»²³⁹. Признавая, что «в большевизме есть идейная сторона», он тем не менее считал ее дикой и чуждой «сознательно действенным силам»: она «в конце концов чувствуется ими только как дикая разрушительная сила»²⁴⁰. В то же время он боялся, что «вместо внешней войны будем иметь внутреннюю»²⁴¹. Смириться с этой мыслью было нелегко. Вот почему день 24 октября 1917 г. даже для него «неожиданно оказался днем кризиса»²⁴².

238 «Тюремная автобиография» Николая Александровича Максимова. С. 94.

239 *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 27.

240 Там же. С. 25.

241 Там же. С. 27.

242 Там же. С. 28.

ГЛАВА 2.

Октябрьская революция и РАН: между конфронтацией и конформизмом (ноябрь 1917 — январь 1919 гг.)

2.1. ВОСПРИЯТИЕ РАН ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ПОПЫТКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

В течение долгого времени прогресс науки для большинства российских ученых был немислим вне демократии, и захват власти большевиками многие академики, по словам В. И. Вернадского, восприняли как «небывалую в истории катастрофу»¹. Первой реакцией большинства на это было неприятие такого поворота событий. Но отношение к новой власти изначально не было ни однозначным, ни единодушным, хотя большинство участников Совещания директоров научных учреждений и учебных заведений, состоявшегося через несколько дней после Октябрьского переворота, высказалось за непризнание Совнаркома². Но часть из них была склонна занять выжидательную позицию. Демонстративно враждебность к новой власти проявило руководство Лесного института,

¹ Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920 / Сост. М. Ю. Сорокин, С. Н. Киржаев, А. В. Мемелов, В. С. Неаполитанская. Киев: Наукова думка, 1994. С. 27.

² Купайгородская А. П. Краткая история объединенного совета научных учреждений и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922) // Россия XIX–XX вв. Наука: Дмитрий Буланин, 1998. С. 323–331.

возражая против захоронения в институтском парке красноармейцев, погибших в боях под Гатчиной³. А директор Института инженеров путей сообщения А. А. Брандт — специалист в области прикладной механики и термодинамики, будучи членом Временного совета республики и Финансово-контрольной комиссии республики, предпочел в январе 1918 г. сложить свои полномочия, чтобы не вступать в контакт с представителями большевиков⁴. В результате заявлений и действий со стороны ряда учебных заведений и профессиональных обществ зачастую останавливался транспорт, отключалось электричество, закрывались вузы, школы и даже больницы.

Академики одобрили жесткую позицию С. Ф. Ольденбурга, который заявил, что не признает Военно-революционный комитет (ВРК), когда от имени последнего к нему явился лингвист, приват-доцент Петроградского университета Е. Д. Поливанов. На многочисленных заседаниях, происходивших на квартирах ученых, обсуждалась идея профессора В. М. Гессена об обращении к нации ее духовных вождей. Как выражался Ольденбург, строители жизни должны выступить против ее разрушителей. Тем не менее от каких-то официальных заявлений и действий Общего собрания РАН и на этот раз воздерживалось достаточно долго.

Состоявшееся 4 ноября 1917 г. ОС РАН происходило в обычном формате. На нем присутствовали чуть больше половины академиков — 23, из них 15 были представителями гуманитарных наук. Кроме президента А. П. Карпинского и врио вице-президента И. П. Бородина, на заседание пришли естественники М. А. Рыкачев, А. А. Белопольский, И. П. Павлов, В. А. Стеклов, Н. И. Андрусов и А. Н. Крылов. Однако, как и на первом ОС после Февральской революции, состоявшемся 4 марта, никто не поднял вопрос о происходящих событиях, хотя к тому времени в Москве и Петрограде уже прошли ожесточенные бои⁵. Но ОС рассматривало и принимало к сведению распоряжения министров и комиссаров Временного правительства о порядке эвакуации, о составлении списков российских ученых, оказавшихся в австрийском плену, о введении нового стиля, о предстоящих юбилеях ученых учреждений и высших учебных заведений, о распределении премий и т. д.⁶ Из 27 пунктов весь-

3 Ленинградская лесотехническая академия им. С. М. Кирова. Крупнейший лесной вуз страны СССР. М.; Л.: Лесотехническая промышленность, 1967. С. 94, 252.

4 Ленинградский ордена Ленина Институт инженеров железнодорожного транспорта им. академика В. Н. Образцова. 1809–1959. М.: Трансжелдориздат, 1960. С. 194.

5 Точных сведений о погибших в них нет, но их было больше 1 000. С обеих сторон шли расстрелы сдавшихся в плен. Красногвардейцам и поддерживавшим их войсковым частям противостояли юнкера, офицеры и гимназисты, именовавшие себя Белой гвардией.

6 Протоколы ОС АН. 1917. С. 276–285. § 279–305.

ма насыщенной повестки ни разу не был поднят вопрос о произошедшей смене власти. Многие полагали, что Учредительное собрание, выборы в которое большевики и левые эсеры обещали провести, все расставит по своим местам.

Большинству ученых захват власти радикалами в Петрограде казался авантюрой, так что они в первое время даже не представляли, насколько это «всерьез и надолго». ЦК партии кадетов стал неким координирующим органом акций сопротивления, предостерегая ученых от всяческих контактов с наркоматом просвещения, возглавляемым А. В. Луначарским, политику которого Вернадский позднее охарактеризует как «прямое продолжение Делянова и Кассо»⁷, проводивших на посту министров народного просвещения Российской империи политику ликвидации автономии университетов.

На квартирах видных кадетов шли бесконечные обсуждения планов создания комитетов и центров борьбы. Позднее, вспоминая настроения интеллигенции в те дни, редактор главной кадетской газеты «Речь» И. В. Гессен, с которым с 1905 г. были тесно связаны В. И. Вернадский, С. Ф. Ольденбург, А. А. Шахматов и другие академики-кадеты, писал: «Я не видел человека, который сомневался бы непосредственно в предстоящем свержении большевиков. Вопрос сводился именно лишь к тому, когда и как, но объективных данных для ответа не находилось»⁸. С ним полностью был согласен другой член ЦК кадетов, профессор Новороссийского университета юрист А. С. Изгоев: «На большевиков в октябрьские дни смотрели как на захватчиков-авантюристов, царствие которых будут считать если не неделями, то месяцами. Пожалуй, так думало и большинство самих захватчиков, с тоской смотревших на себя как на обреченных людей»⁹.

Предшествовавший режим погиб при всеобщем к нему отвращении, и у многих создавалось впечатление, что некоторых из главных большевиков массы чуть ли не силой заставили войти в правительство. В их числе называли Г. Е. Зиновьева, ставшего вскоре Председателем Совета комиссаров Петрокоммуны, точнее, полновластным диктатором Петрограда; Л. Б. Каменева, А. В. Луначарского, А. И. Рыкова. Но вскоре интеллигенция убедилась, что победители отнюдь не беспомощны. Бес-

7 «Я верю в силу свободной мысли». Письма В. И. Вернадского к И. И. Петрункевичу // Новый мир. 1989. № 12. С. 213.

8 Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции / Изд. И. В. Гессен. Т. 22. Берлин: [Б. и.], 1937. С. 382.

9 Изгоев А. С. Пять лет в Советской России (Обрывки воспоминаний и заметки) // Жизнь в Ленинской России / Сост. М. Геллер. London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1991. С. 24 (1-е изд.: Архив русской революции / Изд. И. В. Гессен. Т. 10. 1923).

пощадно расстреливая пьяных и мародеров, уничтожая склады водки и вина и обеспечив подвоз хлеба, они добились того, что «октябрьские события вначале не сопровождались в городе какими-либо чрезвычайными бесчинствами, грабежами и убийствами»¹⁰. В то же время расстрелы захваченных на месте преступления дали либерально-демократической интеллигенции повод говорить о том, что власть попала в руки авантюристов.

Естественно, часть из них вскоре стала выражать неприятие такого поворота событий. 8 ноября 1917 г. делегация кадетов, в которую вошли профессор Петроградского университета востоковед А. В. Васильев, государственный деятель и финансист Н. Н. Кутлер, академики С. Ф. Ольденбург и А. А. Шахматов, требовавшая освободить арестованных министров Временного правительства, была принята на вечернем заседании ВРК; в тот же вечер с ними якобы беседовал В. И. Ленин¹¹. В те дни в поисках «центра» сопротивления большевикам активно участвовали академики Н. И. Андрусов, В. И. Вернадский и А. А. Шахматов, ученый секретарь КЕПС А. Е. Ферсман. 16 ноября во всех либерально-демократических и социалистических газетах было опубликовано воззвание членов Временного правительства к гражданам защитить Учредительное собрание¹².

В тот же день в газете «Русские ведомости» появилась статья без подписи, в которой сообщалось, что С. Ф. Ольденбург посетил в Петропавловской крепости арестованных членов Временного правительства и от имени всех русских граждан обратился к большевикам с призывом: «Перестаньте быть тюремщиками невинных людей, которым вы можете поставить в вину лишь то, что они — ваши политические противники. Томление этих людей в крепостном каземате не к вашему благу и не к вашей чести. Освободите их и не медлите с освобождением!»¹³ Он заявлял: «Нельзя позволить дальнейшего глумления большевиков над свободой невинных людей. Надо, чтобы не знающие границ лицемерие и лживость Троцких и Лениных в этом вопросе наткнулись на непреодолимое препятствие общественного мнения, требующего освобождения тех, за кем

¹⁰ Там же. С. 38.

¹¹ Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы / Отв. ред. Д. А. Чугаев. Т. 2. М.: Наука, 1966. С. 230, 238. Сведения о встрече академиков с В. И. Лениным, опубликованные в канун 50-летия Октябрьской революции, сейчас часто ставятся под сомнение.

¹² Мочалов И. И. «...Ко всем гражданам Российской республики» // Огонёк. 1991. № 22. С. 10–13.

¹³ Заключение и свободные министры // Русские ведомости. 1917. № 251. 16 ноября. С. 3.

<...> и сами насильники не знают никакой вины и в ком видят только своих политических противников».

В ответ правительство отдало приказ об аресте «подписантов» заявления от имени Временного правительства, среди которых был и Вернадский, и отправке их в Кронштадт¹⁴. Опасаясь неизбежного ареста и обвинения в «контрреволюционном заговоре», Вернадский вынужден был перейти на нелегальное положение и уехал на юг, где отошел от политики, занявшись научно-организационными делами¹⁵.

Вот тогда ученые перешли к разнообразным легальным способам давления на новое правительство — к принятию резолюций, к коллективным заявлениям в печати о непризнании новой власти, письмам-протестам. В активной интеллектуальной оппозиции по отношению к правительству прежде всего оказались те, кто ежедневно сталкивался с представителями новой власти и радикально настроенными солдатами, рабочими, студентами, стремящимися немедленно «демократизировать» старорежимные учреждения. В гуще этих событий были профессора, доценты, администрация вузов, чиновники из МНП, врачи, инженеры, военные специалисты из оборонных ведомств¹⁶. С 20 ноября 1917 до середины января 1918 г. продолжалась забастовка сотрудников Лесного департамента.

Академия наук прямо не участвовала в этих событиях. Академики в основном в личной переписке эмоционально обсуждали первые итоги гражданской войны: бои вокруг Кремля, ограбление Патриаршей ризницы и т. д. Так, академик В. М. Истрин, переживавший эти события в подмосковном Серпухове, писал академику А. И. Соболевскому: «Оправилась ли Москва после разорения. Как же <...> вы не уберегли патриаршей ризницы при существовании в наличии патриарха... Как московские архивы и библиотеки»¹⁷. Позднее он сообщает и о событиях в Серпухове. «Мы же пережили немало тревог с 17 по 27 янв<аря> старого стиля. <...> насчитывают <...> 18 ударов с большими повреждениями стен, окон и крыши. Пришлось спастись в житных подвалах. Один из наших соседей настолько пострадал, что через несколько дней скончался»¹⁸.

14 Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 3. М.: Наука, 1967. С. 175.

15 Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 47–52.

16 См. подробнее: Федюкин С. А. Советская власть и специалисты. М.: Мысль, 1965. 255 с.; а также классическую книгу К. Бэйлса: *Bailes K. Technology and Society under Lenin and Stalin (Origin of the Soviet Technical Intelligentsia, 1917–1941)*. Princeton; New York: Princeton University Press, 1978. 474 p.

17 Цит. по: Никитин О. В. Жизнь и труды академика Василия Михайловича Истрина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.portal-slovo.ru/philology/39870.php>. (дата обращения: 11.05.2019).

18 Там же.

Только спустя три недели после прихода к власти большевиков, 18 ноября 1917 г. состоялось экстраординарное заседание Общего собрания РАН, на котором собралось большинство академиков — 25 человек из 44. Большинство — 16 — составляли гуманитарии. А. П. Карпинский заявил, что «происходящие события угрожают гибелью стране и необходимо, чтобы Академия наук не молчала в такое исключительное время»¹⁹. В ходе прений было зачитано несколько проектов заявлений от имени РАН, но ни один не получил поддержки Общего собрания. Против обращения к интеллигенции резко выступил В. А. Стеклов, которого поддержал И. П. Бородин. В Комиссию, созданную для составления обращения, вошли преимущественно кадеты: М. А. Дьяконов, Н. С. Курнаков, А. С. Лаппо-Данилевский, С. Ф. Ольденбург, М. И. Ростовцев, А. А. Шахматов.

Собрание выявило тенденцию к расколу академического сообщества: к сотрудничеству с большевиками были готовы математики и представители естественных наук, тогда как гуманитарии выступали против, но и они не были едины. Декан Восточного факультета Петроградского университета академик Н. Я. Марр — будущий создатель «марксистского языкознания» — призывал к изгнанию из Ученого совета университета лиц, ратующих за любые контакты с новой властью, но при этом сам уже заседал с новой властью в Петросовете. Реагируя на предложение В. А. Стеклова о налаживании сотрудничества с новой властью, академики А. С. Лаппо-Данилевский и А. А. Шахматов в личной беседе с ним упрекали его во вредности и в стремлении разрушить любое конструктивное предложение «благоразумной части Совета» университета²⁰. Ради спасения университета за налаживание диалога с Совнаркомом высказывался октябрист А. В. Введенский.

Но либералы не могли уже рассчитывать на единство университетской корпорации и поддержку студенчества, которое к тому времени фактически исчезло как активная общественная прослойка и «представляло собой не более чем развалившуюся социальную структуру с нарушенными общественными связями»²¹. С приходом к власти большевиков студенчество перестало быть интеллектуальным авангардом революционных устремлений и сошло с политической арены как самостоятельная сила в либеральном движении.

Не собирались с ними объединяться и правые, многие из которых в те дни воспринимали октябрьский переворот как уникальную возмож-

¹⁹ Протоколы ОС АН. 1917. С. 288. § 306.

²⁰ Стеклов В. А. Переписка с отечественными математиками. С. 288.

²¹ Мартынова А. Ю. Российское студенчество и Февральская революция // Новый исторический вестник. 2005. № 2 (13). С. 139.

ность ускорить реставрацию самодержавного режима и как расплату за перенесенные ими гонения со стороны либералов. Бывший черносотенец, славист А. И. Соболевский вынужденный в 1909 г. уйти в отставку из Санкт-Петербургского университета, в пике либералам, погубившим Россию, голосовал на выборах в Учредительное собрание за список большевиков и уговаривал так же поступить всех своих близких, братьев и сестер. Свой выбор он объяснял тем, что его теперешние любимцы-большевики «уж больно здорово <...> расправляются с либеральной слякотью»²². Определенную роль, конечно, играло ясное осознание перспектив. Уже 30 октября 1917 г. А. И. Соболевский записывает: «<...> Ясно: нужно себя эвакуировать; нужно прибрать имущество; нужно попробовать застраховать; нужно поискать человека, чтобы поселить в квартире»²³. Правые, уже испытавшие гонения после Февральской революции от своих либеральных коллег, изгнавших многих из них из столичных университетов, явно не питали иллюзий относительно своего будущего при большевиках и демонстративной лояльностью надеялись облегчить судьбу. Но ход событий показал иллюзорность подобной стратегии.

Через три дня состоялось следующее экстраординарное Общее собрание РАН, в котором уже участвовали 22 академика. По сравнению с предыдущим Общим собранием отсутствовали В. И. Вернадский, Н. К. Никольский, В. В. Радлов. А. С. Лаппо-Данилевский зачитал обращение к ученым. В нем говорилось: «Великое бедствие постигло Россию; под гнетом насильников, захвативших власть, русский народ теряет сознание своей личности и своего достоинства; он продает свою душу и ценою постыдного и непрочного сепаратного мира готов изменить союзникам и предать себя в руки врагов. Что готовят России те, которые забывают о ее культурном призвании и о чести народной? — внутреннюю слабость, жестокое разочарование и презрение к ней со стороны союзников и врагов»²⁴. Общее собрание отказывалось сотрудничать с «самозванным» правительством, осудило Октябрьскую революцию и поддержало Учредительное собрание. Академики подчеркивали, что классовый террор приведет к нарушению преемственности в развитии науки.

Взывая к национальной гордости россиян, ученые еще не до конца понимали, насколько их чувства не соответствуют настроениям масс. Тем более они не предполагали, что Учредительное собрание будет ра-

22 Степанов С. Черная сотня. 2-е изд. М.: Эксмо; Яуза, 2005. С. 462.

23 Цит. по: Никитин О. В. Научное наследие академика А. И. Соболевского в научной культуре России (к 160-летию со дня рождения) // Вестник РУДН. Серия «Русские и иностранные языки и методика их преподавания». 2017. Т. 15. № 4. С. 382.

24 Протоколы ОС АН. 1917. С. 300. § 307.

зогнано, что закроют все газеты и журналы кроме большевистских, что само существование Академии наук, являвшейся около двух веков атрибутом Российской империи, находится под угрозой и становится предметом торга с новыми властями.

Это обращение нашло отклик у университетской профессуры. Пять дней спустя с аналогичным обращением выступил на экстренном заседании Совет Петроградского университета, уповавший также на решения будущего Учредительного собрания²⁵. Перед началом заседания ректор Э. Д. Grimm предложил почтить вставанием бывших студентов университета, погибших во время боев в Павловском и Владимирском юнкерских училищах. В принятом заявлении также осуждались насильники, захватившие власть, и приват-доцент лингвист Е. Д. Поливанов за сотрудничество с советской властью. Он возглавил Восточный отдел Наркоминдела РСФСР и стал заместителем Л. Д. Троцкого. Два дня спустя в газетах было напечатано обращение ученых Петрограда к гражданам России также с требованием не выполнять распоряжение новых властей²⁶. 28 ноября 1917 г. в преддверии открытия Учредительного собрания Совет Московского университета также принял обращение о необходимости передачи всей власти Учредительному собранию и удушения революции²⁷.

Профессорско-преподавательский корпус столичного университета, в котором было немало членов РАН, осознавал, что новая власть несет угрозу их профессиональной карьере, и в течение первых месяцев оказывал по меньшей мере пассивное сопротивление большевикам. В дальнейшем и оно стало опасным, так как уже в ноябре начинались первые признаки красного террора — аресты инакомыслящих и пассивно сопротивляющихся. 9 декабря Совету Петроградского университета пришлось собраться на специальное заседание, чтобы высказаться против ареста товарища министра просвещения Временного правительства, графини Г. В. Паниной, отказавшейся передать большевикам денежные средства МНП²⁸.

«Насильники, захватившие власть», осуждались и в принятых в ноябре 1917 г. в Военно-медицинской академии и в Институте экспериментальной медицины резолюциях. Еще ранее, 20 ноября 1917 г., состоялось известное обращение Совета Харьковского университета, в котором клеймилась «группа фанатиков и темных дельцов», захвативших власть

25 *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи. С. 735.

26 Воззвание ученых Петрограда // *Грядущий день*. 1917. 28 ноября. № 1. С. 2.

27 *Бутягин А. С., Салтанов Ю. А.* Университетское образование в СССР. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. С. 153.

28 *Ростовцев Е. А.* Столичный университет Российской империи. С. 736.

«накануне Учредительного собрания с помощью обманутой ею вооруженной толпы», державших говорить якобы от имени русского народа об «измене союзникам» и о «заключении предательского сепаратного мира»²⁹. Резолюцию, напечатанную как приложение к Протоколам ОС, поддержали все высшие учебные заведения Харькова, включая и эвакуированные из Ново-Александррии³⁰. Совет Казанского университета 9 декабря 1917 г. также выразил солидарность с харьковскими коллегами³¹. Аналогичное решение принял Совет Новороссийского университета³². В то же время администрация Петроградского Политехнического института не откликнулась на предложение Академии наук осудить приход к власти большевиков.

Многие ученые участвовали в создании и работе организаций интеллигенции, призванных противодействовать советской власти. Уже в январе 1918 г. в Москве подпольно возобновились заседания «Совета общественных деятелей», целью которых был обмен информацией и формирование общественного мнения по политическим вопросам. В них участвовали профессора Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, П. Н. Милюков, П. И. Новгородцев и др., составлявшие и обсуждавшие различного рода записки и заявления на случай свержения большевиков.

Другие ученые, не желая рисковать, предпочитали проклинать большевиков в письмах и рассуждать о непреодолимом роке событий. Из опубликованного эпистолярного наследия академиков В. М. Истрина, В. Н. Перетца, Е. Ф. Карского, Н. П. Кондакова, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова и членов-корреспондентов К. Я. Грота, П. А. Лаврова, Н. П. Лихачева, Б. М. Ляпунова, Н. К. Никольского, М. Н. Сперанского, А. И. Томсона, В. А. Францева, К. В. Харламповича и др. видно морально-психологическое состояние академической элиты в области гуманитарных наук в те дни. По их письмам можно судить о ее реакции на требования властей безусловной политической лояльности и административного подчинения, о степени ее готовности к сопротивлению, компромиссу и конформизму, о ее приверженности академическим традициям³³.

29 Резолюция Совета профессоров Харьковского университета по вопросу о текущем моменте. Приложение к протоколу ОС РАН 13 января 1918 г. (к § 3) // Протоколы ОС РАН. 1918. С. 13–14.

30 Протоколы ОС РАН. 1918. С. 4. § 3.

31 История Казанского университета. 1804–2004 / Ред. И. П. Ермолаев, М. Х. Салахов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С. 256.

32 Одесский университет за 75 лет Одесса: Тип. Одесского гос. ун-та, 1940. С. 141.

33 Робинсон М. А. Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 — начало 1930-х годов). М.: Индрик, 2004. 432 с.; Шахматов А. А. Избранная переписка: В 3 т. Т. 1. Переписка с Ф. Ф. Фортунатовым, В. Н. Перетцем. СПб: Дмитрий Буланин, 2018. 944 с.

Но протесты и возмущения ограничивались резкими суждениями только в личной переписке. Так, В. М. Истрин 13 июля 1918 г. писал А. А. Шахматову: «Понимаю Ваше тяжелое состояние, но кто и кого может утешить! <...> Несчастливая судьба России была связана с личностью Николая; не посмотрит ли судьба на его печальную казнь как на искупление и не настанет ли поворот на лучшее? Всем нам надо немного: порядок и спокойствие, чего при большевиках никогда не будет»³⁴. Истрин допускает, что Гражданская война принесет тотальное разрушение. «Бог знает, может от города ничего не остаться. Я равнодушен к расстрелу, и только лишь в исследовании об Амартале вложил подобные указания как печатать и снабдил предисловием с проклятием большевиков»³⁵. Естественно, это проклятие так осталось никому неизвестным. Даже в письмах к единомышленникам академики уже вскоре воздерживались от критики конкретных действий большевиков, указывая на замедление научной деятельности, падение культуры, ухудшение условий быта, голод, болезни и т. д.

2.2. ОСОЗНАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОЗИЦИЙ

Как ни странно, резкое по тону заявление РАН от 21 ноября 1917 г. осталось практически единственным коллективным выступлением самой академической корпорации против нового строя. Как отметил В. С. Соболев, вся совокупность архивных материалов, не считая документов персонального происхождения, свидетельствует о том, что в дальнейшем РАН не только избегала открытой конфронтации с властями, но и всячески демонстрировала готовность к диалогу и сотрудничеству³⁶. Возможно, это связано с тем, что в тот же день, когда состоялось оглашение на Общем собрании РАН письма к ученым, первым комиссаром РАН, а с 8 декабря и комиссаром отдела Наркомпроса по научным и учебным заведениям был назначен историк И. В. Егоров — выпускник историко-филологического факультета, готовивший до войны магистерскую диссертацию под руководством крупного палеографа профессора И. А. Шляпкина³⁷.

И. В. Егоров с уважением относился к ученым. Он не посягал на автономию и самоуправление академиков и старался им помочь, взяв на себя функцию их защитника от революционных масс в дни их разгула.

34 Цит. по: Жуков А. Е. А. А. Шахматов и В. М. Истрин. С. 145.

35 Там же.

36 Соболев В. С. Нести священное бремя прошедшего. С. 111–112.

37 Егоров И. В. От монархии к Октябрю. Л.: Лениздат, 1980. 272 с.

Так было в случае с А. А. Шахматовым, которого наряжали на ночные дежурства во дворе академии в качестве подсобного рабочего, а сторожа еще поговаривали, что «надо бы попросту передушить или перерезать лодырей-ученых, “разных академиков и профессоров”, только зря хлеб переводят, не работая»³⁸. Назначением Егорова правительство, с одной стороны, подавало знак доброй воли, ограждая ученых от ежедневных столкновений с пришедшими во власть радикалами, а с другой — демонстрировало, что лучше забыть о претензиях на независимость и озаботиться сохранением академии.

Сигнал властей был понят. Участь Парижской Академии наук, ликвидированной во время Великой Французской революции и потерявшей половину своих членов на гильотине, была известна руководителям РАН. Они осознавали, что академия может не уцелеть, а значит игнорировать жесты дружелюбия со стороны властей предрешающих неразумно. На ОС РАН 2 декабря собрались почти все академики, проживавшие в Москве и Петрограде, всего 30 человек. Это было самое многочисленное собрание РАН за годы революции и Гражданской войны. И снова обсуждение всех вопросов шло так, как будто ничего экстраординарного вокруг не происходит³⁹. Основное внимание было уделено выбору новых членов-корреспондентов по разряду историко-политических наук (А. А. Кизеветтер, М. К. Любавский и А. А. Чупров) и по разряду классической филологии и археологии (Н. И. Посадский, М. М. Покровский, Г. Ф. Церетели), а также почетных членов бывшего министра народного просвещения П. Н. Игнатьева и бывшего члена Госсовета, юриста-криминалиста Н. С. Таганцева⁴⁰.

К началу 1918 г. самые убежденные противники сотрудничества с большевиками начинали осознавать, что сопротивление бесполезно и надо больше озаботиться делами земными. Ведь жалованье для большинства академиков было единственным средством к существованию. 19 января 1918 г. А. А. Шахматов писал академику В. М. Истрину, проживавшему в подмосковном Серпухове: «Пугает вопрос о том, будет ли вообще получать содержание. Он еще не выяснен. Без меня было совещание Академии и других учреждений, на котором решено войти в деловые сношения с правительством народных комиссаров. Решение еще не осуществлено, боюсь, что кроме потока грязи мы на наши учреждения ничего не получим. Но я понимаю, что другого выхода нет после разгона

³⁸ Гаврилова О. А., Петров В. В. «Надо уделить первостепенное внимание изучению прошлого университета...»: Петроградский / Ленинградский университет 1918–1931 гг. в воспоминаниях И. В. Егорова // Новейшая история России. 2014. № 2. С. 232.

³⁹ Протоколы ОС АН. 1917. С. 291–298. § 308–331.

⁴⁰ Там же. С. 296–297. § 327–330.

Учредительного собрания»⁴¹. К такому выводу его приводила и обстановка в Петроградском университете, где он также служил. Финансовое положение профессорско-преподавательского корпуса к началу января стало критическим. При отсутствии контактов с властью финансирование университета прекратили, выплаты личному составу не производили, и оставленный без государственной поддержки центр отечественной науки и образования оказался просто никому не нужен, кроме интеллигенции.

Беспокойство о будущем — лейтмотив пафосной речи С. Ф. Ольденбурга на годовичном собрании РАН 29 декабря 1917 г. К тому времени РАН имела в своем составе 40 научных учреждений и Комиссий, включая Библиотеку, Архив, пять лабораторий, Биологическую станцию, три обсерватории, пять музеев, один кабинет и только один институт — Кавказский историко-археологический, связь с которым к тому времени уже была утрачена⁴². Рассказывая об их работе в 1917 г., Ольденбург реально оценивал ситуацию и признавал, что «русский народ не выдержал великого исторического испытания и не устоял в великой мировой борьбе: темные, невежественные массы поддались обманчивому соблазну легкомысленных и преступных обещаний, и Россия стала на край гибели»⁴³. Тем не менее он заверял собравшихся, что в «такой страшный час» сотрудники РАН «работали, продолжают работать и будут работать для родины и науки»⁴⁴. Причины этого он видел в нормах и ценностях научного сообщества: «...люди науки не могут не осознавать, что без их работы немислимы просвещение и культура, а без этих последних никакое достойное человеческое существование»⁴⁵.

К тому времени всем стало ясно, что саботаж провалился, а РАН не смогла консолидировать научное сообщество Петрограда на сопротивление новой власти. На Экстраординарном Общем собрании 10 января 1918 г. рассматривался только один вопрос — сообщение А. П. Карпинского о вхождении академии в состав создаваемого Российского союза ученых учреждений и высших учебных заведений с целью «объединения их деятельности и принятия мер к защите автономии ученых учреждений и высших учебных заведений от всякого посягательства»⁴⁶. Академики выразили согласие с этим и поручили руководителям РАН представлять ее интересы в учреждаемом Союзе, главной целью которого деклариро-

41 Цит. по: Жуков А. Е. А. А. Шахматов и В. М. Истрин // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 146–147.

42 Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 3.

43 Там же. С. 5.

44 Там же.

45 Там же.

46 Протоколы ОС. 1918. С. 2. § 1.

вали автономию ученых и образовательных учреждений и их защиту от вмешательства региональных и центральных властей. На состоявшемся в феврале совещании представителей РАН и ректоров высших учебных заведений центральным был вопрос о «вступлении в деловые отношения с властью, распоряжающейся финансами государства», и было принято, что таковых отношений избежать невозможно⁴⁷.

Не приняв Октябрьскую революцию, академики оказались восприимчивы к призывам ее вождей включиться в государственную работу, связанную с экономическим и культурным развитием. Срабатывал веками культивируемый образ чистой науки, служащей народу и человечеству и не вовлеченной при этом в политику. Отвергая идеологию и практику большевиков, все большее число академиков склонялись к сотрудничеству с ними, при условии, что власть не станет вмешиваться в науку и в дела академии. Личные связи руководителей РАН с большевистскими лидерами, прежде всего С. Ф. Ольденбурга с В. И. Лениным, вселяли надежду, что в обмен на политическую лояльность власть не тронет академию. Члены академии были готовы, следуя советам В. А. Стеклова, «бросить раз навсегда нелепые разговоры о протестах и спокойно продолжать деловую ученую работу»⁴⁸.

Первыми выступили против заявлений о незаконности нового режима и призывов к забастовкам те, кто был связан с решением практических задач, в том числе В. Н. Ипатьев. После установления советской власти возглавляемый им Химический комитет продолжал свою работу, «не участвуя ни в каких забастовках, вполне сознавая, что учреждение работает исключительно для пользы государства»⁴⁹. Никаких изменений в составе Комитета и в его деятельности на первых порах не произошло, но от народного комиссариата торговли и промышленности был назначен в качестве представителя М. В. Слободский для участия в заседаниях и для знакомства с деятельностью Химического комитета, которая тем не менее сокращалась сама по себе без какого-либо указания властей.

В январе 1918 г. стала заметной разногласия в стане всей творческой интеллигенции. Подбирались яркие образы для описания происходящего. Писатель и эсер А. М. Ремизов говорил, что слышит «...трепет крыльев над головой моей. Это новая Русь, прекрасная и вольная, царев-

47 Купайгородская А. П. Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х гг. Материалы международного научного colloquium. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 185–201.

48 Стеклов В. А. Переписка с отечественными математиками. С. 287.

49 Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика. С. 129.

на моя. Русский народ, верь, настанет светлый день»⁵⁰. А. Блок призывал пальнуть «в святую Русь» и раздуть мировой пожар «на горе всем буржуям». М. Горький отвечал Блоку: «Костер зажгли, он горит плохо, воняет Русью, грязенькой, пьяной и жестокой. И вот эту несчастную Русь тащат и толкают на Голгофу, чтобы распять ее ради спасения мира»⁵¹. Самым ужасным было то, что теперь Россию «насилуют не только мерзавцы, а и те, которые любили ее чисто и свято, <...> оправдывая себя мыслью, что уже все равно — “не мы начали, а надо урвать свое”»⁵².

Вскоре самые убежденные противники большевизма среди ученых, например, В. И. Вернадский, наблюдая «безумные процессии победивших большевиков»⁵³, с горечью вынуждены были признать, что «в сущности массы за большевиков»⁵⁴. Причины происходящих событий, когда «ярко проявился анархизм русской народной массы и еврейских вождей»⁵⁵, Вернадский видел в тысячелетнем разобщении правящих кругов и народа, в существовании «розни между интеллигенцией и народом», который не только «не верит интеллигенции», но и радуется, когда «буржуидохнут с голоду»⁵⁶. Академик П. Б. Струве яростно не принимал революцию, превратившую свободу в анархию, а анархию в деспотизм, но и он позднее усматривал ее глубинные корни в исконной двуликости русской государственности и общественности, когда один лик «обращен к свободе, а другой к принуждению»⁵⁷. Воспринимая происходящее как кошмар, многие, включая будущего директора Архива АН СССР Г. А. Князева, оставившего подробные и достаточно объективные свидетельства о тех днях, не могли понять, что это — «гибель культуры или рождение нового будущего...»⁵⁸. Вместе с тем интеллигенция начинает осознавать, что «теперь... некого винить, не на кого кивать... Теперь две возможности — строить новую Россию или плакать над растерзанным телом ее»⁵⁹.

50 Ремизов А. М. Слово о погибели русской Земли // Под созвездием топора: Петроград 1917 года — знакомый и незнакомый. М.: Советская Россия, 1991. С. 80.

51 Горький М. Несвоевременные мысли // Новая жизнь. 1918. 16/3 марта.

52 Горький М. Неизданная переписка с Богдановым, Лениным, Сталиным, Зиновьевым, Каменевым, Короленко. М.: Наследие, 1998. С. 103.

53 Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 30.

54 Там же. С. 29.

55 Там же. С. 32.

56 Там же. С. 41.

57 Струве П. Б. Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж, 1952. С. 7.

58 Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции 1915–1922 гг. / Подг. текста и комм. А. В. Смолина // Русское прошлое. Кн. 4. 1993. С. 75, 177.

59 Там же. С. 54.

Академики, которые свою деятельность традиционно воспринимали как служение народу, не хотели вступать с ним в борьбу. Не приняв революции, не признавая идей новой власти, руководство академии решило включиться в государственную работу, связанную с экономическим и культурным развитием России. Будучи одним из наиболее консервативных научных учреждений в дореволюционной России, тесно связанным с двором и царским правительством, академия тем не менее встретила власть большевиков с меньшим сопротивлением, чем университеты и другие вузы⁶⁰.

Решающим фактором в перемене позиции ученых было то, что новая власть не исчезла в короткие сроки и прочно контролирует финансы. Пригрозив увольнением всех саботажников, власть заставила их придуматься. Уже 22 декабря 1917 г. на очередном экстраординарном Общем собрании РАН, на котором присутствовали всего 20 академиков, с беспокойством было воспринято сообщение о затруднениях, возникших при получении денег в Государственном казначействе⁶¹. В середине декабря Лесной институт не смог получить деньги в банке без визы Наркомфина, что заставило его руководство, не признавшее советскую власть, обратиться к наркому с просьбой о такой визе⁶². 25 января 1918 г. зафиксировано первое финансовое поступление в Петроградский университет от новой власти, которая уже именуется не бандой насильников, а «народным правительством»⁶³. Красноречива и дневниковая запись академика В. А. Стеклова по поводу открытия кредитов университету. Он уверяет, что прежнее правительство протянуло бы гораздо дольше и, скорее всего, отказало бы. Многие считали реальными угрозы властей закрыть университет, тем более что на базе Психоневрологического института и Высших женских курсов уже создавали II и III Петроградские университеты, а в Москве из Высших женских курсов и Университета им. Шанявского II и III Московские университеты.

Большевики ставили академическое сообщество в жесточайшую зависимость от государства, которое могло не дать «кушать интелли-

60 Анализ социально-психологических мотивов этого на первый взгляд парадоксального поведения научной элиты дореволюционной России вскоре после Октябрьской революции впервые был выполнен в трудах американских историков российской науки: *Vucinich A. The Soviet Academy of Sciences. Stanford, Stanford University Press, 1956. 157 p.*; *Vucinich A. Empire of Knowledge. The Academy of Science of USSR (1917–1970). Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press, 1984. 484 p.*; *Graham L. The Soviet Academy of Sciences and the Communist Party: 1927–1932. New York; Princeton: Princeton University Press, 1967. 255 p.*

61 Протоколы ОС АН. 1917. С. 324. § 332.

62 Ленинградская лесотехническая академия... С. 94.

63 *Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи. С. 737.*

генции». Такая форма финансово-экономического принуждения четко срабатывала. Большевики не зря национализировали банки. Деньги оказывались решающим фактором, подталкивающим ученых к признанию большевистского правительства. Все большее число профессоров и академиков склонялись к мысли, что нужно продолжить научную работу, несмотря на все политические потрясения, и «бросить раз и навсегда нелепые разговоры о протестах»⁶⁴. Этому способствовало и то, что в Академии наук ученые были ограждены от ежедневных столкновений с радикалами в новой власти и жаждали только того, чтобы им не мешали заниматься наукой. Как уже говорилось, срабатывал и культивируемый веками образ чистой науки, не вовлекаемой в политическую борьбу. Несмотря на неприятие идеологии и практики большевиков, академики были готовы работать с новой властью, которая финансировала бы их исследования, но не вмешивалась бы в науку.

А в этом они были уверены, уповая на особое место Академии наук как важнейшего атрибута российской государственной жизни, а также на прежние личные связи некоторых руководителей академии с большевистскими лидерами. Академики, тесно связанные с решением практических задач, первыми выступили против заявлений о незаконности нового режима и призывов к забастовкам. Прислушиваясь к декларациям большевиков, к их призывам опираться на науку при построении нового общества, они вспоминали о прежних нереализованных планах реорганизации науки в России и создания государственных научно-исследовательских институтов. К тому же они видели, как быстро и решительно большевики ведут реформы летоисчисления и правописания, которых ученые добивались от предшествующих властей многие десятилетия. 23 декабря 1917 г. вышел приказ за подписью А. В. Луначарского, предписывающий «всем правительственным и государственным изданиям» с 1 января (ст. ст.) 1918 г. «печататься согласно новому правописанию»⁶⁵. Правда, у власти не хватило воли, и на территории, контролируемой большевиками, на новую орфографию перешли только 15 октября 1918 г. Повсеместно же это произошло уже после окончания Гражданской войны.

Многие ученые разочаровались в идеях монархизма и либеральной демократии, приверженность которым привела великую Россию к краху и междоусобной войне. Расстрел демонстрации в поддержку Учредительного собрания 5 января 1918 г. и его разгон показали, что в Петрограде нет политической силы, способной противостоять большевикам. Да и народ при выборах Учредительного собрания явно проигнорировал

⁶⁴ *Стеклов В. А.* Переписка с отечественными математиками. С. 287.

⁶⁵ Декрет о введении нового правописания // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 40. 23 декабря. С. 1.

либеральных демократов и монархистов, отдав им в совокупности всего 17% голосов. Остальные голоса получили социалистические партии, в основном эсеры, которые в глазах академического истеблишмента выглядели не лучше большевиков.

Дневниковые записи тех лет показывают, сколь многие ученые в годы Гражданской войны, по словам В. И. Вернадского, смело и беспощадно шли «по пути полной переоценки своих убеждений», перерабатывая «идеалы жизни»⁶⁶. В этом отношении показательна эволюция взглядов самого В. И. Вернадского от полного неприятия большевиков к признанию их единственной силой, способной обеспечить стабильность и создать условия для развития науки и внедрения изобретений в производство. Потрясенный ужасами развернувшейся Гражданской войны, разгромом «русским народом самого себя»⁶⁷, Вернадский приходит к выводу об условности и мелочности обычных и политических убеждений, продиктованных низменными мотивами, скрываемыми за красивыми словами о равенстве, демократии, справедливости.

Главными виновниками трагических событий Вернадский считает «русскую интеллигенцию с ее легкомысленным отношением к государственности, бесхарактерностью и продажностью, и имущие классы»⁶⁸. В. А. Стеклов уподоблял интеллигенцию «вздувшемуся пузырю на народном теле, оторванному от него и потерявшему всякое живое чувство действительности»⁶⁹. Находясь за тысячу километров от В. И. Вернадского, З. Н. Гиппиус также занимается бичеванием интеллигенции. «Мы, интеллигенция, — выговаривает она, — какой-то вечный Израиль, и притом глупый. Мы в вечном гонении от всякого правительства, царского ли, коммунистического ли. И мы блистательно доказали, что этой участи мы вполне достойны... Теперь мы достойны владычества Хамов, взявших нас голыми руками. Нечего, не на кого, некому жаловаться. Бессильное и неумное животное»⁷⁰. Ей вторит Г. А. Князев: «Мы, интеллигенция, ничего не могли поделать <...>. Какой позор лег на интеллигенцию в эти страшные дни. Интеллигенция струсила»⁷¹. Неутешительным был подведенный им итог многолетней борьбы интеллигенции за демократию,

66 Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 76, 77, 80 и др.

67 Там же. С. 81.

68 Там же. С. 32.

69 Стеклов В. А. Переписка с отечественными математиками. С. 285.

70 Гиппиус З. «Черные тетради» / Подг. текста М. М. Павловой; предисл. и примеч. М. М. Павловой, Д. И. Зубарева // Звенья. Вып. 2. М.; СПб.: Феникс, 1992. С. 128.

71 Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента... 1991. Кн. 2. С. 177.

свободу, просвещение: «Давили одни, теперь давят другие. Мстят, надругаются, позорят все под личиной “блага народа”»⁷².

Много шума наделали три публичные лекции И. П. Павлова, прочитанные в апреле-мае 1918 г., в Женском медицинском институте и в Тенишевском училище под общим названием «Об уме вообще и о русском в частности»⁷³, в которых лауреат Нобелевской премии предупреждал о тщетности притязаний народа, недалеко отошедшего «от рабского состояния, а в интеллигентских слоях большею частью лишь заимствовавшего чужую культуру», воображать себя «вождем человечества»⁷⁴. Павлов не сомневался, что эти планы обречены на гибель «как слепое отрицание действительности»⁷⁵. Ежедневные утверждения о Советской России как «авангарде человечества» для Павлова были перифразом прежних бахвальских заявлений, что «Россия протрет глаза гнилому Западу»⁷⁶. Павлов клял большевиков и следовавшие за ними массы за крах великого государства, за унижение и развал, ведущие к гибели. После этих лекций Павлов стал для научного сообщества «символом человеческого противодействия неблагоприятным обстоятельствам»⁷⁷.

Вину за происходящие события И. П. Павлов также возлагал на научную интеллигенцию, которая не столько заботилась о просвещении, сколько о его «революционировании»⁷⁸. В итоге страна дошла до диктатуры пролетариата, когда «Мозг, голову поставили вниз, а ноги вверх. То, что составляет культуру, то обесценено, а то, что пока является еще грубой силой, которую можно заменить и машиной, то выдвинули на передний план»⁷⁹. С ним в целом был согласен В. А. Стеклов, который был убежден, что «не безвольной, фантазиями живущей интеллигенции» дано изменить ход событий⁸⁰. Еще резче об интеллигенции в эти дни отзывался будущий академик Е. И. Орлов, утверждая, что в основу ее «народнических течений» положена «анархо-бунтарская черта мужицкой массы народа», от которого после революции останется в виде клички только одно — «воровской народ»⁸¹. Даже среди белого офицерства было

72 Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента... 1991. Кн. 2. С. 177.

73 И. П. Павлов: pro et contra / Сост. Ю. П. Голиков, К. А. Ланге. СПб. 1999. С. 119–168.

74 Там же. С. 119.

75 Там же. С. 141.

76 Там же. С. 144.

77 Самойлов В. О. Эволюция политических взглядов И. П. Павлова // И. П. Павлов: pro et contra. С. 656.

78 И. П. Павлов: pro et contra. С. 131

79 Там же. С. 141 .

80 Стеклов В. А. Переписка с отечественными математиками. С. 285.

81 «Интуитивные предвидения» Егора Ивановича Орлова (Накануне и в первый год Великой Октябрьской) // Природа. 1994. № 2. С. 94, 99.

распространено мнение, «что лучше большевики, чем социалисты и эти демократы, да и вообще все интеллигенты»⁸².

В свою очередь многие ученые, рассматривая перспективы Белого движения, считали, что «перевернуть ход исторических событий полуразбойные банды не могли»⁸³. Они не ждали «...радости от “белых”, “зеленых”, “черных”, <...> тот же террор будет и торжество насилия и наглости...»⁸⁴. Как в калейдоскопе, сменялись власти, но для интеллигенции «разницы между теми и другими не было большой — и те, и другие проводили по ночам обыски в домах, грабили, убивали и насильничали в одинаковой мере. Население было запугано, пришиблено и обобрано»⁸⁵. С приходом немцев или союзников кончался страх за жизнь и имущество, «начиналась мука нравственно оскорбленного национального самолюбия»⁸⁶. Они не верили в победу белых и ненавидели их зачастую больше, чем большевиков. Последние им были даже ближе, ибо нередко происходили из тех же студенческих аудиторий. Особенно жаждала большевиков российская интеллигенция на территориях новых национальных образований Закавказья, Украины, Поволжья, где русское население подвергалось жесточайшей дискриминации: «Тяжесть владычества этой власти заставляла многих мечтать о большевиках — те, по крайней мере, свои, русские»⁸⁷. Однако с приходом большевиков начинались облавы, обыски, мобилизации, аресты и т. д., и все возвращалось на круги своя. Так, ненавидя большевиков, интеллигенция благословляла их на спасение России, верила, что только им по силам эта задача, и надеялась, что весь этот ужас наконец как-то закончится.

По свидетельству Г. А. Князева, уже с осени 1918 г. все чаще среди интеллигенции слышалось: «большевики спасут Россию», «большевики научат нас работать», «без большевиков Россия, может быть, окончательно погибла, так и сгнила бы»⁸⁸. Ученые «свыкаются с мыслью, что большевики так и останутся у власти», и «может быть в огне и крови очищаемся»⁸⁹. К концу Гражданской войны приходит убеждение, что «большевики куют могущество великого, но ослабшего народа», что большевизм «серьезнее, жизненнее, реальнее, чем казалось», его отныне

82 Соколов Б. Падение Северной области // Архив русской революции / Изд. И. В. Гессен. Т. 9. Берлин: [б. и.], 1923. С. 44.

83 Стеклов В. А. Переписка с отечественными математиками. С. 286

84 Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента... 1994. Кн. 5. С. 169–170.

85 Плешко Н. Из прошлого провинциального интеллигента // Архив русской революции / Изд. И. В. Гессен. Т. 9. Берлин, 1923. С. 204.

86 Там же.

87 Там же. С. 210.

88 Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента... 1993. Кн. 4. С. 99–100.

89 Там же. С. 103.

не воспринимают как «чудовище», в него начинают верить, в нем находят «хорошие стороны», «заслуги», понимают «историческую необходимость» гибели прежнего «колосса на глиняных ногах», и «ничто уже не страшит и не удивляет»⁹⁰. И хотя еще мысль мучается в поисках причин устойчивости большевиков, ответ для многих трагически безнадежен: «С большевиками ужас, без большевиков — кошмар»⁹¹.

Бывший приват-доцент Московского университета и ординарный профессор Пермского университета правовед Н. В. Устрялов чудом спасся во время первой волны красного террора и, оказавшись на территории, контролируемой белыми, возглавил пресс-бюро в правительстве А. В. Колчака и Восточное Бюро ЦК кадетов. Уже в феврале 1919 г. он так оценивал собравшихся в Омске: «Увы, это не новая Россия, это не будущее. Это — отживший, старый мир, и не ему торжествовать победу»⁹². Он был готов к тому, что победят большевики и, «значит, история пойдет через них»⁹³.

Эти метания даже убежденных противников советской власти позволяют лучше понять, почему лидеры РАН в начале 1918 г. пошли на поиск модусов сотрудничества с нею. Они знали, что в момент критики и разрушения учреждений прежнего режима академия вряд ли уцелеет. Печальная участь Парижской Академии наук была хорошо известна, и было опасно игнорировать жесты дружелюбия со стороны в душе ненавидимой многими власти.

Они шли на сотрудничество с большевиками, так как убеждали себя, что происшедшее «есть, исторически говоря, наилучший исход из всех существующих <...>. Наконец свершилось то, что рано или поздно должно было случиться, быть может, с неизмеримо большими жертвами»⁹⁴. У них уже давно исчез пиетет перед народной массой, которая, как им казалось, «исполнила свою долгожданную историческую миссию: учинила самый бессмысленный разгром», что «безуспешно начинала еще 300 лет тому назад»⁹⁵. Реализация вековых лозунгов Степана Разина «Бей помещиков. Грабь награбленное» погубила многих, «вызвала ропот и негодование», породила «массу ошибок», но все это рассматривалось как

90 Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента... 1994. Кн. 5. С. 154, 156–157.

91 Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента... 1994. Кн. 5. С. 197.

92 Устрялов Н. В. Белый Омск. Дневник Колчаковца / Подг. текста, предисл. и комм. А. В. Смолина // Русское прошлое. Кн. 2. 1991. С. 289.

93 Устрялов Н. В. 1919 год. Из прошлого / Подг. текста и комм. А. В. Смолина // Русское прошлое. 1993. Кн. 4. С. 194–287.

94 Стеклов В. А. Переписка с отечественными математиками. С. 262–263.

95 Там же. С. 284.

неизбежные издержки любого «исторического процесса»⁹⁶. Даже непримиримый критик большевизма И. В. Гессен писал в январе 1919 г.: «Дело не в большевиках <...> Большевики уйдут <...> Но что же будет, когда смена придет? Не сомневаюсь, что будет еще страшней, еще тяжелее. Приехавший на днях из Украины знакомый уверяет, что некоторый порядок увидел лишь тогда, когда въехал в пределы Советчины»⁹⁷.

Пришло время отрезвления интеллигенции, «переоценки ценностей», вызванной окончательным разочарованием в народе. Трудно перечислить те выражения, которыми ученые пытались описать ужас, охвативший их при виде восставшего народа. Они цепенели от «гнусной разнузданности тысяч маленьких деспотов-самодержцев», а происходящее казалось им пирушкой «разбушевавшихся рабов», точнее, зверей, «съевших оплошавшего укротителя», и т. д. Они сетовали, что «кровь и ужас затопили» страну, «все оплевано, осквернено, опозорено, низвергнуто», а «кучка проходимцев экспериментирует над живым телом России», и перед результатами этого эксперимента «поблекли все ужасы самодержавия».

Избавляясь от традиционного «народолюбия», ученые комплекс «служения народу» меняли на комплекс «служения государству», России. Новый комплекс одних вел к непримиримой борьбе с большевиками как узурпаторами и разрушителями Российской империи, а других, напротив, к сотрудничеству с ними как с силой, призванной обеспечить ее целостность, хотя и в новых социально-политических реалиях. Причем правые охотнее шли на сотрудничество с большевиками, чем либералы. Так, профессор Петроградского университета философ А. В. Введенский готов был признать большевиков ради спасения Петроградского университета. Даже профессура, тяготеющая к черносотенству, оправдывала поддержку их с точки зрения российской национальной идеи. Один из интеллектуальных лидеров правого лагеря, профессор юриспруденции Б. В. Никольский, активный член «Союза русского народа» и «Русского собрания», 21 апреля 1918 г. задавал вопрос своему единомышленнику писателю Б. А. Садовскому: «Чем большевики хуже кадетов, эсеров, октябристов, Штюрмеров и Протопоповых?» И сам отвечал: «Ничем. Россией сейчас правят карающий Бог и беспощадная история, какие бы черви ни заводились в ее сияющих ранах»⁹⁸. Он советовал не выяснять «личного отношения к мировым событиям», а заниматься обычными житейски-

⁹⁶ Там же. С. 284–285.

⁹⁷ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции / Изд. И. В. Гессен. Т. 22. Берлин: Изд-во Шпеер и Шмидт, 1937. С. 408.

⁹⁸ Монархист и Советы. Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому 1913–1918 / Публ. С. В. Шумихина // Звенья. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 360.

ми и творческими делами. Осознавая бессмысленность индивидуальной борьбы с большевиками, Никольский заявлял: «...с советским режимом я мирюсь откровеннее, искреннее и полнее, чем с каким бы то ни было другим <...> Враги у нас общие — эсеры, кадеты, до октябристов включительно. Демократическим элементам их программы сочувствую, не во всем, конечно, но даже то, в чем не сочувствую, считаю исторически неизбежным, как временное бедствие: лес рубят — щепки летят»⁹⁹.

В письме от 8 ноября 1918 г. Никольский признавал, что большевики занимаются «разрушением России», но уверял при этом: «Это разрушение исторически неизбежно, необходимо: не оживет, аще не умрет. И они торопят, они не только торопят: они действительно ускоряют события. Ни лицемерия, ни коварства в этом смысле у них нет: они поистине орудие исторической неизбежности»¹⁰⁰. Он признает, что к новой власти уже прилипли «...все мерзавцы — по крайней мере, худшие — старого порядка и все мерзавцы нового», но верит, что «лучшие в их собственной среде сами это чувствуют, как кошмар, как мурашки на спине, боясь в этом сознаться себе самим...»¹⁰¹ Он не собирается с ними сотрудничать, но и не намерен сопротивляться: «...я не иду и не пойду против них: они исполнители воли Божией и правят Россией, если не Божию милостию, то Божиим гневом и попустительством. <...> несть власти, аще не от Бога. Они власть, которая нами заслужена и которая исполняет волю Промысла, хотя сама того и не хочет, и не думает»¹⁰². Его не отвратил от них и расстрел царской семьи и многих царских сановников, упоминаемых в письмах¹⁰³.

Если Никольский еще не был готов сотрудничать с властями в делах, противоречащих его нравственным убеждениям, и занимал позицию сочувственного нейтралитета, то философ В. В. Розанов в письме к Б. А. Садовскому уже в декабре 1917 г., юродствуя, заверял новую власть о готовности стать крепостными рабами: «Мы будем покорны тебе во всем. Послушны <...> Мы будем делать все для тебя. А ты дай нам, и с семьей, которая идет в крепость тебе, — пропитание, хлеб, те-

⁹⁹ Там же. С. 371.

¹⁰⁰ Монархист и Советы. Письма Б. В. Никольского к Б. А. Садовскому 1913–1918 / Публ. С. В. Шумихина // Звенья. Вып. 2. М.; СПб., 1992. С. 372.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же. С. 372.

¹⁰³ Вряд ли несчастный Б. В. Никольский предполагал, что, выполняя «промысел божий», большевики 11 июня 1919 г. расстреляют его без суда и следствия в Петрограде, а тело, по слухам, скормят зверям в Зоологическом саду. См.: Гунтуис З. Н. Петербургские дневники 1914–1919. Нью-Йорк, 1982. С. 37.

пло, защиту»¹⁰⁴. Высказывания Никольского и Розанова предвосхищали многие идеи правого крыла сменовеховства, лидер которого Н. В. Устрялов вскоре предложил термин «национал-большевизм» для обозначения идейной близости между большевиками и правыми¹⁰⁵.

К оправданию большевизма как исконно национального и народного движения со временем склонялись не только черносотенцы, но и бывшие кадеты и эсеры, царские и белые генералы, министры антисоветских правительств и эмигранты и т. д. Особое место среди них принадлежит ученым-естествоиспытателям и инженерам-специалистам, которые, будучи патриотами и государственниками, изначально пошли на сотрудничество с большевиками как с единственной политической силой, обладающей властью, имеющей четкие цели и способной их реализовать самыми беспощадными методами. Причины, побуждающие правых к сотрудничеству с антидемократической властью, весьма разнообразны. Каждый ученый, выбравший этот путь, руководствовался собственными соображениями и делал свой моральный выбор. Особую роль здесь играла привычная для каждого из них система взаимодействия с властью. Для многих был психологически невозможен полный разрыв с властными структурами, тогда как другие давно уже находились с ними в конфронтации.

Академик генерал-лейтенант В. Н. Ипатьев, никогда и после не отказывавшийся от своих монархистских убеждений, сразу заявил, что военный человек не имеет права прекратить свою работу во время войны и что интеллигенция обязана поддержать усилия власти по защите государства. Как многие другие генералы и адмиралы, он легко сменил мундир на красноармейскую гимнастерку. Позднее, оказавшись в эмиграции, Ипатьев скажет: «Я как патриот своей родины должен был остаться с ней до конца своей жизни и посвятить ей все мои силы»¹⁰⁶. Примерно так же Н. И. Вавилов в 1933 г. объяснял корреспонденту парижской газеты «Пари Миди» причины, побудившие его остаться в Советской России: «В 1916 г. я уже был на государственной службе. <...> Я остался на службе у государства, у русского государства, у государства моей родины»¹⁰⁷.

Аналогичными соображениями руководствовались академики А. П. Карпинский, А. Н. Крылов, Н. С. Курнаков, П. П. Лазарев, А. А. Марков, Е. С. Федоров, придерживавшиеся разных политических взглядов, но со времен 1905 г. боявшиеся автономного существования

¹⁰⁴ Розанов В. Письма 1917–1919 гг / Вступ. ст. Евг. Ивановой; Публ. и прим. Евг. Ивановой и Т. Померанской // Литературная учеба. 1990. Кн. 1. С. 76.

¹⁰⁵ Агурский М. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003. 316 с.

¹⁰⁶ Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика. С. 483.

¹⁰⁷ Вавилов Ю. Н., Рокитянский Я. Г. Интервью в парижском такси // Вестник РАН. 1997. № 11. С. 1033.

науки сильнее, чем любой диктатуры, в том числе и провозглашенной диктатуры пролетариата. Имперское и демократическое Временные правительства оказались неспособными ответить на их запросы и не обеспечили развитие науки; оставались надежды, что только сильной власти будет это под силу. Вот почему академик П. П. Лазарев, входивший в число либеральных профессоров, покинувших Московский университет в 1911 г. в знак протеста против авторитарной политики Л. А. Кассо, практически сразу стал на путь содружества с новой властью. На базе созданной им физической лаборатории Высшей школы военной маскировки Красной армии Лазарев с конца 1917 г. изучал деятельность органов чувств в военных условиях и спектры отражения ряда цветных объектов, дав рекомендации при выборе защитных цветов. По предложению наркома здравоохранения Н. А. Семашко Лазарев осуществлял общее руководство рентгеновской, электромедицинской и фотобиологической секцией Наркомздрава, а вскоре возглавил Научный комитет при НТО ВСНХ.

В то же время многие ученые в первые месяцы Гражданской войны оставались верными либерально-демократическим взглядам, резко враждебно восприняв новую власть (В. И. Вернадский, П. Б. Струве, А. А. Шахматов, С. П. Тимошенко). Их негативное отношение к большевикам сформировалось еще в годы прежнего политического соперничества. Те, кто не желал сотрудничать с большевиками, уже к концу 1917 г. эмигрировали или жили на территориях, контролируемых антибольшевистскими силами. Среди них были академики П. И. Вальден, В. И. Вернадский, П. Г. Виноградов, В. В. Заленский, В. С. Иконников, Н. П. Кондаков, Е. Ф. Карский, А. М. Ляпунов, Н. В. Насонов, В. И. Палладин, В. Н. Перетц и др. Вскоре к ним присоединились Н. И. Андрусов и М. И. Ростовцев. П. Б. Струве 27 декабря 1917 г. отправился на Дон, ставший оплотом сопротивления большевикам: он стоял у истоков Белого движения на юге.

В середине 1918 г. в Москве возникли «Союз возрождения России» и «Национальный центр», в которых активно участвовали ученые, включая членов РАН Н. К. Кольцова и П. Б. Струве. Они занимались разработкой политических и экономических программ возрождения России, предусматривавших устранение от власти коммунистов, введение диктатуры или директории до созыва Учредительного собрания, возрождение российской государственности, введение рыночных отношений, денационализацию и демонополизацию промышленности, развитие фермерского хозяйства и т. д.

Многие видные деятели науки входили в состав различных правительств и комитетов, создаваемых в ряде регионов распадавшейся России. Важную роль в становлении Украинской государственности сыграл

будущий академик М. С. Грушевский, возглавлявший Центральную Раду, провозгласившую независимость Украины сразу же после Октябрьской революции. В правительстве гетмана Скоропадского, разогнавшего Центральную Раду и вынудившего самого Грушевского перейти на нелегальное положение, министром юстиции был профессор уголовного права М. П. Чубинский, пост министра культуры и вероисповеданий занимал философ и психолог В. В. Зеньковский, а министра народного просвещения — кадет, историк Н. В. Василенко, сыгравший вместе с В. И. Вернадским важную роль в создании Украинской академии наук, которую он возглавил в 1921 г. Летом 1918 г. в Киев уезжает и ректор Петроградского университета историк Э. Д. Гримм. Пожалуй, из активно отвергших новую власть только И. П. Павлов остался в Петрограде и публично критиковал ее даже под угрозой репрессий.

Таким образом, вскоре после Октября в научном сообществе стали формироваться различные отношения к большой политике. Лишь небольшая часть ученых, как правило, связанная с социал-демократией и большевиками еще до Октября, уверовала в прочность и долговечность новой власти и встала на путь ее безоговорочной поддержки: химик-технолог Л. Я. Карпов, физик А. К. Тимирязев, математик О. Ю. Шмидт, П. Я. Штернберг. Но были среди них и бывшие видные кадеты, например, юрист Н. А. Гредескул. Из крупных ученых, пожалуй, только физиолог растений и эволюционист, член-корреспондент РАН и член Лондонского Королевского общества К. А. Тимирязев практически сразу стал доказывать конгениальность марксизма и дарвинизма. Часть будущих академиков поддержала большевиков, возможно, из-за того, что они считали себя недооцененными при прежнем режиме (А. Н. Бах, И. М. Губкин, И. В. Мичурин).

В то же время значительная часть академического сообщества и профессуры, составляющая ядро реформаторов в правительственных органах после февраля 1917 г., не приемлющая в целом теорию и практику большевизма, стала на путь поиска возможных форм сотрудничества с большевиками во имя интересов науки и высшего образования (С. Ф. Ольденбург, А. С. Лаппо-Данилевский, А. А. Марков, Н. Я. Марр, С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, А. А. Шахматов). Каждый из них шел на компромисс между своими общественно-политическими взглядами и представлениями о долге и большевистской трактовкой национальных интересов. К тому же призывы большевиков опираться на науку при построении нового общества были созвучны их планам. Смена установки «служения народу» установкой «служения государству» одних академиков вела к борьбе с большевиками как с узурпаторами и разрушителями Российской империи, а других, напротив, к сотрудничеству с ними как с силой, способной восстановить целостность страны. Важным факто-

ром в изменении умонастроения ученых было то, что новая власть не исчезла, как ожидалось, в короткие сроки. Пригрозив увольнением саботажников, она заставила всех задуматься о личном выживании. Как уже не раз говорилось, большевики поставили академическое сообщество в жесткую зависимость от государства, и финансово-экономическое принуждение срабатывало сильнее, чем политическое давление. Банки были национализированы не просто так: деньги становились решающим фактором, подталкивавшим ученых к диалогу с властями.

Вскоре к этому прибавилась угроза голода, от которого не удавалось спрятаться и в провинции. А. А. Шахматов 19 января 1918 г. писал В. М. Истрину: «Здесь голод вообще и вообще Петроград — обреченный голод. В Москве, говорят, условия лучше. 5 января 1918 г. академик А. А. Марков, уехавший из Петрограда в г. Зарайск Рязанской губернии, писал В. А. Стеклову: «Голод надвигается и на нас»¹⁰⁸. А тот в свою очередь 25 апреля 1918 г. с иронией сообщал А. М. Ляпунову: «Здесь у нас теперь сравнительно спокойно: еще живы, не убиты, не поранены, не ограблены и от истощения еще не померли»¹⁰⁹. Но и ему в Петрограде приходилось «простаивать часами в очередях перед лавками и в значительной мере недоедать»¹¹⁰. Еще хуже приходилось тем, кому не удалось «избежать пилки, колки и таскания дров на своих плечах, заниматься расчисткой снега на улицах или выгрузкой дров и т. п.»¹¹¹. Однако главные испытания были впереди. 31 января 1918 г. Г. А. Князев записал: «... все ужасы поражения: революция, голод, анархия. Ужас стал бытом, грядет и еще один страшный гость — мор»¹¹². К несчастью, этот ужасный прогноз сбывся: «Трудовую интеллигенцию, — с горечью 18 мая 1918 г. писала З. Н. Гиппиус, — лишили хлеба совершенно: каждый день курсистки, конторщики, старые и молодые, падают десятками на улице и умирают»¹¹³.

В этих условиях многие академики были озабочены просто элементарным выживанием, что облегчало их подчинение властям. Пока же они начинали сотрудничать с властью «без удовольствия», относясь к ее действиям с подозрением и скрытой враждебностью. Разноголосие в оценках Октябрьской революции, конечно, в академическом сообществе было не так велико, как среди творческой интеллигенции. Практически никто из ученых не воспринял революцию как «свою» наподобие В. В. Маяковского и не считал ее, вслед за Дж. Ридом, событием всемир-

¹⁰⁸ Стеклов В. А. Переписка с отечественными математиками. С. 233.

¹⁰⁹ Там же. С. 130.

¹¹⁰ Там же. С. 290.

¹¹¹ Там же. С. 290.

¹¹² Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента... 1993. Кн. 4. С. 35.

¹¹³ Гиппиус З. «Черные тетради». С. 100

ного значения. Для них скорее была близка ее оценка В. В. Розановым как занавеса, опустившегося с грохотом и лязгом над русской историей и ставшего истинным началом железного века, по определению А. А. Ахматовой, и «окаянными днями» для И. А. Бунина. Но были и такие, кто, подобно А. А. Блоку, усмотрел в происходящем неумолимый ход истории и даже некую «космическую музыку сфер». Как проявление геологического процесса оценивал ее Вернадский. Многоголосие оценок событий конца 1917 г. предопределяло и диапазон выбора индивидуальных практик и поведения с властными структурами, которые руководители РАН должны были по возможности привести к некоему общему знаменателю, чтобы и РАН сохранить, и раскола избежать, и провести нужное решение через Общее собрание.

2.3. ПОИСК КОМПРОМИССОВ И ПОПЫТКИ СОХРАНИТЬ АВТОНОМНОСТЬ

Развал прежней системы организации науки и высшей школы создавал реальную угрозу потери научного потенциала, преэминентности в отечественной науке и ухудшения подготовки специалистов. В условиях кризиса, вызванного потерей государственной поддержки науки, важнейшую роль по ее спасению взяло на себя научное сообщество, объединенное разнообразными формами общественно-научных организаций. Разделенные фронтами Гражданской войны ученые в самые трагические дни стремились к общей цели: «сохранить начатую научную работу»¹¹⁴.

В сотрудничестве были заинтересованы и руководители большевиков, прометеевская вера которых в возможность использовать научные достижения для построения нового общества предполагала организацию новых научных учреждений в таких масштабах, о которых ученые до революции не могли и мечтать. Убежденными сторонниками сотрудничества с учеными были председатель Совнаркома В. И. Ленин и его секретарь Н. П. Горбунов, а также главы Наркомпроса А. В. Луначарский и Наркомздрава Н. А. Семашко. Они не хотели, чтобы у мирового сообщества создался образ пролетарской революции, преследующей интеллектуальную элиту России. Руководители Советской России тогда заботились лишь об административном подчинении науки. Вопрос же об идеологическом контроле над научными исследованиями даже не ставился.

Одним из ключевых пунктов социальной программы большевиков было формирование новой интеллигенции, участвующей в строительст-

¹¹⁴ Вернадский В. И. Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 192.

ве нового мира. Ее планировали со временем создать из представителей пролетариата и беднейшего крестьянства. А до этого предполагалось использовать буржуазную интеллигенцию на государственной службе. Еще до революции среди большевиков сформировалось отношение к ней как особой социальной группе, которая необходима для советской власти, но доверять которой нельзя. Предполагалось использовать ее, предварительно ограбив, запугав и подчинив.

Налаживание рабочих отношений РАН и новой власти шло непросто. Хотя обе стороны были заинтересованы в развитии науки, они по-разному понимали вопросы: кто должен развивать науку? какова роль ученых в определении стратегии ее развития? какие науки надо развивать в первую очередь? Однозначный ответ на первый вопрос дала власть: РАН стала первым научным учреждением, которому власть предложила диалог и сотрудничество. Выбор объяснялся, видимо, ее компактностью, управляемостью и высоким авторитетом как в стране, так и за рубежом. Прагматичным большевикам, нуждавшимся в международном признании, импонировало, что в ее составе были известные математики и естествоиспытатели. Восприятие науки как средства для создания материально-технической базы социализма предопределило ответ, который власть дала на третий вопрос. А вот второй вопрос, по существу, не решен до сих пор.

В январе 1918 г. в Научном отделе Наркомпроса была создана секция во главе с членом коллегии Отдела Л. Г. Шапиро, которая разработала «Положение к проекту мобилизации науки для нужд государственного строительства», называемое обычно «Запиской Шапиро» и переданное им лично неперемennomу секретарю С. Ф. Ольденбургу во время визита Шапиро в РАН¹¹⁵. О состоявшейся беседе С. Ф. Ольденбург сообщил 24 января 1918 г. 14 академикам, собравшимся на третье в этом месяце Экстраординарное Общее собрание. Это был обмен мнениями по вопросам «о возможной научной работе Академии в связи с различными задачами настоящего времени»¹¹⁶. От имени советской власти Шапиро, по воспоминаниям Стеклова, гарантировал академии сохранение автономии, демонстрируя инструменталистское, сугубо утилитарное отношение власти к науке¹¹⁷.

К сотрудничеству были готовы другие математики и естествоиспытатели, которые уже завязывали личные контакты с руководителями Наркомпроса. 15 февраля 1918 г. А. Н. Крылов писал П. П. Лазареву о своем разговоре с главой Научного отдела Наркомпроса, астрономом В. Т. Тер-

115 Судя по документам личного характера, в частности приводившемуся выше письму А. А. Шахматова к В. М. Истрину от 19 января 1918 г., переговоры начались раньше.

116 Протоколы ОС АН. 1918. С. 16. § 22.

117 Вестник АН СССР. 1967. № 8. С. 69–70.

Оганесовым о судьбах Сейсмической комиссии РАН и перспективах открытия Физического института¹¹⁸. Тер-Оганесов заверил собеседника, что Наркомпрос настроен «всячески поддерживать деятельность научных и просветительных об[ществ], научных изданий». По итогам этой беседы Крылов рекомендует П. П. Лазареву не чураться новых властей: «...напротив, как бы то ни было, жизнь теперь будет строиться на новых началах и способствовать ее скорейшему устроению следует всем, и надо стремиться к тому, чтобы наука заняла должное положение, а это проще всего достигается взаимным содействием, а не чуранием». В связи с этим он с гордостью сообщает, что 2 февраля 1918 г. он с П. Н. Никифоровым получил пропуск и разрешение осмотреть подходящие дворцы, которые могут быть переданы Наркомпросом в распоряжение планируемого Физического института¹¹⁹. Он советовал Лазареву кроме штатных сумм на Физическую лабораторию РАН просить «сверхсметного кредита на пополнение библиотеки и устройства помещений для мастерских».

Академики не совсем понимали намерения властей. Им в туманных выражениях предлагали наладить профессиональное сотрудничество по огромному кругу естественных и социально-экономических проблем, обеспечить всестороннее исследование основных отраслей народного хозяйства, концентрировать научные силы и организовать коллективные исследования в некоей созданной при РАН специальной комиссии, пополняемой «представителями ближайшим образом участвующих в работе организаций» (РТО, ВЭО и т. п.)¹²⁰. Создавалось впечатление, что советское правительство нуждается прежде всего в научной экспертизе в области экономики и социальной политики и ждет от академиков налаживания учета всех научных учреждений и ученых страны.

В то же время визит Шапиро в академию обозначил для ученых, с кем они должны вести переговоры и о чем будет предстоящий диалог. Наркомпрос, в ведении которого оказалась Академия наук, сам инициировал переговоры с учеными о профессиональном сотрудничестве и позволял РАН пойти на них без потери лица. К тому времени недавние декларации о гибели науки и культуры в Советской России были забыты. Академики осознавали, что лучшей стратегией защиты от ненавистной власти станет демонстрация практической пользы науки и просвещения, так как большевики вряд ли будут кормить заумных чудаков, если их деятельность не обещает быстрого практического эффекта.

118 АРАН. Ф. 459. Оп. 4. Д. 68.

119 СПбФ АРАН. Ф. 759. Оп. 2. Д. 163. Л. 89; Документы по истории АН СССР. Т. 1. С. 27.

120 Приложение I к протоколу VIII ОС РАН от 18 (5) мая 1918 г. (к § 112) // Протоколы ОС АН. 1918. С. 75.

Но академики не спешили соглашаться и попросили конкретизировать пожелания, чтобы можно было дать ответ по каждому вопросу в зависимости от его сущности и наличия возможностей у РАН для выполнения государственных задач¹²¹. Одновременно специальной комиссии во главе с президентом было поручено подготовить предложение по пересмотру бюджета, который уже начался в Наркомпросе. Уже 29 января 1918 г. А. В. Луначарский на коллегии Наркомпроса сообщил о готовности РАН вести переговоры о сотрудничестве с Наркомпросом и Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ), но ничего не сказал о сохранении автономии академического сообщества. Более того, он заявил, что академия согласна вступить в переговоры о возможных реформах¹²², хотя в протоколах Общего собрания о них ничего не говорилось.

26 января 1918 г. был принят Декрет о введении в Российской республике западноевропейского календаря, предусматривающий с 31 января одномоментный переход на новое летоисчисление. И хотя между Третьим и Четвертым заседаниями Общего собрания прошло всего 9 дней, академики собрались на очередное Общее собрание. По новому календарю это было 16 февраля. Общему собранию было сообщено, что 26 января вместе со срочным письмом Л. Г. Шапиро прислал тезисы «Мобилизация науки». Для их рассмотрения и подготовки ответа была создана Комиссия во главе с С. Ф. Ольденбургом, которой поручили сформулировать позицию за три дня к намеченному на 20 февраля 1918 г. очередному Экстраординарному Общему собранию¹²³. Предложено было принять участие в ее работе всем желающим.

На этом заседании присутствовали 19 академиков, которые и согласились участвовать в решении государственных задач в качестве координирующего центра¹²⁴. Но, по совету А. Е. Ферсмана, фактически исполняющего роль главы КЕПС после отъезда В. И. Вернадского, академическое сообщество не стало браться за экономические и технические исследования отдельных отраслей народного хозяйства, а предложило сконцентрироваться на расширении деятельности КЕПС и создать Комиссию «по учету и охране науки и научных работ»¹²⁵. Ферсман признавал «Проект мобилизации науки интересным, но трудно выполнимым»¹²⁶. В постановлении, принятом 19 февраля 1918 г. Комиссией в составе академиков С. Ф. Ольденбурга, А. А. Шахматова, А. С. Лаппо-Данилев-

121 Протоколы ОС АН. 1918. С. 30. § 47.

122 Цит. по: *Иванова Л. В.* Формирование советской интеллигенции. 1917–1927 гг. М.: Наука, 1980. С. 37.

123 Протоколы ОС АН. 1918. С. 21. § 31.

124 Там же. С. 16. § 22.

125 Приложение I к протоколу VIII ОС РАН от 18 (5) мая 1918 г. (к § 112). С. 76–77.

126 Известия Российской Академии наук. 1918. VI серия. № 14. С. 1393.

ского, М. А. Дьяконова, Н. Я. Марра, В. А. Стеклова, Н. И. Андрусова и Е. Ф. Карского и профессора Сельскохозяйственных курсов, экономиста А. А. Кауфмана, говорилось: «Академия полагает, что значительная часть задач ставится самою жизнью, и Академия всегда готова, по требованию жизни и государства, приняться за посильную научную и теоретическую разработку отдельных задач, выдвигаемых нуждами государственного строительства, являясь при этом организующим и привлекающим ученые силы страны центром»¹²⁷. При этом РАН уверяла, что уже давно ведет эту работу в ряде созданных ею комиссий и не останавливала ее даже во время прекращения деятельности МНП. В их числе были названы: Постоянная центральная сейсмическая комиссия (1900), Комиссия для составления диалектологических карт русского языка (1902), Комиссия по изданию «Академической библиотеки русских писателей» (1908), Магнитная комиссия (1908), КЕПС (1915), Ломоносовский комитет (1916), КИПС (1917), Комиссия по сборнику «Русская наука» (1917). Предлагалось продолжить исследования, уже ведущиеся в этих комиссиях и комитетах.

Ученые были готовы сотрудничать с властью в защите Петрограда от немцев. Декрет Совнаркома от 21 февраля 1918 г. «Социалистическое отечество в опасности» был с патриотическим воодушевлением воспринят Конференцией Военно-медицинской академии, в которую входил академик И. П. Павлов. В постановлении говорилось: «Академия горячо отзывается на призыв защиты Родины...»¹²⁸ Тем острее потом было чувство национального унижения от «похабного» Брестского мира.

В течение нескольких месяцев соблюдался декорум равноправных переговоров: официальные предложения Наркомпроса, ответы Общего собрания РАН, визиты представителей Наркомпроса и Совнаркома в РАН, обмен посланиями на высшем уровне — переписка А. В. Луначарского с А. П. Карпинским и С. Ф. Ольденбургом (март — апрель 1918 г.)¹²⁹. Всего за 1918 г. академики 17 раз собирались на Общие собрания, причем 8 из 17 были экстраординарными, как правило, связанными с обсуждениями взаимоотношений с Наркомпросом и Совнаркомом.

В письме от 5 марта 1918 г. Луначарский писал «гражданину Карпинскому» о привлечении Академии наук к решению «стоящих перед страной задач» и прежде всего об активизации работы КЕПС. Нарком явно старался польстить академикам, делая упор на то, что «в тяже-

¹²⁷ Приложение I к протоколу V ЭОС РАН от 20 (7) февраля (к § 47). С. 31–32.

¹²⁸ Постановление Конференции ВМА. 25 февраля 1918 г. // *Лебединский А. В., Мозжухин А. С.* Очерки истории кафедры физиологии Военно-медицинской академии. Л.: Картфабрика ВМФ, 1971. С. 122.

¹²⁹ Приложение I к протоколу VIII ОС РАН от 18 (5) мая 1918 г. (к § 112). С. 71–83.

лой обстановке наших дней, быть может, только высокому авторитету Академии наук с ее традицией чистой, независимой научности удалось бы, преодолев все трудности, сгруппировать вокруг этого большого научного дела ученые силы страны»¹³⁰. Письмо переполнено подобными цветистыми формулировками. Признавая, что «центр тяжести научного интереса Академии наук <...> лежит в области теоретических наук, в частности, физико-математических и историко-филологических» и что «распространение организационной инициативы Академии наук на область наук социально-экономических потребовало бы значительного напряжения сил и создания организационной связи с дисциплинами, ныне мало представленными в Академии»¹³¹, нарком как бы предупреждал о неизбежных трудностях в ее адаптации к новым условиям. Из этой тщательно завуалированной угрозы видно, что в обмен на право существования академического сообщества от его членов требовали подключиться к развитию наук социально-экономического цикла и к разработке проблем марксистской экономики, именуемых «народно-хозяйственным планированием». Иначе говоря, академии предлагалось стать главным координирующим научным центром в стране в обмен на ее подключение к работе в «народном хозяйстве страны».

Но она еще не была готова к принятию подобной функции. Отвечая 24 марта 1918 г. Луначарскому после обсуждения его письма на Общем собрании, Карпинский выражал согласие вести, прежде всего, прикладные исследования, «развивая, расширяя и дополняя уже начатое ею» в 1915 г. в области изучения естественных производительных сил страны¹³². Президент подчеркивал, что «многолетний опыт убеждает Академию в необходимости начать с определенных работ, расширяя их по мере выяснения дела»¹³³. Руководитель Академии наук высказался за всемерное содействие государства науке и высшей школе, обеспечение преемственности в научном творчестве. В то же время он подчеркивал, что академия занимается решением сугубо научных проблем, а наука никакую власть не обслуживает. И поэтому она готова выполнять правительственные заказы для решения только тех научных задач, на которые у нее хватит собственных сил.

Карпинского тревожило негативное отношение к науке, культивируемое некоторыми представителями новой власти, и он призывал всех, кто осознал пагубность такой политики, бороться с ней. Тем самым академия искала защиты у главы Наркомпроса от представителей ра-

130 Там же. С. 75.

131 Там же. С. 72.

132 Там же. С. 77–79.

133 Там же. С. 79.

дикальной интеллигенции. Выразителем этих взглядов были руководители Пролеткульта и Отдела просвещения в Союзе Северных коммун. Все громче звучали их голоса о необходимости создания пролетарской науки, идея которой принадлежала А. А. Богданову (Малиновскому), одному из главных создателей «Пролеткульта», призывавшему разрушить «старые храмы буржуазного знания» и сделать философию и идеологию пролетариата основой для любых научных концепций¹³⁴.

К письму Карпинского прилагалась записка совета КЕПС о перспективах участия Академии наук в исследовании природных ресурсов страны и решении народнохозяйственных задач, пояснение к которой дано и в письме С. Ф. Ольденбурга к А. В. Луначарскому от 2 апреля 1918 г. за № 556¹³⁵. В ней подчеркивалось, что спасение государства и русской культуры лежит в широком подъеме народного труда, рациональном использовании природных богатств, в бережном отношении и охране работников свободной научной мысли и рассадников научного творчества русского народа¹³⁶. КЕПС выражала готовность содействовать мероприятиям, нацеленным на организацию картографических и статистических исследований, на подъем горного дела, изучение запасов ископаемых ресурсов, минеральных вод, племенного состава народов России, учет и охрану научных работников. Предлагалось и участие в разнообразных исследованиях (почв, растений, животных, удобрений и т. д.) в целях развития сельского хозяйства и обеспечения народа продовольствием¹³⁷. К письму прилагалась и смета по всем намечаемым исследованиям, а также законопроекты о создании новых институтов.

В целом выход из кризиса, по мнению А. П. Карпинского, С. Ф. Ольденбурга и А. Е. Ферсмана, направлявших в правительство весной и летом 1918 г. письма и записки об организации научных исследований в новых условиях, заключался в обеспечении преемственности в развитии науки и в подведении «прочного научного фундамента» под экономическую и социальную политику. Их готовность к сотрудничеству была высоко оценена властью, так как, по словам А. В. Луначарского, РАН стала «первым высоким ученым учреждением, согласившимся добровольно работать» с большевиками в решении стоявших перед страной проблем¹³⁸. 5 апреля на заседании Государственной комиссии по просве-

134 Богданов А. А. О пролетарской культуре. М.: Книга, 1924.

135 Приложение I к протоколу V ОС РАН от 20 (13) февраля 1918 г. (к § 47). С. 31–32; Приложение I к протоколу VIII ОС РАН от 18 (5) мая 1918 г. (к § 112). С. 76–77, 80.

136 Приложение I к протоколу VIII ОС РАН от 18 (5) мая 1918 г. (к § 112). Протокол ОС. 1918. С. 115.

137 См. подробнее: *Кольцов А. В.* Создание и деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915–1930 гг. СПб.: Наука, 1999.

138 АРАН. Ф. 12. Оп. 1. № 29. Л. 179.

щению, возглавляемой А. В. Луначарским, с удовлетворением было отмечено, что РАН пошла на встречу Наркомпросу, предложив ряд проектов создания новых институтов и смету в размере 700 000 рублей¹³⁹.

В начале апреля председатель Совнаркома В. И. Ленин, ознакомившись с планами академиков, поручил Н. П. Горбунову посетить РАН и заверить С. Ф. Ольденбурга, что «СНК считает крайне желательным возможно широкое развитие научных предприятий академии», а также просить сообщать о подобных проектах прямо в СНК «с тем, чтобы им могло быть оказано скорейшее содействие»¹⁴⁰. Во время этого визита, состоявшегося 9 апреля, Горбунов особо подчеркивал заинтересованность СНК в планируемых экспедициях, изданиях и институтах. На состоявшемся 10 апреля 1918 г. заседании ОИФ было решено ходатайствовать о финансировании экспедиции в Абхазию (Н. Я. Марр) и этнографической экспедиции в Индию (С. Ф. Ольденбург)¹⁴¹. По информации Л. Г. Шапиро от 20 июня 1918 г. Наркомпрос выделил РАН 63 000 рублей «на экспедицию в Индию, Маньчжурию и Корею в первой половине 1918 г.»¹⁴², когда выехать туда не представлялось возможным, да и сумма была невелика для подобного путешествия.

После одобрения 11 апреля ВЦИКом итогов переговоров Наркомпроса и РАН о ее привлечении к государственному строительству этот вопрос рассматривался на заседании Совнаркома 16 апреля 1918 г. Было признано необходимым финансировать РАН и «указать ей как особенно важную и неотложную задачу разрешение проблем правильного распределения в стране промышленности и наиболее рациональное использование ее хозяйственных сил»¹⁴³.

В тот же день А. П. Карпинский отправляет в Совнарком Отношение за № 640, в котором настаивает на скорейшем утверждении бюджета и предоставлении средств для начала намеченных исследований и издания готовых работ, а также поддержки ряда научных обществ и Стебутовских высших женских сельскохозяйственных курсов¹⁴⁴. Карпинский протестовал против ложного понимания «труда квалифицированного как труда привилегированного, антидемократического», которое, по словам президента, «легло тяжелою гранью между массами и работниками мысли и науки», и отмечал пагубность негативного отношения к научным работникам». В письме содержится пожелание выйти из тесной опеки

139 Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сб. документов. Кн. 1. Л.: Наука, 1968. С. 24.

140 Там же. С. 124.

141 СПбФ. АРАН. Ф. 1. Оп. 1а–1918. Д. 165. Л. 387.

142 Протоколы ОС АН. 1918. С. 112. § 151.

143 Там же. С. 124–125.

144 Приложение I к протоколу VIII ОС РАН от 18 (5) мая 1918 г. (к § 112). С. 81–83.

Наркомпроса. Понимая заинтересованность властей в их деятельности, ученые требовали равноправия, уважительного отношения, свободы научного творчества, демократизации науки. В письме, адресованном в Совнарком 16 апреля 1918 г., Карпинский напоминал об особом месте Академии наук в государстве в последние 200 лет и просил сохранить за ней право «обращаться в особо важных случаях непосредственно к высшему органу» для скорейшего разрешения возникающих проблем¹⁴⁵.

Сложившая конъюнктура, на первый взгляд, позволяла рассчитывать на положительный ответ. Решение Совнаркома от 16 апреля, опубликованное 19 апреля 1918 г., стало первым правительственным декретом в области науки после Октябрьской революции. Фактически оно соответствовало позиции РАН: академию включили в систему государственных учреждений, и ее контакты с правительственными ведомствами стали регулярными. Немалую роль при этом играло желание большевиков придать политическое звучание согласию «прогрессивных» академиков сотрудничать с новой властью. Об этом прямо говорил А. В. Луначарский в ВЦИКе¹⁴⁶. Большевики хотели показать миру, что они не узурпаторы, а государственные мужи, обеспокоенные будущим России и пользующиеся поддержкой научной элиты страны¹⁴⁷. В. И. Ленин рекомендовал Луначарскому как можно шире использовать этот факт в пропагандистских целях¹⁴⁸.

В журнале «Народное хозяйство» за март — июнь 1918 г. была опубликована статья Л. Г. Шапиро «Мобилизация науки», в которой формулировались требования к советской науке: большая близость к проблемам производства, коллективистские формы исследований, государственная централизация научных работ и их регуляция¹⁴⁹. Последнее казалось автору особенно важным в такой стране, как Россия, где незначительное количество ученых работает вразнобой из-за ведомственной разобщенности и конкуренции. Эта публикация вряд ли была незамеченной учеными, но об их реакции на высказанные там идеи можно судить по статье А. Е. Ферсмана, опубликованной спустя почти три года¹⁵⁰. В ней сформулированные Наркомпросом требования к советской науке принимаются с большими оговорками. Прежде всего, неприемлем был

¹⁴⁵ Приложение I к протоколу VIII ОС РАН от 18 (5) мая 1918 г. (к § 112). С. 83.

¹⁴⁶ Летопись РАН. Т. IV. С. 321.

¹⁴⁷ Ларин Ю. Интеллигенция и Советы: хозяйство, буржуазия, революция, госаппарат. М.: Госиздат, 1924. С. 11–12.

¹⁴⁸ Ульяновская В. А. Формирование научной интеллигенции в СССР в 1917–1937 гг. М.: Наука, 1966. С. 59.

¹⁴⁹ Цит. по: Ферсман А. Е. Пути научного творчества // Наука и ее работники. 1921. № 1. С. 3–7.

¹⁵⁰ Там же.

тезис о том, что коллективное творчество может заменить талантливого индивида. Кроме того, научное сообщество по-прежнему желало само определять поле своей деятельности.

В период между 18 и 25 апреля 1918 г. В. И. Ленин написал «Набросок плана научно-технических работ», в котором определялись задачи Академии наук¹⁵¹. Из него видно, что уже тогда у Ленина созрел план сделать Академию наук руководящим центром советской науки¹⁵². Предполагалось поручить ей составить план «реорганизации промышленности и экономического подъема страны» и ряд Комиссий ВСНХ, которые бы разработали предложения о рациональном размещении промышленности вблизи месторождений полезных ископаемых. Ленин указал также на необходимость в условиях блокады развивать самообеспечивающую и самодостаточную промышленность и разработать план электрификации страны. Из записки, с которой Карпинский смог ознакомиться только в 1924 г., неясно, как Ленин представлял сохранение традиционных интересов академиков к фундаментальным проблемам «физико-математических и историко-филологических наук». Но этот вопрос его явно занимал. С апреля по июнь 1918 г. секретарь Совнаркома Н. П. Горбунов, химик по образованию, неоднократно обсуждал со многими учеными актуальные проблемы взаимодействия экономики и науки и оперативно помогал преодолевать финансовые затруднения, информируя РАН не раз о решении Совнаркома выделить ей сверхсметные кредиты.

28 апреля 1918 г. А. А. Шахматов сообщал С. Ф. Ольденбургу о своих встречах с ответственными сотрудниками Наркомпроса и Совнаркома, в том числе и с Н. П. Горбуновым, которому он передал письмо неперменного секретаря о необходимости возвращения РАН здания Библиотеки, занятого госпиталем, и о выписке зарубежной литературы. Горбунов заверил визитера, что он лично «академические дела ведет с усиленною скоростью, всячески стараясь о том, чтобы они не залеживались»¹⁵³. Столь же сердечное отношение Шахматов встретил при посещении Наркомпроса со стороны Н. Л. Шапира и В. Т. Тер-Оганесова. С первой декады мая СНК регулярно выделял РАН кредиты, включая сверхсметные. Так, 31 мая вышло постановление СНК о выделении 350 000 рублей на нужды РАН, а уже 12 июня СНК ассигновал сверхсметный кредит в размере 2 191 271 рубль, и Наркомпрос 26 июня выделил РАН 441 925 рублей на печатание трудов¹⁵⁴. Характерно, что о выделении очередного

151 Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 228–229.

152 Кольцов А. В. Ленин и становление Академии наук как центра советской науки. Л.: Наука, 1968. С. 76.

153 СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1917. Д. 40. Л. 114.

154 Протоколы ОС АН. 1918. С. 92. § 142; СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1918. Д. 41. Л. 156; СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1–1918. Д. 41. Л. 229; СПбФ РАН. Ф. 1. Оп. 1а–1918. Д. 165.

кредита Н. П. Горбунов или А. В. Луначарский, как правило, лично информировали руководство РАН.

Таким образом, и председатель правительства, и его секретарь, и даже высокопоставленные функционеры Наркомпроса, поставленные на реформу науки, казалось, были склоны к технократической модели вовлечения ученых и других специалистов в правительственные комиссии в качестве консультантов по различным прикладным проблемам. Ученые же, приняв существование советского правительства как данность, стали обращаться к его представителям с предложениями, жалобами и критикой. Академия направила в правительство несколько записок, в которых анализировалось положение России и состояние отечественной науки. Из первого опыта общения ученые пришли к убеждению, что правительство готово повысить роль науки в подъеме экономики и культуры страны.

С самого начала контакты РАН с Наркомпросом привлекли внимание научного сообщества, традиционно воспринявшего академию как «первенствующее научное сообщество». Вице-президент Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) И. А. Стебут в письме от 19 февраля 1918 г. просил С. Ф. Ольденбурга информировать его об этих контактах¹⁵⁵. В письме сказано, что Совет МОСХ не будет игнорировать научные контакты с новой властью, «если работа будет вестись под общим руководством Академии наук». Было особо подчеркнуто: «...Участие в продолжении или, точнее, развитие уже организованной Академией работы по изучению производительных сил России определяется не только для Московского общества, но <...> и для многих других московских учреждений ролью Академии наук». Отвечая две недели спустя на запрос И. А. Стебута, С. Ф. Ольденбург сообщил ему о решении Общего собрания РАН от 20 февраля 1918 г., отметив: «Академия считает, что она не вправе отказываться от выполнения конкретных задач на пользу государственную»¹⁵⁶. 17 апреля 1918 г. на заседании ОФМН было сообщено о письме Главной физической лаборатории к А. П. Карпинскому, ознакомившись с перепиской РАН с Наркомпросом, ученые Обсерватории также готовы всячески содействовать научным исследованиям, «чтобы совместными усилиями достигнуть лучших результатов»¹⁵⁷. ОФМН сочувственно отнеслось к участию Обсерватории в предстоящих работах.

Так в первые месяцы Гражданской войны восторжествовала технократическая модель привлечения ученых к сотрудничеству в качестве

Л. 72; и др.

155 Организация науки в первые годы советской власти. С. 106–107.

156 Там же. С. 107.

157 Летопись Т. IV. С. 322–323.

экспертов и консультантов. В РАН возобладало убеждение, что правительство признало ведущую роль науки и готово слушать ученых. Казалось, все складывается хорошо и академики могут работать, не опасаясь реформ и потрясений, участвуя в создании научных учреждений, рост числа которых был беспрецедентным для тогдашней мировой практики. У ученых, казалось, появился шанс использовать государственные ресурсы для реализации дореволюционных планов и участвовать в разработке правительственных программ.

Академическое сообщество решило воспользоваться начавшимся диалогом и реализовать прежние проекты об организации науки в государственном масштабе. О совершенствовании организации исследований говорилось в обширной записке «О задачах научного строительства», составленной академией в конце июня 1918 г. по поручению председателя Совнаркома, желавшего знать взгляды ученых на ближайшие задачи русской науки¹⁵⁸. Этот вопрос неоднократно обсуждался на Совете КЕПС 14 и 19 июня и на Общем собрании РАН 26 июня 1918 г.¹⁵⁹ Записка КЕПС, составленная А. Е. Ферсманом и направленная 30 июня 1918 г. в Совнарком, содержала обширный план конкретных мероприятий по изучению производительных сил страны, решению задач экономико-статистического характера, исследованию различных отраслей народного хозяйства. В ней подчеркивалась неразрывность прикладного и чистого знания при обслуживании «нужд государственного строительства»¹⁶⁰. Ученые предлагали исследовательские программы и проекты новых институтов в областях, представляющих интерес для Ленина, и формулировали основные принципы и задачи научного строительства, которые должны лежать в основе планомерной государственной работы. В ней отмечалось, что наукой должны управлять сами ученые, она должна быть свободной, независимой от органов власти. «Необходимо возможно полное выделение органов научной работы из административных, исполнительных и законодательных государственных учреждений, так как только свободное развитие этих научных органов вне рамок административных единиц может обеспечить производительность и интенсивность научной работы и широкое обслуживание отдельных сторон народно-хозяйственной жизни»¹⁶¹. Взаимоотношения с государством понимались следующим образом: «Только самой науке и ее работникам должно принадлежать право и обязанность выяснять и осуществлять наилучшие формы научной организации страны и их вза-

158 Ленин и Академия наук: Сб. документов. Л., 1969. С. 49–55.

159 Протоколы ОС АН. 1918. С. 115. § 160.

160 Там же. С. 54.

161 Ленин и Академия наук. С. 55.

имоотношений между ней и государственной властью, которые обеспечивали бы свободный рост первой и поддержку второй»¹⁶². Кризис же науки в России порожден общим социально-экономическим кризисом страны, обусловленным войной и революционными потрясениями, — такой вывод вытекает из содержания процитированной записки. Ученые предлагали дать им организационную автономию, уверяя, что наилучшей формой организации научной работы был бы Союз ученых учреждений России, возглавляемый советом, избираемым из членов союза. Совет должен «содействовать охране и развитию наук в России» и «нести на себе представительство науки перед государством»¹⁶³.

Как видно, записка повторяла основные положения проекта А. А. Шахматова о Союзе научных учреждений. Эта конструкция не была осуществлена в 1917 г. в масштабах всей страны, но в Петрограде было создано Совещание представителей ученых заведений и вузов, которое в январе 1918 г. было преобразовано в Союз ученых учреждений и вузов¹⁶⁴. Действия ученых показали, что ученое сообщество может самоорганизовываться без вмешательства властей, более того, вопреки их целям и задачам. Предотвратить подобную угрозу, видимо, и были призваны вынашиваемые в Наркомпросе планы реорганизации наук. Там явно неприемлем был сугубо утилитарный подход к науке, намеченный в первых контактах советского правительства с Академией наук и реализованный в деятельности ВСХН и некоторых наркоматов. Руководителям Наркомпроса, считавшим себя посаженными «бдеть» за всей наукой, трудно было смириться, что какая-то часть ученых учреждений не будет им прямо подчинена. Для предотвращения этого они усилили борьбу за пролетаризацию и коллективизацию науки. В Союзе ученых учреждений и высших учебных заведений, независимом от любого ведомства, и в претензиях его создателей на «наилучшие формы научной организации страны» чиновники Наркомпроса верно узрели, что сообщество ученых в переговорах о профессиональном сотрудничестве старается реализовать прежние проекты об обеспечении свободы научного творчества. Для них же сообщество ученых должно было стать неотъемлемой частью государственной системы советов, управляемой по принципу «демократического централизма». По иронии судьбы вынашиваемая учеными идея демократизации науки была использована при попытках ее советизации, прежде всего Академии наук как ее символа¹⁶⁵.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Ленин и Академия наук. С. 55.

¹⁶⁴ *Иванова Л. В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927 гг.). М.: Наука, 1980. С. 210–211.

¹⁶⁵ См. подробнее: *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки. 1917–1922. М.: Наука, 1973. С. 99–108.

Эту модель взаимодействия науки и власти РАН отстаивала в повседневной деятельности, давая экспертные заключения и справки, участвуя в разного рода совещаниях по реформе науки, защищая автономность ученых в решении кадровых вопросов и разработке планов по институционализации науки. В рассмотренных 18 июня 1918 г. Общим собранием Уставах Российского физико-технического института и Главной Российской астрономической обсерватории предусматривалась решающая роль РАН в кадровых назначениях¹⁶⁶. При этом академики очень ревностно относились ко всем поползновениям властей на эту прерогативу. Получив через и. о. председателя Сельскохозяйственного ученого комитета Д. Д. Арцыбашева распоряжение Совнаркома о его преобразовании в Российский институт сельскохозяйственных наук РАН, Общее собрание в тот же день однозначно выступило против «предоставления советской власти: 1) прав вето и контроля; 2) утверждения и увольнения должностных лиц, состава и председателя». Такие изменения в декрете об учреждении нового института «для Академии были неприемлемы, как нарушающие ее права, как высшего ученого учреждения России»¹⁶⁷. После выхода Декрета об обязательном переходе на новое правописание РАН, приняв правительственное распоряжение для исполнения правописания в деловой переписке, пыталась через А. В. Луначарского сохранить за собой право решать, в какой орфографии печатать научные издания¹⁶⁸. С таким ходатайством решено было обратиться в Наркомпрос 26 октября. И оно было удовлетворено. Ровно месяц спустя последовало решение, подписанное главой Наркомпроса А. В. Луначарским и секретарем А. Ароновой, согласно которому РАН надлежало самой каждый раз решать вопрос о правописании, так как в научных изданиях «сохранение старинной орфографии обеспечивает документальность издания»¹⁶⁹.

В то же время Наркомпрос накладывал на РАН все новые ограничения и требовал все больше сведений. Вскоре повестка Общего собрания в значительной степени формировалась за счет вопросов о заслушивании распоряжений Наркомпроса и подготовки ответов на них. Так было на заседании 14 сентября 1918 г., состоявшемся после летних отпусков, в ходе которых президенту и неперемennom секретарю пришлось оперативно реагировать на бумаги из правительственных органов, а в дальнейшем лишь информировать академиков о принятых решениях. На нем

166 Приложение I к протоколу IX ЭОС РАН от 18 (5) июня 1918 г. (к § 134). С. 95–97; Приложение II к протоколу IX ЭОС РАН от 18 (5) июня 1918 г.; (к § 135). С. 98–107.

167 Протоколы ОС АН. 1918. С. 88. § 127.

168 Там же. С. 192. § 259.

169 Приложение I к протоколу XVI заседания ОС РАН от 30 (17) ноября 1918 г. (к § 134). С. 95–97; Приложение II к протоколу IX ЭОС РАН от 18 (5) июня 1918 г.; (к § 308). С. 226.

было сообщено: о вызове в Москву Библиотечным отделом представитель РАН (М. А. Дьяконова и И. А. Кубасова) на совещания 1 и 22 июля по централизации библиотечного дела¹⁷⁰; о делегировании в Москву представителей РАН на совещание по реформе высшей школы 8 июля¹⁷¹; о требовании от 16 июля 1918 г. подробных сведений о деятельности Международного союза академий с 1914 г.¹⁷²; о распоряжении от 22 августа в дальнейшем выпуску книг производить через генеральные консульства в соответствующих городах под контролем Наркомата по иностранным делам; о запросе от 19 июня об организации центрального научно-вспомогательного и справочного бюро¹⁷³, предоставлении Пушкинским Домом рукописей М. Ю. Лермонтова для Литературно-издательского отдела Наркомпроса¹⁷⁴ и т. д.

Аналогичные требования шли из Совнаркома, ВСХН, Наркомата просвещения Северной области и других советских органов, которые рассматривали РАН как некий реферативный орган при правительстве. Вот некоторые примеры: 4 июня Президиум ВСНХ постановил привлечь к работам по изучению золотых и платиновых приисков представителей Платинового отдела КЕПС¹⁷⁵; 26 июня Л. Г. Шапиро прислал телеграмму о предоставлении материалов по этнографическому составу Курской, Черниговской, Воронежской и Донской областей¹⁷⁶; 29 июня Народный комиссариат по делам национальностей запрашивал сведения о состоянии племенных карт населения России, особенно Поволжья, Урала и Украины¹⁷⁷; 6 июля рассматривали предложение Отдела электротехнической промышленности ВСНХ об организации исследований в области легких сплавов, алюминия и магния¹⁷⁸. Нередко выполнение подобных распоряжений предполагало командировки в Москву нескольких человек, которых назначал, как правило, лично А. П. Карпинский ввиду невозможности каждый раз срочно собирать Общее собрание. Так постепенно размывался принцип коллегиальности решений по всем вопросам.

В мае 1918 г. заместителем наркома просвещения был назначен видный большевистский деятель, председатель Моссовета М. И. Покровский, в лице которого РАН приобрела скрытого недоброжелателя. За его плечами был длительный путь политических исканий. В разные годы он

170 Протоколы ОС АН. 1918. С. 130. § 186.

171 Там же. § 187.

172 Там же. С. 128. § 182.

173 Протоколы ОС АН. 1918. С. 129. § 183.

174 Там же. § 185.

175 Документы по истории АН СССР. С. 80.

176 Летопись РАН. Т. IV. С. 332.

177 СПбФ. АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1917. Д. 30. Л. 188.

178 Летопись РАН. Т. IV. С. 333.

был близок с П. Н. Милюковым, А. А. Малиновским, А. В. Луначарским, Л. Д. Троцким и В. И. Лениным, активно участвовал в Октябрьской революции, но при этом претендовал на создание собственной марксистской истории науки России. Это неизбежно вело его к противостоянию с академическими гуманитариями. Его учителями в области истории были академики В. И. Ключевский и П. Г. Виноградов, карьера которых была связана с Московским университетом. Это, возможно, как-то сказалось на его отношении к РАН. Он занял пост заместителя А. В. Луначарского с грандиозными планами реорганизации всей отечественной науки и высшей школы, в том числе и учреждения новых академий, альтернативных РАН.

Сторонником коренной реорганизации РАН был и глава учрежденного Главного управления по делам науки в Наркомпросе (Главнаука), революционер и историк Б. Д. Рязанов. На коренную трансформацию прежней системы производства знаний, вместо которой должна была возникнуть марксистская наука были нацелены также не состоявшийся астроном В. Т. Тер-Оганесов, профессор Петроградского университета, юрист и правовед М. А. Рейснер, заведующий Отделом высших учебных заведений Наркомпроса, заслуженный профессор и заведующий кафедрой астрономии Московского университета, директор Краснопресненской обсерватории П. К. Штенберг. По их инициативе Совнарком 7 июня 1918 г. рассмотрел и одобрил проект учреждения Социалистической академии общественных наук, ставшей на следующий год Социалистической академией, а в 1924 г. Коммунистической¹⁷⁹.

14 июня 1918 г. В. А. Стеклов отметил в дневнике: «Ольденбург сообщил о своей поездке в Москву; большевики Рейснер, Штернберг, Тер-Оганесов и проч. все торопятся предпринять реформу высш[их] учебн[ых] завед[ений] и АН на началах социализации. Ленин, Троцкий, Луначарский, Горбунов настаив[ают] на том, что выс[шие] уч[ебные] зав[едения], Акад[емию] трогать не следует»¹⁸⁰.

Вскоре в недрах Научного отдела Наркомпроса появляется проект коренной реорганизации Академии наук¹⁸¹. Основные его положения напоминали все тот же проект Союза научных учреждений А. А. Шахматова, обсуждавшийся в 1917 г. На сей раз предлагалась схема организации науки, апробированная при создании советских органов. На съездах деятелей наук по соответствующим отраслям гуманитарных и естественных

¹⁷⁹ Метель О. В. Социалистическая академия общественных наук: очерк истории (1918–1919) // Вестник Омского университета. Сер. «Исторические науки». 2017. № 1 (13). С. 185.

¹⁸⁰ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Д. 172. Л. 27 об.

¹⁸¹ Соболев В. С. Для будущего России. СПб.: Наука, 1999. С. 62.

наук должны были учреждаться ассоциации, имеющие свой выборный совет. Объединенный орган всех этих советов должен был стать «представительным и организационным центром», заменив тем самым Академию наук. Подобная «реорганизация» Академии наук на деле бы означала ее ликвидацию.

Внешне предлагаемая структура напоминала Британскую и Американскую ассоциации содействия развитию наук, на которые любили ссылаться и ученые. Но сходство заканчивалось на названии: «Российская ассоциация наук». В отличие от зарубежных аналогов она должна была стать жестко централизованной, охватывать все научные учреждения и всех ученых и находиться под неусыпным контролем чиновников из Наркомпроса. 26 ноября 1918 г. на экстраординарном заседании Общего собрания Ольденбург докладывал о намерении Наркомпроса принять «ряд мер по реформе Академии, считая, что Академией ничего в этом отношении не предпринято», и не исключал «возможность попыток реформ извне»¹⁸². С. Ф. Ольденбург назвал это мнение ошибочным. По его предложению образовали Комиссию «для пересмотра Устава и положений об учреждениях в академии в видах выяснения того, какие в них могут быть внесены изменения», чтобы предотвратить неблагоприятный ход развития событий¹⁸³.

Особо жесткую позицию занимал Научный отдел Комиссариата по просвещению Союза коммун Северной области. В издаваемом им «Вестнике» в ноябре 1918 г. говорилось прямо: «Коммунистическая наука мыслима лишь как общенародное, коллективное, трудовое жизненное дело, а не как волхвование в недоступных святилищах, ведущее к синекурам, развитию классовой психологии жречества и сознательного или добросовестного шарлатанства <...> Что же касается разновидностей, именуемой “высшим ученым учреждением” типа Академии наук, то таковые подлежат немедленному упразднению как совершенно ненужные пережитки ложноклассической эпохи развития классового общества»¹⁸⁴. Призывы к «единству организации в направлении ученой и учебной работы» преследовали одну цель — закрыть Академию наук и создать сеть институтов, где исследовательская работа подчинялась бы задачам преподавательской деятельности. Управление ими планировалось возложить на некий Отдел трудовой науки, функционирующий на правительственном уровне. Ужесточение позиции Наркомпроса было связано

¹⁸² Протоколы ОС. 1918. С. 208. § 290.

¹⁸³ Там же. § 290.

¹⁸⁴ О реформе деятельности ученых учреждений и школ высших ступеней в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике // Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области. 1918. № 6–8. С. 20.

не только с созданием Социалистической академии общественных наук (САОН), которую возглавил М. Н. Покровский. Возмущение радикалов вызывали попытки академиков сохранить старые формы научной деятельности, помешать сломать замкнутость академической корпорации, сделав открытой для «творческого гения масс». М. А. Рейснер, выступая осенью 1918 г. в Московском политехническом музее, заявил, что «буржуазные профессора отказывались дать науку массам»¹⁸⁵. Казалось, сбывались самые мрачные предчувствия о повторении судьбы Французской Академии наук. В новых организациях «творческий гений масс» вряд ли бы мог обеспечить прежние стандарты научных исследований.

Посчитав мнение Наркомпроса о том, что ничего не делается для реформирования РАН, предвзятым, академики решили выяснить, какой «теперь же было бы возможно предпринять известный пересмотр Устава и действующих положений»¹⁸⁶. Выборы членов Комиссии состоялись 16 декабря 1918 г. на очередном экстраординарном Общем собрании. Помимо президента, неперменного секретаря и академиков, являвшихся представителями отделений, в нее вошли А. Н. Крылов, А. С. Лаппо-Данилевский, Н. Я. Марр и А. А. Шахматов¹⁸⁷. Негативное отношение академиков к реформам извне нашло отражение в письме А. П. Карпинского к А. В. Луначарскому от 27 января 1919 г.: «Академия, как учреждение научное и потому по существу своему чрезвычайно сложное, должна была отнестись к предпринимаемым реформам с большим вниманием и большою осторожностью, дабы эти реформы либо не явились чисто бумажными, а потому нежизнеспособными, либо не оказались разрушительными, вместо того, чтобы быть созидательными»¹⁸⁸. Об отрицательном отношении ученых к планируемым реформам А. П. Карпинский, С. Ф. Ольденбург, В. А. Стеклов, А. Е. Ферсман и другие неоднократно информировали А. В. Луначарского в ходе личных бесед с ним. В свою очередь о положении дел в Академии наук нарком беседовал с В. И. Лениным, который предостерег Наркомпрос от попыток ее коренной реорганизации.

Свои права ученые пытались отстоять и при помощи независимых профессиональных организаций регионального масштаба. По предложению ректора Петроградского университета А. А. Иванова РАН вошла в Совет высших учебных заведений университетского типа, который образовывался параллельно с уже существовавшим Советом высших

¹⁸⁵ Наука, университет и профессора (Извлечение из лекции «Профессора против науки», читанной проф. Рейснером в Политехническом музее 6 окт. 1918) // Вестник жизни. 1918. № 2. С. 90.

¹⁸⁶ Протоколы ОС. 1918. С. 208. § 290.

¹⁸⁷ Протоколы ОС. 1918. С. 241. § 331.

¹⁸⁸ Документы по истории Академии наук СССР. Л.: Наука, 1986. С. 116.

специальных учебных заведений¹⁸⁹. Ее представителями в новом объединении стали профессора университета, академики М. А. Дьяконов, В. А. Стеклов и А. А. Шахматов. Это стремление ученых Петрограда к интеграции власть постаралась использовать в своих интересах. 11 ноября 1918 г. Научный отдел по просвещению Союза коммун Северной области предложил созвать совещание представителей научных учреждений и вузов и создать орган, координирующий их деятельность. В конце 1918 г. на базе трех советов был создан Объединенный союз научных учреждений и высших учебных заведений, признанный как консультативный орган. С этой целью в ноябре 1918 г. был создан Объединенный Петроградский совет научных учреждений и высших учебных заведений во главе с А. П. Карпинским¹⁹⁰. Региональная власть была вынуждена считаться с органом, правление которого состояло из авторитетных академиков А. П. Карпинского, С. Ф. Ольденбурга, В. А. Стеклова, ректора ПГУ А. А. Иванова, президента ВМА В. Н. Тонкова, президента Русского географического общества Ю. М. Шокальского и др.

Устав Объединенного совета главной целью провозглашал обеспечение «развития науки, искусства и высшего образования России» путем «объединения научных обществ, учреждений и высших учебных заведений в целях развития науки, искусств и научного знания и образования» и содействия им в получении средств, необходимых для выполнения научных исследований¹⁹¹. Особо подчеркивалась необходимость «совместных научных предприятий» и намерение «содействовать сближению высшей школы и научных учреждений с задачами и потребностями государства». В Объединенный совет могли входить государственные и частные учреждения, а также общества, которые объединялись в секции, группируясь по специальности и территориально. Финансовое обеспечение Союза и его правления, расположенного на территории РАН, предполагалось за счет взносов.

В целом это была модификация все той же ассоциации научных учреждений, адаптированная к изменившимся условиям и признающая необходимость учитывать запросы властей. К тому времени, казалось, еще сохранялись перспективы расширения контактов научного сообщества и местных органов властей. Но Гражданская война, полыхавшая уже на всей территории РСФСР, стала поводом для перехода к силовым методам «управления» наукой.

¹⁸⁹ Протоколы ОС. 1918. С. 191. § 257.

¹⁹⁰ Цит. по: *Купайгородская А. П.* Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922). С. 189.

¹⁹¹ Цит. по: *Купайгородская А. П.* Объединение научных и высших учебных заведений Петрограда (1917–1922). С. 189.

Декретом СНК от 19 декабря 1918 г. «Об учете и мобилизации технических сил республики»¹⁹² вводилась всеобщая трудовая повинность и милитаризация труда. В нем перечислялись категории специалистов, без различия пола и возраста, которые подлежали обязательной регистрации по месту жительства и могли быть в любое время призваны на «действительную техническую службу». Предусматривались и меры наказания за уклонение, расцениваемое как «трудодезертирство». Были милитаризованы и высшие учебные заведения. Академикам стало уже не до дискуссий о взаимодействии с властью. Началась подлинная борьба за выживание.

В то же время позиция большевиков оставалась неоднозначной. В начале 1919 г. в речи «Успехи и трудности Советской власти» Ленин продолжал настаивать, что «...глупо воображать, что одним насилием можно решить вопрос организации новой науки и техники в деле строительства нового общества»¹⁹³. Широко цитировались и его высказывания о том, что заставить работать из-под палки всю интеллигенцию невозможно. С другой стороны, на ученых обрушились страшные приращения и репрессии, о которых пойдет речь дальше.

6 октября 1918 г. в Таврическом дворце состоялся митинг «Интеллигенция и пролетариат», на котором деятелей науки и искусства агитировали сотрудничать с Советской властью. В своем выступлении В. А. Светлов убеждал собравшихся, что деятели науки и просвещения получали должное признание со стороны новой власти. Ученый подчеркивал: «Невежество есть опаснейшее из контрреволюционеров... Новая власть, разумные вожди пролетариата сознают это, стараясь по мере возможностей содействовать науке и просвещению»¹⁹⁴. Ниже будет показано, что на фоне арестов некоторых членов-корреспондентов и почетных членов РАН, а также начавшихся смертей академиков от истощения подобные суждения звучали странно. На самом деле научное сообщество Петрограда вынужденно было искать коллективистские практики для защиты интересов науки и спасения жизни выдающихся ученых. С первых дней своего существования Объединенный совет занялся организацией всероссийского объединения ученых и преподавателей, старался установить контакты с их организациями в других городах, стремясь восстановить разрушенные войной социальные сети и сплывшая интеллигенцию, уберегая ее от социальной и интеллектуальной деградации. Основная задача объединения состояла в спасении ученых от вымира-

192 Об учете и мобилизации технических сил Российской Социалистической Федеративной Советской Республики // Известия ВЦИК, 1918. № 281. 22 декабря.

193 Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 38. С. 56.

194 СПбФ АРАН. Ф. 162. Оп. 3. Л. 183. Л. 21–22 об.

ния и истощения путем оказания по мере возможности материальной помощи и моральной поддержки. Эта работа велась широко и открыто, чаще всего в форме обращения во властные структуры.

2.4. СТАРТ БУРНОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ

К началу Гражданской войны Академия наук состояла из трех отделений — Отделения физико-математических наук (ОФМН), Отделения исторических наук и филологии (ОИФ), Отделения русского языка и словесности (ОРЯС). В академическую систему, помимо Библиотеки, Архива, Типографии, Словолитни и книжного склада, входили один институт, 19 лабораторий, станций и музеев, 21 академическая и приакадемическая комиссии¹⁹⁵. Структура академических учреждений складывалась на протяжении двух веков и отличалась значительным консерватизмом. До конца века преобладали музеи и также комиссии, создаваемые для решения отдельных проблем. Формально на грани веков стали появляться лаборатории в области естественных наук, но порой ученые содержали их на собственные средства, размещая на своих квартирах. Между тем на Западе, особенно в Германии, основной структурной единицей науки становились институты. С предвоенных лет ИАН также разрабатывала планы создания сети институтов, но Первая мировая война и бюрократические препоны прежней власти помешали воплощению этих планов.

Общая численность научных и технических сотрудников Академии наук достигала 220, а в Общее собрание объединяло 44 академика, среди которых больше половины (24) составляли представители гуманитарных и общественных дисциплин — историки, археологи, лингвисты, литературоведы, социологи и экономисты. Среди остальных были математики А. Н. Крылов, А. М. Ляпунов, А. А. Марков, В. А. Стеклов, астроном А. А. Белопольский, геофизик М. А. Рыкачев, биофизик П. П. Лазарев, химики В. Н. Ипатьев, П. И. Вальден, Н. С. Курнаков. Науку о Земле в академии представляли геологи и палеонтологи Н. И. Андрусов, В. И. Вернадский, А. П. Карпинский, А. П. Павлов, биологические науки — физиолог животных И. П. Павлов, зоологи В. В. Заленский и Н. В. Насонов, ботаники И. П. Бородин и А. С. Фаминцын, физиолог и биохимик растений В. И. Палладин. Именно они были наиболее активными сторонниками превращения своих отраслей знания в мощную производительную силу и добивались поддержки государства в развертывании сети институтов,

¹⁹⁵ Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919.

занимавшихся как фундаментальными, так и прикладными проблемами. В этом их интересы совпали с программными устремлениями большевиков, восприимчивых к идеям неразрывности прикладного и чистого знания при обслуживании «нужд государственного строительства»¹⁹⁶. Совпадение интересов создало основу их плотного сотрудничества и финансовой поддержки РАН со стороны государства. У РАН появился реальный шанс использовать мощные государственные ресурсы для реализации своих научных планов и участвовать в разработке правительственных программ.

И она этот шанс не упустила. Наиболее успешно это сотрудничество разворачивалось в рамках КЕПС, которая, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, продолжала увеличиваться в численности и обрастать все большим числом разного подкомиссий, которых к началу 1918 г. было 14. Десять из них возглавлял сам В. И. Вернадский (по битумам, по глинам и огнеупорным материалам, по микроскопии, по платине, по почвам, по исследованию Севера, по солям, по изданию сборника «Естественные производительные силы России», по зоологии, по «белому углю»). Редакционный комитет по изданию очерков для материалов возглавлял А. П. Карпинский, Ботаническую подкомиссию — И. П. Бородин, Подкомиссию по артезианским водам — Н. И. Андрусов, Подкомиссию по использованию силы ветра — М. А. Рыкачев. В 1917 г. Совет КЕПС учредил два института — Институт по изучению платины и редких металлов (директор Л. А. Чугаев) и Институт физико-химического анализа (директор Н. С. Курнаков), но оба не начинали работу как самостоятельные структуры до мая 1918 г. из-за отсутствия финансирования и помещений Совет Комиссии возглавлял В. И. Вернадский. Его заместители — А. Н. Крылов и Н. С. Курнаков, а секретари — С. Ф. Жемчужный и А. Е. Ферсман, члены совета: Н. И. Андрусов, И. П. Бородин, В. К. Бражников, П. И. Вальден, В. В. Заленский, А. П. Карпинский, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Е. Ф. Лискун, А. К. Мейстер, М. А. Рыкачев, А. С. Фаминцын. Всего КЕПС насчитывала 135 членов, помимо них в подкомиссиях состояло несколько сот ученых¹⁹⁷.

Отъезд председателя КЕПС на юг в конце 1917 г. не помешал ее бурной институционализации. С апреля 1918 г. начался беспрецедентный в мировой практике рост числа научных учреждений, инициатива создания которых шла как от властей, так и от РАН. С апреля 1918 г. структура КЕПС стала стремительно меняться. Прежние подкомиссии превратились в самостоятельные подразделения — отделы с небольшим штатом научных и административных сотрудников. Возникли 12 новых отделов,

¹⁹⁶ Ленин и Академия наук: Сб. документов. Л.: Наука, 1969. С. 54.

¹⁹⁷ Отчет о деятельности РАН. 1917. С. 290–300.

многие из которых вскоре превратились в институты, занимавшиеся в основном прикладными проблемами

За 1918 г. существенно изменился и Совет КЕПС, прежде всего за счет руководителей новых структурных подразделений. В него вошли также: экономист М. И. Боголепов, геологи В. Н. Вебер, П. А. Земятченский, Д. И. Мушкетов и А. Д. Стопневич, гидролог В. Г. Глушков, гидробиолог Н. М. Книпович, ихтиолог В. И. Мейснер, ботаник Р. Э. Регель, физик Д. С. Рождественский, технолог А. М. Соколов, химик Л. А. Чугаев, краевед Л. А. Шидловский¹⁹⁸. Выбыл из совета эмигрировавший в Японию В. К. Бражников.

11 мая 1918 г. начал свою работу Институт физико-химического анализа. В Совет института помимо директора академика Н. С. Курнакова вошли Н. Н. Ефремов, С. Ф. Жемчужный, Н. С. Константинов и Г. Г. Уразов, а постоянными членами института были утверждены К. Ф. Белоголов, Н. И. Подкопаев и Н. И. Степанов¹⁹⁹. Инициатива его создания, как и Института по изучению платины и редких металлов, возглавляемого Л. А. Чугаевым, шла от ОФМН и решение об их учреждении было принято еще в 1917 г. Оба института работали в тесном контакте с лабораториями Петроградского университета, а также Горного и Политехнического институтов. 26 октября 1918 г. Н. С. Курнаков направил В. Анри телеграмму о государственном значении работ по исследованию Кара-Богаз-Гола и о своей готовности в них участвовать²⁰⁰.

Для удовлетворения потребностей в оптике в апреле 1918 г. на базе подкомиссии микроскопии при КЕПС был создан Отдел оплотехники, который возглавил Д. С. Рождественский²⁰¹. Его задачей была разработка технологии производства оптического стекла и создание оптической индустрии. В мае при отделе учредили Вычислительное бюро и экспериментальные мастерские²⁰². Отдел был тесно связан с Государственным фарфоровым и стекляннным заводом, где с первых лет Первой мировой войны велись интенсивные исследования с целью получения стекла, необходимого для оптических точных приборов²⁰³. К концу ноября 1918 г. было принято решение о преобразовании Отдела оплотехники в Государственный оптический институт (ГОИ). На организационном заседании ученого совета ГОИ, состоявшемся 15 декабря 1918 г., было принято Положение об институте и пояснительная записка о его целях и задачах. В ней подчеркивалась необходимость решать научные и технические

198 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 221–222.

199 Там же. С. 222–229.

200 Организация науки в первые годы советской власти. С. 178.

201 Там же. С. 142

202 Там же.

203 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 279–381.

задачи производства оптического стекла в рамках единой организации, финансируемой государством. И здесь ученые и власть действовали в унисон. Буквально в тот же день коллегия Наркомпроса приняла решение о создании ГОИ, финансирование которого началось месяцем раньше²⁰⁴. При этом КЕПС сохранила своего представителя в Коллегии института²⁰⁵.

Поводом для создания Отдела по редким элементам и радиоактивным веществам во главе с В. И. Вернадским и А. Е. Ферсманом послужило предложение ВСХН к РАН принять участие в организации завода для извлечения радия из секвестрованного у Ферганского общества сырья для добычи редких металлов²⁰⁶. 10 июня Н. П. Горбунов телеграфировал в РАН об ассигновании ей специальных средств для проведения радиевых исследований²⁰⁷. 30 июля было выделено 418 850 руб. на организацию и эксплуатацию пробного завода и 396 190 руб. на его содержание²⁰⁸. Местом для организации такого завода была выбрана ст. Солеварни Пермской губернии, и поставленные задачи были выполнены сформированной отделом специальной Коллегией по организации и эксплуатации пробного завода для извлечения радия, в которую вошел и представитель ВСХН инженер-технолог В. Я. Курбатов. В целом обстановка в стране препятствовала проведению геолого-минералогических исследований радия и особенно месторождений радиоактивных минералов в Забайкалье, контролируемом правительством А. В. Колчака.

Одновременно доктор медицины, ассистент Женского медицинского института М. И. Неменов и профессор Петроградского политехнического института А. Ф. Иоффе выступили с идеей создания института, разрабатывавшего проблемы физики и медицины с учетом новейших открытий в области рентгенология и радиологии. С таким предложением М. И. Неменов обратился к В. Т. Тер-Оганесову 29 апреля 1918 г.²⁰⁹ К осени стала очевидна потребность объединения всех экспериментальных исследований радиоактивности редких металлов, включая их использование в медицине под эгидой единого института. Такое решение было принято на состоявшемся 26–28 октября 1918 г. в Москве Съезде радиологии, высоких температур и рентгенологии под председательством академика П. П. Лазарева. В итоге Радиевый отдел КЕПС был включен в Государственный рентгенологический и радиологический институт (директор М. И. Неменов, А. Ф. Иоффе), который вместе с КЕПС и РАН

204 Организация науки в первые годы советской власти. С. 142–150.

205 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 279–381.

206 Там же. С. 232–233.

207 Ленин и Академия наук. С. 139.

208 СПбФ АРАН. Ф. 132. Оп. 1. Д. 283. Л. 21.

209 Организация науки в первые годы советской власти. С. 232.

вошел в Радиевую ассоциацию, обеспечивая единство всех радиевых исследований²¹⁰. На совещание по вопросу о согласовании работ РАН и нового института были отряжены академики В. Н. Ипатьев, Н. С. Курнаков, А. Н. Крылов и А. Е. Ферсман²¹¹. Соглашение об устройстве Радиевой ассоциации было утверждено 27 ноября 1918 г.²¹²

В том же году в Государственном рентгенологическом и радиологическом институте были созданы три отдела — физико-технический (руководитель А. Ф. Иоффе), медико-биологический (руководитель М. И. Неменов) и радиевый (руководитель В. И. Вернадский). Три года спустя они были преобразованы в самостоятельные институты, сыгравшие огромную роль в развитии мировой науки. В новом институте трудилось немало выдающихся ученых, со временем избранных членами РАН (Г. А. Надсон, Г. В. Хлопин и др.). Среди них был и будущий Нобелевский лауреат П. Л. Капица. Сам А. Ф. Иоффе уже в ноябре 1918 г. был избран членом-корреспондентом РАН, а в мае 1920 г. — академиком.

3 мая 1918 г. Совет КЕПС обсудил доклад руководителя Управления гидрометрической части в Европейской России В. Г. Глушкова и 13 июня создал Гидрологический отдел КЕПС, в который вошли и все члены Постоянной водомерной комиссии, возглавляемой академиком М. А. Рыкачевым²¹³. Первоначально отделом руководил палеонтолог Н. И. Андрусов, а после его отъезда на юг — В. Г. Глушков. Отдел сконцентрировался на выработке основных положений о гидрологическом учреждении при РАН. Однако после переговоров с НТО ВСХН проект был передан на рассмотрение Наркомпроса и был принципиально одобрен его коллегией 2 ноября 1918 г. Наркомпрос был готов принять новый институт в состав Геофизической ассоциации, и решение было послано на согласование в Комиссариат по просвещению Союза коммун Северной области²¹⁴. 18 июня 1919 г. в системе Наркомпроса был учрежден Российский гидрологический институт, директором которого был утвержден В. Г. Глушков²¹⁵. В 1932 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР.

В Отделе глиняных материалов, под руководством сначала А. М. Соколова, а позднее будущего члена-корреспондента АН СССР П. А. Земятченского при секретаре В. И. Искуле, прежний проект создания Центральной станции по огнеупорным и глиняным материалам был преобразован в план учреждения Государственного керамического инсти-

210 Отчет о деятельности РАН. 1919 г. 1920. С. 240–241.

211 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Л. 268об.

212 Летопись РАН. Т. IV. С. 347.

213 СПбФ АРАН. Ф. 132. Оп. 1. Д. 209. Л. 2; Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 263.

214 Организация науки в первые годы советской власти. С. 161.

215 Отчет о деятельности РАН. 1919 г. 1920. С. 242.

тута с целью выработки мер, необходимых для развития керамической и стекольной промышленности. В конце мая 1918 г. вопрос о создании такого института был в принципе согласован с Наркомпросом, которому 3 июня 1918 г. был представлен проект создания научно-технического института, исследующего проблемы керамики, стекла и цемента, химии силикатов и физико-химических особенностей глин и т. д. Проект устава будущего института, создаваемого на базе Государственного фарфорового завода, был утвержден коллегией Наркомпроса 18 апреля 1919 г., его первым директором стал профессор минералогии Петроградского университета П. А. Земятченский, а заведующими отделов стали профессор Петроградского электротехнического института, будущий академик И. В. Гребенщиков, приват-доцент Петроградского университета В. И. Искюль и В. В. Юрганов²¹⁶.

Далеко не все отделы КЕПС достигли статуса института. Отдел нерудных ископаемых под руководством А. Е. Ферсмана был создан для изучения графита, талька, кремнезема, селена и т. п. как «с точки зрения научно-технической, так и промышленно-экономической»²¹⁷. В июле 1918 г. из Отдела нерудных ископаемых выделился Отдел драгоценного и поделочного камня, возглавляемый также А. Е. Ферсманом²¹⁸. Необходимость его создания диктовалась тем, что гранильный промысел в России влачил жалкое существование, несмотря на богатейшие месторождения драгоценных камней на Урале. По инициативе Института изучения «Поверхность и недра» 22 августа начал работать Отдел минеральных вод во главе с адъюнктом-геологом Геолкома А. Д. Стопневич, в задачи которого входило составление перечня всех лечебных минеральных источников²¹⁹. Отдел каменных строительных материалов, организованный в апреле 1918 г. членом-корреспондентом РАН В. Ф. Левинсоном-Лессингом, поставил цель учесть и исследовать качества отечественных строительных камней и целесообразность их практического использования²²⁰.

8 мая 1918 г. на Совете КЕПС было рассмотрено обращение Отдела земледелия и почвоведения СХУК и Докучаевского почвенного комитета Вольного экономического общества о создании при КЕПС Почвенного отдела с целью объединения усилий всех почвенных организаций, включая Московский почвенный комитет и Почвенную комиссию ВЭО, для составления почвенной карты России²²¹. В отдел вошли также

216 Там же. С. 241–242.

217 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 246.

218 Там же. С. 259.

219 Там же. С. 264; [Стопневич А. Д.] Природные газы. Пг.: [б. и.], 1918. 37 с.

220 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 251–255.

221 СПбФ АРАН. Ф.132. Оп. 1–1918. Д. 28. Л. 4546. Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 266.

Почвенный музей, библиотека и лаборатория бывшего Докучаевского почвенного комитета. Председателем отдела был избран член-корреспондент РАН Ф. Ю. Левинсон-Лессинг. В его состав также вошли будущие академики РАН — К. К. Гейдรอยц, К. Д. Глинка, Л. И. Прасолов и Н. М. Тулайков.

В июле 1918 г. в Москве состоялось совещание почвоведов, на котором было решено создать новую почвенную карту, дополненную исследованиями окраинных районов, под единой редакцией К. Д. Глинки²²². П. В. Отоцкий был командирован в Западную Европу для приобретения литературы и музейных образцов по картографии. Карту должны были изготовить в масштабе 1:1 000 000 в сотрудничестве с Русским географическим обществом и Военно-топографическим отделом Наркомвоена. К. К. Гейдройц руководил регистрацией всех образцов почв и их критической сводкой. На заседаниях отдела выступили с докладами будущие академики РАН Л. И. Прасолов («Современное почвоведение, его практическое применение и вопрос организации») и Н. М. Тулайков («Почвоведение в земледелии»). Сразу же был поставлен вопрос о преобразовании нового отдела в Почвенный институт РАН, что было реализовано только в 1927 г.

Дефицит продуктов питания и борьба с голодом стимулировали введение в рацион питания культурных (кормовых) травянистых, кустарниковых и древесных растений и диких видов, которые обычно мало или совсем не используются в пищу. 20 мая 1918 г. Совет КЕПС в целом одобрил предложение академика И. П. Бородина о создании научного института для изучения дикорастущей флоры²²³. Уже со следующего месяца в Отделе использования дикорастущей флоры России шел подбор литературы и сбор материала по дубильным, душистым и съедобным диким растениям Севера России. Исследования по программе отдела были призваны показать, какие части диких растений могут употребляться в свежем виде, а также в качестве основы для супов, приправы, а какие требуют специальной обработки в виде предварительного аутолиза, высушивания или сбраживания при помощи соответствующих микроорганизмов. Общее количество собранных и приготовленных к биохимическому анализу видов равнялось 70. Специальному анализу были подвергнуты только клубни чистяка *Ranunculus ficaria* с целью определить его пригодность для питания и добычи сахара. 7 августа 1918 г. специальным декретом Совнаркома был учрежден Российский пищевой научно-технический институт по питанию, и НТО ВСНХ счел целесообразным связать деятельность отдела с его исследованиями, проводимых А. Ф. Сулима-

222 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 267–268.

223 Документы по истории Академии наук. С. 76–77.

Самойло и М. П. Дубянской при участии В. Н. Любименко и Н. А. Монтеверде. В связи с этим проект создания Института по использованию дикорастущей флоры во главе с В. Н. Любименко не был реализован, т. к. подобные исследования велись в Российском пищевом научно-техническом институте²²⁴. Тем не менее КЕПС 1918 г. издала несколько брошюр, содержащих рекомендации по практическому использованию разного рода заменителей обычного питания, например, по изготовлению муки из соломы, кофе из свеклы, чая из дикорастущих ягод и т. д.²²⁵ Для пропаганды знаний в области растениеводства Государственный сельскохозяйственный музей выпускал специальную серию брошюр.

На предотвращение дефицита продуктов животного происхождения была направлена деятельность Отдела животноводства, созданного по инициативе вице-директора и управляющего Департаментом земледелия и зоотехнической лаборатории Петрограда Е. Ф. Лискуна весной 1918 г. Его задачами были исследования состояния этой важнейшей отрасли сельского хозяйства и поиск путей ее коренного улучшения²²⁶. Под руководством Е. Ф. Лискуна агрономы А. М. Зиновьев, Е. П. Краснокутская и Л. А. Молчанов готовили общую сводку о состоянии животноводства в России. В ней предполагалось выяснить отношения посевных площадей к количеству лошадей, крупного и мелкого скота, их возрастному составу и т. д. с целью составления картограмм животноводства и его зависимости от физико-географических и социально-экономических условий регионов. В дальнейшем проведение всероссийского обследования животноводства взял на себя Сельскохозяйственный ученый комитет Наркомзема²²⁷.

Под председательством экономиста М. И. Боголепова одним из самых крупных подразделений КЕПС стал Промышленно-географический отдел, в работе которого участвовали А. А. Григорьев, В. Э. Ден, В. П. Семенов-Тяньшанский, Е. В. Тарле. Отвечая на запрос власти, организаторы отдела главную задачу страны видели в экономическом изучении России и подготовке научных основ для денежной реформы в России²²⁸. Часть отделов была создана для комплексного исследования экономики и природных ресурсов крупных регионов.

224 Организация науки в первые годы советской власти. С. 285–288.

225 Сулима-Самойло А. Ф. Съедобная ботва огородных растений северной полосы России; Любименко В.Н., Монтеверде Н. А., Сулима-Самойло А. Ф. Съедобные дикорастущие растения северной полосы России; 1918; Дубянская М. П., Свидерский Л. Ф., Сулима-Самойло А. Ф. Суррогаты чая.

226 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 269–272.

227 Отчет о деятельности РАН. 1919 г. 1920. С. 244.

228 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 274–275.

В мае 1918 г. КЕПС создала Отдел изучения Севера, который под председательством А. П. Карпинского продолжил работу по изучению природных богатств огромных территорий от Архангельской и Олонецкой губерний до Камчатской и Приморских областей²²⁹. Заместителем А. П. Карпинского стал последний губернатор Олонецкой губернии, краевед А. Ф. Шидловский. Весной 1918 г. КЕПС организовало Мурманскую разведывательную промысловую экспедицию во главе с П. Ю. Шмидтом для подготовки научно-промышленного обследования рыболовных промыслов²³⁰. На заседании Отдела по исследованию Севера КЕПС Шмидт доложил основные результаты рекогносцировки и обосновал необходимость новой комплексной экспедиции для изучения рыбных богатств и промыслов Мурманска²³¹. Однако все это не могло предотвратить падение рыбного промысла, сократившегося за годы Первой мировой войны втрое, а начавшиеся затем англо-французская интервенция и ожесточенная Гражданская война надолго сделали невозможными любые научные исследования в этих районах. Отделу пришлось сосредоточиться на составлении библиографии под руководством А. Ф. Шидловского и карты Северного региона европейской части России под руководством председателя Русского географического общества Ю. М. Шокальского.

Туркестанский отдел, учрежденный под председательством ректора Горного института Д. И. Мушкетова, начал свою работу 1 сентября 1918 г. Его программа предусматривала комплексное исследование природы, экономики и культуры практически всей территории Средней Азии²³². Сам Д. И. Мушкетов готовил орографическое, физико-географическое и геологическое описание Туркестана, месторождений полезных ископаемых и его горнодобывающей промышленности. Профессор Географического института Б. А. Федченко составлял ботанико-географическую сводку Туркестана и характеристики используемых видов. Академик В. Б. Бартольд исследовал вопросы колонизации Туркестана и его экономического и культурного будущего. Особое внимание уделялось изучению проблем земельных мелиораций, перспективы орошения пустынь и созданию «Нового Туркестана» для освобождения хлопчатобумажной промышленности от иностранной зависимости. Одновременно В. И. Юферов изучал возможности улучшения хлопководства в Туркменистане.

229 Организация науки в первые годы советской власти. С. 189; Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 275–277.

230 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 221.

231 Там же. С. 277.

232 Там же. С. 277–279.

Особое место в КЕПС занял Отдел по распространению знаний, призванный информировать широкую общественность о природных богатствах России. В 1918 г. с ними сотрудничали журнал «Природа», а также Научное химико-техническое издательство, издания Комиссии сырья Комитета научно-технической помощи, издания Свободной ассоциации для развития положительных знаний и Московское научное издательство²³³. Отдел преследовал амбициозные цели — стать органом распространения других российских изданий по естественно-историческим дисциплинам, связанных с вопросами экономического использования природных ресурсов. На это откликнулись редакции десяти периодических изданий, включая недавно созданные журналы «Зоологический вестник», «Геологический вестник», «Гидрологический вестник», «Поверхность и недра» и др.

Весной 1918 г. был сделан первый шаг к расширению географии учреждений КЕПС. 18 мая было принято решение создать Московское отделение КЕПС во главе с академиком П. П. Лазаревым²³⁴, который неоднократно встречался с А. В. Луначарским и подробно информировал С. Ф. Ольденбурга о состоявшихся беседах и затронутых на них академических проблемах²³⁵. Лазарев подчеркивал, что Московское отделение КЕПС способствует интеграции Общества Московского научного института, в котором Лазарев раньше создал Физический институт, КЕПС и РАН, надеясь, что «таким путем удастся объединить Москву и Петроград». Это казалось ему особенно важным в условиях, когда значительная часть академиков переехала в Москву²³⁶.

Членами Совета Московского отделения КЕПС были биофизик В. А. Анри, зоологи Н. К. Кольцов и Н. М. Кулагин, палеонтолог А. П. Павлов, агрохимик Д. Н. Прянишников, палеобиогеохимик Я. В. Самойлов и др.²³⁷ В течение 1918 г. были сформированы отделы: а) рентгенологии, термометрии, пирометрии, фотометрии, фотохимии и радиотелеграфии (председатель П. П. Лазарев); б) плавленного кварца, ультрафиолетовых и инфракрасных лучей (председатель — французский физиолог и биофизик В. А. Анри); в) удобрений (председатель — профессор Московского университета Я. В. Самойлов); г) птицеводства (председатель — член-корреспондент РАН Н. К. Кольцов); д) энтомологии (председатель — член-корреспондент РАН Н. М. Кулагин). Н. М. Кулагин возглавлял также работы Отделов пчеловодства и пушного зверя. Таким образом,

²³³ Там же. С. 283–284.

²³⁴ Организация науки в первые годы советской власти. С. 176–177.

²³⁵ СПбФ РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 195. Л. 116 об.-118 об.

²³⁶ СПбФ РАН. Ф. 2. Оп. 1–1928, Д. 195. Л. 125.

²³⁷ Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 288.

в Московском отделении КЕПС изначально доминировала прикладная, биологическая и сельскохозяйственная тематика — отделы удобрений, птицеводства, энтомологии, пчеловодства, пушного зверя. Так, в Отделе птицеводства, созданном в мае 1918 г., под руководством, Н. К. Кольцова были организованы первые генетические исследования русских пород кур²³⁸. Их конечной целью было вывести высокопродуктивную породу, приспособленную к местным условиям. Для получения новых мутаций использовалось рентгеновское облучение. Однако тяжелые условия и недостаток фуража препятствовали этой работе. Возглавляемые Н. М. Кулагиным Отделы энтомологии, пчеловодства и пушных зверей свою основную задачу видели в сборе и распространении сведений о вредных насекомых, измерении крыльев у пчел и статистических данных о промысловых животных и выделке мехов²³⁹. Однако отсутствие штатных единиц не позволило вести эту работу масштабно и на должном уровне²⁴⁰. Отдел труда в Московском отделении КЕПС возглавил директор Петровской сельскохозяйственной академии, экономист В. Я. Железнов.

КЕПС расширяла возможности нового поколения естествоиспытателей РАН, способных не только формировать перспективные программы и вести исследования, но и находить средства на их проведение. Классическими примерами служат член-корреспондент РАН Н. К. Кольцов и академик П. П. Лазарев, сумевшие уже в 1917 г. найти спонсоров для учреждаемых ими институтов²⁴¹. Позднее им удалось убедить главу Наркомздрава Н. А. Семашку в нужности своих исследований и добиться финансирования соответственно для Института экспериментальной биологии и Института физики и биофизики в Москве, которые стали центрами создания новейших отраслей биологии в России.

В рамках КЕПС вызревали проекты создания глобальных объединения ученых разных специальностей для «содействия промышленности и государственному строительству путем научных исследований и разработке методов испытаний»²⁴². Именно такая задача была поставлена перед Отделом экспериментальных исследований под председательством академика А. Н. Крылова и при секретаре С. И. Дружинине — профессо-

238 Кольцов А. В. Создание и деятельность КЕПС. С. 97; Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 290–293.

239 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 293–296.

240 Академия наук СССР: ее задачи, разделение и состав. Л.: Изд-во АН СССР, 1925. С. 26–33.

241 Adams M. Science, Ideology and Structure: The Kolt'sov Institute, 1900–1970 // Social Context of Soviet Science. Boulder; Colorado. 1980. P. 173–204; Дерягин Б. В. Петр Петрович Лазарев (К столетию со дня рождения) // Успехи физических наук. 1978. Т. 125. Вып. 1. С. 11–18.

242 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 482.

ре Петроградского политехнического института, специалисте по цементу. В ходе обсуждений стала очевидной необходимость создания ассоциации всех исследовательских институтов и лабораторий в Петрограде и Москве. В связи с возникновением 23 августа 1918 г. Научной комиссии при НТО ВСХН во главе с академиком П. П. Лазаревым Петроградская ассоциация экспериментальных исследований 16 октября 1918 г. превратилась в Петроградское бюро Научной комиссии при НТО ВСХН²⁴³.

Таким образом, к концу 1918 г. КЕПС стала самым крупным учреждением РАН. В ее состав входили подразделения физико-технического, геолого-географического и биологического профиля — отделы: соляной, платиновый, нерудных ископаемых, каменных строительных материалов, драгоценного и поделочного камня, минеральных вод, газовый, сапропелевый, промышленно-географический, по исследованию Севера, Туркестана, почвенный, животноводства, использования дикорастущей флоры России, экспериментальных исследований, издательский, а также отделы Московского отделения²⁴⁴. К началу 1919 г. КЕПС вместе с Московским отделением включала 23 финансируемых подразделения, в том числе два института — Физико-технический институт и институт для изучения платины и других благородных металлов. Некоторые ее бывшие отделы превратились в институты и перешли в прямое подчинение Наркомпроса или были близки к этому: Государственный рентгенологический и радиевый; Государственный оптический институт, Российский испытательный керамический институт, Российский гидрологический институт. Шла большая работа по преобразованию Сельскохозяйственного ученого комитета в Российский сельскохозяйственный институт РАН, по организации Географического, Почвенного и других институтов.

Поддержка научной общественности позволила КЕПС претендовать на разработку общей стратегии институционализации естествознания и координировать прикладные исследования в масштабах всей страны. КЕПС становилась центром консолидации интересов ученых без их разделения по ведомственным и профессиональным интересам и со стиранием граней между столичной и региональной наукой. Ее инициаторы пользовались влиянием в своих отраслях знания; но их мнение было авторитетно и за их пределами. Для младших коллег деятельность в КЕПС ускоряла рост их авторитета в научном сообществе. Среди активных членов КЕПС было немало ученых, ставших вскоре академиками и членами-корреспондентами РАН и АН СССР. Это Л. С. Берг, А. А. Борисьяк, К. Д. Глинка, Н. М. Книпович, В. Н. Любименко, М. А. Мензбир,

243 Отчет о деятельности РАН. 1919 г. 1920. С. 244.

244 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 219–306.

Д. Н. Прянишников, В. Н. Сукачев, В. М. Шимкевич и др.²⁴⁵ Выбранная РАН стратегия оправдала себя. Не беря на себя никаких конкретных обязательств, ученые активной пропагандой уже имеющихся знаний демонстрировали свою значимость в решении острых вопросов текущего времени.

Хуже обстояли дела с другими недавно созданными академическими структурами. В Комиссии по изучению озера Байкал, созданной по инициативе Н. В. Насонова в 1916 г., к концу 1918 г. состоялось 69 чело-
век²⁴⁶. Однако в начале 1918 г. Байкальская станция была разграблена, исследовательское судно «Чайка» конфисковано и все планы были надолго похоронены. Ввиду отсутствия председателя Комиссии Н. В. Насонова ее возглавил И. П. Бородин, а секретарем был молодой гидробиолог В. М. Рылов. Вместо экспедиционной работы Комиссия, которую ввиду отъезда Н. В. Насонова на восток возглавлял И. П. Бородин, ограничилась изданием «Трудов», в которых печатались А. В. Вознесенский, В. Ч. Дорогостайский, Г. А. Кожевников, И. И. Месяцев, Л. Л. Россолимо, Л. А. Зенкевич и др.

С июня 1918 г. Совнарком старался подключить академию к решению насущных задач социально-экономического развития и все настойчивее запрашивал РАН о возможных «научных предприятиях» с целью их обсуждения²⁴⁷, но далеко не все предложения академиков воплощались в жизнь, особенно в области гуманитарных и общественных наук. Не удалось реализовать решения ОФМН ИАН, принятые еще в 1916 г., о создании Биологического института путем объединения Физиологической и Особой зоологической лабораторий, а также Лаборатории по анатомии и физиологии растений²⁴⁸.

Начинались преобразования и в гуманитарных отраслях знания. Большое внимание уделялось сохранению научного наследства и пропаганде достижений отечественной науки. На Общих собраниях РАН постоянно обсуждался вопрос о ходе подготовки к изданию сборника «Русская наука»²⁴⁹. Несмотря на смерть нескольких участников проекта (антрополога Ф. К. Волкова, метеоролога Е. А. Гейнца, зоолога В. В. Заленского, механика П. О. Сомова) и сложности с публикацией подготовленных текстов, работа продолжалась. В 1918 г. были опубликованы исторические очерки члена-корреспондента РАН Н. Н. Глубоковского «Науки богословские» и академика В. В. Радлова «Науки философские».

245 Протоколы заседаний ОФМН ИАН. 1915. С. 185–186. § 480.

246 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 307.

247 Там же. С. 91.

248 Там же.

249 Протоколы ОС. 1918. С. 25. § 39; С. 137. § 205; С. 154. § 235–236.

Кроме того, поступило еще около 20 работ, включая очерки членов РАН: А. А. Белопольского по астрономии, С. А. Жебелева по классической археологии, Н. И. Кареева по социологии и по истории Нового времени, П. П. Лазарева по физике, Б. А. Тураева по Древнему Востоку, Н. М. Петровского по языку и литературе славян, М. И. Ростовцева по древностям Южной России. Н. А. Холодковского по сравнительной анатомии²⁵⁰. Однако из-за отсутствия средств они остались не напечатанными, как и запланированные издания полных собраний сочинений Е. И. Золотарева, Н. И. Лобачевского, А. Н. Коркина. М. В. Остроградского и избранных трудов Э. Х. Ленца, Г. Ф. Паррота, В. В. Петрова, Б. С. Якоби. Это проект, доложенный В. А. Стекловым и А. Н. Крыловым, на заседании ОФМО встретил сочувствие со стороны Наркомпроса, но выделенные средства были столь незначительными, что нельзя было даже приступить к реализации проекта²⁵¹.

27 апреля 1918 г. на заседании ОФМН П. П. Лазарев выступил с инициативой создать музей аппаратов и научных приборов, сконструированных в России²⁵². Началом могли послужить собрания приборов в РАН и в Московском научном институте, вокруг которых должны были группироваться отдельные музеи. В этих музеях должна были храниться и рукописи выдающих русских ученых, их эпистолярное наследства и документы, необходимые для написания биографий. По существу речь шла о создании музеев науки, в том числе мемориальных, для чего, конечно, средств также не было. Поэтому ОФМН поручило изучить вопрос Ломоносовскому комитету.

Не оказалось средств и для печатания справочника «Наука в России», работу над которым С. Ф. Ольденбург и В. Н. Бенешевич, ответственные за издание справочника, фактически возобновили лишь в феврале 1918 г., используя проект в переговорах с новой властью как важное средство к учету науки и ее планированию²⁵³. В мае 1918 г. был получен скромный кредит в размере 24 800 рублей²⁵⁴. Это позволило начать работу по его подготовке, в которой участвовали академики С. Ф. Ольденбург, Н. И. Андрусов, А. А. Шахматова, А. Е. Ферсман, а также профессора Д. Д. Арцыбашев, Ф. Д. Батюшков. В. Н. Бенешевич, Е. Ф. Лискун и

250 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 317–318.

251 СПбФ РАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Д. 165. Л. 204; Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 15.

252 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Д. 165. Л. 200–201 об.

253 *Соболев В. С.* Нести священное бремя прошедшего. Российская академия наук. Национальное и культурное наследие. 1880–1930 гг. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 341–343.

254 СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1918. Д. 29. Л. 3.

др.²⁵⁵ Была составлена и распространена в Москве и Петрограде новая анкета, тогда как по провинциям пришлось в основном ограничиваться сведениями, полученными ранее. Во многих губерниях их было невозможно собирать из-за военных действий. Но и в столицах возникли трудности при установлении реального существования многих научных учреждений, журналов и обществ, а также в разделении научных организаций от близкородственных, занимавшихся образовательной и просветительской деятельностью. Когда отчет был уже готов к печати, выяснилось, что аналогичное издание планирует Наркомпрос, что расстроило налаженную работу, вызвав отток участников проекта, оказавшихся без зарплаты. В конечном счете в опубликованных в РАН справочных изданиях сведения о научных учреждениях и обществах Москвы и Петрограда были даны по состоянию на 1 января 1918 г.²⁵⁶ В первом выпуске были приведены подробные сведения о научных учреждениях и обществах Петрограда в 1917 г.²⁵⁷ Их оказалось около 300, в том числе 24 в РАН, а также 51 академическая комиссия и три учреждения при Академии наук²⁵⁸. Был подготовлен подобный справочник по Москве, вышедший два года спустя²⁵⁹. Обе книги положили начало систематической работе в области науковедения.

С подозрением власть относилась и к проектам по созданию академических учреждений гуманитарного профиля. Не получила поддержки идея А. С. Лаппо-Данилевского об Институте социальных наук, рассмотренная на экстраординарном Общем собрании РАН 18 (5) июня 1918 г.²⁶⁰ В представленном им проекте обосновывалась необходимость всестороннего изучения грандиозных перемен в «области идей и нравов, производства и потребления <...> в культурном общении» в результате «неудачной войны», «русской революции», а также в связи с «образованием новых государственных единиц в составе прежней Империи, отторжением окраин, самоопределением народностей и даже административных единиц». Такое многоплановое и практически актуальное исследование могло быть под силу только профессиональному коллективу в области социальных наук, которого в стране до сих пор не было. Созданием Института социальных наук при РАН предполагали начать

255 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 318–323.

256 Наука в России. Справочный ежегодник. Вып. 1–2.

257 Наука в России. Справочный ежегодник. Вып. 1. Петроград: Данные на 1-е янв. 1918 г. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1920.

258 Там же. С. 1–12.

259 Наука в России. Справочный ежегодник. Вып. 2. Москва. Данные на 1-е янв. 1918 г. Пг.: Рос. гос. акад. тип., 1917–1922.

260 Приложение III к протоколу заседания IX ЭОС РАН от 18 (5) июня 1918 г. (к § 138). С. 108–110.

комплексное изучение современных проблем «во всей их полноте и в их исторической связи». Ольденбург лично пытался выяснить в Совнарком судьбу проекта, но никакого ответа не получил²⁶¹. Большевики не собирались отдавать общественные науки в руки идеологических противников, для чего и создали собственную Социологическую академию общественных наук (САОН).

Не было удовлетворено решение Общего собрания от 20 апреля 1918 г. о переводе Пушкинского Дома в РАН, о чем просил его директор Н. А. Котляревский²⁶². Статус Пушкинского Дома остался неопределенным как учреждение при РАН. РАН была также обеспокоена дальнейшей судьбой Кавказского историко-археологического института, который оказался вне пределов Российского государства, так как Грузия объявила себя независимой республикой. На Экстраординарном Общем собрании РАН 26 июня было решено проинформировать СНК о подготовленной Н. Я. Марром записке, в которой отмечается необходимость обеспечения научных интересов РАН²⁶³.

Несмотря на положительное решение Научного отдела Наркомпроса от 30 октября 1918 г., Геологический и Музей им. Петра Великого не были преобразованы в Русский национальный геологический музей²⁶⁴. В 1918 г. РАН фактически лишилась Литературно-театрального музея в Москве, переданного ей в безвозмездное пользование его создателем А. А. Бахрушиным²⁶⁵. С 1 февраля 1919 г. он стал одним из учреждений Наркомпроса. Недолго (до 1924) просуществовал и созданный в 1918 г. Историко-библиографический музей славяно-русской книжности РАН.

Новая власть не захотела оставлять в руках РАН архивное дело. Вместо профессионального Союза российских архивных деятелей, объединившего в 1917 г. историков и архивистов столицы и провинции во главе с А. С. Лаппо-Данилевским, 29 марта 1918 г. был создан государственный орган — Совет по управлению архивами, председателем которого стал большевик Д. Б. Рязанов, а его заместителем — монархист, член-корреспондент РАН С. Ф. Платонов²⁶⁶. 20 апреля РАН поручила А. С. Лаппо-Данилевскому представлять ее в Совете по управлению архивами²⁶⁷. 1 июня 1918 г. Совнарком издал Декрет о реорганизации и централизации архивного дела в России, предусматривающий создание единого Го-

261 Протоколы ОС АН. 1918. С. 128. § 181.

262 Там же. С. 47–48. § 87–88.

263 Там же. С. 118. § 169; Приложение II к протоколу заседания X ЭОС РАН от 26 (13) июня 1918 г. (к § 169). С. 124–125.

264 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Д. 165. Л. 264.

265 Там же. Л. 136.

266 Хорхордина Т. И. История отечества и архивы. 1994–1980. М.: РГГУ, 1994. 356 с.

267 Протоколы ОС РАН. 1918. С. 41. § 71.

сударственного архивного фонда²⁶⁸. После переезда Главархива в Москву С. Ф. Платонов стал председателем Петроградского отделения Главархива, а его заместителем — Е. В. Тарле.

2.5. УЧАСТИЕ РАН В ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ НЕАКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Члены РАН активно участвовали в институционализации науки вне рамок Академии наук и КЕПС. В Петрограде в 1918 г. будущий почетный академик АН СССР Н. А. Морозов на базе Биологической лаборатории организовал Петроградский научный институт им. П. Ф. Лесгафта, финансируемый Наркомпросом²⁶⁹. Благодаря этому К. Н. Давыдов, А. А. Заварзин, В. С. Ильин, Л. А. Орбели, И. П. Павлов, И. Д. Стрельников, А. А. Ухтомский могли реализовать свои планы. В мае 1918 г. Наркомпрос поддержал проект академик ИВМА В. М. Бехтерева по созданию Института по изучению мозга и психической деятельности для всестороннего изучения психической деятельности человека, ее развития и патологических уклонений, а также вопросов научно-практического характера, связанных с общественной и педагогической психологией, умственной гигиеной, криминальной антропологией, вопросами о гипнозе и внушении, о вырождении, лечения душевных и нервных болезней и т. д.²⁷⁰ В нем предусматривали три научно-исследовательских отдела (мозга, рефлексологии и экспериментальной психологии, прикладной рефлексологии и психологии) и научно-практические отделы труда и воспитания. Новый институт был признан государственным учреждением, и в его распоряжения был представлен бывший дворец великого князя Николая Николаевича Романова.

Академики, имевшие богатый опыт консультации царского правительства, легко шли на профессиональное сотрудничество с новыми властями. В. Н. Ипатьев, А. Н. Крылов, П. П. Лазарев практически сразу включились в институционализацию науки под эгидой ВСНХ, учрежденного в декабре 1917 г. для разработки принципов регулирования экономической жизни страны.

²⁶⁸ Хорхордина Т. И. История отечества и архивы. 1917–1980. М.: РГГУ, 1994. С. 67.

²⁶⁹ Колчинский Э. И. Биологическая лаборатория // Биология в Санкт-Петербурге. 1703–2008: Энциклопедический словарь / Отв. ред. Э. И. Колчинский; сост. Э. И. Колчинский, А. А. Федотова. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 55.

²⁷⁰ Организация Института по изучению мозга и психической деятельности. URL: https://psihologia.biz/psihologiya-psihologiya-obschaya_693/organizatsiya-institutazhucheniyu-mozga-22332.html/ (Дата обращения: 01.06.2019).

После заключения Брестского мира последовал приказ о прекращении работ на ряде оборонных предприятий, работавшие на них ученые пытались доказать важность своих исследований для гражданской промышленности. Классическим примером здесь является поведение монархиста, генерал-лейтенанта В. Н. Ипатьева, возглавлявшего во время Первой мировой войны созданный им Химический комитет при Главном артиллерийском управлении (ГАУ). Химический комитет перестал существовать к июню 1918 г. Все решаемые им военные проблемы оставались в компетенции 9-й (химической) секции при ГАУ, переехавшей в Москву. Ее начальником назначили бывшего председателя Комиссии по применению взрывчатых веществ полковника А. А. Дзержковича, у которого установились хорошие отношения с Л. Д. Троцким. Подразделения Химического комитета, ведавшие химической промышленностью, включили в Химический отдел ВСХН, которым руководил химик-технолог и революционер Л. Я. Карпов. Этот отдел фактически унаследовал организационную структуру Химического комитета и его отлаженный аппарат. Для решения вопросов по демобилизации промышленности и по организации новых производств для жизни мирного времени при Химическом отделе учредили Комиссию во главе с академиком В. Н. Ипатьевым, в которую вошли сотрудники упраздненного Химического комитета Л. Ф. Фокин и М. М. Филатов и представители ВСНХ. Уже в сентябре 1918 г. Ипатьев провел два заседания Комиссии с участием крупнейших химиков России, в том числе А. Е. Фаворским, С. В. Лебедевым, Н. Д. Зелинским, Б. В. Бызовым и др., посвященные созданию искусственного каучука. Комиссия помогла Л. Я. Карпову разобраться в деятельности химических заводов, выработала предложения о демобилизации химической промышленности и развитии производств, необходимых стране в мирное время²⁷¹.

17 мая 1918 г. при Химическом отделе ВСНХ был организован Главный комитет удобрительных туков (Центротук), в задачу которого входило развитие производства минерального удобрения и снабжение им населения, а также «создание и поддержку учреждений, имеющих целью разработку и освещение вопросов, связанных с туковой промышленностью и применением удобрений»²⁷². Из 39 сотрудников Комитета четыре места было предоставлено «научным силам», которым удалось уже на следующий год создать самостоятельный Институт удобрений, возглавляемый учеником В. И. Вернадского — Я. В. Самойловым. В организа-

271 *Ипатьев В. Н.* Жизнь одного химика. Т. 1: 1867–1917. Нью-Йорк, 1945. 130 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=590212&p=128>. 130 с. (Дата обращения: 09.05.2019).

272 Постановление Высшего совета народного хозяйства. О Главном комитете удобрительных туков // *Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг.* М.: Управление делами Совнаркома. 1942. С. 495.

ции института активно участвовали будущие академики Э. В. Брицке и Д. Н. Прянишников²⁷³.

В 1918 г. биохимик, будущий академик А. Н. Бах организовал Центральную химическую лабораторию при ВСНХ РСФСР, преобразованную позднее в Физико-химический институт им. Л. Я. Карпова. Исследования лаборатории были направлены на удовлетворение потребностей промышленности в химической продукции. Другой химик и будущий академик А. Е. Чичибабин в 1918 г. возглавил Правление государственных химико-фармацевтических заводов и Научный химико-фармацевтический институт. На базе Аэродинамической лаборатории и Авиационного расчетно-испытательного бюро член-корреспондент РАН Н. Е. Жуковский в декабре 1918 г. создал и возглавил Центральный аэродинамический государственный институт. 16 октября 1918 г. была создана Научная автомобильная лаборатория при НТО ВСНХ.

По запросам различных правительственных ведомств РАН командировала своих представителей в создаваемые при них ученые советы. Так, в Ученый медицинский совет Наркомздрава были первоначально назначены И. П. Павлов и Г. В. Хлопин, но из-за отказа Павлова ездить в Москву представлять РАН было поручено П. П. Лазареву²⁷⁴. В письме от 18 ноября 1918 г. Г. В. Хлопин благодарил РАН за оказанную ему честь и сообщал, что принял участие в организационных заседаниях Ученого медицинского совета²⁷⁵. Представителем РАН в Совет по делам статистики при Центральном статистическом управлении был назначен академик А. А. Марков²⁷⁶.

Участие ВСНХ в институционализации науки активизировалось с появлением Научно-технического отдела ВСНХ, созданного Декретом СНК от 16 августа 1918 г. В его задачи входили: «централизация всего научно-технического опытного дела РСФСР», укрепление связей науки и практики; распределение правительственных заданий «между научными и техническими учреждениями, обществами, лабораториями, институтами, опытными станциями и т. п.», контроль над их деятельностью и институционализация исследований, координирование деятельности институтов и лабораторий с потребностями промышленно-

273 Елина О. Ю. Мир, война и «туковый вопрос» (из истории производства минеральных удобрений в России, 1900–1920-е гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 2001. № 3. С. 3–36.

274 Протоколы ОС АН. 1918. С. 133. § 194.

275 Там же. С. 219. § 311.

276 Там же. С. 208. § 291.

277 Декрет Совета народных комиссаров об учреждении Научно-технического отдела при Высшем совете народного хозяйства // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. С. 827–829.

проект положения НТО, в котором, как уже отмечалось, выразил опасения о том, что централизация научной работы может привести к ущемлению свободы творчества²⁷⁸. При НТО создавалась Научная комиссия, состоящая из представителей различных научных учреждений и вузов. В ее бюро первоначально вошли по три представителя РАН и САОН и по одному представителю от КЕПС, Московского научного института, СХУК, Горного ученого комитета, Геолкома и Русского географического общества. РАН делегировала в Научную комиссию НТО академиков П. И. Вальдена, В. Н. Ипатьева и П. П. Лазарева²⁷⁹. В ее бюро были избраны члены РАН П. П. Лазарев и Н. М. Кулагин, а также будущие академики И. М. Губкин и А. Е. Ферсман.

Организационное заседание Научной комиссии НТО под председательством П. П. Лазарева состоялось 24 декабря 1918 г.²⁸⁰ Намного раньше, 12 сентября, прошло первое заседание коллегии НТО под председательством Н. П. Горбунова. В нем от РАН участвовали также академик А. П. Павлов и А. Е. Ферсман, Стремясь усилить связь РАН с НТО ВСХН, академики создали Петроградскую (во главе с А. Н. Крыловым) и Московскую (во главе с М. М. Новиковым) научные комиссии, объединившие к началу 1919 г. около 200 человек. Каждая из комиссий в свою очередь подразделялась на секции, а также экспедиции и подсобные комиссии для решения конкретных задач. Комиссии участвовали в устройстве Всероссийских съездов по научно-техническим проблемам и различным отраслям знаний.

26 ноября 1918 г. собрание ученых специалистов под руководством П. П. Лазарева приняло решение о развертывании работ по изучению Курской магнитной аномалии и начале сбора бурового материала по Курской губернии. Была создана при РАН Комиссия по исследованию Курской магнитной аномалии²⁸¹. На следующий день состоялось совещание при НТО, созванное по инициативе Н. П. Горбунова, с участием академиков Н. С. Курнакова и П. П. Лазарева. Было поддержано предложение об организации экспедиции для исследования залива Кара-Богаз-Гол. 2 декабря на заседании КЕПС было решено намеченную экспедицию отложить ввиду политической обстановки в регионе и вместо этого провести обследование Соликамска и Усолья²⁸².

Понимая важность осуществляемой реформы организации науки, РАН старалась уменьшить содержащуюся в ней угрозу свободе научных

278 Протоколы ОС АН. 1918. С. 131. § 188

279 Там же.

280 Организация науки в первые годы советской власти. С. 81.

281 Ленин и Академия наук СССР. С. 143–144.

282 Организация науки в первые годы советской власти. С. 176–179.

исследований. 30 июля 1918 г., выполняя поручение секретаря Совнаркома Н. П. Горбунова, экстренное совещание академиков, находившихся в Петрограде, подготовило отзыв на положение НТО ВСХН, сделав три принципиальных замечания. В них было отмечено, что проект допускает «излишнее вмешательства в творческую научную работу, которая таким образом будет или совсем остановлена, или заторможена»²⁸³. В связи с этим они призывали изначально «указать пределы прав вмешательства объединяющего центра». В отзыве указывалась также необходимость более точно определить права и обязанности Научной комиссии НТО и Президиума ВСНХ, согласовать работу НТО и Научного отдела Наркомпроса, а также делегировать в состав НТО представителя его Научной комиссии.

17 апреля 1918 г. РАН направила в Совнарком письмо о необходимости расширить деятельность СХУК, так как без научных исследований в этой области нельзя рассчитывать на возрождение страны. Письмо было рассмотрено общим собранием 22 апреля 1918 г. Совнарком учел мнение РАН и оказал помощи СХУК, о чем Н. П. Горбунов оповестил Академию наук в мае 1918 г. К концу 1918 г. число опытных станций, унаследованных Наркомземом от Министерства земледелия, утроилось и составило 240 учреждений²⁸⁴, которые государство наделило статусом «национального достояния». Причем, как было показано О. Ю. Елиной, ученые сами в поисках защиты от произвола местных властей, финансов и т. д. стремились к государственной поддержке и к централизации опытного дела²⁸⁵. Еще раньше, 27 апреля ОФМН рассмотрело предложение СХУК о его вхождении в РАН путем преобразования в Российский институт сельскохозяйственных наук²⁸⁶. В целом предложение было одобрено, как и прилагаемый проект положения об институте, который, однако, претерпел столь значительную редакцию в Наркомпросе, что общее собрание, как выше уже говорилось, 18 июня его отвергло и проект был надолго похоронен вплоть до создания Н. И. Вавиловым Государственного института опытной агрономии в 1922 г. в системе Наркомзема.

Вспышка организационной активности академического сообщества в первый год Гражданской войны была одной из практик его выживания. Так, созданные Н. К. Кольцовым три экспериментальные станции в бывших дворянских поместьях не только позволили вести исследования, но

283 Протоколы ОС АН. 1918. С. 131. § 188.

284 Сельскохозяйственное опытное дело РСФСР в 1917–1927 гг. Л., 1928.

285 Елина О. Ю. Сельскохозяйственные опытные станции в начале 1920-х гг.: Советский вариант реформы // На переломе. Вып. 1. Советская биология в 20-х — 30-х годах. СПб., 1997. С. 27–85.

286 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Д. 165. Л. 189.

и обеспечить продуктами сотрудников²⁸⁷. Еще Временное правительство создало курсы переподготовки для демобилизуемых из армии учителей биологии, руководитель которых И. И. Полянский убедил А. В. Луначарского организовать в окрестностях Петрограда сеть экскурсионно-биологических станций, отрекомендованных как новый особый тип научно-педагогических учреждений²⁸⁸. Кроме постоянного штата здесь летом вместе с семьями жили многие преподаватели биологии из Петрограда, подкармливались и проходившие переподготовку учителя.

Подавляющее большинство новых учреждений создавалось по инициативе ученых в соответствии с их планами, зародившимися задолго до 1918 г. В то же время процесс скорее был стихийным, чем жестко детерминированным. Он не направлялся никаким центральным органом управления, созданным самим научным сообществом. Такие научные организации как КЕПС, лишь придавали коллективистскую форму индивидуальным устремлениям ученых, придавая им видимость государственной необходимости. Наркомпрос или НТО ВСНХ лишь юридически утверждали проекты ученых, Это была форма самоорганизации науки в условиях кризиса. У ученых складывалось впечатление, что вместе с прежним режимом ушла вся волокита в решении организационных проблем²⁸⁹. Индивидуальные практики становились коллективистскими благодаря организации новых учреждений, финансируемых правительством, а значит и признанных государством важными.

Поэтому неверно этот процесс характеризовать лишь как старт «разбухания советской науки», исключительно «экстенсивный» путь ее развития, когда академические учреждения возникали «из ничего, по мановению палочки тщеславия»²⁹⁰. Именно в этот год закладывались основы исследований Н. Н. Семенова, И. М. Франка, П. А. Черенкова и Е. А. Тамма, Л. Д. Ландау, П. Л. Капицы, принесшие Нобелевские премии российской физике. Связь достижений советской науки и техники с исследованиями, начатыми в первый год советской власти, очевидна.

287 *Россиянов К. О.* Между лабораторией и дворянским поместьем: Возникновение московской школы экспериментальной генетики, 1917–1925 гг. // За «железным занавесом». Мифы и реалии советской науки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 229–244.

288 *Самокиш А. В.* Школьные и инструкторские биологические станции в Петрограде-Ленинграде // Историко-биологические исследования. 2014. Т. 6. № 1. С. 48–71.

289 Организация науки в первые годы советской власти. С. 7.

290 *Романовский С. И.* Наука под гнетом российской истории. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 160, 161, 217–219 и др.

2.6. ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НАУКИ НА ТЕРРИТОРИЯХ, КОНТРОЛИРУЕМЫХ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИМИ ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ

В публикациях по истории науки в Гражданскую войну обычно писали только о вузах и научных учреждениях, созданных при большевиках. Но они не менее интенсивно создавались на территориях, занятых антисоветскими силами. 1918 г. сыграл ключевую роль в расширении географии научных исследований в связи с миграцией ученых в регионы, куда раньше они ни за что бы не поехали. Теперь голод, репрессии и политические пристрастия гнали их в провинцию; Поволжье, Урал, Северный Кавказ, Украину, Сибирь и Дальний Восток. Там они включались в создание новых научных и университетских центров. Постреволюционный хаос и Гражданская война разрушили целостность прежней империи. Во многих ее регионах возникли самостоятельные правительства, ведущие борьбу за выживание. Это оставляло свободное пространство для инициативы ученых и местных групп активистов, которые получили возможность реализовать давние планы о расширении пространства научных исследований. Многие предложения о создании новых университетов и других высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, научных обществ, селекционных и биологических станций, экспедиций, музеев, заповедников и т. д., отвергнутые или отложенные на неопределенное время царским правительством, получали гораздо легче поддержку (по меньшей мере, на бумаге) от разных властей во время Гражданской войны. Их готовность идти навстречу запросам ученых объяснялась, прежде всего, тем, что все они, нуждаясь в политической легитимности и в признании со стороны интеллигенции, легко удовлетворяли просьбы местных граждан об открытии новых учебных заведений, чтобы местная молодежь, отрезанная от центральных вузов, могла получить образование.

Оказавшись во временных центрах власти, члены РАН использовали различные практики выживания. Предшествующая организационная деятельность в условиях относительной автономии, демократии и самоуправления позволяла им в отсутствие жесткого контроля легко создавать новые учреждения. На юге и на востоке страны они действовали вне рамок централизованного управления и идеологического надзора. Никто не заставлял их просвещать народ и развивать промышленность. Опыт научно-организационной, издательской и просветительской деятельности по зову сердца, а не по указанию свыше оказался полезным в условиях массового исхода академических ученых из столиц, способ-

ствуюя сбережению и умножению интеллектуального потенциала страны даже при сохранении минимальных контактов с зарубежными учеными.

Ученые добивались создания в отдельных регионах структур, аналогичных РАН или КЕПС. Начало было положено созданием в декабре 1917 г. в Екатеринодаре Совета обследования и изучения Кубанского края (СОИКК), объединившего представителей различных отраслей знания в 14 секций. В нем работали ученые из разных регионов, оказавшиеся на Кубани, а также в Ростове-на-Дону и Новочеркасске. Они считали свой Совет чем-то «вроде маленькой местной Академии наук»²⁹¹. Как «вольную академию» характеризовал Совет и В. И. Вернадский, не раз выступавший на его заседаниях.

В январе 1919 г. состоялся съезд учредителей Института исследования Сибири, в приветствии к которому А. В. Колчак позиционировал себя как их коллегу, всегда поддерживавшего РАН и Русское географическое общество²⁹². Институт, возглавляемый лауреатом Ломоносовской премии ИАН В. П. Вейнбергом, состоял из нескольких отделений по естественнонаучным и гуманитарным отраслям знания и базировался на принципах институционализации науки, сформулированных В. И. Вернадским. В нем были и региональные отделения. Современники по праву воспринимали его как Сибирскую академию наук

Гражданская война стимулировала прямое включение членов РАН в институционализацию науки на юге России. В этом отношении показательна деятельность членов РАН, особенно В. И. Вернадского, при формировании Украинской академии наук, к созданию которой его привлек историк М. П. Василенко — бывший товарищ министра народного просвещения во Временном правительстве и крупный государственный и политический деятель при П. П. Скоропадском. Василенко предложил проживающему в Полтаве академику приехать в Киев и возглавить всю организационную работу по ее созданию. По сути дела, Вернадский оказался единственным, кто знал механизм функционирования академии и взялся за ее учреждение, хотя понимал, что в Киеве не много выдающихся профессоров²⁹³. Принимая предложение правительства П. П. Скоропадского, Вернадский уповал на помощь находившихся на юге Н. И. Андрусова, В. С. Иконникова, В. И. Палладина и Н. Ф. Сумцова²⁹⁴. Настойчиво приглашали присоединиться к УАН и В. Н. Перетца, работавшего в то время в Самаре, но он отказался, несмотря на избрание его украин-

291 *Еремеева А. Н.* «Находясь по условиям времени в провинции...»: практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. Краснодар: Издатель И. Платов, 2017. С. 114.

292 Там же. С. 113.

293 *Вернадский В. И.* Дневники 1917–1921. Октябрь 1917 — январь 1920. С. 85–115

294 Там же. С. 91, 93, 95, 97 и др.

ским академиком²⁹⁵. Вернадский надеялся, что независимая Украина позволит новой академии формировать не только комплексную программу естественнонаучных и гуманитарных исследований, разрабатывать украинскую научную терминологию, обсуждал принципы объединения естествоиспытателей и гуманитариев и развития сети украинских университетов, научных обществ и журналов и т.п.

Функцию объединения естественнонаучных сил Украины пытались взять на себя Украинское научное общество, создавшее 2–6 августа 1918 г. в Киеве 1-й Съезд естествоиспытателей Украины. Но съезд пришлось считать предварительным совещанием, так как из запланированных 250 делегатов прибыли только 26²⁹⁶, представлявших 32 научных общества и учреждения, преимущественно киевские. В Украинскую державу П. П. Скоропадского, оккупированную немецкими и австро-венгерскими войсками, подавляющее большинство крупных ученых из других регионов не смогли приехать. Главная цель съезда была отражена в названии доклада В. И. Вернадского: «Объединение и организация естествоиспытателей Украины», которым открылся съезд. Вернадский предлагал, несмотря на сложность политической обстановки, без промедлений не только приступить к объединению естествоиспытателей Украины, но и создать масштабный союз всех украинских научных обществ. Здесь впервые были разработаны программы комплексных естественнонаучных исследований обширного региона, обсуждены проблемы украинской научной терминологии, организационные принципы объединения естествоиспытателей и т. д. На съезде были рассмотрены и другие вопросы, важные для науки на Украине в условиях продолжающейся войны и оформления новой государственности: организация музейной работы, создание украинской научной терминологии, развитие сети украинских университетов и вузов, популяризация естественнонаучных знаний, учреждение научных журналов и т. п. Главным помощником Вернадского стал будущий иностранный член АН СССР, выдающийся механик С. П. Тимошенко. Им обоим казалось, что они вырвались из страны ужасов, захваченной большевиками, и что на Украине зарождается ячейка будущей научной организации всей Восточной Европы, включая славянские территории в составе Германии и Австро-Венгрии.

Но вскоре оказалось, что институционализацию науки нелегко вести в условиях жесткой политической борьбы противостоящих сил и

²⁹⁵ Алексей Александрович Шахматов. С. 687, 693.

²⁹⁶ *Щербань Т. О.* До історії діяльності Українського наукового товариства (1907–1921) // *Архіви України*. 1991. № 5–6. С. 34–38; *Савчук В. С.* Научные общества и культурная революция на Украине (1917–1931) // *Вопросы истории естествознания и техники*. 1995. № 1. С. 81–91.

оккупации. Академия наук в Киеве была создана уже после ухода немецких войск. 27 ноября 1918 г. В. И. Вернадский был избран первым президентом УАН, Отдел физико-математических наук возглавил выдающийся механик С. П. Тимошенко, будущий иностранный член АН СССР²⁹⁷. Новшеством в практике европейских академий было создание специального социально-экономического отдела, в который входили два разряда — юридический и экономический. В этом сказалась тенденция усилить практическую направленность академических исследований. Но частая смена властей, по-разному воспринимавших цели УАН, и связанное с этим непрерывное переустройство научных и учебных заведений сводили на нет усилия В. И. Вернадского и С. П. Тимошенко обеспечить устойчивое ее финансирование. Меняющиеся денежные знаки, хождения ученых по коридорам сменяющихся властей, борьба между сторонниками украинизации науки в Украинском научном товариществе и ее противниками в УАН привели к резкому замиранию научной деятельности после краткого ее оживления в 1918 г. Не случайно Е. В. Тарле оценивал активность своих украинских коллег следующим образом: «Вообще же в Киеве идет невообразимое рванье казенных кусков, пирогов, окладов etc., спекуляция и многообразное жульничество»²⁹⁸.

При этом В. И. Вернадский демонстрировал умение получать финансовую поддержку как от украинских националистов, так и от большевиков. Ему, пережившему в течение двух лет несколько правительств разных «цветов», стало безразлично, кому подчиняются созданные им при УАН комиссии, институты, станции: Центральной Раде, П. П. Скоропадскому, Совнаркому, немцам или Директории. Только Особое совещание при Добровольческой армии отказалось финансировать автономную УАН, рассматривая ее как угрозу единой и неделимой России.

В феврале 1918 г. в Киеве был создан Украинский геологический комитет во главе с В. И. Лучицким, а в феврале 1919 г. — Комиссия по изучению природных богатств Украины. В обоих случаях образцами служили аналогичные учреждения Петрограда. В мае 1919 г. для установления контактов РАН с УАН в Киев прибыл академик А. Е. Ферсман. С тех пор между двумя академиями всегда реализовалось тесное сотрудничество²⁹⁹.

Впоследствии Вернадский не раз обращался к опыту Гражданской войны, способствовавшему осознанию им планетарного значения научной мысли. По его собственному признанию, именно в эти годы он

297 Научное и социальное значение деятельности В. И. Вернадского. М., Л.: Наука, 1989. С. 292.

298 Письма Е. В. Тарле к В. Э. Грабарю (1918–1934) / Публ. Б. С. Кагановича // Минувшее. Исторический альманах. 1998. Вып. 23. С. 270.

299 Кабинет-музей В. И. Вернадского при ГЕОХИ РАН. № 1454. Л. 20, 32.

существенно продвинулся в геохимическом биогеохимическом понимании поверхностей оболочке Земли, «охватывающему и косную и живую природу с одной и той же точки зрения»³⁰⁰. В эти годы он стремился выработать собственные представления о роли живого вещества в формировании земной коры, педосферы, гидросферы и атмосферы, ставшие основой его учения о биосфере (1926). Впоследствии он не раз обращался к опыту Гражданской войны, подчеркивая, что именно тогда в нем окончательно укоренилось осознание планетарного значения научной мысли как закономерного этапа развития живого, так как Первая мировая война и революция оказали столь мощное воздействие на весь мир, что их необходимо было исследовать «как большой земной геологический, не только исторический процесс»³⁰¹.

Примеры самоорганизации науки демонстрировали ученые в Крыму, ставшему полем вооруженных столкновений противоборствующих сил с осени 1917 по апрель 1918 г., а с мая 1918 г. находившемуся под немецкой, а затем под французской оккупацией. Тем не менее научная жизнь в Крыму к концу 1917 г. приобрела необычайную интенсивность³⁰² из-за прилива интеллектуалов с севера. Благодаря авторитету ученых, переселившихся из Петрограда, в том числе академиков Н. И. Андрусова, В. И. Палладина и В. В. Заленского, ранее существовавшие биологические институты, включая Никитский ботанический сад, Салгирскую областную плодородческую опытную станцию, Севастопольскую и Карадагскую биологические станции, сохранились, а некоторые даже расширили исследовательскую и издательскую деятельность. Их возглавляли С. А. Мокржецкий, будущий академик А. А. Байков, В. И. Палладин, И. П. Пузанов. Здесь же трудились Н. И. Андрусов, будущий академик П. П. Сушкин, А. А. Корнилов, Е. Н. Трубецкой, А. А. Фридман, А. Н. Чичерин, Д. И. Шаховской, которые делали все от них зависящее, чтобы обеспечить на должном уровне научные исследования и сохранить естественнонаучные коллекции. Не раз они обращались к меняющимся властям с проектами, и, вопреки царящему развалу, многое удавалось сделать. В апелляциях ученые делали упор на вечность научных истин, которые не должны страдать от преходящих политико-социальных потрясений.

По предложению главы Таврического губернского земства ученого-агронома и филантропа С. С. Крыма, ставшего в ноябре 1918 г. премьер-министром и министром земледелия Крымского краевого правительства, была создана Таврическая научная ассоциация, объеди-

³⁰⁰ Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. С. 145.

³⁰¹ Там же.

³⁰² Вернадский В. И. О научной работе в Крыму в 1917–1921 гг. С. 3–12.

нившая более 30 научных учреждений и обществ в пределах целой губернии³⁰³. Она занималась вопросами координации биологических станций на Черном море, охраны заповедных мест в Крыму, сохранения памятников природы и старины в связи с аграрной реформой, учреждения Крымского заповедника и Ботанического сада при нем, Ботанического кабинета Никитского ботанического сада, спасения Севастопольской биологической станции РАН и др. На Четвертом съезде Таврической научной ассоциации в ноябре 1918 г. по предложению Н. И. Андрусова была принята резолюция, в которой признавалось, что «после прекращения в Крыму деятельности Геологического комитета необходимо учредить геологическое бюро при геологическом кабинете Таврического университета». Оно должно было взять в свои руки широкий спектр мероприятий, связанных с проведением геологических изысканий на полуострове.

С середины 1918 г. начался поток ученых на восток, на территории, контролируемые войсками адмирала А. В. Колчака, который был известен научному сообществу как полярный исследователь и гидрограф. В Перми оказался академик Н. В. Насонов, а в Самаре В. Н. Перец. По словам бывшего сотрудника Минералогического и Геологического музея ИАН и старшего геолога Геолкома Я. С. Эйдельштейна, «к осени 1918 г. в Сибири оказалось такое множество интеллигенции и ученых — инженеров разных специальностей, профессоров, ассистентов, исследователей, натуралистов и т. д., какого она раньше не видела»³⁰⁴. Особенно повезло Томску, куда почти в полном составе перебрался Пермский университет, многие известные профессора из Казани, Петрограда, Москвы (С. С. Неуструев, Г. Е. Грумм-Гржимайло, М. М. Покровский, М. А. Усов, М. М. Хвостов, Я. С. Эдельштейн и др.). Большинство из них преподавали в местном университете и технологическом институте. Среди них оказался и будущий академик А. А. Заварзин. Организатор и декан медицинского факультета Пермского университета после отступления армии А. В. Колчака с Урала до осени 1920 г. работал в Томском университете на кафедре гистологии приват-доцентом. После дезертирства из Белой армии будущий лауреат Нобелевской премии и академик Н. Н. Семенов проработал в Томском университете и Томском политехническом институте с перерывом с сентября 1918 г. по март 1920 г.

В то же время исследовательские учреждения, селекционные и биологические станции, заповедники, библиотеки и музеи, оказавшиеся в

303 *Непомнящий А. А., Синичкин А. В.* Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы и развитие исторического краеведения Крыма // *Культура народов Причерноморья*. 1998. № 3. С. 210–216.

304 *Эйдельштейн Я.* Наука и ученые в Сибири. Геологические и географические исследования // *Наука и ее работники*. 1921. № 1. С. 7–23.

зоне кровопролитных боев, переживали жестокие потрясения. Их грабили во время реквизиций занимаемых ими зданий под нужды войск и власти, а сотрудников порой подвергали репрессиям при смене властей независимо от того, были ли это красные, белые или зеленые. Никакие приказы не могли предотвратить расхищение научных коллекций и приборов. Показательны в этом судьбы Мурманской и Степной биологических станций или заповедника Аскания-Нова, который враждующие стороны занимали «с переменным счастьем» «и несли с собой смерть и разрушения»³⁰⁵. В условиях потери связи с центром задачу демократического объединения естествоиспытателей Юга Российской империи первоначально взяло на себя Новороссийское общество естествоиспытателей, инициировавшее совместные усилия ученых и образованных слоев для охраны зоопарка с целинным участком степи в Аскании-Нова.

2.7. РАН И БОРЬБА ЗА СОХРАНЕНИЕ АВТОНОМИИ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

Имея положительный опыт налаживания контактов с РАН, Наркомпрос в конце февраля 1918 г. начал диалог с Советом Петроградского университета, предложив ему выступить с инициативой организации совещания по вопросам демократизации высшей школы. И профессура пошла в фарватере РАН³⁰⁶, так как многие академики, в том числе активные участники переговоров РАН с Наркомпросом С. Ф. Ольденбург и В. А. Стеклов, были одновременно профессорами в ПГУ. Как и в АН, сторонники правых воззрений естественники оказались восприимчивее к призывам о сотрудничестве, чем их либеральные коллеги-гуманитарии.

О реформе высшего образования А. В. Луначарский впервые заявил на заседании ВЦИК 11 апреля 1918 г.³⁰⁷ Составленные М. Н. Покровским тезисы о главных направлениях реформы обсуждались на заседании Политбюро, где резкие возражения Ленина встретил пункт об автономии университета в «деле организации учебного процесса». Ленин, по воспоминаниям Покровского, «не выносил и мысли о каких бы то ни было буржуазных автономиях»³⁰⁸. По ленинскому замыслу просвещение надо было превратить «из орудия классового господства буржуазии <...> в

305 Козлов П. К. Аскания-Нова // Наука и ее работники. 1921. № 6. С. 34.

306 Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи. С. 739.

307 Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы (1917–1938 гг.). Уфа, 1973. С. 93.

308 Покровский М. Н. Избранные произведения. Кн. 4. М.: Мысль, 1967. С. 10.

орудие коммунистического перерождения общества»³⁰⁹. Планируемые реформы должны были поставить ее под полный государственный контроль с целью обеспечить нужды социалистического строительства, изменив содержание учебного процесса и методы обучения.

К концу июня была завершена работа над «Положением о Российских университетах», авторы которого также предусматривали создание научных ассоциаций в каждом вузе наряду с учебной и просветительской. В научную ассоциацию помимо действительных членов и ассистентов должны были входить «сочлены-соревнователи», к которым могли быть отнесены все жаждущие заниматься научной работой. Научная ассоциация должна была обеспечить «слияние с университетом тех научных институтов», куда бежала «живая часть профессуры»³¹⁰. Предусматривалось и командирование преподавателей из учебной ассоциации в научную для ведения исследований. Научные ассоциации задумывались как некие академии при университетах, возглавляемые объединенными Советами, куда наравне с сотрудниками университетов входили бы представители партий, профсоюзов, кооперативов, губернских и центральных ведомств и учреждений.

Наркомпрос подключил РАН к реформе высшей школы. 8–14 июля 1918 г. представители РАН А. М. Дьяконов, А. Е. Ферсман и Л. Я. Штернберг участвовали в состоявшемся в Москве Всероссийском совещании деятелей высшей школы³¹¹, которое проходило в Московском университете. На нем было представлено около 400 выбранных делегатов — студентов и преподавателей. Между разработчиками кардинальных реформ высшего образования и лидерами профессорско-преподавательского корпуса произошли резкие столкновения.

Во вступительной речи Луначарский жестко заявил, что на «вопли врагов революции» о гибели культуры и просьбы дать возможность высшей школе самой реформироваться «мы отвечаем вполне сознательно и определенно: мы этого вам не предоставим». Правда, он не собирался «издать приказ, чтобы все университеты в 24 часа замаршировали под Интернационал»³¹². В ответ ректор Московского университета будущий академик М. А. Мензбир возражал против регламентации и контроля, требовал сохранить университетскую автономию и свободу преподавания. Академик Н. Я. Марр, представлявший на совещании Петроградский университет, был «утешен тем, что услышал от представителей вла-

309 Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 37. С. 77.

310 Покровский М. Н. Избранные произведения. С. 48.

311 Протоколы ОС АН. 1918. С. 130. § 187.

312 Цит. по: Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы (1917–1938). С. 106, 110.

стей» и призывал: «Давайте работать вместе, и я думаю, что мы скоро договоримся»³¹³. В конечном счете, представители РАН способствовали принятию компромиссных решений, предусматривавших: «полную свободу преподавания наук и проведения взглядов и идей всякого направления», «открытие во всех университетах кафедры по изучению социализма», избрание профессоров на определенный срок, участие студентов в решении всех вопросов, кроме выборов преподавателей и присуждения степеней, бесплатное образование с выдачей стипендий нуждающимся. Отвергнуто было предложение о создании научной ассоциации, которая, по словам его противников, «обезначила» бы учебную ассоциацию³¹⁴. В целом проект Наркомпроса был отвергнут.

Для выработки нового положения была создана комиссия во главе с М. Н. Покровским, куда вошли и представители академической группы, отстаивающие традиционные формы выборов профессуры и научной деятельности без планирования и ежегодных отчетов. Разработанный ими альтернативный проект, посланный «на места для обсуждения» вместе с проектом Комиссии, получил наибольшую поддержку профессорско-преподавательского корпуса. Профессура Московского университета считала вообще несвоевременным всякое реформирование: «...в момент величайшего кризиса надо спасать высшую школу, а не бросать ее в политический круговорот»³¹⁵.

Второе совещание по реформе высшей школы проходило с 4 по 28 сентября 1918 г. в обстановке «красного террора». Однако репрессии не запугали профессуру. Не помогло руководителям из Наркомпроса и то, что было обеспечено равное представительство делегатов от студентов и профессорско-преподавательского корпуса. Было отвергнуто многое даже из проекта «академической группы», подтверждена автономия вузов, не прошло разделение университета на научную, учебную и просветительскую ассоциации, сохранены факультеты как основные структурные подразделения в вузах, введен десятилетний срок избрания профессоров и преподавателей, провалена коллегиальность управления и сохранен принцип единоначалия деканов и ректоров³¹⁶. Вместе с тем благодаря поддержке студентов было признано необходимым их участие в органах управления. Наметилась и небольшая группа преподавателей,

313 Залесский А. М. Совещание по реформе высшей школы в июле 1918 г. в Москве (Воспоминания делегата) // Труды Ленинградского политехнического института. Вып. 190. Л., 1957. С. 130.

314 Протоколы 1-го Всероссийского съезда по просвещению, созванного Народным комиссариатом по просвещению в Москве 25-го августа 1918 г. М.: Отд. съездов Нар. ком. по просвещению, 1919.

315 Там же. С. 17.

316 Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. С.118–119.

поддержавших отмену дипломов и конкурсных экзаменов. В основном это были «не остепененные» преподаватели из недавно созданных технических институтов, поддержки которых Наркомпрос добился путем их противопоставления наиболее авторитетной и квалифицированной части профессуры.

Вместе с тем ректоров по-прежнему избирали, и столичные университеты возглавили представители прежней профессуры: Московский — биолог М. М. Новиков, Петроградский — астроном А. А. Иванов, а затем биолог, академик В. М. Шимкевич.

Предпринимались попытки сохранить Петроградскую духовную академию, которая, по мнению П. К. Штенберга, не должна была существовать даже в качестве частного учреждения. Академик Н. Я. Марр с согласия ректора ПГУ Э. Д. Гримма обратился в Совнарком с предложением присоединить Духовную академию к университету в качестве богословского или религиозно-философского факультета. В конце июня С. Ф. Ольденбург получил ответ от Управляющего делами Совнаркома Н. П. Горбунова, который просил передать Н. Я. Марру, что «Совет народных комиссаров относится сочувственно к мысли об образовании религиозно-философского факультета при Петроградском университете и просит Академию наук сообщить свой отзыв в виде записки по этому предмету»³¹⁷. В пользу вливания Духовной академии в университет высказывался и А. В. Луначарский.

В данном случае руководство РАН не пожелало брать на себя инициативы, оказывая тем не менее поддержку составленному Н. Я. Марром ходатайству университета в советское правительство и пытаясь сохранить знаменитый центр высшего богословского образования. Но радикалы взяли верх. Ситуацию усугубила внезапная кончина 7 июля 1918 г. ректора Петроградской духовной академии, епископа Ямбургского Анастасия. В декабре 1918 г. столичная духовная академия прекратила свое существование. Все ее имущество, включая здание и уникальную библиотеку, были национализированы, и многие книги потом погибли. Эти события прямо отозвались на судьбе многих членов РАН, преподававших в Духовной академии как светские, так и церковные дисциплины. В одночасье без учеников, а порой без возможности продолжать исследований и даже без средств для выживания остались: академик, славист И. С. Пальмов; члены-корреспонденты РАН — историки А. И. Бриллиантов, Н. Н. Глубоковский, П. Н. Жукович и славист И. Е. Евсеев. На помощь последнему пришла РАН. Созданная И. Е. Евсеевым в Духовной

³¹⁷ Шкаровский М. В. Закрытие Духовной академии, семинарии и Духовных училищ в годы революционных потрясений. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/7621/> (Дата обращения: 04.06.2020).

академии Комиссия по научному изданию славянской Библии перешла в ведение ОРЯС и вопреки тяжелейшим условиям продолжала работать до неожиданной его смерти 26 февраля 1921 г.

Разгневанный сопротивлением профессуры из элитных вузов Покровский объявил теперь уже и университеты «самым архаичным типом школы»³¹⁸. Не получив их поддержки, Наркомпрос встал на путь реформ путем декретов и распоряжений. Осенью последовало распоряжение Комиссариата по просвещению Союза коммун Северной области о закрытии частных образовательных курсов для взрослых «вследствие замеченной спекуляции и наживы» их содержателей «на святом деле просвещения народа»³¹⁹. Кощунствовать ученым над святынями чиновники из Наркомпроса никак не могли позволить и создали взамен примерно 40 закрытых курсов для взрослых. Это были вечерние курсы по подготовке трудящихся к поступлению в вузы, которые должны были обеспечить поворот высшей школы на путь служения пролетариату. Еще раньше, 2 августа 1918 г. Совнарком принял декрет «О правилах приема в высшие учебные заведения». Отныне вводился неограниченный доступ всем желающим, с сопутствующим замечанием Ленина о преимущественном приеме представителей пролетариата и беднейшего крестьянства, если нет возможности принять всех желающих³²⁰. Это решение разрушило высшее образования, создав преимущество не знающим, а «социально близким». Власти строго следили, чтобы не было никаких проверочных испытаний при зачислении в вузы. Начиная с 1919 г. в вузах стали создаваться рабочие факультеты (рабфаки). Классовый принцип был положен в основу всей работы, связанной с приемом студентов. «Бывшим» доступ в вузы был жестко ограничен, а то и вовсе закрыт. Высшая школа фактически лишилась автономии.

Важным шагом по разрушению профессорско-преподавательского корпуса стала законодательная отмена 1 октября 1918 г. ученых степеней и званий, что означало лишение профессуры символов научного авторитета, прав и привилегий и облегчало ее замену людьми, верными новой власти и ее идеологии. Отныне все преподаватели высшей школы, проработавшие не менее трех лет, получали звание профессора, а потребности в кадрах удовлетворялись благодаря «всероссийским конкурсам» при широком участии советской общественности³²¹. Излишними становились прежние механизмы научной аттестации, хотя старые препода-

318 Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. С. 120.

319 Вестник народного просвещения Союза коммун Северной области. 1918. № 2–3. С. 7.

320 Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 37. С. 34.

321 Иванов А. Е. Ученое достоинство в Российской империи. XVIII — начало XX века. М.: Новый хронограф, 2016. 656 с.

ватели пытались бойкотировать этот декрет, сохранив диссертационные диспуты, завершаемые формулировкой не о присвоении степени, а об успешной защите диссертации.

18 декабря 1918 г. Наркомпрос принял решение об общих собраниях студентов и Совете студенческих старост, на который возлагалось осуществление студенческого самоуправления и представительства студентов в Советах вузов, факультетов. Через четыре дня вышло постановление Наркомпроса об упразднении юридических факультетов. В марте 1919 г. приступили к объединению гуманитарных и юридических факультетов в ФОНы (факультеты общественных наук), во главе которых была поставлена просоветски настроенная профессура. Для ускоренной подготовки марксистских кадров обучение сократилось до трех лет. Но наряду с чтением новой профессурой курсов по «теории социализма» и «истории социалистических идей» старая профессура не только продолжала свои прежние курсы, но и разрабатывала новые, весьма далекие от марксизма. Несколько лет Государственный ученый совет, созданный 2 февраля 1919 г. как «программно-методический и плановый центр» Наркомпроса, ничего не мог поделать с подобной стихией.

Таким образом, большевики, понимая значение высшего образования для подготовки будущих пролетарских кадров, в первую очередь стремились облегчить поступление в университеты и занятие кафедр своим сторонникам. Здесь им были нужны не просто лояльные ученые, а активные проводники их политики. Но наряду с этим реализовывались и планы ученых РАН по развитию системы высшего образования и расширению его географии. Уже в 1918 г. в стране было организовано несколько университетов, среди них — Астраханский, Воронежский, Екатеринославский, Иркутский, Костромской, Нижегородский, Самарский, Смоленский, Тамбовский, Ярославский. Начали создаваться университеты в национальных республиках: Тбилисский (1918) и Туркестанский (1918). В организации некоторых из них прямо или косвенно участвовали члены РАН. Так, на базе эвакуированного Юрьевского университета в Воронеже был создан университет, ректором которого стал известный славист и византист, член-корреспондент В. Э. Регель. Академик В. Н. Перетц активно участвовал в создании Самарского университета, был деканом его историко-филологического факультета. Он привлек академика В. А. Стеклова к организации физико-математического факультета и настойчиво уговаривал академика А. А. Шахматова покинуть голодный Петроград и переехать в Самару³²². В письме Шахматову от 14 ноября он писал: «<...> я руковожу организацией Самарского университета — без меня, старей-

322 Алексей Александрович Шахматов С. 679, 680, 703 и др.

шего в здешней корпорации, это дело невозможно наладить»³²³. 14 июня 1918 г. КЕПС командировала А. Е. Ферсмана в Нижегородский университет для оказания помощи в организации научных лабораторий³²⁴.

Покинувшие Петроград академики при первой возможности старались устроиться в провинциальные университеты. 20 мая А. М. Ляпунов, уехавший на юг, был избран почетным профессором Новороссийского университета³²⁵. Академик Н. И. Андрусов, командированный в Новороссию для ознакомления с коллекциями млекопитающих из третичных отложений, в августе занял кафедру геологии в Таврическом университете³²⁶, организованном 11 мая 1918 г. в связи с притоком интеллигенции в Крым. Университет в Ливадии стал филиалом Киевского университета во главе с Д. А. Граве. В июле 1918 г. председателем и членом Попечительского совета был назначен С. С. Крым, который еще в 1916 г. разработал законопроект о его учреждении, поддержанный примерно 30 членами Государственного совета, включая В. И. Вернадского. Во время немецкой оккупации университет перевели в Симферополь, где 14 октября 1918 г. состоялось его торжественное открытие. Затем власть в Симферополе менялась несколько раз. Тем не менее университет, учрежденный губернским земством, не только выжил, но год спустя правительство А. И. Деникина признало его первым государственным университетом, учрежденным в России после февраля 1917 г. Его профессорско-преподавательскому корпусу позавидовал бы любой знаменитый университет мира. Здесь работали будущие академики члены-корреспонденты РАН/АН СССР: математики Н. С. Кошляков, Н. М. Крылов, В. И. Смирнов; биологи Н. И. Кузнецов, В. И. Палладин, П. П. Сушкин; геологи В. А. Обручев, Д. И. Щербаков; физики А. Ф. Иоффе, И. Е. Тамм, Я. И. Френкель. С сентября 1920 г. по февраль 1921 г. ректором университета был В. И. Вернадский.

Инициатором создания новых университетов по-прежнему оставалось научное сообщество. Гражданская война не позволяла власти всерьез заняться реформой вузов и преодолеть сопротивление профессорско-преподавательского корпуса. Подготовив и выпустив ряд декретов Совнаркома, Наркомпрос занялся текущими делами, оставив на будущее коренную реорганизацию высшей школы. Конечно, профессора, как и другие члены ученого сословия, в полной мере испытали все тяготы лихолетья, но большинство из них остались на своих местах. В отношениях с профессорами и преподавателями руководители Наркомпроса,

323 Там же. С. 673.

324 Летопись РАН. Т. IV. С. 331.

325 Там же. С. 330.

326 *Онопrienko В. И.* Николай Иванович Андрусов. М.: Наука, 1990. С. 119.

по признанию Луначарского, старались избежать такого развития событий, которое «привело бы к болезненному для нас и губительному для них конфликту»³²⁷. В октябре 1918 г. Луначарский предоставил университету документ, освобождающий научный и преподавательский корпус от трудовой повинности и защищающий их от реквизиций и обучения военному делу³²⁸. Профессора и академики старше 45 лет обеспечивались по запросу университета продовольственными карточками 1-й категории. Параллельно власть вовлекала РАН и университет в дискуссии об оплате интеллигентного труда, которая назначалась с одобрения С. Ф. Ольденбурга и ректора А. А. Иванова³²⁹.

Властные структуры все настойчивее требовали от РАН просветительской деятельности. 13 ноября 1918 г. ОФМН поручило А. Н. Крылову представлять РАН в комиссии Главного гидрографического управления по «изданию для народа энциклопедии по географическим делам»³³⁰. РАН приняла предложение ректора ПГУ А. А. Иванова об участии в научно-просветительской деятельности на Васильевском острове, поручив В. А. Стеклову курировать эту работу³³¹. 26 ноября 1918 г. академики А. С. Лаппо-Данилевский и А. А. Марков получили разрешение от Общего собрания РАН читать лекции в Петроградском университете³³². В дальнейшем лекции стали читаться и в близлежащих к Петрограду городах, а затем лекторы (В. Н. Бенешевич, Н. А. Булгаков, Д. И. Дейнека, В. А. Догель, С. П. Кравков, В. Е. Тищенко, П. Ю. Шмидт и др.) выезжали с лекциями в Симбирск, Вятку, Калугу и даже Ташкент³³³.

В феврале 1919 г., когда праздновался столетний юбилей Петроградского университета, Луначарский призвал собравшихся в зале запомнить день, когда «несмотря ни на какие недоразумения, представитель рабоче-крестьянского правительства явился сюда, чтобы отвесить поклон перед университетом»³³⁴. Отвечая ему от имени университета, В. М. Шимкевич выразил готовность «строить все сызнова и без всякого напряжения с властями». Но «сызнова» Наркомпрос начнет выстраивать отношения с вузами и профессурой ровно через два года, когда выгонит

327 Луначарский А. В. Речь на чествовании М. Н. Покровского в связи с его 60-летием // На боевом посту марксизма. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1929. С. 17–18.

328 Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи. С. 742.

329 Там же. С. 743.

330 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1918. Д. 165. Л. 267 об.

331 Протоколы ОС АН. 1918. С. 191. § 258.

332 Там же. С. 210. §§ 295–296.

333 Мендель С. А. Культурно-просветительская деятельность ученых Петроградского университета в первые годы Советской власти // Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. 1. Л., 1962. С. 140–158.

334 Красная газета. 1918. 22 февраля.

из университета практически всю прежнюю профессуру по гуманитарным наукам и ликвидирует остатки автономии высшей школы. В 1918 г. власть еще должна была учитывать, что наука ей нужна позарез, а заменить профессуру и академиков некем, и поэтому продолжала относительно их действовать скорее пряником, чем кнутом, обеспечив всех преподавателей вузов карточками по 1-й категории и по возможности защищая от репрессий.

Свой путь в поисках сотрудничества с советской властью прошли и провинциальные университеты, которые оказались в особенно трудном положении, так как находились на территориях, ставших ареной баталий Гражданской войны. Типична в этом отношении судьба Казанского университета. После занятия Казани войсками Народной армии Самарского Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧа) университетская профессура практически единодушно поддержала КОМУЧ; открыто выступил в его поддержку и Совет Казанского университета, заявив об этом в принятой без прений на заседании от 16 августа 1918 г. резолюции и организовав сбор единовременных денежных пожертвований «для нужд народной армии»³³⁵. Это способствовало активному проявлению внимания самарского правительства к проблемам образования и науки. В сентябре 1918 г. в Казани состоялся съезд по вопросам высшего образования Ведомства народного просвещения, проведенный «в целях скорейшего и всестороннего разрешения вопросов, выдвинутых на очередь в области образования свержением советской власти»³³⁶. Но уже 10 сентября 1918 г. в Казани снова установилась советская власть, и более сотни человек из профессорско-преподавательского и административно-управленческого состава университета, ушли вместе с белыми³³⁷. Председатель ЧК Восточного фронта М. И. Лацис буквально на следующий день, 11 сентября, вызвал на допрос членов Совета университета и приказал каждому, финансировавшему мобилизацию казанцев в Народную армию, сдать сумму на нужды Красной армии, десятикратно превышавшую пожертвованную ими ранее. Несколько профессоров выступили в печати с покаянием и признанием власти большевиков³³⁸. В итоге 1918/19 учебный год оказался «самым нежизненным» годом в университете: «Посредственный, средний, неактивный в политическом отношении элемент из среды профессоров и преподавателей и разнокалиберная молодежь на первом курсе — вот приблизительная физио-

³³⁵ НА РТ. Ф. Р-1337. Оп. 2. Д. 2. Л. 205.

³³⁶ Там же. Л. 218.

³³⁷ Корбут М. К. Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05 — 1929/30). Т. 2. С. 303.

³³⁸ Литвин А. Л. Ученые Казанского университета во время смены политических режимов. С. 125–136.

номия казанских вузов в первый год после чехо-словаков. Цепь старой школы прервалась»³³⁹. Если в 1915 г в университете было 72 профессора, то в 1919 г. их количество выросло до 100 за счет того, что профессорское звание получили почти все приват-доценты³⁴⁰. Юридический факультет был закрыт 8 января 1919 г., а ФОН открыт в апреле 1919 г.

Понимая значение высшего образования для подготовки будущих пролетарских кадров, а власть первую очередь стремилась облегчить поступление в университеты и занятие кафедр своим сторонникам. Здесь ей были нужны не просто лояльные ученые, а активные проводники их политики. Но Гражданская война не позволила плотно заняться реформой вузов. Подготовив и выпустив ряд декретов Совнаркома, Наркомпрос занялся текущими делами, оставив на будущее коренную реорганизацию высшей школы. И хотя профессора, как и другие члены ученого сословия, в полной мере испытали все тяготы лихолетья, большинство из них осталось на своих местах. Сохранена была выборность ректоров университетов и деканов.

Цифры бурного роста вузов и научных учреждений различного профиля не раз использовались для иллюстрации благотворного влияния революции на культуру, науку и образование. Не менее значимым было образование нескольких центров власти на территории бывшей Российской империи, что привело к противоборству государственных образований с собственными атрибутами государственности. Каждое правительство или местный Совет считали престижным обзавестись своими университетом, академией, научным обществом. Но многие из вновь созданных научных учреждений или вузов вряд ли могли быть названы таковыми. Порой это было учебное заведение, где два-три бывших учителя гимназии учили студентов арифметике и русскому языку. Часто, как это было, например, в Баку, и некому было преподавать, и некого было учить³⁴¹. Во многих вузах обучение обеспечивалось «привозными» преподавателями из Москвы и Петрограда, для чего между ними и новыми «университетскими центрами» курсировали специальные вагоны-теплушки для перевозки столичной профессуры. Но ходили они не регулярно, и занятия срывались.

339 Корбут М. К. Казанский государственный университет... С. 303–304.

340 «Личный состав Казанского университета» [Машинопись]. Фонд Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского университета.

341 Байков Б. Л. Воспоминания о революции в Закавказье (1917–1920 гг.) // Архив русской революции / Изд. И. В. Гессен. Т. 9. Берлин, 1923. С. 157.

2.8. ГОЛОД, ТЕРРОР И КАДРОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Неблагоприятные условия отражались на академическом корпусе в Петрограде и общей численности членов РАН. В феврале 1918 г. Н. И. Андрусов писал В. И. Вернадскому: «Академиков тут теперь ровно половина»³⁴², добавляя, что из возглавляемого В. И. Вернадским Геологического и Минералогического музея им. Петра Великого «...начинается паническое бегство», а ОФМН тоже тощее³⁴³. Вскоре на Юг уехал сам Н. И. Андрусов. У гроба художника Н. Н. Дубовского, умершего в 58 лет от сердечного приступа. И. П. Павлов сказал: «Я завидую тебе. Ты более не видишь нашими слабыми, земными глазами все растущего раздражения и опозорения Родины»³⁴⁴.

Обстановка в самом Петрограде — голод, холод и красный террор — отрицательно воздействовала на состав РАН, уменьшалось число активно действовавших ее членов. Хотя Общие собрания РАН происходили гораздо чаще, чем в предыдущие годы, академики, по существу, были неправомочны принимать какие-то решения из-за отсутствия кворума. Количество собравшихся иногда не дотягивало до трети списочного состава. Так, на Общих собраниях 13 и 24 января 1918 г. присутствовало всего 14 академиков, в том числе только трое (Н. И. Андрусов, М. А. Рыкачев и В. А. Стеклов), состоящие в ОФМН. В какой-то степени это связано с отъездом части академиков на постоянное место жительства в Москву, куда была вскоре перенесена столица, но большинство отсутствовавших предпочитали жить в провинции, нередко контролируемые антисоветскими силами, часто враждовавшими не только с большевиками, но и между собой

Но нигде не удавалось скрыться от социальных потрясений даже тем, кто давно разочаровался в политической жизни. Почетный академик К. А. Поссе еще накануне революции уехал в провинциальный Хвалынский Саратовской губернии, и его ожидания не выходили за круг притязаний обывателя — покой и занятие математикой в качестве преподавателя в местном военном училище. Но этим скромным мечтам не суждено было сбыться. Он не может найти разумного объяснения разворачивающимся событиям. Везде ему видятся знаки Апокалипсиса. В письме от 7 марта 1918 г. к академику Н. С. Таганцеву раздается прямо-таки «летописный плач», не звучавший в России со времен нашествия Батгья: «Воистину счастливы только те, кого больше нет на свете, но счастье мертвецов не облегчает живых, не знающих, какие ужасы еще

342 АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 45. Л. 47.

343 Там же. Л. 49.

344 СПбФ АРАН. Ф. 259. Оп. 7. 1а. Д. 3. Л. 1.

придется им пережить»³⁴⁵. В мае 1918 г. А. А. Марков сообщал В. А. Стеклову: «Чтобы не пропасть осенью с голоду, я принимаю здесь участие в двух огородных предприятиях; один огород называется показательным и находится под покровительством комиссаров, ...пока на этом будущем огороде мы с Андрюшей выкапываем ломачами камни, так как он устраивается на замощенном дворе»³⁴⁶. Столь неудобное место для организации огорода комиссары, видимо, дали академику в целях его «трудового воспитания». Из подмосковного Серпухова академик В. М. Историн писал коллеге А. И. Соболевскому: «<...> не знаю, что сказать в утешение, ибо утешаться решительно нечем: все погибло и погибает.<...> Мы в полном отчаянии — что делать? Вести из Петрограда ужаснейшие: <...> голодная смерть. Но и здесь теперь не лучше: по мнению сведущих людей, в ближайшем будущем и здесь <...> голод. Да и теперь платить 300 р. за пуд муки и 40 р. за меру картофеля — не хватит содержания, которого, кстати сказать, уже два месяца не присылают. Отовсюду только слышишь утешение: умершим теперь лучше»³⁴⁷.

На бытовые невзгоды и страдания от голода все сильнее накладывался страх расправы. Хотя расстрелы практиковались с первых дней советской власти, смертная казнь была узаконена лишь 18 февраля 1918 г. постановлением ВЦИК, а 21 февраля 1918 декрет СНК «Социалистическое Отечество в опасности» дал ВЧК право расстрела на месте без суда и следствия, в том числе «работоспособных членов буржуазного класса, мужчин и женщин» в случае отказа рыть окопы. По сути дела, внедрение принудительного труда для интеллигенции изначально осуществлялось под угрозой смертной казни. Н. И. Андрусов в марте с отчаянием пишет В. И. Вернадскому: «Мы живем как в бедламе <...> Разобрать ничего не могу: мир ли, война, мобилизация или демобилизация <...> Пока на Академию современные Аттилы прямого нападения не учинили»³⁴⁸. Но геолог уже предчувствовал приближающиеся гонения. И он не ошибся. 16 июня 1918 г. Наркомюст разрешил Ревтрибуналам выносить смертные приговоры, и заработал «кровавый конвейер», на который все чаще попадали представители научной интеллигенции, связанной до революции с крайне правыми или кадетами.

Одним из первых среди академиков летом 1918 г. был арестован лингвист А. И. Соболевский, которого не спасли реверансы в сторону большевиков и активное сотрудничество с ними в Московском универ-

345 Из Хвалынского в Петроград. Письма К. А. Поссе к Н. С. Таганцеву и В. А. Стеклову (1917–1918). С. 381.

346 Стеклов В. А. Переписка с отечественными математиками. С. 235.

347 Нестор славянских филологов // Культура как наука. URL: <http://www.culturescience.ru/>. (Дата обращения: 20.06.2019).

348 АРАН. Ф. 518. Оп. 3. Д. 45. Л. 48.

ситете, где он в 1918 г. начал читать новый курс «Историческая этнография Руси», и преподавание в Московском археологическом институте³⁴⁹. Только заступничество ученых спасло ему жизнь. Его освободили под личное поручительство церковного историка, член-корреспондента С. А. Белоусова, но дело Московский ревтрибунал не прекратил, оставив Соболевского под подпиской о невыезде из Москвы. Под угрозой внезапного ареста и расстрела он оставался до конца жизни³⁵⁰.

Большевики, стремясь сломить нарастающее сопротивление, перешли к политике массового террора. Петроград был более последователен, чем Москва, в унижении и преследовании интеллигенции. После убийства Урицкого Г. Е. Зиновьев призвал принять меры против поднявшей голову контрреволюции и предоставить рабочим право расправляться с интеллигенцией по-свойски, прямо на улице³⁵¹. 31 августа 1918 г. было проведено межрайонное совещание «по вопросу о проведении террора в связи с покушением на товарища Ленина», принявшее решение ввести институт заложников³⁵². Постановлением СНК от 5 сентября 1918 г. о «красном терроре» начались массовые аресты и расстрелы. В тот же день нарком внутренних дел Г. И. Петровский приказал брать заложников. За сентябрь было расстреляно 6185 человек, преимущественно из образованных слоев.

Летом 1918 г. были арестованы три почетных академика РАН за принадлежность к дому Романовых, великие князья: историк и председатель Русского исторического общества и Русского географического общества Николай Михайлович; его брат, нумизмат и председатель Русского генеалогического общества Георгий Михайлович и Павел Александрович. 9 января 1919 г. Президиум ВЧК в составе Я. Х. Петерса, М. И. Лациса, И. К. Ксенофонтова и секретаря О. Я. Мурнека утвердили смертный приговор относительно всех арестованных Романовых в Петрограде. За смягчение участи Николая Михайловича ходатайствовали руководство РАН, М. Горький, А. В. Луначарский, председатель Вологодского губисполкома Ш. Элиави и даже САОН. Хотя Совнарком на заседании 16 января 1919 г. отложил решение этого вопроса, лично В. И. Ленин утвердил приговор с припиской «революция не нуждается в историках»³⁵³. 28 января 1919 г. в Петрограде Николая Михайловича расстреляли вместе с Георгием Михайловичем и Павлом Александровичем в ответ «на

349 Никитин О. В. Научное наследие академика А. И. Соболевского в научной культуре России. С. 372–373.

350 Протоколы ОС. РАН. 1918. С. 141. § 217.

351 Стасова Е. Д. Страницы жизни и борьбы. М.: Госполитиздат, 1960. С. 105.

352 Латышев А. Г. Назначить заложниками // Куранты. 1993. 10 июня.

353 Александр Михайлович. Великий князь. Книга воспоминаний. Париж, 1933. URL: <http://militera.lib.ru/memo/0/one/russian/a-m.rar/>. (Дата обращения: 06.06.2019).

злодейское убийство в Германии товарищей Розы Люксембург и Карла Либкнехта».

Были также арестованы, а затем зверски убиты трое сыновей (Иоанн, Константин и Игорь) великого князя Константина Константиновича, возглавлявшего ИАН более четверти века и много сделавшего для развития отечественной науки. Удалось спасти только его второго сына — князя императорской крови, Гавриила Константиновича, — благодаря заступничеству почетного академика Алексея Максимовича Горького, использовавшего свой авторитет и дружеские связи с большевиками. Обращаясь к В. И. Ленину 18 ноября 1918 г. с призывом освободить Гавриила Константиновича, Горький старался внушить председателю Совнаркома, что он больший рационалист и реалист, чем вожди революции, считавшие себя прагматиками. Горький вопрошал Ленина: «Зачем фабриковать мучеников? Это вреднейший род занятий вообще, а для людей, желающих построить свободное государство — в особенности», и добавляет с иронией: «К тому же немножко романизма никогда не портит»³⁵⁴. Это была одна из редких удачных попыток М. Горького смягчить участь ученых, ставших жертвами репрессий в условиях разгула преступности, культивирования классовой ненависти для оправдания террора.

29 сентября 1918 г. по распоряжению Ф. Э. Дзержинского был первый раз арестован один из учредителей партии кадетов, историк, член-корреспондент РАН А. А. Кизеветтер. За его освобождение ходатайствовал Совет старост МГУ. 19 января 1918 г. его освободили из-под стражи по распоряжению члена коллегии ВЧК М. Я. Лациса³⁵⁵. Другой член-корреспондент и активный деятель кадетской партии Н. И. Кареев — крупный историк и социолог — был в середине сентября 1918 г. арестован вместе с семьей в Зайцеве (в имении его родственника О. П. Герасимова в Смоленской губернии) и несколько дней находился под домашним арестом. Согласно Ф. Ф. Перчёнку, в конце 1918 г. в Петрограде впервые был арестован всемирно известный филолог-эллинист и палеограф, член-корреспондент РАН Григорий Филимонович Церетели³⁵⁶.

С осени 1918 г. руководителям РАН все чаще приходилось действовать ради спасения ученых. Они писали ходатайства и обращались в Совнарком, ВЧК, Наркомпрос с просьбами освободить из заключения не только академических ученых, но и исследователей, работавших в других учреждениях. Для их защиты руководство академии использовало

³⁵⁴ Горький М. Неизданная переписка. 1998. С. 103.

³⁵⁵ Просим освободить из тюремного заключения (Письма в защиту репрессированных) / Сост. В. Гончаров, В. Нехотин. М.: Современный писатель, 1998. С. 18–21.

³⁵⁶ Перчёнок Ф. Ф. «Дело Академии наук» и «великий перелом» в советской науке. С. 251.

личные связи с влиятельными большевиками, которых приходилось убеждать в целесообразности поручительства за освобождаемых. 7 октября 1918 г. Ольденбург, направляя письмо Луначарскому с благодарностью за содействие освобождению из-под стражи приват-доцента Московского университета Д. П. Рябушинского, одновременно просил наркома командировать его за границу³⁵⁷. Рябушинский впоследствии успешно работал в созданном им Аэродинамическом институте Парижского университета. Далеко не всегда ходатайства удовлетворялись

С осени 1918 г. ученые в полной мере испытывали иные тяготы времени, помимо преследования властей: голод, холод, инфекционные болезни, острый недостаток в одежде, обуви, отсутствие элементарных условий для работы. Еще тяжелее были нравственные мучения от обысков, уплотнений жилища, глумления со стороны некоторых представителей власти. Особенно сильно это ощущалось в провинции. От члена-корреспондента РАН Я. В. Илляшевича, командированного в Карелию для сбора сведений по этнографии и о природных ресурсах, Пудожский совет потребовал научный отчет и, не получив такового, счел его бездельником и забрал командировочные удостоверения³⁵⁸. В конце октября академик В. Н. Перетц писал А. А. Шахматову из Самары, комментируя требования властей не только преподавать студентам, но и просвещать массы и давать научную продукцию: «Средств дают мало, но требуют, чтобы вернуть и дать учащимся! Натравливание на митингах на интеллигенцию продолжается — и это при постоянных призывах к совместной работе»³⁵⁹

В столицах было не лучше. Будущий академик Л. С. Берг в письме от 1 октября жаловался, что получил предписание об изъятии квартиры, несмотря на наличие охранной грамоты от Наркомпроса. Взамен ученому предложили три комнаты в здании, представлявшем собой «омерзительный и грязнейший публичный дом, притон всякого рода отбросов столицы», совершенно непригодный «для жилья»³⁶⁰. С горечью ученый заключил, что происшедшее показывает, что для профессора в РСФСР «наиболее подходящим помещением является лупанар». И. П. Павлов, золотые медали которого были реквизированы во время неоднократных обысков, должен был сам добывать дрова и кормить семью с огорода, устроенного им на территории Института экспериментальной медицины.

357 СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1917. Д. 42. Л. 327.

358 Протоколы ОС АН. 1918. С. 151. § 230.

359 Алексей Александрович Шахматов. С. 241.

360 Протоколы ОС АН. 1918. С. 153. § 233.

Все это побудило А. П. Карпинского и С. Ф. Ольденбурга 25 сентября 1918 обратиться к А. В. Луначарскому с письмом (№ 1632), в котором говорилось, что «в настоящее время люди умственного труда находятся в особо тяжелом положении» из-за плохого питания, трудовых повинностей, вторжений в квартиры, грабежей и конфискации³⁶¹. «<...> в их среде наблюдается, по заключению врачей, особо сильное истощение, и ряды их тают с чрезвычайной быстротой вследствие болезней, многочисленных смертей и отъездов за границу». В заключение руководители РАН призывают власть спасти «культурные силы»: прекратить поход «против людей умственного труда», охранять «их безопасность и свободы умственного труда от добавочной трудовой повинности», обезопасить их жилье «от всяких случайных вторжений», принять срочные меры для улучшения питания «переводом всех работников умственного труда в высшие категории». При личной беседе С. Ф. Ольденбурга с А. В. Луначарским 4 октября 1918 г. нарком заверил, что будет создана особая Комиссия из представителей Наркомпроса, Северной Коммуны, вузов и научных учреждений для выработки мер с целью облегчения «положения людей умственного труда»³⁶².

Не лучше себя чувствовал и остальной персонал РАН. 5 ноября 1918 г. вновь созданный Союз служащих академических учреждений обратился к Общему собранию с просьбой выдать им экипировочные деньги и ордена на приобретение «шерстяной ткани, обуви и галош» в связи с тяжелым материальным положением и чрезвычайным подорожанием «носильного платья, белья и обуви»³⁶³.

Но помощи РАН не могла оказать даже академиком, а под нажимом Наркомпроса хотела лишить их права находиться в длительных командировках с целью выживания. Общее собрание РАН, рассмотрев 5 октября 1918 г. ходатайства академиков о продлении командировки (А. М. Ляпунова в Одессу до 1 сентября 1919 г., Н. В. Насонова в Вятскую и Пермскую губернии до 20 мая 1919 г., М. И. Ростовцева до 1919 г. и В. И. Палладина в Крым), обязало всех ученых, находящихся в отпуске или командировках, вернуться к 1 января 1919 г., пригрозив в случае неявки снять их с содержания³⁶⁴. Фактически их вызывали в холодный и голодный Петроград на верную смерть. Но они не собирались этого делать. В. М. Истрин продлил отпуск еще на два месяца по болезни³⁶⁵. Е. Ф. Карский приехал на короткий срок и уехал в Минск, продлив командировку еще на три

361 Там же. С. 156–157. § 241.

362 Там же. С. 157. § 241.

363 Там же. С. 219–220. § 313.

364 Там же. С. 158. § 247.

365 Там же. С. 240. § 329.

месяца, пообещав приезжать на Общие собрания³⁶⁶. Ректор Самарского университета прислал в РАН письмо, в котором отмечал огромную роль академика В. Н. Перетца в организации историко-филологического факультета, столь важной для нового культурного центра, и просил разрешить ему остаться в Самаре до осени 1919 г.³⁶⁷ Сам Перетц в письмах к Шахматову от 12 и 14 ноября и 19 декабря также просил об отсрочке, мотивируя это не только своей интенсивной научно-педагогической деятельностью, но и плохим состоянием здоровья³⁶⁸. Он убеждал, что «питерской голодовки» не выдержит. Просьбу о продлении командировки В. Н. Перетца дважды рассматривали на Общем собрании (26 и 30 ноября), и оба раза она была отклонена. Не подействовал его постскриптум к письму от 12 ноября, зачитанный на Общем собрании 30 ноября 2018 г. Он патетически вопрошал: «Неужели у нас в ОС есть люди столь кровожадные, что под угрозой лишения содержания заставят туберкулезного товарища сейчас же зимой вернуться на голодовку?»³⁶⁹. Впрочем, подобная жесткость Общего собрания, продиктованная требованиями Наркомпроса, не заставила академиков вернуться в Петроград.

Ведь условия в бывшей столице были намного ужаснее, чем в провинции. Уже 23 октября 1918 г. в возрасте 49 лет от истощения скончался один из самых молодых академиков Я. М. Смирнов³⁷⁰. Он стал академиком в предшествующем году, и с его избранием связывали большие надежды на успехи в познании искусства Востока. Поминая его в годичном Отчете, С. Ф. Ольденбург подчеркнул: «Яков Иванович — крупнейшая научная сила в области, где мы считаем людей единицами, — погиб от истощения на почве недостатка питания: поистине часто трагична своей бессмысленностью русская жизнь — как беспечный мот, она расточает драгоценнейшие человеческие силы, точно их у нас непочатый край!»³⁷¹

Подлинный голод и мор начался в декабре 1918 г. Г. А. Князев несколько меланхолично констатировал: «Люди мрут и мрут... От холода и голода... Все словно очумевшие. Рабы. И вид-то такой приниженный, озлобленный. Никто не осмеливается громко и смело заявить протест <...> Никогда не было большего рабства, чем сейчас»³⁷². Голод оказался мощнейшим способом «умиротворения» населения: «По неделям не выдается ни хлеба, ни других продуктов. Подлинный голод. И ничего... И никто не бунтует, не смеет. Пухнут и умирают с голоду и от лишений

366 Там же. С. 240. § 330.

367 Там же. С. 209. § 293.

368 Алексей Александрович Шахматов. С. 671–678.

369 Протоколы ОС АН. 1918. С. 158. § 247.

370 Там же. С. 223. § 318.

371 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 3.

372 Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента... 1993. Кн. 4. С. 128–129.

робко, покорно, по-рабьи». Начиная доминировать инстинкт самосохранения, на остальное не было ни нравственных, ни физических сил.

Профессору Петроградского университета, будущему академику Е. В. Тарле, активно участвовавшему вместе с С. Ф. Платоновым в создании Госархива, в день выдавали фунт овса, и он горько шутил в письме к Грабарю: «...я пока еще не ржу от удовольствия, ибо не привык к новому столу (чуть не написал к новому стойлу)»³⁷³. Юмор висельника и в записи Г. А. Князева от 1 января 1919 г.: «На лошадиный корм перевели, а лошадиных желудков не дали»³⁷⁴. В письме от 1 января 1919 г. Тарле уже не шутит, а с болью говорит: «Голод и холод. Холод и голод <...> ежедневно слышишь о новых и новых смертях от истощения. «Зима стоит еретическая», как выражался покойник протопоп Аввакум»³⁷⁵. А. А. Шахматов писал В. Н. Перетцу 7 января 1919 г.: «Мы здесь голодаем. Жалованье целиком уходит на еду, но есть-то оказывается нечего»³⁷⁶.

Дополнительным источником продовольственной поддержки ученых стала их культурно-просветительская деятельность. Начиная с весны 1918 г. за дополнительные пайки в большой физической аудитории Петроградского университета члены КЕПС Н. М. Книпович, В. Л. Комаров, С. П. Костычев, Л. А. Чугаев, А. Е. Ферсман, Ю. А. Филипченко и др. читали трудящимся лекции, сопровождаемые демонстрацией опытов, по биологии, минералогии и химии. Но некоторые, например С. Ф. Платонов, отказывались читать лекции по «низкому тарифу для просвещения плебса, который все взял у интеллигенции»³⁷⁷. В то же время академики больше и больше втягивались в просветительно-преподавательскую деятельность. Правда, такие «заработки» не всегда спасали ученых. Так, «подорванное лишениями в Петрограде здоровье» известного историка культуры В. А. Беклемишева «не выдержало поездки в Ржев, куда он был приглашен читать публичные лекции» в 1919 г.³⁷⁸

Если, несмотря на все хлопоты и волнения революционного 1917 г., РАН сохранила личный состав, то в 1918 г. она начала трагический отчет своих потерь³⁷⁹, включая пятерых академиков — зоолога В. В. Заленского, математиков А. М. Ляпунова, В. В. Радлова, востоковеда Я. И. Смирнова, ботаника А. С. Фаминцына (12 % списочного состава), и четырех почетных членов — историка литературы А. Н. Веселовского, гидрогра-

373 Письма Е. В. Тарле к В. Э. Грабарю. С. 273.

374 Князев Г. А. Из записной книжки русского интеллигента... 1994. № 5. С. 148.

375 Письма Е. В. Тарле к В. Э. Грабарю С. 274.

376 Алексей Александрович Шахматов. С. 678.

377 СПбФ АРАН. Ф. 283. Оп. 1. Д. 158. Л. 13

378 Personalia. Скончавшиеся в течение последних трех лет (1918–1921) // Наука и ее работники. 1921. № 3. С. 35.

379 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 1–6.

фа К. И. Михайлова, историка С. Д. Шереметева, картографа О. Э. Штубендорфа. Длинен и список ушедших членов-корреспондентов. Среди них историки Н. И. Каптерев, Д. Ф. Кобеко, И. В. Лучицкий, востоковеды Н. И. Веселовский, В. А. Жуковский, О. Э. Лемм, геодезист Н. Я. Цингер, литературовед И. А. Шляпкин, филолог-славист Г. А. Воскресенский. Вот что сказано о самоубийстве А. М. Ляпунова 3 ноября 1918 г.: «Не выдержал тяжелых условий современной жизни и, чувствуя, что останавливается работа его мысли, покончил с собой»³⁸⁰.

Несмотря на неблагоприятную обстановку, РАН пополнилась тремя действительными членами (цитологом и эмбриологом растений С. Г. Навашиним, египтологом Б. А. Тураевым и индологом Ф. И. Щербатским) и тремя членами-корреспондентами — церковным историком П. Н. Жуковичем, историком литературы Б. Л. Модзалевским и физиком А. Ф. Иоффе. Почетным членом был избран В. Г. Короленко. Пополнение не компенсировало понесенные за год потери.

Ежегодный отчет РАН за 1918 г. полно отражает трагизм переживаемых РАН испытаний и настроение ее руководителей. Ольденбург не затушевывал трудности, с болью говорил о гибели коллег, но не терял оптимизма. 29 декабря 1918 г., в разгар Гражданской войны, он говорил о неоправданности тревог о гибели науки из-за непонимания властей и невнимания к ней. «Опасения эти напрасны, — уверял Ольденбург, — ничто и никогда не может остановить науку или заставить ее повернуть вспять, ничто, пока существует жизнь, ибо все изменчиво и преходяще в этой жизни, одно искание истины, т. е. работа науки — неизменно и вечно»³⁸¹.

2.9. ПЕРВЫЕ ИТОГИ АДАПТАЦИИ РАН К НОВЫМ УСЛОВИЯМ

Уже в первый год Гражданской войны академическое сообщество осознало, сколь недальновидно втягиваться в политическое противостояние с новой властью. Прагматичных большевиков-технократов в то время мало интересовало отношение к ним ученых. Им необходимы были внешняя лояльность и квалифицированная экспертиза по вопросам запасов минеральных ресурсов и их разработки, химического оружия, авиа- и автомобилестроения и т. д. Финансировались и развивались те учреждения, которые могли принести практическую пользу.

380 Personalia. Скончавшиеся в течение последних трех лет (1918–1921). С. 35.

381 Отчет о деятельности РАН. 1918 г. 1919. С. 16.

Ученые не могли позволить длительную конфронтацию с большевистской властью и быстро начали выстраивать свои приоритеты в соответствии с ее интересами. Чтобы увеличить ассигнования, они в ущерб профессиональным интересам брались разрабатывать проекты, призванные сохранить и упрочить положение науки в новых условиях. При этом часть членов академии с энтузиазмом включилась в работу правительственных ведомств, надеясь с их помощью реализовать также собственные планы и научные замыслы. Сотрудничество с правительством, первоначально воспринимавшимся как банда насильников, они оправдывали национальными интересами и необходимостью сохранить отечественную науку. От академиков еще не требовали отказа от прежних убеждений и клятв в преданности советской власти, и им казалось, что, участвуя в разработке научно-технических планов правительства, они без труда смогут найти оптимум между «желаниями большевиков и своими представлениями о том, чем должна заниматься наука»³⁸². Академики при этом указывали на необходимость охранять существующие рассадники знаний путем поддержки их деятельности и защищать ученых «от всякого рода посягательств на их свободный труд и формы внутренней организации»³⁸³.

Формирование сети небольших институтов, комиссий, бюро и лабораторий обеспечивало быстрое развитие науки благодаря множественным источникам финансирования. Обозначился интерес большевиков к прикладным исследованиям в области эксплуатации природных ресурсов, здравоохранения, сельского хозяйства. Их начали забирать из ведения политизированных вузов и университетов и реорганизовывать под наблюдением Наркомздрава, Наркомпроса и НТО ВСХН. Особенно интенсивно шла реорганизация сельскохозяйственной науки под эгидой Наркомзема, продолжая цепь непрерывных изменений предшествующих десятилетий.

Бурная институционализация науки и ротация кадров обуславливались не только политическими, идеологическими или, тем более, социально-психологическими причинами (тщеславие ученых, жажда неучей стать научными работниками и т. д.). Не менее важной была экономическая составляющая детерминации. Даже находясь в системе Наркомпроса, отдельные учреждения финансировались отдельно, и в условиях начинавшегося голода дополнительные пайки и выплаты были необходимы, чтобы выжить. Поэтому при высших учебных заведениях создавались независимые научно-исследовательские институты по физике и би-

³⁸² Романовский С. И. Российская академия наук в годы Гражданской войны // Часовой. 1997. № 5. С. 121.

³⁸³ Ленин и Академия наук. С. 54.

ологии, многие научные сотрудники которых одновременно работали и как преподаватели. Система новых исследовательских учреждений в физике и биологии, которые как грибы росли после революции при участии членов РАН, была в немалой степени сформирована необходимостью множественных каналов финансовой поддержки научных исследований и гарантии выживания. Во многих дисциплинах одна и та же ведущая группа исследователей, возглавляемая тем же лидером-организатором, числилась сотрудниками в нескольких учреждениях одновременно.

При кажущейся хаотичности в создании правительством новых научных учреждений на территории РСФСР прослеживались характерные черты. Во-первых, все они были отделены от учебного процесса, т. е. независимы от высших учебных заведений, как и предлагали это сделать ученые в годы Первой мировой войны. Во-вторых, они прямо подчинялись или НТО ВСНХ, или одному из наркоматов. В-третьих, все они носили сугубо прикладной характер и преодолевали академическое разделение наук. Так, в Оптическом институте физики, химии, математики и инженеры действовали совместно, в то время как в Рентгенологическом институте вскоре возникла междисциплинарная смесь геологических, химических, физических и медицинских исследований. В-четвертых, они были радикально нацелены на принципиально новые области исследования, на создание новых образцов техники и технологий. Финансировались и развивались в первую очередь те учреждения, унаследованные от прежнего режима, в которых усматривалась практическая польза

Большинство членов РАН занимало выжидательную позицию, проводя большую часть времени в командировках в провинции. Оставшиеся в Петрограде считали компромисс вынужденным и сохраняли надежду на его временный характер. С. Ф. Ольденбурга, взявшего на себя неблагоприятную роль посредника между РАН и властью, уже тогда осуждали со всех сторон³⁸⁴. Даже те, кто служил у большевиков, не принимали его политику компромиссов, хотя понимали, что, поставив цель спасти академию, он сделался рабом взятого на себя обязательства. Но и большевики не доверяли ему, как и его ближайшим сподвижникам: В. А. Стеклову, ставшему в 1919 г. вице-президентом РАН, и А. Е. Ферсману — ученому секретарю, а в отсутствие В. И. Вернадского фактическому руководителю КЕПС. Особую позицию в диалоге с властями занимал А. П. Карпинский, который заявил С. Ф. Ольденбургу и В. А. Стеклову, что не согласен с ними, но допускает, что они лучше понимают окружающее, и поэтому всегда готов дать «свое имя для подписи»³⁸⁵.

³⁸⁴ Каганович Б. С. Сергей Федорович Ольденбург. С. 69–97.

³⁸⁵ Ольденбург Е. Г. Из дневниковых записей (1925–1930) / Публ. и примеч. М. А. Сидорова, Ю.И. Соловьева // Вестник РАН. 1994. № 7. С. 640.

ЧАСТЬ II.

НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА И РЕВОЛЮЦИЯ

ГЛАВА I.

Научные общества в 1917 г.

1.1. НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА В РОССИИ НА ПОРОГЕ РЕВОЛЮЦИИ

Научные общества, являясь традиционной и достаточно эффективной формой самоорганизации ученых, занимали важное место в системе дореволюционной отечественной науки, способствуя формированию профессионального научного сообщества и повышению уровня общественной активности ученых, а также играли значимую роль в укреплении международных связей российской науки.

До революции в стране успешно работали как городские (Петроградское медицинское общество, Петроградское отоларингологическое общество, Московское математическое общество, Философское общество при Петроградском университете и др.), так и крупные всероссийские общества, среди которых достаточно упомянуть Императорское русское географическое общество, Императорское русское историческое обще-

ство, Императорское московское общество испытателей природы и др. Научные общества не только обеспечивали профессиональную автономизацию и самоорганизацию науки, но и создавали благоприятные условия своим членам, особенно на периферии, для быстрого включения в научные сети в рамках целых областей знаний и были прекрасным средством организации периодических встреч с коллегами на регулярных форумах¹.

Большинство видных российских ученых являлись членами научных обществ, зачастую состоя одновременно в нескольких объединениях. Многие академики возглавляли научные общества, а также являлись их учредителями, почетными и действительными членами. Например, академик А. П. Карпинский был директором Минералогического общества, членом совета Общества естествоиспытателей и членом Русского палеонтологического общества; член-корреспондент Академии наук К. А. Тимирязев являлся активным членом ряда известных научных обществ Москвы и Санкт-Петербурга: Вольного экономического общества, Русского физико-химического общества, Общества естествоиспытателей при Санкт-Петербургском университете, Московского общества испытателей природы, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете.

Система научных обществ активно развивалась в предвоенное десятилетие. Острая потребность в специалистах для растущей промышленности, в преподавателях и других квалифицированных кадрах привела в том числе и к созданию ряда новых научных обществ. До 1914 г. были созданы Русское библиологическое общество, Еврейское историко-этнографическое общество (оба в 1908 г.), Русское общество любителей мироведения (1909 г.), Русское металлургическое общество (1910 г.), Биологическое общество (1912 г.) и др.

Начавшаяся в июле 1914 г. Первая мировая война сказалась на положении науки в стране. Война подтачивала материальную базу научных исследований. Из-за инфляции полученных ассигнований не хватало для обеспечения нормальных условий работы ученых, для закупки книг и необходимого оборудования, а также на текущий ремонт зданий и другие хозяйственные нужды. Некоторые научные общества закрылись с началом войны: Русское общество морского права, Общество классической филологии и педагогики и др.

¹ Колчинский Э. И. Научные сообщества и закат негосударственной науки // Колчинский Э. И., Зенкевич С. И., Ермолаев А. И. и др. Мобилизация и реорганизация российской науки и образования в годы Первой мировой войны. СПб.: Нестор-История, 2018. С. 288.

Тем не менее, несмотря на все трудности, ученые с большим энтузиазмом включились в процесс мобилизации науки. Научные общества, в частности, в соответствии со своим профилем начали выдвигать проекты, направленные на удовлетворение потребностей фронта и тыла, не говоря уже о том, что многие помещения обществ были переданы под госпитали. Так, Вольное экономическое общество создало Особую комиссию для борьбы с дезорганизацией экономики и оказания помощи жертвам войны, которую возглавил бывший президент общества, известный экономист А. С. Посников². В свою очередь, Московское общество сельского хозяйства инициировало всероссийский сбор средств на закупку семян и продуктов для сельских жителей в зоне боевых действий, для эвакуации племенного скота, вывоза инвентаря и машин из западных губерний, обеспечения крестьян сельскохозяйственным оборудованием, химическими удобрениями и т. д.³ Обществом имени А. И. Чупрова для разработки общественных наук при Московском университете совместно с Союзом земств и городов, Московского общества сельского хозяйства, Московского отделения Императорского русского технического общества и др. организаций была создана Комиссия по изучению современной дороговизны, которая стала центром по анализу роста цен и разработке способов борьбы с дороговизной⁴. Императорское русское техническое общество предложило свою программу развития отечественной промышленности⁵.

Кроме того, с конца 1914 г. русские ученые всех специальностей, прежде имевшие широкие заграничные связи и публикации за рубежом, оказались в международной научной изоляции и были вынуждены сосредоточить свои усилия на развитии национальной науки, процесс институционализации которой продолжался, невзирая на войну. Это выражалось в том числе в появлении новых научных обществ, в первую очередь в Петрограде. В частности, при Императорской академии наук в конце 1915 г. «в целях научного объединения русских ботаников» было

- 2 *Tumanova A. S. Learned Societies in Russia During World War I: Creating a "Home Front" // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Book 2: The Experience of War and Revolution / Adele Lindenmeyer, Christopher Read, Peter Waldron, eds. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2016. P. 113.*
- 3 *Туманова А. С. Общественные организации России в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2014. С. 168.*
- 4 *Общество им. А. И. Чупрова (Москва). Комиссия по изучению современной дороговизны. Выработка общего плана работ по изучению современной дороговизны / О-во им. А. И. Чупрова для разработки обществ. наук при Имп. Моск. ун-те, Комис. по изучению соврем. дороговизны. М.: Типо-лит. К. И. Черновой, 1915. С. 3.*
- 5 *Основные нужды русской промышленности. Доклад комиссии по промышленно-сти В. И. Ковалевского // Записки Императорского русского технического общества. 1916. № 5. С. 6–12.*

создано Русское ботаническое общество⁶. В конце января 1916 г. реализовалась наконец идея создания Петроградского общества рентгенологов и радиологов, которая появилась еще в 1913 г. Практически одновременно с этим, 9 февраля 1916 г., был зарегистрирован устав Русского палеонтологического общества, состоявшего из геологов, палеонтологов, зоологов и ботаников. В конце предреволюционного года, 16 ноября, министр народного просвещения П. Н. Игнатьев утвердил устав Общества российских физиологов им. И. М. Сеченова.

Однако масштабному включению научных обществ в мобилизацию промышленности и сельского хозяйства препятствовал сохранившийся с довоенных лет приоритет патерналистских методов управления перед правовыми, который был еще более обоснован в условиях военного времени. Сдерживая развитие гражданского общества в мирное время, в условиях поражений и нарастающего недовольства все это вело к конфронтации власти и общественности, искажая вектор модернизационного процесса, обуславливая, в конечном счете, протекание этого процесса по наиболее радикальному варианту и сползание страны в революцию⁷.

Дальнейшие события показали, что в условиях острого социально-политического и экономического кризиса научные общества оказались вполне жизнеспособной формой самоорганизации ученых. Они быстро адаптировались к функционированию в стремительно меняющихся условиях революционного времени.

1.2. ВОСПРИЯТИЕ НАУЧНЫМИ ОБЩЕСТВАМИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ

Российская интеллигенция, в том числе научная, с большим энтузиазмом встретила падение царизма. В научных обществах Петрограда также царило воодушевление. На первом же собрании Русского общества любителей мироведения, состоявшемся после низложения царской власти, известный русский астроном Д. О. Святский сообщил о «ряде приветствий, поступивших в общество на имя председателя Н. А. Морозова по случаю совершившегося в России государственного переворота»⁸. Николай Алек-

⁶ Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 125. Оп. 1. Д. 65. Л. 45.

⁷ См. об этом: *Туманова А. С.* Рецепция европейского права в формировании законодательных основ функционирования общественных организаций в Российской империи // *Гражданское общество в России и за рубежом.* 2011. № 1. С. 36.

⁸ Журнал 76-го годового общего собрания Русского общества любителей мироведения 21 марта 1917 г. // *Известия Русского общества любителей мироведения.* 1917.

сандрович Морозов был известным борцом за свободу, революционером-народником, который долгие годы провел в заключении в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Когда Н. А. Морозов прибыл на это же заседание общества, «собрание устроило бурную овацию»⁹.

Однако не все ученые были столь восторженны; напротив, переживаемые события вызывали беспокойство. Так, президент Русского ботанического общества, академик И. П. Бородин писал: «Время очень тревожное... Что будет? Поживем — увидим, но на душе не весело»¹⁰; «Надо быть большим оптимистом, чтобы спокойно смотреть в глаза даже ближайшему будущему»¹¹.

Общество русских врачей в память Н. И. Пирогова (Пироговское общество) организовало внеочередной Конгресс русских врачей в Москве 4–8 апреля 1917 г. На конгрессе были высказаны некоторые сомнения относительно состоятельности Временного правительства, а Петроградский совет, напротив, представлялся участникам конгресса гарантом решительной и полной демократизации страны, выступавшим против любых попыток контрреволюции¹².

События октября 1917 г. сначала не нашли отклика в среде научных обществ. В протоколах первых после «вооруженного восстания» собраний научных обществ практически полностью отсутствуют какие-либо упоминания о произошедшей смене власти. Вероятно, это объясняется тем, что для большинства жителей Петрограда данные события остались почти незамеченными, так как никаких демонстраций на улицах не происходило. Не приходится сомневаться в справедливости утверждения известного публициста А. С. Изгоева: «Захват власти большевиками 25 октября в первые дни не произвел на широкие круги петроградского населения никакого впечатления»¹³. Впрочем, и во многих регионах страны понимание всей значимости произошедших в столице событий пришло далеко не сразу.

Интеллигенция не верила в долговечность успеха большевиков, и многие надеялись на скорую нормализацию политической обстановки в стране.

Примечательно, что и научные общества не сразу отреагировали на Октябрьскую революцию. Например, Общее собрание Русского общест-

Т. 6. № 2 (26). 1917. С. 143.

9 Там же. С. 145.

10 СПбФ АРАН. Ф. 125. Оп. 1. Д. 71. Л. 19.

11 Там же. Л. 20 об.

12 Чрезвычайный Пироговский съезд // Медицинское обозрение. 1917. Т. 87. № 11–12. С. 423–425, 429–430.

13 Изгоев А. С. Пять лет в Советской России // Архив русской революции. Т. 10. М.: Терра, 1991. С. 20.

ва любителей мироведения состоялось на следующий день после революции, 27 октября 1917 г. Заседание, включавшее три научных доклада, было рядовым. Тем не менее на нем присутствовали только 15 человек (14 действительных членов общества и один член-корреспондент)¹⁴. Гостей на этом собрании не было, в отличие от предыдущих шести собраний в 1917 г., где гостей было от 10 до 22, а общее количество присутствующих составляло от 32 до 50 человек. Однако уже на следующем заседании 26 ноября 1917 г., которое состоялось в дневное время, несмотря на то что это был понедельник, происходило обсуждение проекта нового устава. Заседание постановило: «Принимая во внимание, что в условиях настоящего момента регистрация намеченных изменений устава в законном порядке вряд ли представляется возможной, собрание, постановляя принять новую редакцию к руководству с начала 1918 г., полагало пока повременить с печатанием устава, ограничившись помещением в отчет за 1917 г. выдержек из наиболее существенных параграфов»¹⁵. Примечательно, что на последнем собрании в революционном году, 10 декабря 1917 г., в почетные члены по предложению Совета общества была избрана графиня С. В. Панина, «учредительница первой в Петрограде общедоступной обсерватории в Народном Лиговском доме»¹⁶. В тот же день, как отмечается в декабрьском выпуске «Известий Русского общества любителей мироведения» за 1917 г., она «была присуждена военно-революционным трибуналом захватчиков власти “к общественному порицанию”»¹⁷. Это можно считать первым оценочным суждением о произошедшей революции, выраженным данным научным обществом.

На заседаниях 4 и 14 ноября 1917 г. члены правления Вольного экономического общества дали негативную оценку ситуации¹⁸. Общество активно поддерживало идею проведения Учредительного собрания. На заседании 17 ноября Совет общества предложил меры для мобилизации «широких народных масс в столице и провинции для защиты нормальной работы Учредительного собрания» и «для организации в следующие несколько дней собраний с представителями научных обществ, профессиональных организаций, политических партий и кооперативов»¹⁹.

14 Журнал 80-го общего собрания Русского общества любителей мироведения 27 октября 1917 г. // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6. № 6 (30). С. 319–320.

15 Там же. С. 322.

16 Хроника // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6. № 6 (30). С. 325.

17 Там же.

18 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 91. Оп. 1. Д. 217. Л. 66–66 об.

19 Там же. Д. 896. Л. 5; Д. 217. Л. 76.

Общество также выступило против двух акций большевистского правительства в конце 1917 г.: захвата государственного банка²⁰ и закрытия городской думы²¹.

Пироговское общество, в свою очередь, осудило захват власти большевиками на заседании Совета общества 22 ноября и призвало своих членов к забастовке, результаты которой оказались весьма значительны в Петрограде и Москве²². В своем журнале «Общественный врач» руководители общества заявили, что не могут молчать, когда происходят «события, разрушающие фундаментальные принципы демократического порядка и ведущие страну к развалу и уничтожению». Далее в обращении говорилось, что Россия «стала жертвой политических авантюристов» и превратилась в объект «бессмысленного социального эксперимента, проводимого над ее бескровным телом толпой политических фанатиков <...> чья демагогия и обещания <...> дали лицензию на разгул невежественных элементов <...>. Большевики уничтожили гражданские права, неприкосновенность личности и жилища, свободу слова, печати, ассоциаций и право на забастовку. Они уничтожили судебную систему и создали благоприятные условия для самосуда, выступления одних групп людей против других, извлекли в грязи достижения Февральской революции». Пироговское общество также осудило тех врачей, которые «участвовали в жестокостях и кто сознательно или бессознательно участвует в уничтожении моральных и культурных ценностей»: «Аморальный, антидемократический, нецивилизованный характер узурпаторов настолько велик, что каждый нравственно здоровый врач должен принять решение и отмежеваться от врачей, близких к виновникам насилия»²³.

Другие общественные организации ученых не были столь прямолинейны в своих оценках. На годовичном собрании Русского ботанического общества, состоявшемся 2 февраля 1918 г., его президент, выдающийся ботаник И. П. Бородин, произнес «краткую речь, в которой коснулся переживаемых тяжелых событий, отразившихся на деятельности общества, причем призвал присутствующих сохранять самое важное — бодрость духа»²⁴. Однако в данном случае речь, вероятно, шла о разгоне большевиками Учредительного собрания и появлении первых признаков военного противостояния, нежели об Октябрьской революции.

20 Там же. Д. 896. Л. 2.

21 Там же. Л. 5.

22 Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М.: Наука, 1972. С. 43.

23 К товарищам врачам от Правления Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова // *Общественный врач*. 1917. № 9–10. С. 79–80.

24 Протокол годовичного собрания Русского ботанического общества от 2 февраля 1918 г. // *Журнал Русского ботанического общества при Академии наук*. 1917. Т. 2. № 3–4. С. 35.

Таким образом, можно сделать вывод, что революционные события 1917 г. членами научных обществ воспринимались неоднозначно. Тем не менее в приоритете у ученых находилась планомерная научная работа, поэтому выбор был сделан в пользу сотрудничества с властью, так как зависимость от государственных субсидий в условиях кризиса оказывалась неизбежной. Все усилия руководителей научных обществ в первые послереволюционные годы направлялись на обеспечение условий деятельности этих общественных организаций.

1.3. АДАПТАЦИЯ К НОВЫМ ПОЛИТИЧЕСКИМ УСЛОВИЯМ

Большую часть революционного года у власти в стране находилось Временное правительство. Мероприятия, проводимые им как в научной, так и в общественной сферах, непосредственно влияли на деятельность научных обществ.

После Февральской революции пересмотру подверглись взаимоотношения власти и науки. Началась демократизация Академии наук: в мае был впервые избран, а не назначен президент Академии наук — А. П. Карпинский, а в опубликованном вскоре в новой редакции Уставе РАН декларировалось устранение сословных и национальных привилегий²⁵.

Одним из проявлений процесса демократизации стало создание 14 апреля 1917 г. при Министерстве народного просвещения Комиссии по ученым учреждениям и предприятиям под председательством академика В. И. Вернадского²⁶. Комиссия разрабатывала различные организационно-правовые документы, которые должны были регулировать деятельность науки в новых политических условиях; обсуждались штаты научных учреждений и обществ, а также пути обеспечения их хозяйственных потребностей и др.²⁷ Собирались сведения о научных учреждениях и организациях²⁸, которые затем легли в основу издаваемых Комиссией справочников. До 1 ноября 1917 г. Комиссия провела 23 заседания и четыре совместных собрания с представителями Академии наук по вопросу организации съезда представителей научных обществ и учреждений²⁹. Примечательно, что на этот съезд, который решено было ор-

25 Вестник Временного правительства. 1917. 27 мая.

26 Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2555. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.

27 Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 518. Оп. 2. Д. 42. Л. 54–66, 69–75, 87–89, 94–95.

28 Там же. Л. 2 об.–3 об.

29 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 70. Л. 1, 2.

ганизовать в Москве, планировали пригласить представителей научных обществ Петрограда, Москвы, Киева, Одессы, Казани, Харькова, Ростова-на-Дону, Екатеринбурга: Российское минералогическое общество, Русское географическое общество, Общество естествоиспытателей при Петроградском университете, Русское техническое общество, Общество изучения Сибири, Петроградское медицинское общество, Русское общество хирургов имени Н.И. Пирогова, Русское общество охраны народного здоровья, Петроградское центральное сельскохозяйственное общество, Северное сельскохозяйственное общество, Юридическое общество при Петроградском университете, Вольное экономическое общество, Русское историческое общество, Общество истории и древности российских, Общество любителей русской словесности при Московском университете, Московское общество испытателей природы, Московское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии при университете, Московское сельскохозяйственное общество, Юридическое общество при Московском университете, Общество имени А. И. Чупрова при Московском университете, Историческое общество Нестора летописца при университете Св. Владимира, Общество естествоиспытателей при университете Св. Владимира, Киевское сельскохозяйственное общество, Общество истории и археологии при Казанском университете, Общество естествоиспытателей при Казанском университете, Общество естествоиспытателей при Харьковском университете, Харьковское медицинское общество, Уральское общество естествоиспытателей и др.³⁰ Примечательно, что, учитывая количество приглашенных к заседанию представителей других научных организаций и учреждений, члены научных обществ должны были составить абсолютное большинство.

Анализ деятельности Комиссии показывает, что научные общества рассматривались как полноправные элементы будущей системы организации науки.

Временное правительство привлекало представителей научных обществ в качестве экспертов. Например, на заседании 5 мая 1917 г. министр путей сообщения А. В. Ливеровский предложил создать Особый временный комитет по делам частных железных дорог, в состав которого предполагалось пригласить в том числе представителей Совета Вольного экономического общества и VIII отдела Русского технического общества³¹. Кроме того, на заключение Русского географического общества было передано предложение Министерства иностранных дел «о присвоении

³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 766. Л. 6–7.

³¹ Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VIII. Журналы заседания Временного правительства: март — октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 2. Май — апрель 1917 года. М.: РОССПЭН, 2002. С. 38.

более отвечающих современному положению России “Земли императора Николая II” и “Острова цесаревича Алексея”³². В «постоянный состав» Центрального врачебно-санитарного совета были включены представители Общества русских врачей им. Н. И. Пирогова³³. В Экономический совет при Временном правительстве, созданный для выработки общего плана по организации народного хозяйства и труда, а также для разработки законопроектов и общих мер по регулированию хозяйственной жизни, также входили члены Вольного экономического общества, Русского технического общества и Общества им. А. И. Чупрова для разработки общественных наук³⁴.

Примечательно, что после прихода к власти большевиков подобная практика сохранилась. Так, представители Русского технического общества входили в состав Центрального совета экспертов, который был создан в январе 1918 г. в системе Высшего совета народного хозяйства для координации прикладных научно-технических работ в промышленности³⁵. Русское энтомологическое общество вело общую консультативную деятельность по разным вопросам³⁶. Русское археологическое общество привлекалось для работы в Совещании по библиотечному делу³⁷, а также участвовало в сентябре 1918 г. в рассмотрении проектов по реставрации церквей и других сооружений³⁸.

После Февральской революции преобразованиям подверглась общественная сфера. Модель взаимоотношений государства и общественных организаций, сложившаяся в начале XX в., была заменена новой. Вековые чаяния интеллигенции реализовались в нескольких законодательных актах Временного правительства³⁹. Однако большинство нововведений не удалось осуществить, для чего имелся целый ряд причин: времени для проведения в жизнь законодательных актов оказалось недостаточно, территория страны была огромной, Россия продолжала оставаться воюющей страной и т. д.

В 1917 г., еще до введения новых законодательных актов, некоторые научные общества по собственной инициативе провели пересмотр своих

32 Там же. С. 52.

33 Об утверждении Центрального врачебно-санитарного совета // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате (СУ). 1917. № 183. Ст. 1037.

34 Об утверждении Экономического совета и Главного комитета при Временном правительстве // СУ. 1917. № 182. Ст. 1015.

35 См. об этом: *Филиппов Н. Г.* Научно-технические общества СССР (1917–1941). М.: Б. и., 1977. С. 9.

36 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 180. Л. 6 об.

37 Там же. Д. 61. Л. 7.

38 Там же. Л. 18.

39 Изменениям в законодательстве посвящена следующая глава.

уставов. Русское историческое общество сразу после Февральской революции, изменив свой устав, в частности вычеркнув из своего названия титул «Императорское», перерегистрировалось 27 апреля 1917 г. в Министерстве народного просвещения⁴⁰. Совет Русского общества любителей мироведения, в свою очередь, в июне избрал особую комиссию для переработки устава организации «ввиду изменившихся общественно-политических условий и предстоящего издания нового закона об обществах и союзах»⁴¹. 25 сентября Совет одобрил и разослал членам общества выработанный комиссией проект изменений устава. Утверждение нового уставного документа должно было состояться через два месяца⁴², т. е. 25 ноября 1917 г. Члены Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества также на одном из заседаний 1917 г. подняли вопрос о смене названия, предложив такие варианты, как Русское минералогическое общество, Российское минералогическое общество и др. Однако окончательное решение в тот период так и не приняли ввиду отсутствия единого мнения. Только 5 января 1919 г. общее собрание общества постановило именоваться «Российским минералогическим обществом»⁴³.

Научным обществам удалось достаточно быстро адаптироваться к новым политическим условиям после Февральской революции: их представители активно включились в процесс реорганизации науки и, по приглашению Временного правительства, продолжили выполнять экспертную функцию. А руководители обществ стремились изменить уставные документы в соответствии с новыми реалиями жизни в стране.

1.4. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ ОБСТАНОВКЕ

Организационные инициативы после низложения самодержавия часто исходили от научных обществ. Научная интеллигенция, видя поддержку, которая оказывалась Временным правительством учреждениям науки, стремилась использовать сложившуюся ситуацию для решения задач развития науки и образования. Так, Русское общество любителей

40 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 65. Л. 51а–51г.

41 Хроника // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6. № 3 (27). С. 192.

42 Журнал 79-го общего собрания Русского общества любителей мироведения 29 сентября 1917 г. // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6. № 6 (30). С. 318.

43 Записки Российского минералогического общества. 1926. Ч. 55/1. С. 237.

мироведения предложило «устроить в начале мая с[его] г[ода] Организационное собрание представителей петроградских научных обществ для учреждения Союза научных обществ»⁴⁴. Это мероприятие состоялось 13 мая 1917 г., причем на нем присутствовали представители более 20 научных организаций, в том числе Русского географического, Петроградского микробиологического, Исторического общества при Петроградском университете, Русского энтомологического общества, Русского палеонтологического общества, Общества библиоковедения, Антропологического общества при Петроградском университете и др.⁴⁵ Председателем собрания был известный историк, член-корреспондент Санкт-Петербургской академии наук Н. И. Кареев, обязанности секретаря исполнял представитель Общества любителей мироведения, астроном С. В. Муратов.

Предполагалось, что целью Союза научных обществ станет «объединение научных и просветительных организаций для более близкого ознакомления друг с другом, широкого участия в общественной жизни страны, более успешного, при совместной работе, проведения в жизнь общих и отдельных задач каждого общества, широкой популяризации и распространения научных знаний в стране, участия, через представителей, в разработке научных и просветительных задач, поставленных правительством и общественными учреждениями»⁴⁶. На заседании было избрано временное бюро союза для выработки устава и сношений с другими организациями. В его состав вошли географ В. П. Буданов (Педагогический музей военно-учебных заведений), библиографы П. М. Богданов и Н. А. Королев (оба представители Общества библиоковедения) и химик Н. Э. Сум (секретарь фотографической секции Русского общества любителей мироведения). Председателем временного бюро стал Н. А. Морозов (глава Русского общества любителей мироведения). Товарищем председателя избрали А. Н. Кремлева из Общества распространения научных знаний, а секретарем — С. В. Муратова. На собрании было также высказано предложение о создании в Петрограде Дворца научных обществ, «который, будучи государственной собственностью, объединял бы под своим кровом все научные и просветительные организации Петрограда, служил бы постоянным помещением для съездов ученых, вмещал бы в себе музеи, коллекции и библиотеки и т. д.»⁴⁷. Эти проекты убедительно свидетельствуют о том, что ученые были воодушевлены

44 Хроника // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6. № 2 (26). С. 148.

45 Там же. № 3 (27). С. 190.

46 Там же. С. 191.

47 Там же.

идеей свободной общественной коллаборации. К сожалению, научным обществам не удалось реализовать намеченные тогда проекты.

Научные общества Петрограда неоднократно обращались к Временному правительству с инициативами и предложениями, которые имели большое практическое значение. Так, Русское общество любителей мироведения ходатайствовало «наряду с другими неотложными реформами, ввести в России новый стиль»⁴⁸, т. е. предлагало переход страны на григорианский календарь, по которому жила в то время уже вся Европа. Однако, как известно, данная реформа была проведена в жизнь только в 1918 г. правительством В. И. Ленина.

Другим предложением, которое было одобрено 21 марта 1917 г. Общим собранием Русского общества любителей мироведения, стало предложение о введении в России летнего времени, так как «в большинстве городов России так остро ощущается недостаток топлива»⁴⁹. Примечательно, что незадолго до этого, 4 марта 1917 г., проект известного популяризатора науки Я. И. Перельмана «О переводе часовой стрелки как мере к сбережению топлива для освещения» также поступил в правительство⁵⁰. Это показывает, что необходимость реформы уже полностью осознавалась научным сообществом. Летнее время было введено специальным постановлением Временного правительства от 27 июня 1917 г. «Об исчислении летнего времени на один час вперед»⁵¹. Об этом также сообщалось и на страницах «Известий Русского общества любителей мироведения»: «Временным правительством постановлено перевести все часы в России с 11 час[ов] ночи 30 июня по 12 час[ов] ночи 31 августа 1917 г. на один час вперед (“летнее время”), с тем, чтобы мера эта в 1918 г. была осуществлена с 1 марта по 1 сентября»⁵².

Революционные события внесли большие изменения в организацию деятельности научных обществ столицы. Традиционно собрания большинства из них проходили поздно вечером. Начинаясь не ранее 19:00, заканчивались они часто после полуночи. Но из-за ухудшения криминальной обстановки в Петрограде в первые месяцы после революции подобное расписание работы научных обществ становилось труднореализуемым. На улицах было небезопасно, так как в дни революции явоч-

48 Журнал 76-го годового общего собрания Русского общества любителей мироведения 21 марта 1917 г. // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6. № 2 (26). С. 143–144.

49 Там же. С. 144.

50 Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 92. Оп. 1. Д. 149.

51 Об исчислении летнего времени на один час вперед // СУ. 1917. № 183. Ст. 1043.

52 Хроника // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6. № 4 (28). С. 233.

ным порядком была разрушена прежняя правоохранительная система. Восставшие солдаты и толпы народа вымещали свое озлобление против царского режима на его слугах: громили полицейские участки, жгли архивы полиции, отлавливали и убивали городских, жандармов, агентов сыска⁵³. Поэтому после Февральской революции заседания большинства научных обществ в целях безопасности были перенесены на дневное время.

Кроме того, из-за паралича городского транспорта даже простое перемещение по городу стало проблематичным. Трамвайный парк города не обновлялся, ремонт сломавшихся вагонов не производился, «до 40 % вагонов стояли в парках из-за недостатка рабочей силы и запасных частей»⁵⁴. Гужевой транспорт был не в состоянии решить эту проблему: лошади умирали от истощения из-за отсутствия корма. Подобная транспортная ситуация в Петрограде сохранялась на протяжении ряда лет после 1917 г. Так, члены Русского технического общества, значительная часть которых проживала на Васильевском острове, даже в 1920 г. не могли посещать по этой причине заседания в помещениях общества, находившихся в Соляном городке⁵⁵.

Тяжелые условия военного времени, революционные преобразования и недостаточное финансирование вынуждали научные общества значительно сократить масштабы своей деятельности. Доступной формой работы в условиях революционного научного быта оставались только заседания. В 1917 г. Русское общество любителей мироведения провело девять общих собраний. Заседания проходили, как правило, в помещениях консерватории или в Петроградской ботанической лаборатории по вечерам⁵⁶. У Русского ботанического общества в течение революционного года состоялись только три общих собрания: 11 января, 22 февраля и 3 мая⁵⁷, в Русском астрономическом обществе в 1917 г. их

53 См. об этом: *Мусаев В. И.* Городская повседневность // Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и Гражданской войны. М.: ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013. С. 113.

54 Петербургский трамвай: история и современность. СПб.: Лики России, 2007. С. 70.
55 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 4.

56 Журнал 74-го годового общего собрания Русского общества любителей мироведения 31 января 1917 г. // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6. № 2 (26). С. 140–142; Журнал 75-го общего собрания Русского общества любителей мироведения 15 февраля 1917 г. // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6. № 2 (26). С. 142–143; Журнал 76-го годового общего собрания Русского общества любителей мироведения 21 марта 1917 г. // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6. № 2 (26). С. 143–145; и т. д.

57 Отчет о деятельности Русского ботанического общества за 1917 г. // Журнал Русского ботанического общества при Академии наук. 1917. Т. 2. № 3–4. С. 36.

было четыре⁵⁸. Философское общество при Петроградском университете в 1917 г. успело собраться только один раз — 9 февраля в Зале совета Петроградского университета. На этом собрании был заслушан доклад известного физиолога, профессора В. М. Бехтерева «Строго объективный метод в изучении нервно-психической деятельности и его роль в обосновании рефлексологии человека»⁵⁹, а также состоялись выборы новых членов. Русское палеонтологическое общество организовало пять общих собраний, на которых было сделано 14 научных докладов. Кроме того, состоялось семь заседаний Совета общества, которые проходили в помещениях Горного института и Геологического комитета⁶⁰.

Однако в отсутствие возможности получать научную литературу из-за границы, а также вследствие значительного сокращения объема отечественных научных публикаций, эти заседания выполняли главным образом информационную функцию.

1.5. ИТОГИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ГОДА: ФИНАНСОВЫЕ ТРУДНОСТИ И СОКРАЩЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ

Размер и стабильность финансового обеспечения научных обществ оказывали значительное влияние на всю их деятельность. До революции многие крупные научные общества Российской империи, в первую очередь имеющие статус «императорских», обладали значительными капиталами, которые складывались, как правило, из членских взносов и частных пожертвований, а также субсидий от государства. Например, Министерство народного просвещения выдавало Императорскому русскому историческому обществу 8 тыс. руб. в год «на издание памятников дипломатических сношений древней России с иностранными державами»⁶¹, а также 15 тыс. руб. год из кассы Министерства Императорского двора общество получало на издание «Русского биографического словаря»⁶². Созданное в годы войны Русское ботаническое общество на 1916 г. полу-

58 Луцкий В. К. История астрономических общественных организаций в СССР (1888–1941 гг.). М.: Наука, 1982. С. 91.

59 ЦГИА СПб. Ф. 2265. Оп. 1. Д. 1201. Л. 4.

60 Годовой отчет о деятельности Русского палеонтологического общества за 1917 г. // Ежегодник Русского палеонтологического общества. Пг., 1918. Т. II. С. 126–127.

61 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 19. Д. 65. Л. 5.

62 Там же. Л. 5 об.

чило от государства ассигнование в размере 3 тыс. руб., а смета на 1917 г. была составлена на сумму 25 тыс. руб.⁶³

Последние подобные выплаты от царского правительства научным обществам поступили в начале 1917 г. В частности, Русское палеонтологическое общество от Министерства народного просвещения получило 3 тыс. руб.⁶⁴ Русскому обществу любителей мироведения также были выплачены назначенные ему в декабре 1916 г. 1,5 тыс. руб. «на расходы по изданию печатного органа и пополнению библиотеки»⁶⁵.

После смены власти многим научным обществам удалось договориться с Временным правительством о ежегодных субсидиях. Русскому палеонтологическому обществу, например, была обещана субсидия 5 тыс. руб. в год⁶⁶, а Обществу российских физиологов имени И. М. Сеченова на издание журнала была одобрена субсидия в 10 тыс. руб.⁶⁷ В июне 1917 г. из кредитов Министерства народного просвещения Русскому археологическому обществу было выдано пособие в размере 10 тыс. руб. для «снаряжения экспедиции в Ванскую область»⁶⁸.

В ведение Комиссии по ученым учреждениям и предприятиям, возглавлявшейся В. И. Вернадским, помимо прочего, входило решение некоторых вопросов «упорядочения распределения средств, имеющихся в распоряжении Министерства народного просвещения, на нужды ученых обществ, учреждений и предприятий»⁶⁹. В отличие от предшествующей практики отсутствия систематического государственного финансирования деятельности научных обществ, так как финансировались только избранные научные общества и лишь некоторые их проекты, рассмотрение подобных вопросов Комиссией Вернадского свидетельствовало об изменении финансовой политики по отношению к научным организациям. На заседаниях также рассматривались вопросы об увеличении «пособий обществам естествоиспытателей и другим ученым

63 Отчет о деятельности Временного Бюро // Журнал Русского ботанического общества. 1916. Т. 1. № 3–4. С. 22.

64 Годовой отчет о деятельности Русского палеонтологического общества за 1917 г. // Ежегодник Русского палеонтологического общества. Пг., 1918. Т. II. С. 128.

65 Журнал 79-го общего собрания Русского общества любителей мироведения 29 сентября 1917 г. // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6. № 6 (30). С. 317.

66 Обыкновенное заседание 21-го декабря 1917 г. в помещении Геологического Комитета // Ежегодник Русского палеонтологического общества. Пг., 1918. Т. II. С. 135.

67 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 216. Л. 9.

68 Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. VIII. Журналы заседаний Временного правительства: март — октябрь 1917 года: в 4 т. Т. 2. Май — апрель 1917 года. М.: РОССПЭН, 2002. С. 313.

69 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 216. Л. 1.

обществам»⁷⁰. В частности, на заседании 23 июня 1917 г. было решено выделить 75 тыс. 900 руб. на субсидии научным обществам на издание трудов и «отдельные научные предприятия»⁷¹. Таким образом, можно сделать вывод о том, что некоторые ходатайства о денежных пособиях научным обществам были поддержаны.

В первые месяцы после прихода к власти большевиков была найдена возможность выделить деньги 176 общественно-научным организациям на общую сумму 180 тыс. 620 руб.⁷² Субсидии составляли суммы от 200 руб. (столько получило, например, Историческое общество Нестора Летописца) до 17 тыс. руб. (размер средств, выделенных Русскому физико-химическому обществу и Петроградскому обществу естествоиспытателей). Крупным организациям выделялись довольно значительные суммы: Русское ботаническое общество получило 12 тыс. руб., Русское астрономическое общество — 7 тыс. 600 руб., Русское географическое общество — 6 тыс. 600 руб., Московское общество истории и древностей российских — 6 тыс. руб., Московское археологическое общество — 2 тыс. 500 руб., Русское археологическое общество — 2 тыс. руб., столько же Новгородское общество любителей древностей и т. д. Восемь научных журналов также получили государственное финансирование: «Антропологический журнал», «Землеведение», «Русский зоологический вестник» (6 тыс. 500 руб.), «Журнал микробиологии» (4 тыс. руб.), «Ежегодник по геологии и минералогии России» (3 тыс. руб.), «Архив анатомии, гистологии и эмбриологии» (10 тыс. руб.), «Метеорологический вестник», издаваемый Русским географическим обществом (300 руб.), «Сборник», издаваемый Русским историческим обществом (6 тыс. руб.)⁷³.

Таким образом, невзирая на тяжелое экономическое положение в стране, которая продолжала участие в войне, власть находила целесообразным поддерживать деятельность научных обществ, назначая им субсидии и оказывая помощь в решении хозяйственных вопросов.

Однако, несмотря на всю финансовую поддержку, одной из самых характерных и печальных тенденций в пореволюционной жизни научных обществ было значительное сокращение количества организаций и числа их членов. Особенно отчаянной была ситуация в столице. Дело в том, что многие ученые уезжали из голодного Петрограда в провинциальные города, надеясь там «подкормиться», другие погибали в гуще революционной борьбы, а также вследствие голода и болезней. На заседании Отделения зоологии и физиологии Общества естествоиспытате-

70 РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 766. Л. 4.

71 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 2. Д. 140. Л. 2–3.

72 Там же. Оп. 19. Д. 236. Л. 4–7.

73 Там же. Л. 8.

лей при Петроградском университете 16 марта 1917 г. было объявлено о смерти трех членов общества: Е. А. Шульца, Н. Ю. Зографа и Д. Н. Зернова⁷⁴. В октябре 1917 г. скончался председатель Русского астрономического общества Г. В. Левицкий⁷⁵. В конце года «вследствие тяжелых для здоровья условий» умер председатель Отделения статистики Русского географического общества Д. П. Семенов-Тянь-Шанский⁷⁶. Людские потери понесло и Русское палеонтологическое общество⁷⁷.

Тем не менее численный состав петроградских научных обществ всероссийского масштаба все еще оставался значительным. Самым многочисленным из научных обществ в 1917 г. было Русское географическое общество, в котором состояло 1446 членов. Более тысячи человек (1146) входило в Русское техническое общество. Относительно малочисленными научными организациями были, что закономерно, узкоспециализированные Общество психиатров (152), Общество гражданских инженеров (176), Российское микробиологическое общество (149) и т. п. Среднюю позицию по численности занимали такие общества, как Русское физико-химическое общество (480), Русское общество любителей мироведения (401). Российское минералогическое общество включало в течение 1917 г. от 408 до 481 человека, Общество естествоиспытателей при Петроградском университете — 456 человек, Русское астрономическое общество — 307 человек.⁷⁸

Установить общую численность научных обществ в России можно, обратившись к спискам, которые составлялись различными административными органами в революционном году. В частности, в апреле 1917 г. Комиссией по ученым учреждениям и предприятиям был составлен список «Ученых обществ ведомства Министерства народного просвещения», состоящий из 122 наименований⁷⁹. Однако этот список представляется далеко не полным.

На наш взгляд, более реалистичное количество научных обществ содер­жится в «Списке научных обществ, изданий, предприятий и командировок с указанием субсидий, отпущенных им Комиссариатом народного

74 Заседание Отделения зоологии и минералогии от 16 марта 1917 г. // Труды Петроградского общества естествоиспытателей. 1917. № 3–8. С. 25.

75 Хроника // Известия Русского общества любителей мироведения. 1917. Т. 6. № 6 (30). С. 325.

76 Семенов-Тянь-Шанский В. П. Отделение статистики Русского географического общества // Наука и ее работники. 1921. № 3. С. 22.

77 Обыкновенное заседание 19-го ноября 1917 г. в помещении Геологического Комитета // Ежегодник Русского палеонтологического общества. Пг., 1918. Т. II. С. 133.

78 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 22, 29, 40, 49, 60, 74, 96, 120, 125, 133, 136, 140.

79 РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 766. Л. 8–9 об.

просвещения в 1917 г.»⁸⁰, который был составлен в конце 1917 г. В нем упоминается 176 научных обществ, которые поделены на 11 групп согласно их специализации: математика, физика, химия, астрономия — 19; естествознание — 30; медицина — 22; история — 39; литература и библиография — 21; философия, педагогика и психология — 11; география — 1; археология — 7; общества по изучению районов — 8; юридическое общество — 7; разные общества — 11. Примечательно, что преобладающее количество научных обществ имело гуманитарную специализацию. В то время как количество обществ, работающих в области естествознания, было значительно ниже. Общества, областью специализации которых являлись технические науки, тоже были малочисленными. Такое распределение по специализации отражает развитие науки в дореволюционной России, так как, например, в Академии наук также преобладали гуманитарные науки.

Подводя итоги, можно отметить, что, невзирая на все трудности, возникшие в результате революционных потрясений 1917 г., ученым удалось сохранить такую эффективную форму организации науки, как научные общества. Смена государственной власти и кардинальные изменения во всех областях жизни страны заставили их адаптироваться к новым условиям, находить возможности для выживания. Приходилось прилагать немало усилий для обеспечения функционирования обществ в условиях социально-политического и экономического кризиса. Естественно, члены научных обществ, как все граждане, не могли оставаться равнодушными к происходившим событиям и имели собственные политические взгляды и пристрастия. Но приоритет отдавался научной работе, поэтому была выбрана стратегия сотрудничества сначала с Временным правительством, а потом и с большевиками. Научным обществам удалось наладить диалог с властью, которая в свою очередь находила целесообразным поддерживать их материально, а также привлекать к экспертной деятельности. Тем самым поддерживалась преемственность проводимых исследований и форм организации науки.

80 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 236. Л. 4–7.

ГЛАВА 2.

Законодательно-нормативные основы взаимоотношений власти и научных обществ в первые послереволюционные годы

2.1. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ДО 1917 Г.

В Российской империи научные общества на протяжении всего периода своего существования занимали достаточно важное место в системе организации отечественной науки, являясь в правовом отношении общественными организациями.

Первое научное общество в России, Вольное экономическое общество, возникло в 1765 г. Университетским уставом 1804 г. (§ 11)¹ было разрешено создавать научные общества при университетах. Согласно новому уставу 1835 г. все научные общества должны были утверждать свои уставы в Министерстве народного просвещения (§ 166)². Научные общества, основанные при университетах, сыграли большую роль в развитии науки, поскольку государственные научно-исследовательские учреждения в России были тогда развиты слабо. Наибольшее число научных

¹ Университетский устав (5 ноября 1804) / Летопись Московского университета. [Электрон. ресурс]. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/327>

² Университетский устав (26 июля 1835) / Летопись Московского университета. [Электрон. ресурс]. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/2123>

организаций возникло при Московском университете³. В Петербурге, напротив, в первой половине XIX в. отсутствовали научные общества, на что обратил внимание А. Д. Степанский⁴. Тем не менее в столице Российской империи в этот период существовали самостоятельные научные общества: Российское минералогическое общество (1817 г.), Русское географическое общество (1845 г.), Русское археологическое общество (1846 г.), Врачебно-научное общество (1849 г.) и др.

С середины XIX в. некоторые научные общества стали именоваться «Императорскими». Русское географическое общество было первым получившим этот титул в 1850 г. Статус таких организаций не был официально регламентирован, но на практике он означал возможность обращения напрямую к императору, получение крупных субсидий и другие преференции. Для утверждения их уставные документы представлялись императору, Государственному совету или Кабинету министров. После чего «высочайше утвержденные» уставы этих обществ помещались в Полное собрание законов Российской империи.

Дальнейшее развитие нормативно-правовые основы деятельности научных обществ получили в пореформенное время. В соответствии с принятым в 1863 г. новым университетским уставом основывать научные общества при университетах можно было только с разрешения Министерства народного просвещения (§ 119)⁵. Кроме того, некоторым министерствам было делегировано право создания своих ведомственных обществ. В частности, в 1866 г. Министру государственных имуществ было передано право утверждать уставы сельскохозяйственных обществ⁶.

Во второй половине XIX в. произошло значительное увеличение числа научных обществ, в первую очередь в столице. Именно тогда появились первые организации при Петербургском университете — Общество естествоиспытателей (1868 г.), Юридическое общество (1877 г.), Русское антропологическое общество (1887 г.), Историческое общество (1889 г.), Философское общество (1897 г.) и др. В 1866 г. в Петербурге было создано первое научно-техническое общество — Русское техническое общество.

3 Ильина И. Н. Общественные организации в России в 1920-е годы. М.: Институт российской истории РАН, 2000. С. 12.

4 Степанский А. Д. Научные общества при высших учебных заведениях дореволюционной России // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР. Сб. статей / Под ред. д. и. н., проф. Н. П. Ерошкина. М.: Б. и., 1979. С. 212.

5 Университетский устав. СПб.: тип. Огризко, 1863. С. 35.

6 Полное собрание законов Российской империи: Собрание второе: [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года]: [В 55-ти т. с указ.]. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830–1885. Т. 41: 1866: [В 2-х отд-ниях]. 1868. № 43191.

Необходимо отметить, что в XIX в. научные общества в основном носили универсальный характер и объединяли представителей разных наук — и гуманитарных и естественных (Русское энтомологическое общество (1859 г.), Русское историческое общество (1866 г.), Общество любителей древней письменности (1877 г.) и др.).

В начале же XX в., по мнению историка П. В. Волобуева, «характерной чертой этой формы организации научной общественности стал переход обществ универсального типа к специализированным обществам по отдельным отраслям науки»⁷. Действительно, на рубеже XIX и XX вв., вследствие успехов отдельных наук и интенсивного развития отечественной науки в целом, стали возникать специализированные научные общества. Примером могут служить: Русское астрономическое общество (1891 г.), Философское общество (1897 г.), Микробиологическое общество (1903 г.) и др. Однако и в начале XX в. продолжали функционировать ранее созданные научные общества универсального характера, а также появлялись новые подобные общества, например Русское общество любителей мироведения (1909 г.), объединившее астрономов, геофизиков, метеорологов, вулканологов и др.

В годы контрреформ и политической реакции появился очередной университетский устав (1884 г.), который, однако, не привнес ничего нового в положение научных обществ при университетах⁸. Общества оставались в ведении Министерства народного просвещения, которое также утверждало их уставы после одобрения Ученым комитетом министерства.

Наиболее полным сводом уставных норм, выработанных к началу XX в., являлись нормальные (примерные) уставы, которые разрабатывались и издавались с 1890-х гг. для некоторых видов общественных организаций⁹. Так, для медицинских обществ еще в 1869 г. Министерством внутренних дел был принят «Устав (нормальный) общества врачей №№ губернии или №№ города»¹⁰. При создании других обществ приходилось брать за образец устав уже функционировавшего общества подходящего вида.

Государственное регулирование деятельности научных обществ осуществлялось двояко. Деятельность научных обществ, имевших статус императорских, при участии представителей высшей аристократии

⁷ Волобуев П. В. Русская наука накануне Октябрьской революции // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 3. С. 8.

⁸ Университетский устав (18 августа 1884) / Летопись Московского университета. [Электрон. ресурс]. URL: <http://letopis.msu.ru/documents/2761>

⁹ Степанский А. Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX — XX вв. М.: Б.и., 1980. С. 11.

¹⁰ Там же.

всячески поддерживалась. В отношении же остальных применялись достаточно жесткие административные меры. Более того, каждое возникшее и действовавшее в России общество находилось под трехсторонним контролем: по линии политической полиции (Департамент полиции в лице III делопроизводства и Особого отдела, жандармские управления и охранные отделения), по линии общей полиции (II делопроизводство, полицмейстеры) и, наконец, по отраслевой (соответствующие министерства, их подразделения и местные органы). Власти следили за изменением личного состава членов обществ. Извещения о заседаниях подвергались цензуре, равно как и тексты докладов. Издательская деятельность освобождалась от предварительной, но подвергалась карательной цензуре¹¹.

В начале XX в. расцвет общественного движения привел сначала к возникновению революционной ситуации в России, а вскоре и к первой русской революции 1905–1907 гг. Важнейшим результатом этих событий стало принятие первого всероссийского закона об общественных организациях — «Временные правила об обществах и союзах» от 4 марта 1906 г. В них «общество» определялось как «соединение нескольких лиц, которые, не имея задачей получение для себя прибыли от ведения какого-либо предприятия, избрали предметом своей совокупной деятельности определенную цель»¹². Членами обществ не могли становиться несовершеннолетние, учащиеся и лица, состоящие на военной службе¹³. Согласно «Временным правилам» создавались губернские и областные по делам об обществах и союзах присутствия, причем в Петербурге, Москве и еще шести городах, образовывались «особые» такие же присутствия для «заведывания делами об открытии, регистрации, воспрещении и закрытии обществ и союзов»¹⁴. Процедура создания общества была довольно сложной, однако для этого не было необходимости «испрашивать разрешения правительственной власти»¹⁵, следовало подавать заявление и проект устава губернатору или градоначальнику, который, если встречал препятствие к открытию общества, передавал дело на рассмотрение присутствия¹⁶. Этот властный орган разрешал регистрацию посредством внесения в реестр делопроизводства присутствия или отказывал в таковой¹⁷. Решения присутствия могли обжаловаться в Первом департаменте Правительствующего сената, где вопрос о регистрации разрешался

11 Там же. С. 26, 45, 57.

12 Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. // Российское законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Т. 9. М., 1994. С. 206.

13 Там же. С. 207.

14 Там же. С. 208.

15 Там же. С. 206.

16 Там же. С. 209.

17 Там же. С. 210.

окончательно¹⁸. Но и пройдя процедуру регистрации, общество должно было постоянно отчитываться перед губернатором, градоначальником и начальником местной полиции обо всех изменениях, происходивших в составе «распорядителей или правления общества», с приложением списков¹⁹. Более того, при любом изменении устава процедура регистрации должна была повторяться вновь²⁰.

Напротив, закрытие общества в любой момент по своему усмотрению, входило в компетенцию министра внутренних дел, если деятельность данной организации им признавалась угрожающей общественному спокойствию и безопасности²¹. Кроме того, закрыть общество могли губернатор или градоначальник на том же основании, если деятельность общества принимала «явно безнравственное направление»²². Однако если в деятельности общества обнаруживались отступления от закона или узаконений, обязательных для обществ согласно уставу или условиям его деятельности, губернатор или градоначальник могли предложить обществу в назначенный срок принять меры к устранению несоответствий²³, а уже в случае невыполнения этого распоряжения обратиться в губернское или городское по делам об обществах и союзах присутствие с требованием о закрытии организации.

В целом «Временные правила» помещали научные общества в новое правовое поле, четко регламентируя все аспекты их деятельности как общественных организаций. Наиболее важным было то, что регистрироваться научные общества стали на местном уровне, для утверждения устава обществам больше не было необходимости обращаться в Министерство народного просвещения, как это было ранее.

К началу XX в. научные общества существовали в России уже более ста лет. Однако их статус как общественных организаций на протяжении всего этого периода не был определен ни одним комплексным законодательным актом. В ходе первой русской революции 1905–1907 гг. проблема регламентации деятельности общественных организаций стала очень актуальной для царского правительства, поэтому именно тогда были приняты «Временные правила об обществах и союзах». Это был первый всероссийский нормативно-правовой акт об общественных организациях, к которым были причислены и научные общества. С одной стороны, он упростил процесс создания и функционирования обществ, а с другой — усилил меры административного надзора и контроля за их

18 Там же.

19 Там же. С. 211.

20 Там же. С. 210.

21 Там же. С. 207.

22 Там же. С. 211.

23 Там же.

деятельностью. Либеральные круги, в которые входило много представителей интеллигенции, в том числе ученых и членов научных организаций, выступали, однако, за полную свободу общественной деятельности. По мере обострения политической ситуации они все определеннее связывали возможность реализации своих чаяний с осуществлением в России революции.

2.2. ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ С ВЛАСТЬЮ

Февральская революция дала надежду на демократизацию общественной, политической и экономической жизни в стране. Правовые основы существования общественных организаций одними из первых подверглись корректировке.

12 апреля 1917 г. Временное правительство утвердило постановление «О собраниях и союзах», согласно которому «все без исключения российские граждане имеют право, без особого на то разрешения, образовывать общества и союзы в целях, не противоречащих уголовным законам»²⁴. Обществам также разрешалось «объединяться с другими обществами и союзами и устанавливать постоянные сношения с общественными и иными организациями»²⁵. Принципиальное отличие от предшествующих Временных правил от 4 марта 1906 г. заключалось в том, что теперь закрыть общество можно было только по суду и «лишь в том случае, если деятельность его оказалась направленною к достижению целей, воспрещенных уголовными законами»²⁶. Все эти нововведения носили подлинно демократический характер.

Порядок регистрации обществ и союзов определялся постановлением Временного правительства²⁷, опубликованным 19 июля 1917 г. Так, устав должен был утверждаться в окружном суде, причем вопрос о регистрации решался в судебном заседании, после чего общество вносилось в реестр²⁸. На вынесение решения отводился один месяц. Отказ в регистрации должен был содержать точное указание статей закона, кото-

24 О собраниях и союзах // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате (СУ). 1917. № 98. Ст. 540. С. 848–849.

25 Там же.

26 Там же.

27 О регистрации товариществ, обществ и союзов // СУ. 1917. № 165. Ст. 907. С. 1586–1590.

28 О регистрации товариществ, обществ и союзов. С. 1587.

рым устав не соответствует, и изъяснение, в чем именно это несоответствие заключается. При отказе жалоба должна была теперь подаваться не в Первый департамент Сената, а в Судебную палату, которая опять же в течение месяца выносила свое решение. В случае отказа можно было обратиться с жалобой в Гражданский департамент Правительствующего сената, который, как и раньше, выступал как последняя инстанция²⁹. Важно, что согласно этому постановлению все делопроизводство по регистрации обществ и союзов было «открыто для обозрения всех желающих»³⁰. Одна из частей постановления, касавшаяся регистрационных отделов при окружных судах, представляла собой подробнейшую инструкцию по делопроизводству и определяла правила ведения реестра общественных организаций³¹.

Одним из главных новшеств стало снятие возрастного или какого-либо другого ограничения на членство в обществах.

В целом главное отличие постановлений Временного правительства от Временных правил об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. состояло в том, что ни одно общество не могло быть закрыто по воле какого-либо одного лица, как было возможно в царской России, и кроме того, были сняты все ограничения на членство в общественных организациях (социальные, имущественные, возвратные, по полу, национальности и др.). Однако, с другой стороны, процедура регистрации не упрощалась, а обжалование решения регистрирующего органа стало двухступенчатым: сначала Судебная палата, потом Сенат, а не одноступенчатым (сразу Сенат), как в правилах 1906 г.

Несмотря на изменение правовой основы функционирования обществ, Временное правительство не стало проводить перерегистрацию уже существующих общественных объединений. В соответствии с новым законодательством регистрироваться должны были только вновь создаваемые организации.

Некоторые научные общества после революции сами стремились изменить свои уставы, адаптировав их под новые реалии, и поэтому проходили перерегистрацию. Например, Русское историческое общество сразу после Февральской революции, изменив свой устав, перерегистрировалось 27 апреля 1917 г. в Министерстве народного просвещения³².

В 1917 г. в Петрограде было зарегистрировано всего три вновь образованных научных общества: Общество российских рентгенологов и ра-

29 Там же. С. 1587–1588.

30 Там же. С. 1588.

31 Там же.

32 Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2555. Оп. 1. Д. 65. Л. 51а–51г.

диологов, Общество русских физиологов им. И. М. Сеченова и Общество изучения русской революции.

После Февральской революции взаимоотношения власти и научных обществ стали строиться на более демократических началах. Однако ввиду недолгой практики применения рассмотренные постановления Временного правительства не сыграли существенной роли в дальнейшем развитии правовых основ существования общественных организаций, в том числе и научных обществ, и их взаимоотношений с властью. К сожалению, время и возможность реализации упомянутых законодательных инициатив были сильно ограничены, так как все нормативно-правовые акты Временного правительства были отменены Октябрьской революцией.

2.3. ПЕРВЫЕ ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И СУДЬБА НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ

Октябрьская революция отменила все предшествующее законодательство, поэтому в первые послереволюционные годы важнейшим направлением деятельности советской власти стало законотворчество, направленное на формирование нового общественного строя.

Несмотря на то что система дореволюционных общественных организаций после октябрьских событий некоторое время продолжала функционировать в неизменном виде, уже первые большевистские декреты кардинальным образом изменили жизнь научных обществ. Так, большое влияние на деятельность научных обществ оказал принятый 27 октября 1917 г. и подписанный лично В. И. Лениным Декрет о печати³³, который привел к ликвидации небольшевистских газет и журналов. Это в совокупности с крушением издательского рынка и закрытием книжных магазинов привело к тому, что ученые были лишены источников научной информации, прекратили печататься их труды, а научные общества потеряли один из источников дохода. Даже по прошествии нескольких лет эта проблема не была преодолена. В частности, биолог Б. М. Завадский в 1921 г. одним из выражений кризиса советской науки считал исчезновение научных журналов. Он писал: «Мы потеряли тот простой путь, через который общество и специалисты могли бы держаться в курсе научных работ и проблем современности. Мы не только оторваны от науки Запа-

³³ Декрет о печати // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1917. № 1. Ст. 4.

да, мы часто не знаем даже того, что делается в научных лабораториях своего же города и тем более — родной страны в ее целом»³⁴.

Другими советскими декретами само существование научных обществ было поставлено под угрозу. В результате действия декрета Всероссийского центрального исполнительного комитета «О национализации банков»³⁵, принятого 27 (14) декабря 1917 г., и дополнившего его декрета Совета народных комиссаров «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков»³⁶, опубликованного 8 февраля (26 января) 1918 г., научные общества лишились своих капиталов.

Государственные субсидии, пожертвования, членские взносы, средства от продажи изданий и прибыль от различных мероприятий являлись основными источниками доходов научных обществ, на которые они осуществляли деятельность. Согласно дореволюционному законодательству они обязаны были хранить денежные средства в виде процентных бумаг как «правительственных», так и «гарантированных правительством городских и земских кредитных» учреждений. Денежные суммы также могли быть «помещаемы для приращения процентами» в местные государственные кредитные учреждения или, «с надлежащего разрешения», в частные³⁷. Например, средства Русского технического общества находились в Государственном и Волго-Камском банках³⁸, Русское общество любителей мироведения хранило свои средства в Государственной сберегательной кассе и в Обществе взаимного кредита Петроградского уездного земства³⁹, Российское минералогическое общество имело вклад под проценты в Государственном банке⁴⁰ и т. д.

В условиях отсутствия денежных средств некоторые научные общества самораспускались (Юридическое общество при Петроградском университете, Российское общество ревнителей истории, и др.) или приостанавливали деятельность на неопределенный срок (Антропологическое общества при Петроградском университете, Петроградское одонтологическое общество, Петроградское отоларингологическое общества, Философское общество при Петроградском университете и др.). К сожа-

34 *Завадский Б. М.* Наука в Советской России (Впечатление о работах петербургских физиологических лабораторий) // Красная новь. 1921. № 4. С. 128.

35 Декрет ВЦИК «О национализации банков» // СУ РСФСР. 1917. № 10. Ст. 150. С. 149–150.

36 Декрет СНК «О конфискации акционерных капиталов бывших частных банков» // СУ РСФСР. 1918. № 19. Ст. 295. С. 286–287.

37 См. об этом: *Плато К. Г.* Положение о частных обществах, учреждаемых с разрешения Министерств, Губернаторов и Градоначальников. Рига, 1903. С. 5.

38 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 134.

39 Там же. Д. 59. Л. 13.

40 Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 19. Д. 56. Л. 1.

лению, в дальнейшем не все общества, избравшие второй путь, смогли вернуться к работе.

Продолжавшие функционировать научные объединения (Русское техническое общество, Российское минералогическое общество, Русское географическое общество и др.), лишённые основных средств, поддерживали свою активность только на членские взносы и пожертвования, но девальвация валюты сделала их положение ещё более тяжёлым. К середине 1918 г. стало очевидно, что дальнейшее существование научных обществ без государственной финансовой помощи невозможно, и они были вынуждены обратиться к советским административным органам за субсидиями. Получая финансовую помощь⁴¹ от государства, научные общества оказывались в неоднозначном положении, при котором, будучи общественными организациями, вследствие отсутствия собственных денежных средств, они впадали в финансовую зависимость от государства. В этой связи чрезвычайную важность приобретал для них вопрос собственного статуса в новой системе организации науки. Так, Общество естествоиспытателей при Петроградском университете, «вследствие его лишения права держания собственных капиталов, пожертвованных обществу для научных целей, и пользования с них процентами, составлявшими значительную долю доходных статей ежегодных смет общества»⁴², 11 декабря 1918 г. обращалось в Научный отдел Наркомпроса с просьбой определить статус общества. Совет общества предполагал, что в связи с национализацией его средств общество переходит «на положение государственного учреждения, финансовая жизнь которого поддерживается исключительно правительственными ассигнованиями»⁴³. Отдельные научные общества считали себя частными организациями, финансово зависящими от государства. Например, Отдел ученых учреждений и высших учебных заведений в Петрограде в марте 1919 г. сообщал Наркомпросу, что «Общество любителей древней письменности не есть государственное учреждение, а частное общество, получающее от государства субсидию»⁴⁴.

Власть, несмотря на вполне обоснованные вопросы со стороны обществ, не была готова четко сформулировать свою позицию по этому вопросу. С одной стороны, Петроградское управление научными учреждениями в 1922 г. отмечало, что научные «общества, как это явствует из их уставов и самого существа обществ, не содержатся и не могут содер-

41 О финансовой поддержке, оказываемой советской властью научным обществам, подробнее см. в Главе 3.

42 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 63. Л. 7.

43 Там же. Д. 58. Л. 7 об.

44 Там же. Д. 60. Л. 151.

жаться на средства государства, тем более в настоящее, исключительно трудное по финансовым условиям время»⁴⁵. Далее в документе указывалось: «Общества живут самостоятельностью своих членов, труды коих не оплачиваются и которые сами участвуют в расходах по содержанию общества путем членских взносов и т. п.»⁴⁶. С другой стороны, Наркомпрос и Главнаука требовали от научных обществ выполнения всех постановлений и циркуляров, которые рассылались им наравне с другими подведомственными научными учреждениями.

Вопросы вызывало и имущественно-материальное положение научных обществ, до революции обладавших не только денежными капиталами, но и ценным имуществом, в том числе и недвижимостью. Декрет, принятый ВЦИК 20 августа 1918 г., отменял частную собственность на недвижимость⁴⁷, а следовательно, научные общества переставали быть хозяевами своих собственных помещений. Это обстоятельство сильно сказывалось на деятельности обществ, заставляя их тесно взаимодействовать с властью в этом направлении. За разрешением возникавших трудностей общества обращались как в местные административно органы, так и в столичные. Президент Русского географического общества Ю. М. Шокальский был вынужден «хлопотать и в Ленинградском совете, а чаще выезжать в Москву и там выступать в центральных органах», так как «приходилось отстаивать дом [Географического общества] от разных организаций, стремившихся получить его то под школу балетного искусства, то под какой-нибудь клуб»⁴⁸.

В отдельных случаях помещения одного научного общества передавались другому. Так, например, поступили в начале 1920 г. с Вольным экономическим обществом, которое, по мнению власти, в это «трудное и переходное время» было дезорганизовано и не вело активной деятельности. Их помещения отошли к Научному обществу марксистов⁴⁹. Последнее было создано в декабре 1919 г., причем целью его работы были «разработка идей марксизма и распространение марксистского мировоззрения»⁵⁰, поэтому оно пользовалось безоговорочной поддержкой властей и занимало приоритетное положение.

45 Там же. Д. 542. Л. 42.

46 Там же.

47 Декрет ВЦИК «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах» // СУ РСФСР. № 62. Ст. 674. С. 743–746.

48 Семенов-Тянь-Шанский В. П., Герасимов А. П., Орлов Б. П. Юлий Михайлович Шокальский и Всесоюзное географическое общество // Памяти Юлия Михайловича Шокальского. Сборник статей и материалов. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1946. Ч. 1. С. 134.

49 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 260. Л. 1.

50 Там же. Д. 265. Л. 2.

Таким образом, первые декреты советской власти поставили общества в жесткую зависимость от государства, так как они были лишены финансовой независимости и перестали быть хозяевами своих собственных помещений.

2.4. ЛЕГИТИМАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ

В первые же месяцы после Октябрьской революции были приняты меры к организации государственной системы руководства наукой. В декабре 1917 г. в составе Наркомпроса начал работать Научный отдел, созданный для руководства всеми научными учреждениями и организациями республики⁵¹, в том числе и научными обществами. 27 июня 1918 г. Научный отдел Наркомпроса разослал всем научным обществам специальное «Обращение»⁵². Этот документ представляет значительный интерес, так как является свидетельством установления первого контакта советской власти с научными обществами. В нем излагались основные принципы, на которых власть предлагала научным обществам взаимодействовать с ней. Необходимо отметить, что для научных обществ в первые годы советской власти главными были вопросы жизнедеятельности, а именно получение субсидий, оплата штатных сотрудников, покупка инвентаря, пополнение библиотеки, поиски средств для издания трудов, организации командировок и экспедиций, хозяйственные расходы, обеспеченность помещением и т. п., поэтому они охотно шли на контакт с новой советской властью. В связи с этим обоснованным представляется мнение Э. И. Колчинского, что «деньги становились решающим фактором, подталкивающим ученых к диалогу с властями»⁵³. Утверждение же некоторых современных авторов о том, что «вне зависимости от специализации обществ, большинство имевших дореволюционную историю занимали идеологически самостоятельные позиции, выступая против идеологического диктата»⁵⁴, напротив, вызывает сомнения.

Наркомпрос, «желая самого тесного сотрудничества с научными обществами», готов был поддерживать работу обществ при условии «быть

51 *Бастракова М. С.* Предисловие // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л.: Наука, 1968. С. 5.

52 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 63. Л. 57–57 об.

53 *Колчинский Э. И.* Академия наук в турбулентном поле революции 1917 г. // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2018. № 2. С. 95.

54 *Берлявский Л. Г.* Отечественная наука и политика в 1920-е–1930-е гг. Ростов-на-Дону: ИМД «Логос», 1996. С. 19.

осведомленным во всех начинаниях и повседневной работе»⁵⁵. Одновременно с этим Наркомпрос требовал от научных обществ культурно-просветительной работы среди широких слоев населения, по средствам организации научно-популярных лекций и курсов по различным отраслям знания, издательства научно-популярных брошюр и книг, а также устройства показательных выставок⁵⁶.

Вместе с «Обращением» рассылался анкетный лист для заполнения. Научные общества должны были доставить заполненные документы в Научный отдел до конца июля 1918 г. Необходимо было указать название общества, точный адрес, сообщить информацию о помещениях общества, а также с какими научными обществами и учреждениями общество «находится в связи»⁵⁷. Интересовали властные органы и основные статистические показатели: количество заседаний, их средняя посещаемость, количество докладов, число членов. Отдельным пунктом в анкете значился финансовый отчет, включающий данные о средствах общества, которыми пользовалось общество до революции, статьи доходов и расходов за истекший год, а также каковы были «неотложные нужды общества, удовлетворение которых представляет жизненную необходимость для общества»⁵⁸.

Научный отдел также просил научные общества представить их уставы, «печатные научные труды, периодические издания и протоколы заседаний за последнее время»⁵⁹, а также впредь оповещать отдел о «всех более или менее значительных начинаниях обществ», присылать повестки на заседания и все научные труды, а также сообщать «раз в три месяца о деятельности общества за этот период»⁶⁰.

Таким образом, на нормативном уровне закреплялась поквартальная отчетность научных обществ перед Наркомпросом и ее форма, а также порядок взаимодействия научных обществ с властью в первые послереволюционные годы. «Обращение» также фактически являлось требованием регистрации научных обществ в новых советских административных органах. Общества направляли свои уставы практически без изменений, зачастую просто вычеркивая приметы дореволюционного времени (например, слова «Императорский» из названия университета, или упоминания членов императорской фамилии). Тем не менее некоторые из научных обществ (например, Русское общество любителей миропведения, Общество гражданских инженеров) все же вносили коррек-

55 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 63. Л. 57.

56 Там же.

57 Там же. Л. 58.

58 Там же: Л. 58 об.

59 Там же. Л. 57 об.

60 Там же.

тивы в свои дореволюционные уставы «в соответствии с современным положением»⁶¹.

Право на объединения было подтверждено Конституцией РСФСР, принятой V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г. В 16-м пункте пятой главы об этом говорилось следующее: «В целях обеспечения за трудящимися действительно свободы союзов, РСФСР оказывает рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения и организации»⁶².

Тогда же было принято постановление об обязательной регистрации общественных организаций в Петрограде⁶³. Незарегистрированные исполкомами советов добровольные общества и союзы автоматически подлежали закрытию, а их имущество и оборудование передавались на баланс соответствующих ведомств.

Уставы утверждались в административных отделах местных органов НКВД. Так, например, в Петрограде научные общества направляли документы для регистрации в Административный подотдел Отдела управления Губисполкома. Общество вносилось в «Реестр обществ и союзов». Так, 4 сентября 1919 г. Русское палестинское общество было зарегистрировано и внесено в реестр под № 17⁶⁴. Русское историческое общество 17 октября 1919 г. зарегистрировано и внесено в реестр под № 44⁶⁵. 18 ноября 1919 г. Русское общество любителей мироведения зарегистрировано под № 53⁶⁶. Общество страховых знаний 25 ноября 1919 г. под № 57⁶⁷. Общество гражданских инженеров 10 февраля 1920 г. было внесено под № 124⁶⁸ и т. д.

Кроме удостоверения о регистрации, обществу возвращался один экземпляр устава с соответствующим штампом. Но это еще не означало завершения процесса. Общества должны были зарегистрироваться еще в райисполкоме, а затем научные общества направляли свои документы в местный орган Наркомпроса. Важно, что в процессе регистрации в Наркомпрос обращались органы губисполкома, чтобы получить заключение по каждому конкретному обществу. Эти документы имели стандартную форму. Приведем заключение на Русское техническое об-

61 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 184. Л. 26.

62 Конституция (основной закон) Российской социалистической федеративной советской республики: Постановление 5-го Всерос. съезда Советов, принятое в заседании 10 июля 1918 г. М.: Агит. отд. Моск. сов. р. и к.д., 1918. С. 24.

63 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 107.

64 Там же. Д. 926. Л. 15.

65 Там же. Ф. 1001. Оп. 9. Д. 1. Л. 44 об.

66 Там же: Л. 53 об.

67 Там же. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 188. Л. 1.

68 Там же. Д. 184. Л. 28.

щество Петроградского управления научных учреждений: «Учредители известны, как соответствующие деятели. Цели Общества при настоящих политико-экономических условиях достижимы. Согласно § 2 Устава и по своей многолетней научно-практической работе Общество является весьма важным и ценным Учреждением для Республики, особенно в настоящий период ломки и строительства»⁶⁹.

Тем не менее масштабная кампания по перерегистрации всех общественных организаций была объявлена вновь уже по окончании Гражданской войны правительственным постановлением, утвержденным 12 июня 1922 г. и состоящим всего из двух пунктов. Общества (в том числе и научные) подлежали регистрации в НКВД в двухнедельный срок с момента опубликования этого постановления⁷⁰, при этом не допускалась регистрация новых обществ без «утверждения устава соответствующим органом»⁷¹. Также подчеркивалось, что «общества <...> не зарегистрировавшиеся в указанный срок, подлежат немедленной ликвидации»⁷². Несмотря на то что указанный документ закреплял на законодательном уровне процедуры регистрации организаций, он был очень кратким и не регулировал порядок регистрации, функционирования и ликвидации обществ.

Административная практика взаимоотношений власти и научных обществ к окончанию Гражданской войны прошла определенное развитие. Назрела необходимость закрепления выработанных форм взаимодействия на законодательном уровне. В связи с этим создание комплексного законодательно-нормативного акта, регулирующего все эти процессы, стало неизбежным.

2.5. НОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Первым советским законом об общественных организациях стало Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли,

⁶⁹ Там же. Ф. 1001. Оп. 6. Д. 1. Л. 14.

⁷⁰ Декрет ВЦИК «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний различных союзов и объединений и о регистрации этих организаций» // СУ РСФСР. 1922. № 40. Ст. 477. С. 650.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

и порядке надзора за ними»⁷³, принятое 3 августа 1922 г. После его публикации началась кампания по массовой перерегистрации обществ.

По объективному утверждению отечественного историка И. Н. Ильиной, Постановление от 3 августа 1922 г. определило порядок регистрации обществ, «фактически позаимствовав его из дореволюционного законодательства»⁷⁴, т. е. Временных правил об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. Однако при анализе текста Постановления 1922 г. выявляются очевидные совпадения не только с этим законодательным актом, но и с распоряжениями Временного правительства 1917 г.

Постановление 1922 г. представляло собой довольно краткий документ, состоящий всего из восьми пунктов, в соответствии с которыми должны были регистрироваться «общества <...> не преследующие цели извлечения прибыли для осуществления своей деятельности на территории РСФСР»⁷⁵. Под действие Временных правил 1906 г., так же как и Постановлений Временного правительства 1917 г., подходили только те объединения, которые также не ставили своей целью получение прибыли⁷⁶.

Нельзя не отметить солидарность Постановления 1922 г. с законодательным актом Временного правительства от 12 апреля 1917 г.⁷⁷ по вопросу членства в обществах. Ни тот, ни другой документ не содержали требований, которые могли бы ограничить участие граждан в работе общественных организаций. Тогда как во Временных правилах от 4 марта 1906 г. таковые были.

Согласно Постановлению 1922 г. обществу для регистрации необходимо было представить проект устава в трех экземплярах «вместе с заявлением об утверждении, с указанием имени, фамилии, адресов учредителей в числе не менее десяти и за их подписями»⁷⁸, что в целом соот-

73 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» // СУ РСФСР. 1922. № 49. Ст. 622. С. 787.

74 Ильина И. Н. Общественные организации в России в 1920-е годы. С. 49.

75 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» // СУ РСФСР. 1922. № 49. Ст. 622. С. 787.

76 Временные правила об обществах и союзах. Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. // Российское законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Т. 9. М., 1994. С. 206; О регистрации товариществ, обществ и союзов // СУ. 1917. № 165. Ст. 907. С. 1588.

77 О собраниях и союзах // СУ. 1917. № 98. Ст. 540. С. 848–849.

78 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» // СУ РСФСР. 1922. № 49. Ст. 622. С. 787.

ветствовало требованиям как Временных правил 1906 г.⁷⁹, так и Постановлению Временного правительства⁸⁰.

Четвертый пункт Постановления 1922 г., указывающий, какие сведения должны были содержаться в уставе регистрирующейся организации, практически дословно повторяет соответствующий п. 21 Временных правил⁸¹. Таким же образом, как и в Правилах 1906 г., в Постановлении 1922 г. устав уже зарегистрированного общества можно было изменить только путем «нового утверждения <...> устава»⁸², т. е. фактически общество должно было, как и прежде, проходить перерегистрацию⁸³.

Совершенно новым по сравнению с предшествующим законодательством было то, что регистрирующий орган теперь зависел от масштабов деятельности общества. Если район деятельности общества ограничивался одной губернией или областью, проект устава представлялся в отдел управления губернских исполнительных комитетов или областных исполнительных комитетов. Общества, масштаб деятельности которых выходил за пределы одной губернии или области, проекты своих уставов направляли на утверждение в Народный комиссариат внутренних дел через соответствующий областной или губернский отделы управления. Непосредственно в Народный комиссариат внутренних дел представлялись уставы обществ, предусматривающие деятельность во всероссийском масштабе. До Октябрьской революции регистрирующий орган для всех обществ был регионального уровня (губернское по делам об обществах и союзах присутствие, окружной суд).

Народный комиссариат внутренних дел и его местные органы по Постановлению 1922 г. не могли не принять проекты уставов для утверждения, причем названные органы были обязаны в месячный срок со дня поступления к ним устава сообщить учредителям общества об

79 Временные правила об обществах и союзах. Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. // Российское законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Т. 9. М., 1994. С. 209.

80 О регистрации товариществ, обществ и союзов // СУ. 1917. № 165. Ст. 907. С. 1586.

81 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» // СУ РСФСР. 1922. № 49. Ст. 622. С. 787; Временные правила об обществах и союзах. Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. // Российское законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Т. 9. М., 1994. С. 209.

82 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» // СУ РСФСР. 1922. № 49. Ст. 622. С. 787.

83 Временные правила об обществах и союзах. Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. // Российское законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Т. 9. М., 1994. С. 209.

утверждении или отказе в таковом, «в последнем случае с указанием мотивов отказа»⁸⁴. Необходимо подчеркнуть, что Временные правила 1906 г. и Постановление Временного правительства 19 июля 1917 г. также предусматривали только месяц для вынесения решения о регистрации⁸⁵.

По положению 1922 г. отказать в регистрации могли, только если «утверждаемое общество или союз по своим целям или методам деятельности противоречат Конституции РСФСР и ее законам»⁸⁶. Однако и отказ мог быть обжалован в президиуме губисполкома или в президиуме ВЦИК.

Постановление от 3 августа 1922 г. имело важное значение для развития общественных организаций, так как оно оформило основы их взаимоотношений с советской властью на раннем этапе формирования новой государственности.

Особо следует отметить, что Постановление об обществах и союзах было встречено эмигрантскими кругами по-разному. Газета «Накануне» — печатный орган сменовеховцев — приняла документ восторженно, т.к., по их мнению, он вводил «в русское законодательство право граждан РСФСР объединяться в общества и союзы любого рода»⁸⁷. Меньшевистский журнал «Социалистический вестник», напротив, писал, что «разрешительный порядок открытия обществ, выдача разрешений полицейским ведомством г[осподи]на Дзержинского (Наркомвнудел); контроль того же ведомства над деятельностью обществ и предоставление ему права ревизии их денежных операций; закрытие обществ решением того же ведомства (не суда!)» ограничивают свободу советских граждан на объединение, что означает «закрепление в законе того бесправия, которым они фактически пользовались до сих пор — вопреки конституции»⁸⁸.

Вследствии Постановление 1922 г. заслужило противоречивые оценки и историков. Например, И. Н. Ильиной он расценивался как «достаточно либеральный»⁸⁹, такого же мнения был и американский ис-

84 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» // СУ РСФСР. 1922. № 49. Ст. 622. С. 787.

85 Временные правила об обществах и союзах. Временные правила об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. // Российское законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. Т. 9. М., 1994. С. 209; О регистрации товариществ, обществ и союзов // СУ. 1917. № 165. Ст. 907. С. 1587.

86 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке утверждения и регистрации обществ и союзов, не преследующих цели извлечения прибыли, и порядке надзора за ними» // СУ РСФСР. 1922. № 49. Ст. 622. С. 787.

87 М. Не скопляйся // Социалистический вестник. 1922. № 17. С. 7.

88 Там же.

89 Ильина И. Н. Общественные организации в России в 1920-е годы. С. 56.

следователь Дж. Брэдли⁹⁰. Напротив, Н. В. Киселева считала, что «регистрация НКВД того или иного общества или отказ в ней стали составной частью процесса селекции обществ по социальным, политическим и идеологическим мотивам»⁹¹.

Не следует, однако, забывать, что справедливую оценку какому-либо нормативному документу можно дать, если оценивать не только его содержание как таковое, а то, каким образом его основные положения воплощались на практике.

Таким образом, в хаосе первых послереволюционных лет происходило формирование новой системы государственного управления. Изменение законодательно-нормативных основ взаимоотношений власти и научных обществ отражало уровень государственного присутствия в деятельности научных организаций и структур общественной сферы и в силу этого может служить маркером складывающегося политического режима.

В первые послереволюционные годы власть старалась оказывать научным обществам финансовую и материальную поддержку, хотя, так же как и до революции, она была дифференцированной. Таким образом, общества, для которых в новых политико-экономических условиях практически единственным источником средств осталось государство, попали от него в полную зависимость.

Окончание Гражданской войны и переход к новой экономической политике означали наступление периода мирного развития страны, что позволило государственной власти начать работу по упорядочению общественной сферы. Именно достижению этой цели способствовали принятые в 1922 г. законодательные акты.

⁹⁰ Брэдли Дж. Добровольные общества в Советской России. 1917–1932 гг. // Вестник Московского государственного университета. Серия 8. История. 1994. № 4. С. 37.

⁹¹ Киселева Н. В. 1998. Возникновение советского феномена массовых добровольных обществ. Ростов-на-Дону: РГУ, 1998. С. 40.

ГЛАВА 3.

Научные общества в годы кризиса: проблемы выживания и взаимодействия с советской властью

3.1. УСТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТНОГО КОНТРОЛЯ НАД СИСТЕМОЙ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ

До Октябрьской революции научные общества находились в ведении Министерства народного просвещения. После прихода к власти большевиков вопросы организации образования и науки, согласно декрету СНК от 9 (22) ноября 1917 г., стала курировать Государственная комиссия по просвещению¹. Ее Научный отдел весной 1918 г. провел масштабную работу по сбору и изучению сведений о ведущих научных коллективах страны. Внимательное знакомство с историей, традициями и направлением эволюции в предреволюционные годы этих научных организаций, позволило не только оценить их потенциал, но и выработать определенную тактику по отношению к каждому из них².

¹ Декрет СНК «Об учреждении Государственной комиссии по просвещению (ГКП)» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства (СУ РСФСР). 1917. № 31. Ст. 32. С. 20–22.

² *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917–1922). М., 1973. С. 132.

Дальнейшая работа с образовательными и научными учреждениями проводилась силами, созданного в июне 1918 г.³ Народного комиссариата по просвещения (Наркомпрос), который унаследовал функции бывшего министерства. До создания его местных административно-научных органов все научные общества взаимодействовали с Научным отделом Наркомпроса, располагавшимся в Москве. Научные общества отправляли туда отчеты о своей деятельности за 1914–1918 гг., обращались по финансовым и другим вопросам.

Осенью 1918 г. стали создаваться административные органы Наркомпроса на местах. С этого момента научным обществам пришлось налаживать отношения уже с местной властью.

Например, 1 октября был создан Научный отдел Наркомпроса в Петрограде. А 28 октября 1918 г. из Москвы циркулярно до подведомственных учреждений и обществ Петрограда было доведено, что «впредь устанавливается совершенно определенный и единый порядок рассмотрения всех вопросов о сметах, сверхсметных ассигнованиях, субсидиях, а также об изменении штатов, образовании новых учреждений, отделов и т. д.». Таким образом, со всеми вопросами эти организации могли обращаться «только через Научный отдел Народного комиссариата по просвещению в Петрограде»⁴.

Прежде всего, Научный отдел взял на учет исследовательские учреждения и ученых Северной области⁵. Составленные отделом списки научных обществ и учреждений⁶ требовали «критической проверки» относительно «фактического существования» включенных в них организаций и их научного характера⁷. Для этого отделом было проведено анкетирование, в ходе которого к началу ноября 1918 г. пришло 83 ответа⁸.

Научный отдел тогда же сообщал, что «количество научных обществ <...> можно признать чрезмерно большим, если оценивать его с точки зрения входящих в их состав научных сил и количества производимой

3 Положение об организации дела народного образования в Российской Республике // СУ РСФСР. 1918. № 46. Ст. 551.

4 Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 2555. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

5 *Макеева В. Н.* К истории создания и деятельности органов по руководству наукой в Петрограде-Ленинграде в 1917–1925 гг. // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. Вып. III. Л.: Б. и., 1970. С. 215.

6 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2, 4–21.

7 Информация Комиссариата по просвещению СКСО о деятельности его Научного отдела // Организация науки в первые годы Советской власти (1917–1925). Сборник документов. Л.: Наука, 1968. С. 28.

8 Там же.

работы»⁹. Однако не уточнялось, какое количество научных обществ оценивалось отделом.

В феврале 1919 г., после упразднения Союза коммун Северной области (СКСО) был создан Петроградский отдел ученых учреждений и высших учебных заведений, переименованный в дальнейшем в Петроградское управление научных и научно-художественных учреждений (ПУНУ) Академического центра¹⁰, возглавляемый М. П. Кристи. Управление системой научных обществ Петрограда ПУНУ велось посредством циркуляров, приказов и отношений, причем формы осуществления властного контроля были разнообразны.

Научные общества по дореволюционной традиции регулярно направляли годовые отчеты о своей деятельности во властные органы. Кроме того, желая наладить с новой властью доброжелательные отношения, научные общества направляли объяснительные записки и другие материалы, посвященные той научной области, которая являлась предметом их занятий, подчеркивая тем самым важность своего дальнейшего существования и необходимость государственной поддержки. Например, секретарь Русского библиологического общества приват-доцент Э. А. Вольтер написал и отправил небольшую статью «Что такое библиография», в которой доказывал большое значение библиографии как науки, перечислял методы исследования и т. п.¹¹

Сведения об обществе могли быть затребованы лично представителем власти. Так, в 1920 г. «согласно выраженному заведующим отделом М. П. Кристи желанию» были запрошены все сведения о деятельности Русского энтомологического общества¹². В ответ Совет общества отправил в отдел очерк о деятельности общества за все время его существования (1860–1920 гг.), отчеты за 1910–1919 гг. и «образцы изданий общества». Также в 1920 г. секретарь Русского технического общества В. В. Старостин в ответ на просьбу эmissара Подотдела ученых учреждений и высших учебных заведений Л. Л. Мищенко направил ему сведения о деятельности общества «в данное время и за прошедший год, а также виды на его будущее»¹³.

Систематический сбор сведений о научных обществах стал осуществляться Наркомпросом с 1920 г., так как им была поставлена задача в «ближайшем будущем приступить к созданию могучей научной организации с целью широкого развития и выявления всех творческих,

⁹ Там же.

¹⁰ *Макеева В. Н.* Указ. соч. С. 215.

¹¹ Там же. Д. 62. Л. 17–17а об.

¹² Там же. Д. 180. Л. 4.

¹³ Там же. Д. 58. Л. 130.

научных сил страны», а поэтому Научный отдел посчитал: «первою обязанностью является идти навстречу всякому начинанию, направленному к углублению и расцвету науки»¹⁴. 13 января 1920 г. Научный отдел направил по всем научным учреждениям и обществам циркуляр и анкету, которую необходимо было заполнить в недельный срок¹⁵. Уложиться в такой короткий промежуток времени было чрезвычайно сложно для научных обществ, учитывая географию их распространения по стране.

Кроме того, в циркуляре также указывалось, что впредь такие сведения следует присылать «через каждые три месяца», т. е. таким образом устанавливался весьма определенный порядок взаимодействия власти и научных обществ, сроки и форма которого теперь были нормативно закреплены. При этом Научный отдел просил «не ограничиваться пределами настоящей анкеты и в ответах изложить все, что представляется существенным»¹⁶.

Разосланная по научным обществам анкета требовала ответы на следующие вопросы: название общества; адрес и телефон председателя и секретаря общества; год основания общества; когда и кем утвержден устав; кто является председателем и секретарем общества; каков личный состав организации (почетные, действительные члены, сотрудники, корреспонденты, соревнователи); какова структура общества; есть ли иногородние отделы, отделения, комиссия, станции и вспомогательные учреждения: библиотеки (число названий и томов), музеи, архивы; какие имеются связи с другими учреждениями и обществами по научной и организационной линиям; когда и кем общество было обследовано за последнее пятилетие¹⁷.

Далее Научный отдел запрашивал информацию по разделам:

1. Научная часть: задачи общества; работа общества: теоретическая, лабораторная, экспедиционная и экскурсионная, культурно-просветительная (курсы, лекции, демонстрации и т. п.); издательская деятельность (количество листов, ежегодники, журналы, справочники, книги, брошюры — оригинальные и переводные): отчетного характера: издано, готово к изданию; научного характера, монографические, популярные работы: издано, готово к изданию; участие в съездах, конференциях, совещаниях и в работах других учреждений¹⁸.

2. Административно-хозяйственная часть: состав административно-хозяйственных органов; помещение (самостоятельное здание, квар-

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2306. Оп. 2. Д. 140. Л. 11.

¹⁵ Там же. Л. 12.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 23–23 об.

¹⁸ Там же. Л. 23 об.

тира полностью или частью); квадратура и кубатура (количество комнат); научное оборудование; техническое оборудование.

3. Финансовая часть: сумма поступлений от иных ведомств и учреждений (субсидии, взносы, пожертвования); членские взносы (размер и общая сумма); доходы от изданий, лекций, выставок и пр.; срочное сообщение о всех дополнениях и изменениях, происходящих в обществе¹⁹.

К сожалению, требование власти не было выполнено и сведений от учреждений и обществ в Наркомпрос не поступило. В связи с этим Научный отдел повторно, 22 мая 1920 г., направил ту же анкету и просил «о доставлении однородных сведений через каждые три месяца»²⁰.

На местном уровне параллельно происходил сбор дополнительных сведений. Так, в марте 1921 г. ПУНУ обратилось к научным обществам Петрограда с просьбой сообщить дату последней регистрации и прислать действующие уставы²¹. Через несколько месяцев ПУНУ запросило у этих организаций «объяснительную записку о характере деятельности»²². Осенью того же года по всем научным обществам Петрограда были разосланы анкеты с просьбой сообщить точное название, адрес и телефон, дату основания, рассказать о задачах, организации управления обществом и т. п.²³ Среди вопросов был и такой: «Изменения, произошедшие с 1917 г.: а) прежнее название, б) последовательное его преобразование, в) изменения в характере работ и в задачах»²⁴. Также в анкету были включены вопросы о наличии в обществе «комитетов служащих» (профсоюзных организаций) и «коллективов коммунистов» (партийных ячеек)²⁵.

Опираясь на полученные материалы, власть перешла к укреплению существовавших и выработке новых форм контроля над деятельностью научных обществ.

В 1921 г. Научный отдел Наркомпроса был преобразован в Главное управление научными, научно-художественными и музейными учреждениями (Главнаука). На местах стали создаваться отделения Главнауки.

В сентябре 1921 г. появилось требование, существовавшее ранее в царской России, о том, что все подведомственные Главнауке учреждения и общества обязаны были впредь информировать властные органы обо всех «имеющих состояться в данном учреждении или обществе конфе-

¹⁹ Там же. Л. 24.

²⁰ Там же. Л. 15.

²¹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 59. Л. 39; Д. 182. Л. 7–7 об.; Д. 184. Л. 28.

²² Там же. Д. 352. Л. 2.

²³ Там же. Д. 341. Л. 1–2; Д. 351. Л. 1–2; Д. 353. Л. 2–2об; Д. 354. Л. 2–3; Д. 355. Л. 3–4; Д. 356. Л. 1–2,7–8; Д. 357. Л. 1–2; Д. 358. Л. 1–1об; Д. 361. Л. 1–2; Д. 909. Л. 1–3; Д. 910. Л. 1–2; Д. 11. Л. 1–5об; Д. 912. Л. 1–2; Д. 913. Л. 1–2.

²⁴ Там же. Д. 341. Л. 1 об.

²⁵ Там же. Л. 2.

ренциях, советах, факультетах и всех вообще ученых заседаниях, прилагая указанный порядок дня (повестки)»²⁶. Причем эти сведения необходимо сообщать «не позднее как за день до заседания».

Управление системой научных обществ осуществлялось посредством издания различных циркуляров, причем, появившись в центре, они дублировались местными властными органами Наркомпроса. И вся информация в центр направлялась уже после того, как с ней ознакомились на местах. Такой порядок был не только в интересах местной власти, которая должна была непосредственно контролировать подведомственные организации, но и центральной бюрократии — мелкие дела решались на местном уровне. Примечательно, что в Петрограде возникали проблемы с субординацией научных обществ. Видимо, ученые города еще не успели осознать утрату столичного статуса своих организаций. В результате, ПУНУ «в виду непрекращающихся случаев непосредственного обращения со стороны научных учреждений и обществ в Государственный ученый совет <...> и другие центральные учреждения» было вынуждено выпустить в 1921 г. специальный циркуляр. Согласно документу, всякого рода заявления и ходатайства о нуждах научных учреждений и обществ должны были быть направляемы «в интересах как скорейшего движения дел, так и соблюдения установленного порядка» непосредственно в ПУНУ²⁷.

Основной целью реформ органов управления наукой сразу после революции и в начале 1920-х гг. было усиление контроля над деятельностью научных организаций, в том числе и научных обществ. Новая власть планировала широко использовать науку в интересах «социалистического» строительства. В связи с этим перед ней встала задача сбора как можно более полных сведений об имеющихся научных кадрах, организациях и интеллектуальных ресурсах. Получаемая административным путем информация помогла решить и другую задачу — надзор за деятельностью научных обществ и их составом. Этому способствовало создание местных органов управления наукой и все более регламентированная и формализованная отчетность. В последующие годы формы контроля и отчетность научных учреждений и организаций только усложнялись, что во многом приводило к бюрократизации их деятельности и увеличению документооборота.

26 Там же. Д. 9. Л. 127. Стиль документа сохранен.

27 Там же. Л. 121.

3.2. ГОСПОДДЕРЖКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УЧЕНЫХ

Пришедшие к власти большевики, увлеченные идеей сциентизма, рассчитывали использовать науку для создания сильного военно-промышленного комплекса, поднятия сельскохозяйственного производства и новых форм социальной жизни, а также идеологического оправдания своей политики и повышения своего международного авторитета. Очевидно, что эти цели могли быть достигнуты только по-новому организованной советской наукой. Интенсивно стали создаваться научные учреждения, университеты, кафедры, журналы. В частности, в первые после-революционные годы было создано 33 исследовательских института²⁸.

Однако власть не могла обойтись без «старорежимных» ученых и дореволюционных форм организации науки. Несмотря на экономический, социальный и политический кризис, научные общества продолжили функционировать, оставаясь неотъемлемой частью системы самоорганизации науки. В попытках соответствовать представлению власти о советской науке, в некоторых научных обществах создавались новые отделы прикладного характера: при Обществе гражданских инженеров была открыта «мастерская для приема и выполнения технических заданий»²⁹, в Русском энтомологическом обществе появилось отделение прикладной энтомологии³⁰, Русское техническое общество организовало в своем составе Комиссию по общей реформе технического и профессионального образования³¹, Комитет Севера под председательством Ю. М. Шокальского был создан при Русском географическом обществе в 1920 г., а годом позже утвержден правительством³² и др.

Советская власть большое значение придавала сохранению научно-го потенциала страны в годы Гражданской войны. Вследствие этого через Наркомпрос субсидировались различные типы организации ученых. Ассигнования, начиная с июля 1918 г.³³, выделялись научным обществам согласно представленным ими проектам смет по полугодиям, с приложением объяснительных записок³⁴. Для получения следующей полугодовой субсидии было необходимо представить помимо проекта сметы от-

28 Романовский С. И. Наука под гнетом власти. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1999. С. 152.

29 Там же. Д. 184. Л. 27.

30 Там же. Д. 180. Л. 6 об.

31 Там же. Д. 58. Л. 130

32 Агафонов Н. Т. Русское географическое общество. 150 лет. СПб.: РГО; М.: Прогресс; Пангея, 1995. С. 183.

33 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 63. Л. 57 об.

34 Северная коммуна. 1918. 26 ноября.

чет о фактически полученных и израсходованных средствах за истекший период³⁵. Эти объяснительные записки к сметам можно рассматривать не только как фактические финансовые отчеты, но и как планы деятельности научных обществ.

Сметы зачастую подвергались серьезной корректировке со стороны власти, что влекло за собой и изменение плана работ. Так, вместо запрашиваемых 23 тыс. рублей Российскому минералогическому обществу на вторую половину 1918 г. было ассигновано только 15 тыс. рублей³⁶. Обществу естествоиспытателей при Петроградском университете смета на первое полугодие 1919 г. была урезана с более чем 160 тыс. до 75 тыс. рублей, так как средства на издательство были сокращены в полтора раза, и полностью были вычеркнуты расходы на содержание Мурманской биологической станции, «как находящейся в оккупированной местности»³⁷, несмотря на то, что там находились сотрудники и руководство общества подчеркивало, что «биологическая станция не переставала считать себя российским учреждением и неоднократно обращалась к российской власти, а не к английской»³⁸.

Однако не всегда выделенные средства в это беспокойное время попадали в руки ученых. Так, достаточно характерным представляется случай, произошедший с Русским техническим обществом. В июле 1918 г. «старейшая русская научно-техническая общественная организация за полным отсутствием каких бы то ни было средств» обратилась в Наркомпрос и просила «впредь до рассмотрения сметы» выдать аванс³⁹. 23 августа 1918 г. «исполняющий обязанности председателя Русского технического общества С. П. Максимов, получив чек из Комиссариата по Просвещению на авансовую сумму в 50 тыс. рублей <...> и по нему деньги из Народного банка, подвергся нападению грабителей в момент перехода в Соляной городок в 3 часа дня на набережной Фонтанки <...>, причем был ранен»⁴⁰. Деньги были отняты у С. П. Максимова вместе с портфелем. Об этом происшествии был составлен подробный акт, а Совет общества был вынужден за восстановлением похищенного аванса обратиться в Наркомпрос⁴¹.

Необходимо отметить, что советская власть подходила к финансированию научных обществ очень избирательно: субсидировались только те из них, деятельность которых представлялась целесообразной. На пер-

35 Там же. 1919. 6 мая.

36 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 56. Л. 13.

37 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 63. Л. 19.

38 Там же. Л. 6.

39 Там же. Д. 58. Л. 9.

40 Там же. Л. 15.

41 Там же. Л. 15–16 об.

вом плане стояли технические и естественные науки, значение которых для социалистической реорганизации народного хозяйства и обороны страны было особенно велико⁴².

В «Сводном заключении Отдела ученых учреждений и высших учебных заведений по субсидиям, предложенным ученым обществам и изданиям на первое полугодие 1919 г.» отмечалось, что «общая схема расходов [Русского технического] общества и соответствующий план его деятельности не вызывают возражений со стороны отдела и субсидирование общества представляется целесообразным»⁴³. Там же сообщалось, что «[Русское географическое] общество, несомненно, заслуживает субсидирования и притом в крупных размерах, тем не менее испрашиваемая обществом сумма может быть значительно сокращена»⁴⁴. Несмотря на урезание финансирования, для общества «ценна была и та поддержка, которая оказывалась в это время руководителями Наркомпроса и Главнауки»⁴⁵. В том же документе относительно сметы Русского общества любителей мироведения сообщалось, что она «составлена скромно и обоснованно», а «деятельность общества идет энергично и носит вполне демократичный характер»⁴⁶, поэтому средства, просимые обществом, были ассигнованы в полном объеме.

В ноябре 1918 г. Научный отдел докладывал в Наркомпрос относительно ассигнований на первое полугодие 1919 г., что «представленные [Русским палеонтологическим] обществом мотивы представляются, по мнению отдела, основательными»⁴⁷. Во второй половине 1919 г. смета Общества естествоиспытателей при Петроградском университете не вызвала «никаких возражений со стороны Научного отдела»⁴⁸.

Наравне с техническими и естественнонаучными не вызывало у власти сомнений финансирование медицинских научных обществ. Например, 28 октября 1918 г. Научный отдел, считая ходатайство о субсидии Общества русских физиологов им. И. М. Сеченова «заслуживающим удовлетворения», просил Наркомпрос открыть обществу кредит⁴⁹.

Таким образом, на первое полугодие 1919 г. самую большую субсидию в 650 тыс. рублей получило Русское географическое общество, более

42 Онос Ю. А. Из истории советской науки (1917–1920-е гг.) // Исторический журнал. 1943. № 5–6. С. 21.

43 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 59. Л. 58.

44 Там же.

45 Соколовский Г. Н. Русское географическое общество за последнее десятилетие // Научный работник. 1927. № 12. С. 37.

46 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 59. Л. 58.

47 Там же. Д. 64. Л. 3.

48 Там же. Д. 63. Л. 4.

49 Там же. Д. 66. Л. 4.

чем в два раза меньше (290 тыс. рублей) — Русское техническое общество, 75 тыс. рублей составила субсидия Общества естествоиспытателей при Петроградском университете, по 60 тыс. рублей ассигновали Петроградскому обществу архитекторов и Отделению химии Русского физико-химического общества, Русское энтомологическое общество получило 50 тыс. рублей, Русское общество любителей мироведения — 45 тыс. рублей, по 40 тыс. рублей выделили Русскому палеонтологическому обществу, Русскому ботаническому обществу и Обществу гражданских инженеров, 18 тыс. рублей — Обществу физиологов им. И. М. Сеченова, а Антропологическому обществу при I Петроградском университете — 12 тыс. рублей⁵⁰.

Гуманитарным обществам приходилось сложнее других, свое право на субсидии им необходимо было доказывать. Так, Русское историческое общество в надежде на финансирование в конце января 1919 г. писало в Научный отдел, что «цели, которые преследует общество, остались по-прежнему строго научными, значительно расширены»⁵¹, что «из бывшего ранее замкнутого кружка определенных лиц оно стало общественным учреждением, доступным для всех желающих»⁵², и что «выборы в члены общества основаны на <...> принципе демократизации, выражающемся в упрощенном способе баллотировки членов и во введении не существовавших до сего времени членских взносов»⁵³. Ответ отдела последовал достаточно прямолинейный: «Оставить в силе прежнее постановление отдела об отклонении субсидий, так как сообщенные данные не дают пока оснований заключать о фактической демократизации состава и изменения характера деятельности общества»⁵⁴.

Отчасти благосклонность власти в отношении обществ гуманитарного профиля зависела от специализации последних. В октябре 1918 г., направляя смету Общества любителей древней письменности в Наркомпрос СКСО, Научный отдел, одобряя ее в целом, отмечал, что «возникает лишь вопрос о целесообразности дальнейшего существования Общества [любителей древней письменности] в качестве самостоятельного учреждения; однако вопрос этот может быть разрешен не в сметном, а в организационном порядке к будущему 1919 г.»⁵⁵. Напротив, в октябре 1920 г. эмиссар Подотдела ученых учреждений и высших учебных заведений

50 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 132. Л. 2 об.

51 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 65. Л. 45.

52 Там же.

53 Там же.

54 Там же. Л. 51.

55 Там же. Д. 60. Л. 36.

Л. Л. Мищенко в отношении Еврейского историко-этнографического общества писал, что оно «заслуживает всякого поощрения и поддержки»⁵⁶.

Необходимо отметить, что государственные расходы «по выдаче пособий ученым обществам и на ученые предприятия и издания» неуклонно возрастали. Так, на второе полугодие 1918 г. на эти цели в Петрограде было ассигновано 2 млн рублей, на первое полугодие 1919 г. уже 2,5 млн рублей, а на второе полугодие 1919 г. — 5 млн рублей⁵⁷.

У научных обществ, помимо финансовых, возникали проблемы и с помещениями, которые они не в силах были решить самостоятельно. За разрешением возникавших трудностей общества обращались в местные административно-научные органы. В мае 1919 г. Общество страховых знаний просило у Наркомпроса помощи в урегулировании конфликта с Петроградским отделением пожарного страхового отдела ВСНХ⁵⁸. Дело в том, что этим государственным органом 24 марта того же года было опечатано помещение библиотеки общества, которое было намечено «реквизировать». По мнению Пожарного страхового отдела, общество было непосредственно связано «с акционерными страховыми обществами, которых оно является как бы органическим придатком»⁵⁹. Помимо прочего, Обществу страховых знаний «инкриминировался» реакционный состав правления. Отдел ученых учреждений и высших учебных заведений посчитал, что деятельность общества должна продолжаться под его наблюдением и с сохранением за ним библиотеки, так как «она необходима для научных занятий членов общества»⁶⁰. Он просил Пожарный страховой отдел снять печать с помещения общества, а также о «не взыскании с него квартирной платы за это помещение впредь до решения Комиссариатом вопроса о субсидии обществу»⁶¹.

Несмотря на то что были случаи, когда административными органами спорные дела решались в пользу научных обществ, все же положение их постоянно оказывалось под угрозой. Так, во второй половине 1918 г. Русское археологическое общество располагалось в доме, который принадлежал Комиссариату юстиции. Поскольку общество не возмещало Комиссариату расходов на содержание помещений, которыми «общество пользовалось более двадцати лет, по распоряжению прежней власти»⁶², Комиссариат предложил обществу съехать. Русское археологическое общество ходатайствовало в Наркомпрос о занятии им свободных помеще-

⁵⁶ Там же. Д. 259. Л. 37.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 134. Л. 8 об.

⁵⁸ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 181. Л. 4.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. Л. 3 об.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. Д. 61. Л. 52.

ний в Каменноостровском дворце и о субсидии для переезда⁶³. Однако имущество общества было слишком велико и при этом ценно (библиотека, коллекции, собственные издания), поэтому на переезд потребовались бы слишком большие средства. Вскоре общество предложило другой вариант выхода из сложившейся ситуации: «в виду сбережения государственных средств» общество предлагало оставить за собой занимаемые им помещения, с сохранением содержания его Наркомпросом⁶⁴. Однако позже было принято решение перевести Русское археологическое общество в Шереметевский дворец на набережную Фонтанки, дом 34, где в то время уже размещался Музей быта. Такая мера требовала значительно меньших средств, чем переезд в Каменноостровский дворец.

В отдельных случаях помещения одного научного общества передавались другому. Так, например, поступили в начале 1920 г. с Вольным экономическим обществом, которое, по мнению власти, в это «трудное и переходное время» было дезорганизовано и не вело активной деятельности. Их помещения отошли к Научному обществу марксистов⁶⁵, занимавшемуся «разработкой идей марксизма и распространением марксистского мировоззрения»⁶⁶. По понятным причинам оно пользовалось безоговорочной поддержкой властей и занимало приоритетное положение.

Многие общества вообще не располагали собственными помещениями, а постоянно пользовались «гостеприимством» других учреждений. Например, Русское палеонтологическое общество располагалось на территории Геологического комитета и Горного института, а Русское библиологическое общество — в Академии наук. Чаще всего учреждения предоставляли свои помещения бесплатно. Однако некоторым, например Русскому библиологическому обществу, приходилось арендовать дополнительные помещения⁶⁷.

Надо полагать, что помещения, в которых размещались различные научные организации, привлекали пристальное внимание властей. В марте 1920 г. все подведомственные Наркомпросу учреждения, в том числе и научные общества, должны были вследствие экстренного требования Государственного контроля в трехдневный срок представить данные относительно занимаемых ими помещений⁶⁸. Власть интересовало, имеют ли учреждения собственные здания и как долго они ими занимаются, а также всегда ли эти здания находились в ведении Наркомпроса. Эта информация могла позволить контролирующим органам более

63 Там же.

64 Там же. Л. 57.

65 Там же. Д. 260. Л. 1.

66 Там же. Д. 265. Л. 2.

67 Там же. Д. 62. Л. 19.

68 Там же. Д. 9. Л. 36.

эффективно распоряжаться столь ценным имуществом. Отдел недвижимых имуществ в 1920 г. сообщал в Петроградское управление научными учреждениями, Жилищный подотдел первого городского района и в Русское географическое общество, что помещение, занимаемое последним, должно быть освобождено в недельный срок, так как «квартиры, годные для жилья, не могут предоставляться учреждениям»⁶⁹. Но благодаря заступничеству Ю. М. Шокальского обществу удалось отстоять свои помещения.

Не всем обществам удавалось в этот период сохранить за собой помещения. А у тех, кому это удавалось, возникали сложности с отоплением и со всей хозяйственной частью. Из-за отсутствия топлива в условиях наступивших морозов зимой 1918/1919 г. «пришлось прекратить временно всякие собрания» Русскому техническому обществу⁷⁰. Секретарь этого же общества В. В. Старостин в ноябре 1919 г. отмечал, что «отсутствие дров сильно отражается на продуктивности работ служащих и тормозит деятельность общества»⁷¹. Дрова для отопления помещений запрашивались через Научный отдел, позже через ПУНУ, так же как и другое топливо.

Жилищно-коммунальное хозяйство Петрограда находилось в годы Гражданской войны в плачевном состоянии. Неудивительно, что из-за лопнувших в декабре 1919 г. труб центрального отопления затопленными оказались помещения Еврейского историко-этнографического общества, в которых размещались архив и библиотека⁷². Общество древней письменности и искусства жаловалось, что «помещения общества долгое время не отапливались, и температура в них доходила до 8° ниже нуля»⁷³. Из-за отсутствия отопления в помещениях временно не проводило заседания Отделение этнографии Русского географического общества⁷⁴.

Не хватало не только отопления, но подчас и керосина для освещения, так как он тоже подлежал централизованному распределению среди научных учреждений через административные властные органы⁷⁵.

Как видно из приведенных материалов, все возникавшие у научных обществ Петрограда проблемы могли быть решены только с помощью

69 Там же. Д. 263. Л. 20.

70 Там же. Д. 58. Л. 130.

71 Там же. Л. 96.

72 Там же. Д. 259. Л. 37.

73 Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности и искусства за 1917–1922 годы // Памятники древней письменности и искусства. Выпуск СХС. Л.: Б. и., 1925. С. 3.

74 Золотарев Д. А. В Отделении этнографии Русского географического общества // Наука и ее работники. 1921. № 3. С. 23.

75 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 9. Л. 31.

властей. Большевики, построившие таким образом новую подконтрольную им систему организации науки в масштабах всей страны, в дальнейшем планировали использовать ее для достижения своих целей в различных сферах хозяйства, общественной и политической жизни.

3.3. ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И МЕТОДЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ В УСЛОВИЯХ ГРАЖДАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Наиболее доступными формами работы научных обществ в первые послереволюционные годы являлись лекции и доклады в узком кругу членов обществ и публичные выступления для широкой аудитории. Вместе с тем некоторым обществам удавалось проводить общероссийские съезды, продолжать работу лабораторий и станций, снаряжать экспедиции⁷⁶.

Издания научных обществ в это время могли печататься только за государственный счет, и, по понятным причинам, их объем был значительно меньше, чем до революции. Русскому техническому обществу пришлось отказаться от выпуска ряда журналов, перейдя временно на издание только «Записок Русского технического общества»⁷⁷. Русское ботаническое общество смогло «выпустить в свет три книжки “Журнала Русского ботанического общества” (третий том за 1916 г. №№ 1–4 и второй том за 1917 г. №№ 1–2 и 3–4)»⁷⁸. Общество российских физиологов им. И. М. Сеченова печатало «Русский физиологический журнал»⁷⁹, Еврейское историко-этнографическое общество выпускало «Еврейскую старину»⁸⁰.

Издательская деятельность научных обществ в первые годы советской власти значительно сократилась не только по финансовым причинам, но «ввиду крайнего недостатка бумаги»⁸¹. Вследствие этого обстоятельства Отдел ученых учреждений и высших учебных заведений, «желая предотвратить возможность издания менее важных научных трудов в ущерб более ценным и очередным и сократить административно-технические расходы по издательству»⁸², обратился к подведомственным

76 *Бастракова М. С.* Становление советской системы организации науки (1917–1922). М.: Наука, 1973. С. 48.

77 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 50 об.

78 Там же. Д. 349. Л. 4.

79 Там же. Д. 66. Л. 1, 4.

80 Там же. Д. 259. Л. 4 об.

81 Там же. Д. 9. Л. 27.

82 Там же.

учреждениям с просьбой немедленно и точно сообщить, какие труды подготовлены и могут быть отданы в печать в ближайшее время, каков их объем и в каком количестве их предполагается печатать⁸³.

Заседания как самая незатратная форма работы обществ становилась для научных обществ основной. В частности, «за счет сокращения издательской деятельности Общество [древней письменности и искусства] организовало более частые заседания, где слушались и обсуждались научные доклады, заменив живым обменом ученой мысли прекратившуюся издательскую деятельность»⁸⁴. В Русском ботаническом обществе в 1919 г. состоялось два общих собрания, на которых были заслушаны два научных доклада⁸⁵. Русское палестинское общество устроило в 1920 г. шесть общих собраний, на которых было сделано 10 докладов⁸⁶, в том же году Русское техническое общество организовало шесть общих собраний, 10 собраний отделов, 26 собраний совета⁸⁷. В Обществе гражданских инженеров в 1919–1920 гг. состоялось 19 общих собраний и 35 заседаний правления⁸⁸. В Обществе психиатров было заслушано в 1920 г. 17 докладов на 11 заседаниях⁸⁹.

Ежегодно по несколько общих собраний происходило в Русском астрономическом обществе: в 1917 г. их было четыре, в 1918 г. — шесть, в 1919 г. — два, в 1920 г. — семь. Члены Русского астрономического общества стали выступать (кроме чисто академических сообщений на собраниях общества) в широких аудиториях с публичными научно-популярными лекциями для населения. Как правило, все лекции сопровождались иллюстрациями или диапозитивами⁹⁰. Деятельность Русского энтомологического общества, помимо прочего, выражалась в научных докладах и «популярно-общедоступных лекциях, в среднем до 40 ежегодно, читаемых в открытых собраниях»⁹¹.

Власть проявляла интерес к тем вопросам, которые разрабатывались и обсуждались на заседаниях научными обществами. В частности, в середине октября 1918 г. был опубликован декрет ВЦИК РСФСР «О единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Со-

83 Там же.

84 Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности и искусства за 1917–1922 годы // Памятники древней письменности и искусства. Выпуск СХС. Л.: Б. и., 1925. С. 4.

85 Там же. Д. 349. Л. 4.

86 Там же. Д. 64. Л. 10.

87 Там же. Д. 58. Л. 118.

88 Там же. Д. 184. Л. 24.

89 Там же. Д. 182. Л. 5.

90 Луцкий В. К. История астрономических общественных организаций в СССР (1888–1941 гг.). М.: Наука, 1982. С. 91.

91 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 180. Л. 6 об.

ветской Республики (Положение)»⁹², который ознаменовал создание единой системы советского школьного образования. В связи с этим 8 февраля и 15 февраля 1919 г. на общем собрании Русского технического общества был заслушан доклад председателя П. И. Пальчинского «Восстановление экономической жизни, трудовая школа и Русское техническое общество» и дополнения к нему под названием «Схема практического приступа к проведению в школе трудового начала и организации самого труда». В целях реализации намеченных председателем общества планов было решено в составе уже существующей Постоянной комиссии по техническому образованию создать специальную Комиссию по реформе технического и профессионального образования и по проведению трудового начала в школе⁹³. Власть интересовалась работой органов Русского технического общества, занимающихся проблемами образования. В частности, Отдел ученых учреждений и высших учебных заведений, петроградский орган Наркомпроса, 2 июня 1919 г. просил Русское техническое общество присылать все протоколы Комиссии по реформе технического и профессионального образования и по проведению трудового начала в школе, так как «не имеет возможности посылать на заседания своих представителей»⁹⁴. В связи с этим Совет Русского технического общества 26 июня 1919 г. постановил, что с утвержденных протоколов будут сниматься копии, а также и подбираться соответствующие материалы для отправки в Отдел.

В целом деятельность созданной для решения проблем школьного образования комиссии развивалась достаточно успешно и плодотворно, что отмечалось эмиссаром Научного подотдела Отдела ученых учреждений и высших учебных заведений Л. Л. Мищенко. Он с июня 1919 г. занимался обследованием деятельности Русского технического общества и Постоянной комиссии по техническому образованию⁹⁵. Ознакомившись же с протоколами и трудами Комиссии по общей реформе технического и профессионального образования и по проведению трудового начала в школе, Мищенко оценил «произведенную обществом работу не только живую и своевременную, но и весьма ценную и плодотворную»⁹⁶. Он отмечал, что в этой «лаборатории мысли» вырабатывались и подготавливались основные «принципы фактического изменения всего направления

92 ВЦИК РСФСР «О единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 74. Ст. 812. С. 915–920.

93 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 130.

94 Там же. Л. 102.

95 Там же. Л. 121.

96 Там же.

народного образования», и предлагал печатать труды комиссии «за счет государства»⁹⁷.

Кроме этого, представители научных обществ использовались властью в качестве экспертов по определенным вопросам, что было обычным делом и до революции. Русское энтомологическое общество вело общую консультативную деятельность по разным вопросам⁹⁸. Наркомпрос в Москве вызывал представителей Русского археологического общества для их участия в Совещании по библиотечному делу летом 1918 г.⁹⁹ Они же были необходимы Российской государственной архитектурной комиссии в сентябре того же года для рассмотрения представленных проектов по реставрации церквей и других сооружений¹⁰⁰.

Представители Русского технического общества входили в состав Центрального совета экспертов, созданного в январе 1918 г. в системе Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) для координации прикладных научно-технических работ в промышленности¹⁰¹. Десять членов общества также состояли и в других правительственных организациях, в том числе в Петроградской научной комиссии при Научно-техническом отделе ВСНХ¹⁰².

Общество гражданских инженеров вообще выступало консультантом в целом ряде мероприятий, связанных со строительством, проводимом властями Петрограда: «Общество принимало участие в рассмотрении программ и порядка объявления конкурса на Народный дом, объявленного Народным Петергофским Совдепом, и в конкурсе Первого Государственного Крематория»¹⁰³, а также «в объявлении конкурсов на составление проектов планировки и постройки поселков для рабочих и служащих Северо-Западной железной дороги и участие в экспертизе вновь произведенных построек на канатной фабрике»¹⁰⁴.

В Совещании по изучению Севера при Российской академии наук, проходившем «в залах» Русского географического общества 16–24 мая 1920 г., наравне с государственными научными учреждениями принимали участие представители Российского минералогического общества, Русского географического общества и Общества естествоиспытателей при Петроградском университете¹⁰⁵.

97 Там же. Л. 121 об.

98 Там же. Д. 180. Л. 6 об.

99 Там же. Д. 61. Л. 7.

100 Там же. Л. 18.

101 *Филиппов Н. Г.* Научно-технические общества СССР (1917–1941). М.: Б. и., 1977. С. 9.

102 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 54–55.

103 Там же. Д. 184. Л. 24.

104 Там же. Л. 27.

105 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 19. Д. 174. Л. 184 об.

Даже в тяжелых условиях гражданского противостояния ученые не могли полностью отказаться от работы «в поле». Однако экспедиции требовали значительных финансовых и материальных затрат и, естественно, не могли осуществляться научными обществами без государственной поддержки. В связи с этим экспедиции научных обществ в эти годы охватывали близлежащие территории. Русское ботаническое общество, например, в апреле 1919 г. получило ассигновку для ботанико-географических исследований Севера России и Петроградской губернии¹⁰⁶.

Экспедиции даже при финансовой поддержке власти проходили в очень тяжелых условиях. В этом отношении показателен пример экспедиции Русского общества любителей мироведения, подготовка и проведение которой происходило весной 1921 г. на фоне судьбоносных военно-политических событий.

В начале 1921 г. Русское общество любителей мироведения приняло решение организовать экспедицию в Мурманск для наблюдения солнечного затмения 8 апреля. Это решение было одобрено Государственным ученым советом 21 февраля 1921 г. и смета расходов была отправлена в Финансовый подотдел Петроисполкома для ассигнования кредита¹⁰⁷. Отправление экспедиции из Петрограда было запланировано на 20 марта. Общество начало сбор документов для осуществления поездки и 23 февраля обратилось в Петросовет за удостоверением для предоставления в Мурманский горисполком¹⁰⁸. Однако из-за забастовок и митингов рабочих в Петрограде Исполком Петросовета 25 февраля объявил о введении в городе военного положения, и начал работу Чрезвычайный комитет обороны Петрограда¹⁰⁹. Последовавшие за этим события в Кронштадте практически лишили правление Русского общества любителей мироведения надежды на осуществление предполагаемой экспедиции: обещанный кредит даже в начале марта все еще не был получен, а Комитет обороны объявил, что «не выдает пропусков на выезд из Петрограда, кроме как по военным надобностям»¹¹⁰. Общество обратилось в ПУНУ с просьбой ходатайствовать в Комитете обороны о разрешении выезда участников экспедиции из города, что и было сделано¹¹¹.

В результате различных задержек (в получении ассигнований, вагона, документов) выезд экспедиции из Петрограда состоялся только 1 апреля¹¹². Сначала предполагалось, что экспедиция будет включать

106 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 186. Л. 8.

107 Там же. Д. 59. Л. 26.

108 Там же. Л. 25, 28.

109 Петроградская правда. 1921. 25 февраля.

110 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 59. Л. 28.

111 Там же.

112 Там же. Л. 59.

восемь членов Русского общества любителей мироведения, но в окончательный состав вошло шесть членов: М. Я. Мошонкин, который возглавлял экспедицию, Н. М. Штауде, С. М. Селиванов (председатель Бюро научных наблюдений общества), А. А. Кондиайн, Ф. Ф. Ваппе и Д. Ф. Ландсберг¹¹³.

Дорога до Мурманска не обошлась без происшествий. Поезд, в котором ехали ученые, «потерпел 3 апреля в 3 часа дня около станции Олимния крушение, причем на рельсах остались от всего поезда только два вагона, в том числе экспедиции, бывшей в хвосте поезда»¹¹⁴. Участники экспедиции не пострадали, а вот инструменты получили небольшие повреждения. Из-за этого инцидента в пути экспедиция прибыла в Мурманск только в ночь на 6 апреля. Неудачи продолжали сопровождать ученых: из-за отсутствия пароходов они не смогли переправиться в Александровск¹¹⁵, что было предусмотрено программой экспедиции. Для наблюдения ученые остались в Мурманске. Местом наблюдения был выбран торговый порт¹¹⁶.

Однако и погода преподнесла неприятный сюрприз. Утром 8 апреля «было облачно и дул сильный ветер, доходивший до шторма»¹¹⁷. Тем не менее наблюдение солнечного затмения все же удалось провести. К середине затмения стали проявляться просветы, и один из них полностью открыл солнце, хотя усилившийся ветер (до 25 м/с) сильно затруднял наблюдение. Каждый участник экспедиции выполнил свой объем работ: М. Я. Мошонкин сделал 14 снимков второй половины затмения с помощью коронографа с фокусным расстоянием 3 ½ метра; Н. М. Штауде и Д. Ф. Ландсбергу удалось отснять восемь снимков малым эклипсографом; А. А. Кондиайн сделал три снимка фотографической камерой с плавной системой; Ф. Ф. Ваппе спектрографом произвел ряд снимков спектра неба вблизи солнца; С. М. Селиванов «нес службу времени и вел визуальные наблюдения 4-х дюймовым рефрактором, а также метеорологические наблюдения»¹¹⁸. Кроме выполнения непосредственной цели экспедиции, ее участники провели и просветительскую работу. Они прочитали для местного населения семь научно-популярных лекций по астрономии¹¹⁹.

113 Там же.

114 Там же.

115 В настоящее время это город Полярный Мурманской области, расположенный берегу Екатерининской гавани на расстоянии 30 км от Мурманска. Александровск в 1931 г. был переименован в Полярное, в 1939 г. получил свое современное название.

116 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 59. Л. 59.

117 Там же.

118 Там же. Л. 59 об.

119 Там же.

Экспедиция возвратилась в Петроград 22 апреля, причем на обратном пути поезд с ее участниками потерпел еще две аварии, но не такие серьезные, однако «от толчков и сотрясений пострадали некоторые инструменты»¹²⁰. Полученный опыт наблюдений в трудных метеорологических условиях предполагалось использовать, «если обстоятельства позволят», при производстве наблюдений предстоящих полных затмений 1922 и 1923 гг.¹²¹ После возвращения члены Русского общества любителей мироведения приступили к обработке полученных данных. О ходе и результатах экспедиции общество 8 мая представило отчет в ПУНУ¹²².

Многие же общества вообще в эти годы прекратили экспедиционную деятельность вследствие значительных затруднений в транспорте, снабжении и т. п.¹²³

В трудных условиях первых послереволюционных лет и Гражданской войны деятельность научных обществ, конечно, не могла осуществляться в прежних масштабах. Им пришлось не только сокращать, но и перестраивать ее, исходя из имеющихся ресурсов и тех требований, которые им предъявляла новая власть. В обмен на свою поддержку органы местной и центральной власти ждали от ученых и их общественных организаций всемерного участия в проводимых ими преобразованиях.

Тем не менее, несмотря на свое тяжелое экономическое и политическое положение ученые продолжали свой труд. Их самоотверженное служение науке нередко помогало им преодолевать возникавшие сложности.

3.4. НАУЧНЫЕ ОБЩЕСТВА И ПЕРЕХОД К НЭПУ

Несмотря на тяжелые экономические условия первых послереволюционных лет, деятельность большинства научных обществ в это время субсидировалась государством. Однако после окончания Гражданской войны властный патернализм сменился критикой. Так, начальник Секретного отдела ВЧК Т. П. Самсонов в «Докладной записке в Управление ВЧК об общественных организациях при Наркоматах и других центральных учреждениях РСФСР» в декабре 1921 г. писал, имея в виду в первую очередь научные общества, что «в моменты диктатуры пролетариата, в моменты, когда стоящие у власти рабочие и крестьяне умственно и культурно стоят еще на низком уровне, организации частных обществ, и тем

120 Там же.

121 Там же.

122 Там же. Л. 59–59 об.

123 Соловьев С. П. Всесоюзное минералогическое общество и его роль в развитии геологических наук. Л.: Наука, 1967. С. 106.

более обществ, личный состав которых имеет определенно классово враждебные пролетариату позиции, допускать ни в коем случае нельзя»¹²⁴.

Деятельность Русского технического общества осудил лично В. И. Ленин в известной программной статье «О значении воинствующего материализма»¹²⁵, вышедшей в марте 1922 г. В статье Ленин критиковал журнал Русского технического общества «Экономист», называя его «органом крепостников, прикрывающихся, конечно, манией научности, демократизма и т. п.»¹²⁶. Ленин закончил статью следующими словами: «Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливо препроводил в страны буржуазной демократии»¹²⁷.

Кроме того, статья в «Правде» от 1 сентября 1922 г., подписанная инициалами «Н. П.», выражала еще большую враждебность по отношению к ученым, входящим в научные общества: «Каста ученых всегда была сильна своею замкнутостью»; «Произошла Октябрьская революция. Что же сделали так называемые светочи науки? Часть из них бежала за границу, а часть заперлась, как в бастионах, в стенах своих ученых и научных учреждений и обществ»¹²⁸. Конечно, подобные обвинения в условиях государства «диктатуры пролетариата», вызывали большую тревогу у представителей творческой и научной интеллигенции.

Введенный в марте 1921 г. нэп представлялся большинству научных обществ «угрожающим», так как был введен хозрасчет, что означало прекращение субсидирования их деятельности. Субсидии в 1921 г. были выделены и получены, а вот 1922 г. для организаций ученых «начался под большим знаком вопроса, поставленным новой экономической политикой», поскольку «вопрос денежных средств был в полном смысле открытым»¹²⁹. Вскоре одно за другим общества стали получать от властных органов извещения о прекращении ассигнования. В частности, Русское общество любителей мироведения, в августе 1921 г. получившее удостоверение, что оно «состоит в числе учреждений подведомственных и субсидируемых [Петроградским] управлением научных учреждений»¹³⁰,

124 Докладная записка СО ВЧК в секретно-оперативное управление ВЧК об общественных организациях при Наркоматах и других центральных учреждениях РСФСР (16 декабря 1921 г.) // «Очистим Россию надолго...». Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 — начало 1923 г.: Документы. М., 2008. С. 21–22.

125 Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Под знаменем марксизма. 1922. № 3. С. 5–12.

126 Там же. С. 11.

127 Там же. С. 12.

128 Н. П. Светочи науки // Правда. 1922. 1 сентября.

129 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 545. Л. 23а.

130 Там же. Л. 4.

в начале 1922 г. было «снято с государственного снабжения»¹³¹. Общество оказалось в сложном финансовом положении, так как ему нечем было оплачивать счета типографии. Было ясно, что «одно увеличение членских взносов, с которыми нужно тоже было быть очень осторожным, не даст выхода из положения, что перспективы <...> не получат осуществления ввиду того же угрожающего нэпа»¹³².

В связи с этим в декабре 1921 г. Русское общество любителей мироведения писало, обращаясь в Государственный ученый совет и ПУНУ: «Переживаемый ныне республикой тяжелый момент в связи с новой экономической политикой правительства <...> поставил на очередь вопрос о снятии с государственного снабжения научных обществ. Вполне признавая, что тяжелые обстоятельства переживаемого момента с необходимостью диктуют правительству эту меру, надо надеяться временную <...> мера эта, приводимая к тому же по отношению не ко всем обществам, никоим образом не должна коснуться Русского общества любителей мироведения ввиду исключительной его роли в общественной научной жизни страны. <...> Совет общества надеется, что Государственным ученым советом будут приняты все возможные меры для оставления Русского общества любителей мироведения наряду с некоторыми другими на государственном снабжении»¹³³. Академический центр все же дал единовременную субсидию на оплату журнала. С августа 1922 г. обществу была возвращена государственная субсидия, «выдаваемая ежемесячно <...> благодаря которой общество могло оплачивать труд 2–3 лиц, ведущих текущую работу по канцелярии и обслуживающих помещения общества»¹³⁴. После получения субсидии Русское общество любителей мироведения подчеркивало, как оно ценит такую поддержку со стороны государства: «Вообще общество, задавшееся целью вести главным образом научную работу, всемерно старается свести до минимума количество работы канцелярской, не расходуя на это сил и средств и не считая себя вправе обременять такими расходами государство, давшее субсидию»¹³⁵.

Конечно, потерять государственное финансирование означало, помимо прочего, лишиться привилегий, которыми пользовались субсидируемые общества: их заседания не подлежали «обложению сборами, взимаемыми со всякого рода платных зрелищ и общественных собраний»¹³⁶ и проч.

Общество естествоиспытателей при Петроградском университете с начала 1922 г. было, так же как и многие другие, «снято с государственно-

131 Там же. Л. 23а–23а об.

132 Там же.

133 Там же. Д. 59. Л. 54 об. Стиль документа сохранен.

134 Там же. Д. 595. Л. 129.

135 Там же. Д. 355. Л. 8 об.

136 Там же. Д. 545. Л. 20.

го снабжения и никаких средств не имело»¹³⁷. Оказавшись в тяжелых финансовых условиях, оно попыталось решить финансовый вопрос иначе. Общество до революции обладало собственными капиталами, конфискованными в 1918 г., теперь попыталось их вернуть, «однако ходатайство К. Дерюгина¹³⁸ в Москву о возвращении капиталов общества пока не встретило сочувствия»¹³⁹. Все же в конце 1922 г. это научное общество в силу его «серьезного государственного значения» было принято «Наркомпросом, в виде исключения, на снабжение»¹⁴⁰.

Подобно другим, всю первую половину 1922 г. Русское энтомологическое общество было «совершенно лишено правительственной субсидии»¹⁴¹, и только с июля оно было включено в «разряд субсидируемых и стало получать субсидию от Наркомпроса для оплаты 5 должностных лиц»¹⁴².

Русское астрономическое общество также в начале 1922 г. потеряло финансовую поддержку государства, однако в феврале 1922 г. власть посчитала, что общество «зарекомендовало себя научными трудами и имеет все данные для включения в список субсидируемых обществ, но только при одном обязательном условии: пересмотра и изменения своего устава в духе завоеваний пролетарской революции»¹⁴³.

Но были и счастливые исключения. Так, на государственном снабжении в течение всего 1922 г. находилось Русское физико-химическое общество¹⁴⁴, а также Русское географическое общество¹⁴⁵.

Документы научных обществ показывают, что большинство из них, лишенных государственного финансирования в первой половине 1922 г., с середины того же года, стали получать регулярную субсидию. Всего с 1 июля 1922 г. в число субсидируемых были включены 10 научных обществ (Русское археологическое, Русское ботаническое, Общество испытателей при Петроградском университете, Общество любителей древней письменности, Русское общество любителей мироведения, Научное общество марксистов, Российское минералогическое, Русское палеонтологическое, Общество физиологов им. Сеченова, Русское энтомологическое общество)¹⁴⁶. Возможно, это стало следствием большей заинтере-

137 Там же. Д. 357. Л. 6.

138 К. М. Дерюгин — ученый секретарь Общества естествоиспытателей при Петроградском государственном университете.

139 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 546. Л. 5.

140 Там же. Д. 357. Л. 13.

141 Там же. Д. 595. Л. 40.

142 Там же. Л. 42.

143 Там же. Д. 914. Л. 3.

144 Там же. Д. 541. Л. 10 об.

145 Там же. Д. 542. Л. 13.

146 Там же. Д. 418. Л. 39.

сованности власти в их деятельности по сравнению с другими. Нельзя, по-видимому, исключить и влияние личных связей руководителей и активистов обществ с представителями государственных и партийных органов, хотя прямого свидетельства об этом нами не обнаружено.

Одной из форм государственного субсидирования оставалась оплата труда нескольких штатных работников. Как и в первые послереволюционные годы, многие сотрудники отказывались от этих денег в пользу общества, которое расходовало их на разные «научные и текущие нужды»¹⁴⁷.

Русское общество любителей мироведения имело двух платных служащих в 1921 г.: библиотекаря и правителя дел, все остальные должностные лица работали бесплатно¹⁴⁸, в 1922 г. платных сотрудников у общества было уже пять. Лица, состоящие в штате, «получали государственное снабжение (обычный паек [Нар]компроса), кроме получающих академический паек, пользовались льготными трамвайными билетами, талонами на электрическое освещение и другими правами советских служащих»¹⁴⁹.

Русское географическое общество постоянно обращалось во властные органы с просьбой расширить список его научных сотрудников¹⁵⁰. ПУНУ в начале 1922 г. объясняло, что «ввиду производящегося всеобщего сокращения штатов, оно не может разрешить увеличение таковых для географического общества»¹⁵¹. Однако к концу года ПУНУ кардинальным образом поменяло свое решение: «Несмотря на необходимость дальнейшего сокращения штатов по всем учреждениям, [ПУНУ] находит возможным увеличить с ноября с[его] г[ода] предоставленное обществу количество платных единиц на три единицы, причем использование и распоряжение таковых предоставляется непосредственно Совету общества»¹⁵². Таким образом у Географического общества было уже 15 оплачиваемых сотрудников. Сообщая об этом, ПУНУ уточняло, что «дальнейшее увеличение субсидий со стороны Управления представляется, безусловно, невозможным»¹⁵³.

Таким образом, предпринимаемые после введения нэпа меры способствовали выводу страны из кризиса, но они же привели к дестабилизации взаимоотношений власти с научными обществами. Выработанные в годы Гражданской войны формы контроля и поддержки деятельности организаций ученых подвергались корректировке в соответствии с происходящими в стране изменениями, переходом к мирному строительству.

147 Там же. Д. 595. Л. 42.; Д. 539. Л. 94.

148 Там же. Д. 355. Л. 8.

149 Там же. Д. 595. Л. 231 об.

150 Там же. Д. 358. Л. 41; Д. 542. Л. 19.

151 Там же. Д. 542. Л. 18.

152 Там же. Д. 542. Л. 42 об.

153 Там же.

В то же время переход к энпу обусловил оживление общественной жизни. Философ Н.О. Лосский в своих «Воспоминаниях» писал: «Теперь появилось у нас желание устраивать собрания научных обществ...»¹⁵⁴ Действительно, к работе начали возвращаться многие научные общества, приостановившие деятельность после революции (Русское социологическое общество им. М. М. Ковалевского, несколькими годами ранее Петроградское общество рентгенологов и радиологов, Философское общество при Петроградском государственном университете и др.). Создавались и новые организации (например, Общество исследователей украинской истории, литературы и языка, Русское оптическое общество, Научное общество охраны материнства и младенчества и др.).

Важным маркером преодоления кризиса и возвращения к нормальной научной жизни было проведение первых послереволюционных общероссийских научных конференций. В частности, в Москве с 8 по 17 марта 1921 г. состоялся Первый Всероссийский съезд по геоботанике и соприкасающихся отраслей естествознания. В заседаниях приняли участие более 170 человек, было сделано 55 докладов¹⁵⁵. В Петрограде с 29 сентября по 5 октября 1921 г. проводился Первый Всероссийский съезд ботаников. На 24 заседаниях съезда заслушали 115 докладов¹⁵⁶. Такие научные мероприятия являлись одной из составляющих процесса самоорганизации российской науки: «Цель подобных — съездов личное знакомство ученых между собой, установление их взаимной связи, обмен идей, возможность поделиться своими научными работами в виде докладов на заседаниях с обменом мнений, при этом и ознакомление провинциальных научных работников с новыми произведениями»¹⁵⁷.

3.5. ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И ЛИЧНЫЙ СОСТАВ НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВ

В годы кризиса, наступившие после Октябрьской революции, уже вполне сложившаяся в стране система самоорганизации науки начала претерпевать значительные изменения. Они коснулись не только деятельности научных обществ, но и их численности и личного состава.

¹⁵⁴ Лосский Н. О. Воспоминания: жизнь и философский путь // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 181.

¹⁵⁵ А. И. Всероссийский съезд по геоботанике // Наука и ее работники. 1921. № 6. С. 49.

¹⁵⁶ Сюзев П. Первый Всероссийский съезд ботаников в Петрограде осенью 1921 г. // Наука и ее работники. 1921. № 6. С. 48.

¹⁵⁷ Там же.

Прежде всего необходимо отметить начавшийся в эти годы беспрецедентный процесс внутренней миграции научных кадров. Многие ученые, жившие в Петрограде и Москве, после революции ввиду тяжелых материальных и иных условий жизни стали покидать столичные научные центры и пополнять массово создаваемые в провинции вузы, исследовательские институты и другие организации и учреждения.

Оставшиеся в столицах ученые пытались встроиться в нарождавшуюся новую систему государственной организации науки. Они, несмотря на неблагоприятную экономическую и политическую ситуацию, искали способы сохранения личного состава и деятельности научных обществ в максимально возможном прежнем объеме. Нужно сказать, что иногда им это удавалось, хотя подчас речь шла о жизни и смерти.

Многие научные общества самораспустились, другие временно приостановили свою деятельность, третьи же продолжали работу. Однако в этот период создавались и новые организации ученых, предмет специализации которых был востребован новой властью — применение новых технологий, медицина, исследование отдельных национальных культур, разработка вопросов марксизма и т. п. Например, в 1918–1922 гг. в Петрограде появились Российское общество радиоинженеров (1918), Научное общество марксистов (1919), Научное общество охраны материнства и младенчества (1920), Ленинградское терапевтическое общество им. С. П. Боткина (1921), Общество исследователей украинской истории, литературы и языка (1921), Петроградское физико-математическое общество (1921) и др.

Необходимо отметить, что Петроград продолжал занимать первое место в стране по численности ученых и их общественных организаций, что свидетельствовало о сохранении статуса главного научного центра и стойкости традиции самоорганизации ученых (табл. 1 составлена на основе справочников).

Таблица 1

Численность научных обществ Петрограда¹⁵⁸

Виды научных обществ	1918 г.	1922 г.
Математические и естественнонаучные	12	12
Технические	4	3
Медицинские	16	11
Гуманитарные	23	16
Всего	55	42

¹⁵⁸ Таблица составлена на основании данных следующих справочников: Наука в России. Справочник-ежегодник. Данные к 1 января 1918 г. Выпуск 1. Пб.-Пг., 1920; Наука в России. Справочник. Научные работники Петрограда. Пг.; М., 1923.

Как видно из приведенных в табл. 1 данных, общая численность научных обществ в Петрограде в период с 1918 по 1922 г. снизилась почти на четверть. Однако наблюдается зависимость сохранения численности обществ от тематики их научных интересов: в прежнем объеме продолжили существовать математические, естественнонаучные и технические. Больше всего в абсолютном выражении сократилось число гуманитарных обществ, хотя они остались самыми многочисленными.

Таблица 2

Численность членов научных обществ Петрограда в 1918–1921 гг.¹⁵⁹

Название общества	1918 / членов	1919 / членов	1920 / членов	1921 / членов
Русское общество любителей мироведения	506	586	702	949
Русское географическое общество	1492	1563	1611	1300
Российское минералогическое общество	489	490	492/486	487
Общество естествоиспытателей при Петроградском государственном университете	467	464	466	468
Русское астрономическое общество	317	318	315	328
Русское физико-химическое общество	600	630	650	690
Русское техническое общество	1112	626	350	496
Общество психиатров	152	170	170	170
Общество гражданских инженеров	207	264	274	278
Общество архивных деятелей	157	207	207	254

Численность личного состава научных обществ в период с 1918 по 1921 г. в целом уменьшилась незначительно (табл. 2). Значительное сокращение количества членов наблюдается в ранее самых многочисленных по составу обществах — Русском географическом и Русском техническом. Очевидно, что в условиях отсутствия способов получения собственных доходов и зависимости в этом смысле от государства, такие многочисленные общества уже не могли существовать. В остальных обществах, приведенных в табл. 2, число членов либо осталось прежним, либо значительно выросло (Русское общество любителей мироведения, Общество архивных деятелей, Общество гражданских инженеров).

В первые годы советской власти в условиях каждодневного разрушения старых основ научные общества становились для ученых «сво-

¹⁵⁹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 272. Л. 22, 29, 40, 49, 60, 74, 96, 120, 125, 133, 136, 140.

образным убежищем от бурь и потрясений общественной жизни»¹⁶⁰. Вероятно, именно этим объясняется рост численности членов научных обществ в первые послереволюционные годы, который зафиксировали материалы, подготовленные самими обществами для выставки Наркомпроса в мае 1921 г.

В трудные голодные годы ученые страдали от материальных проблем, в частности от недостаточности продовольственного пайка для служащих¹⁶¹. Смертность среди этой категории граждан была высока. Достаточно упомянуть, что «вследствие тяжелых для здоровья условий» скончался товарищ председателя Отделения статистики Русского географического общества В. В. Морачевский, а через год умерли активные члены этого же отделения профессор А. А. Кауфман и Д. И. Рихтер¹⁶². Бухгалтер Русского технического общества Н. М. Бородин, проработавший там 20 лет, умер 2 апреля 1919 г. «по причине истощения»¹⁶³, а Русское палеонтологическое общество в 1920 г. потеряло трех своих членов в лице скончавшихся А. Г. Ржонсницкого, Д. И. Соколова и Н. Н. Умейкина¹⁶⁴.

Однако принимая во внимание ту поддержку, которая все же оказывалась ученым, несмотря на в целом трудное экономическое положение в стране, можно сделать вывод о том, что государств считало важной задачей сохранение кадров в науке. 23 декабря 1919 г. Совет народных комиссаров принял постановление об улучшении положения научных специалистов, определив их число в 500 человек¹⁶⁵. К 1921 г. власть нашла возможность выделить более 6 тыс. пайков ученым и их семьям в Петрограде, хотя, конечно, эта мера не могла быть популярной среди голодных масс¹⁶⁶. Некоторые общества, в частности Русское техническое общество, пытались добыть продовольствие для своих служащих путем включения их в списки местных органов Наркомпроса для получения пайка. 24 марта 1921 г. Совет общества обращался в Отдел ученых учреждений и Высших учебных заведений Подотдела ученых учреждений с просьбой «присоединить список служащих общества всего в количестве

160 *Иванова Л. В.* Формирование советской научной интеллигенции (1917–1927). М.: Наука, 1980. С. 53.

161 *Лахтин Г. А.* Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990. С. 8.

162 *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Отделение статистики Русского географического общества // Наука и ее работники. 1921. № 3. С. 22, 23.

163 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 78.

164 Там же. Д. 64. Л. 10.

165 Декреты Советской власти М.: Политиздат, 1974. Т. 7. С. 427–428.

166 *Siegelbaum L.H.* Soviet state and Society between revolutions, 1918–1929. Cambridge University Press, 1994. P. 58–59.

8 человек (вместо 20 в прежнее время) к спискам Отдела для получения продовольственного пайка», так как «хлопоты в Москве о таком количестве лиц отнимут много труда и времени, между тем, если общество должно существовать, то надо обеспечить его служащих наравне со служащими других обществ и Отдела»¹⁶⁷.

При этом вся работа ученых в научных обществах оставалась добровольной и безвозмездной. Жалование от государства получали лишь те, кто занимался организационной работой (чаще всего библиотекари, рассыльные, делопроизводители или секретари). Власть стремилась к неперенному сокращению численности таких служащих для экономии финансирования, в результате, как правило, штат платных сотрудников одного научного общества не превышал трех человек. Так, Подотдел ученых учреждений и высших учебных заведений уведомил Общество гражданских инженеров в 1920 г., что «он не находит оснований к содержанию обществом за счет казны большего штата, чем одного секретаря или делопроизводителя, библиотекаря и отдельного рассыльного»¹⁶⁸. Русское библиологическое общество было в состоянии оплачивать труд ученого секретаря, редактора изданий и рассыльного¹⁶⁹, а в Обществе любителей древней письменности жалование получали ученый секретарь, ученый хранитель и письмоводитель¹⁷⁰. Деньги, выделенные на оплату их услуг, не выплачивались вовремя: «В Петрограде сейчас холод и голод, которые усугубляются несвоевременным получением служащими жалования, отчего положение их становится прямо отчаянным»¹⁷¹. Более того, зачастую из-за отсутствия своевременно ассигнованных средств на деятельность обществ служащие отдавали свою зарплату на текущие нужды.

В этот период властный контроль в отношении состава научных обществ заключался в основном в учете общего количества членов и платных сотрудников (такого рода сведения общества сообщали ежегодно) и почти не распространялся на самих членов.

Тем не менее уже в это время на отдельных представителей научных обществ обрушивались репрессии по политическим мотивам. В первую очередь под них подпали, что очевидно, представители аристократии, видные дореволюционные общественные деятели.

Был расстрелян великий князь Николай Михайлович — председатель Русского исторического общества, несмотря на то, что за него хода-

167 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 104.

168 Там же. Д. 184. Л. 5.

169 Там же. Д. 62. Л. 19.

170 Там же. Д. 60. Л. 133.

171 Там же. Д. 134. Л. 40 об.

тайствовали Максим Горький, Социалистическая академия и Академия наук¹⁷². И это не единственный случай.

Несмотря на то что в целом Русское техническое общество находилось в приоритете у власти, в период Гражданской войны происходили аресты даже его членов.

Показательна судьба Петра Иоакимовича (Акимовича) Пальчинского, в 1920-е гг. возглавлявшего Техническое общество. Он как член Временного правительства был арестован первый раз в ходе Октябрьской революции, затем в марте 1918 г. выпущен на свободу¹⁷³. 25 июня того же года он вновь подвергся аресту и без предъявления каких-либо обвинений посажен в тюрьму. Русское техническое общество и другие организации, отдельные ученые обратились к В. И. Ленину с ходатайством о его освобождении. 3 декабря 1918 г. Ленин в телеграмме Г. Е. Зиновьеву в Петросовет просил немедленно решить вопрос о деле П. А. Пальчинского¹⁷⁴. Однако в начале 1919 г. он все еще остается под арестом в Доме предварительного заключения, где ему «разрешалось принимать всех имеющих к нему надобность по общественным и частным делам три раза в неделю»¹⁷⁵. Находясь в заключении, П. А. Пальчинский активно работал, написал несколько книг, подготовленный им доклад «Восстановление экономической жизни, трудовая школа и Русское техническое общество» был прочитан на собрании Русского технического общества В. Н. Якубовым, который три раза в неделю навещал его¹⁷⁶. Общее собрание членов Технического общества 8 февраля 1919 г. постановило «поручить В. Ф. Найденову и В. В. Старостину¹⁷⁷ от имени Общего собрания посетить М. П. Кристи и З. Г. Гринберга с просьбой о скорейшем освобождении председателя Общества П. И. Пальчинского». 17 марта 1919 г. он вышел на свободу. Однако его опять арестовали по политическим мотивам в 1922 г., затем еще раз 21 апреля 1928 г.¹⁷⁸, а в 1929 г. он был расстрелян «за контрреволюционную деятельность»¹⁷⁹.

Русское техническое общество обращалось в Научный отдел Наркомпроса СКСО в ноябре 1918 г. с просьбой ходатайствовать перед

172 Берлявский Л. Г. Власть и отечественная наука: формирование государственной политики: 1917–1941 гг. С. 192.

173 Волков В. А., Куликова М. В. Российская профессура: «под колпаком» у власти // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 2. С. 74.

174 Там же.

175 ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 56 об.

176 Там же. Л. 57, 59–69.

177 В. Ф. Найденов в отсутствие П. А. Пальчинского являлся исполняющим обязанности председателя Русского технического общества, В. В. Старостин был секретарем.

178 Делицой А. И. П. А. Пальчинский в последние месяцы жизни. 1918–1919 гг. // Вопросы истории. 20210. № 7. С. 141.

179 ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 3. Д. 80. Л. 10 об.

Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениям по должности об освобождении из-под ареста двух членов общества — Э. Г. Перримонда и М. В. Гололобова, находившихся в Выборгской военно-пересыльной тюрьме¹⁸⁰. Кроме того, с конца октября 1918 г. член общества Б. А. Эфрон находился под арестом «в числе заложников»¹⁸¹. Общее собрание общества 8 февраля 1919 г. постановило «обратиться в Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией и в другие учреждения от имени Общего собрания с просьбой о скорейшем рассмотрении дела Б. А. Эфрона и об его освобождении, как крайне полезного работника и специалиста по финансово-экономическим вопросам, по которым в данное время в обществе ощущается сильный недостаток за выбытием многих членов из Петрограда»¹⁸². Однако увенчалось ли успехом заступничество Русского технического общества, неизвестно — сведений об этом не обнаружено.

Сложные первые годы после Октябрьской революции не могли не сказаться на количестве и составе общественных организаций ученых в стране. В этот период многие научные общества самораспустились или приостановили свою работу. Как было замечено выше, сохранение и приемлемое существование обществ стало напрямую зависеть от их отношений с советской властью.

В целом, анализируя динамику численности научных обществ и его членов, можно проследить две обратные друг другу тенденции. Количество обществ с 1918 по 1922 г. сократилось, а количество членов во многих из них, наоборот, увеличилось. Возможно, такая профессиональная кооперация и самоорганизация помогали научным работникам выживать в те непростые годы.

Менялся и научно-образовательный ландшафт страны: в провинции начали создаваться новые научные и образовательные учреждения и организации, которые стали центрами притяжения для ученых, спасавшихся от «голода и холода» охваченных революцией и Гражданской войной столиц. Это, однако, не мешало Петрограду сохранять статус главного научного центра страны, так как численность ученых и концентрация научных учреждений и организаций там осталась самой высокой.

Советская власть обеспечивала всестороннюю поддержку научных кадров. Поощрялось создание новых обществ, отвечающих потребностям молодого государства, в том числе обеспечивающих его идеологическую поддержку. С другой стороны, уже в тот период началось при-

¹⁸⁰ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. Д. 58. Л. 42.

¹⁸¹ Там же. Л. 55 об.

¹⁸² Там же.

менение достаточно жестких методов контроля как личного состава обществ, так и их деятельности.

Несмотря на трудные материальные и финансовые обстоятельства периода гражданского противостояния, ученым все же удалось сохранить традиционную для России форму самоорганизации науки — научные общества.

Октябрьская революция привела к коренным изменениям во всех сферах жизни общества. На первоначальном этапе строительства нового государства происходили трансформации в системе организации науки. По вполне объективному мнению современного отечественного исследователя А. А. Курепина, «положение науки при новой власти, в условиях Гражданской войны характеризовалось разрушением ее материальных основ, огромными человеческими утратами в результате политических потрясений и экономического коллапса, неприятием большинством деятелей науки режима пролетарской диктатуры, свертыванием международных связей»¹⁸³.

Научные общества как одна из форм самоорганизации ученых продолжили свое существование на протяжении всего рассматриваемого периода, в том числе создавались новые, а приостановившие свою работу возвратились к жизни после окончания Гражданской войны. Однако их деятельность в первые годы после революции оказалась сильно ограничена под влиянием многих негативных факторов экономического и политического характера.

Для научных обществ главными в этот период оставались вопросы выживания, т. е. получение субсидий, оплата труда штатных сотрудников, обеспечение сохранности музеев и библиотек, поиски средств для издания трудов, оплата хозяйственных расходов, наличие помещений и т. п., все это могло быть обеспечено только при помощи государства. Таким образом, по справедливому замечанию Г. А. Лахтина, деятельность управляющих органов науки в первые годы советской власти «относилась главным образом к организационно-хозяйственной стороне — финансированию, обеспечению материалами и помещениями, в значительно меньшей степени объектом управления выступала содержательная сторона научной деятельности»¹⁸⁴.

В новых политико-экономических условиях для обществ практически единственным источником средств было государство, зависимость от которого стала всеобъемлющей. В эти годы советская власть выстраивала свои взаимоотношения с научным сообществом двумя способами:

¹⁸³ Курепин А. А. Наука и власть в Ленинграде. 1917–1937 гг. СПб.: Нестор, 2003. С. 9.

¹⁸⁴ Лахтин Г. А. Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990. С. 8.

с одной стороны, путем оказания поддержки, с другой — введением запретов и применением репрессивных мер. Финансовая и материальная поддержка, которую власть оказывала научным обществам, так же как и до революции, была дифференцированной. Стоит отметить, что формы и направления деятельности научных обществ в значительной мере могли быть скорректированы путем урезания ассигнований.

Окончание Гражданской войны и переход к нэпу привели к значительному оживлению деятельности научных обществ. У общественных организаций ученых появилась возможность расширить свою деятельность: вернуться к работе в поле, вновь проводить профессиональные съезды.

Со стороны власти эти мероприятия получали поддержку, однако уже начинала набирать силы репрессивная тенденция во взаимоотношениях с научными обществами. Если в первые послереволюционные годы власть не препятствовала созданию новых научных обществ и не закрывала в приказном порядке те из них, что уже функционировали, то начавшаяся после введения новых законодательных актов 1922 г. кампания по перерегистрации общественных организаций должна была стать определенным фильтром для них. Деятельность должны были продолжить только те общества, которые соответствовали представлению власти о новой советской науке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Революция 1917 г. и Гражданская война привели к глобальному системному кризису в стране, который оказал значительное влияние на кадровый состав, структуризацию, самоидентификацию и мотивацию российского научно-педагогического сообщества и его институтов. В этих условиях важнейшую роль по спасению науки взяло на себя научное сообщество, объединенное разнообразными формами общественно-научных организаций. Разделенные фронтами Гражданской войны ученые в самые трагические дни стремились к общей цели: «сохранить начатую научную работу»¹.

В научной среде и, в частности, в академическом корпусе не было единства уже в оценке Февральской революции, а тем более последующих событий. Разочаровавшись в бессильном демократическом правительстве, некоторые из академиков были внутренне готовы принять авторитарную власть, установившуюся после Октябрьской революции.

Вторая половина 1917 — конец 1919 г. оказались периодом максимальной неопределенности в судьбах научного сообщества. Многие ученые под разными предлогами покинули столицы, надеясь, что в провинции будет и спокойнее, и сытнее. Оставшиеся же в Петрограде и Москве академики отвергали идеологию и практику большевиков, но вскоре осознали ошибочность идеи политического противостояния с новой властью. Привлечение ученых к сотрудничеству в качестве экспертов и консультантов создавало у них впечатление, что большевицкое правительство готово их слушать и не будет вмешиваться в саму науку, что позволит сохранить ее автономию.

Однако вопрос об автономии РАН был снят с повестки дня с переходом к силовым методам управления наукой в декабре 1918 г. Академикам

¹ Вернадский В. И. Дневники. Октябрь 1917 — январь 1920. Киев, 1994. С. 192.

стало уже не до дискуссий с властью. Началась борьба за личное выживание. Ученые сосредоточили свое внимание на институционализации научных и образовательных учреждений и организаций в рамках РАН, КЕПС, Наркомпроса, Научно-технического отдела ВСНХ в РСФСР или других наркоматов, а также различных министерств или их аналогов, действующих на «белых» территориях. Это позволило ученым устанавливать различные формы сотрудничества с центральными и местными властями, которые подчас лишь юридически оформляли проекты ученых, в том числе и объединенных в научные общества. Так индивидуальные практики становились коллективными и государственными благодаря созданию институтов, финансируемых разными правительствами. В то же время «красный террор», репрессии, голод, нужда разрушали социальные связи, лишали науку внутреннего импульса к развитию и самоорганизации, усиливая ее зависимость от государства и региональной администрации.

Нарастание деструктивных процессов в условиях острейшего кризиса, дифференциация научного сообщества, миграция ученых за границу и на территории, неподвластные центральному правительству, затрудняли преемственность в деятельности РАН, других научных и образовательных учреждений и организаций. Решающим моментом в преобразовании этических норм и ценностных установок научного и педагогического сообщества стала вторая половина 1919 г., когда лидерам научного сообщества удалось убедить власти оказать экстренную помощь ученым и озаботиться улучшением условий их быта и деятельности. Это ускорило процессы создания новых институтов: бюро, лабораторий, музеев, отделов и научных обществ.

Научные общества как одна из форм самоорганизации ученых продолжили свое существование в условиях революции и гражданского противостояния. Для таких организаций, как и для всего научного сообщества, главными в этот период оставались вопросы выживания, т. е. получение субсидий, оплата труда штатных сотрудников, обеспечение сохранности музеев и библиотек, поиски средств для издания трудов, оплата хозяйственных расходов, наличие помещений и т. п. В новых политико-экономических условиях для обществ практически единственным источником средств было государство, зависимость от которого стала всеобъемлющей.

В эти годы советская власть выстраивала свои взаимоотношения с научным сообществом двумя способами: с одной стороны, путем оказания поддержки, с другой — введения запретов и применения репрессивных мер. Финансовая и материальная поддержка, так же как и до революции, была дифференцированной. Стоит отметить, что формы и направления деятельности научных обществ в значительной мере могли

быть скорректированы путем урезания ассигнований, однако в тот период власть еще не стремилась жестко регламентировать и контролировать содержание научной работы обществ.

Окончание Гражданской войны и переход к нэпу привели к значительному оживлению деятельности научных обществ. У них появилась возможность расширить свою деятельность: вернуться к работе «в поле», вновь проводить профессиональные съезды. Со стороны власти эти мероприятия получали одобрение, и на их проведение выделялись дополнительные средства.

Однако уже начинала набирать силы репрессивная тенденция во взаимоотношениях с научными обществами. Если в первые послереволюционные годы власть не препятствовала созданию новых подобных организаций и не закрывала в приказном порядке те из них, что уже функционировали, то начавшаяся после введения новых законодательных актов 1922 г. кампания по перерегистрации общественных организаций должна была стать определенным фильтром для них. Деятельность суждено было продолжить только тем обществам, которые соответствовали представлению власти о новой советской науке.

Несмотря на тяжелейшие условия социально-экономического кризиса, научной корпорации удалось не только сохранить, но даже укрепить своё положение в государстве и обществе. В ходе социально-политических потрясений менялось самосознание ученых, эволюционировали формы и содержание их деятельности, налаживались новые связи научного сообщества с властями. Порождаемые реалиями времени, появились структурные и организационные новации, приведшие к возникновению сети научных учреждений и обществ во многих регионах, что в итоге благоприятно сказалось на потенциале отечественной науки. Приняв представления ученых о науке как основе ускоренной модернизации страны, большевики оставили внутреннее управление лишь РАН и некоторым научным обществам, готовым сотрудничать с советской властью и решать задачи возрождения промышленности и сельского хозяйства. Для существовавших в системе науки общественных организаций ученых — научных обществ — это выражалось, в частности, в создании новых структурных единиц прикладного характера.

Декрет ВЦИК «Об административной высылке» от 10 августа 1922 г.² положил конец притязаниям учёного сообщества на автономность и самоуправление, но не помешал науке вполне успешно развиваться.

Таким образом, именно в период кризиса 1917–1922 гг. была создана модель развития отечественной науки как государственной фабрики

² Декрет ВЦИК «Об административной высылке» // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1922. № 51. Ст. 646. С. 813–814.

по производству знания и организована сеть научно-исследовательских институтов, обеспечивающая функционирование и развитие науки и образования до настоящего времени. Сформированные в то время механизмы финансирования научных учреждений и организаций, нормативно-правовая база их деятельности, а в равной степени и созданные структурные формы организации исследований были актуальны и эффективны длительное время.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Алексеев В. М. 44
Алексей цесаревич 195
Анастасий, епископ Ямбургский 168
Андрусов Н. И. 39, 48, 59, 70–71, 92, 94, 114, 121, 137–138, 141, 150, 160,
163–164, 171, 175–176
Анри В. А. 139, 146
Анучин Д. Н. 82
Арнольди В. М. 60
Аронова А. 130
Арцыбашев Д. Д. 53–54, 130, 150

Багaley Д. И. 27
Багрий А. В. 66
Байков А. А. 163, 174
Баклунд О. О. 44
Баргольд В. Б. 29, 51–52, 63, 71
Баргольд В. В. 145
Батюшков Ф. Д. 150
Бах А. Н. 10, 13, 48, 108, 115, 117, 119, 129, 148, 152, 155, 237, 243, 257
Бахрушин А. А. 152
Беклемишев В. А. 182
Белоглазов К. Ф. 139
Белопольский А. А. 71, 78, 92, 137, 150
Белоусов С. А. 24, 177
Бенешевич В. Н. 150, 172
Берг Л. С. 18, 58, 63, 115, 132, 148, 160, 166, 168, 179, 242, 253
Бердяев Н. А. 99

- Бехтерев В. М. 153, 200
Блок А. А. 25, 78–79, 104, 117, 126
Бобринский А. А. 26, 55
Богданов (Малиновский) А. А. 123
Богданов П. М. 197
Богданович К. И. 24
Боголепов М. И. 139, 144
Бодуэн-де-Куртенэ И. А. 70
Борисяк А. А. 148
Бородин И. П. 21, 32, 37, 39–40, 44–46, 48, 51, 59, 61, 66–67, 71, 75–76, 87, 92, 96, 137–138, 143, 149, 190, 192
Бородин Н. М. 251
Боткин С. П. 249
Бражников В. К. 59, 138–139
Брандт А. А. 92
Бриллиантов А. И. 168
Брицке Э. В. 155
Брэдли Дж. 223
Буданов В. П. 197
Булгаков Н. А. 172
Булич С. К. 70
Бунин И. А. 49, 117
Бурцев В. Л. 50
Буткевич Т. И. 26–27
Буш Н. А. 58, 111, 179
Бызов Б. В. 154
Бьюкенен Дж. 41
Бэйлс К. 17, 95
Бялыницкий-Бируля А. А. 88
- Вавилов Н. И. 33, 54, 113, 157
Вальден П. А. 87
Вальден П. И. 55, 59, 71, 82, 114, 137–138, 156
Ваппе Ф. Ф. 242
Василенко М. П. 160
Василенко Н. В. 115
Васильев А. А. 47
Васильев А. В. 27, 94
Введенский А. В. 96, 111
Введенский Н. Е. 48
Вебер В. Н. 139
Вейнберг В. П. 160
Верещагин В. А. 64
Верещагин Г. Ю. 88

- Вернадский В. И. 20, 27, 31, 33, 47–48, 52–55, 59, 61, 63, 67–68, 71, 73, 78–79, 81–83, 86, 93–94, 97, 104, 114, 137–138, 141, 160, 162, 171
- Верховский А. И. 78, 90
- Веселовский А. Н. 182–183
- Веселовский Н. И. 183
- Виноградов Д. И. 88
- Виноградов П. Г. 38, 72, 87, 114, 132
- Вихляев П. А. 61
- Вишневский Вс.В. 77
- Вознесенский А. В. 149
- Вознесенский И. 17
- Волков Ф. К. 17, 149, 253
- Волобуев П. В. 207
- Вольтер Э. А. 226
- Воронков М. И. 26
- Воскресенский Г. А. 183
- Врангель Н. Н. 67
- Врангель П. Н. 20
- Второв Н. В. 10, 39, 60, 86, 216
- Гейдройц К. К. 143
- Гейнц Е. А. 149
- Герасимов О. П. 70, 178, 215
- Герье В. И. 26–27
- Гессен В. М. 92
- Гессен И. В. 16, 93, 109, 111, 174
- Гинзбург И. И. 57–58
- Гишпиус З. Н. 107, 112, 116
- Глинка К. Д. 143, 148
- Глубоковский Н. Н. 149, 168
- Глушков В. Г. 139, 141
- Голенищев-Кутузов А. А. 69
- Голицын Б. Б. 24, 53
- Голицын Ф. И. 67
- Головин Ф. А. 64
- Гололобов М. В. 254
- Гольдберг Ф. 18
- Горбунов Н. П. 117, 124, 126–127, 132, 140, 155–157, 168
- Гордеев Д. П. 80
- Горький М. 40, 44, 49–50, 77, 104, 177–178, 182, 253
- Готье Ю. В. 18
- Граве Д. А. 171
- Гребенщиков И. В. 142
- Гревс И. М. 77
- Гредескул Н. А. 26, 115

-
- Григорьев А. А. 144
Гримм Д. Д. 27, 51
Гримм Э. Д. 98, 115, 168
Гринберг З. Г. 253
Грот К. Я. 18, 99
Грузнов И. Д. 88
Грумм-Грижмайло Г. Е. 164
Грушевский М. С. 40, 74–75, 115
Губкин И. М. 115, 156
- Давыдов К. Н. 153
Дейнека Д. И. 172
Ден В. Э. 10, 12–15, 17–19, 21, 23, 25–162, 164–185, 187–199, 201–203, 205–211, 213–222, 224–254, 256–260
- Деникин А. И. 171
Деревицкий А. Н. 26–27
Дерюгин К. М. 246
Дзержкович А. А. 55, 154
Догель В. А. 49, 172
Дорогостайский В. Ч. 60, 149
Дружинин С. И. 147
Дубянская М. П. 57–58, 144
Дьяконов А. М. 166
Дьяконов М. А. 27, 29, 44, 63, 67, 76, 84–85, 96, 121, 131, 135
- Евсеев И. Е. 168
Егоров И. В. 100–101
Елена Павловна, великая княгиня 67
Елина О. Ю. 155, 157
Еремина Е. В. 58
Ефремов Н. Н. 58, 139
- Жебелев С. А. 150
Железнов В. Я. 147
Жемчужный С. Ф. 56, 59, 138–139
Жукович П. Н. 168, 183
Жуковский В. А. 183
Жуковский Н. Е. 155
- Заболотный Д. К. 49
Завадский Б. М. 212–213
Завадский С. В. 60
Заварзин А. А. 153, 164
Заленский В. В. 51, 59, 72, 86–87, 114, 137–138, 149, 163, 182
Зверев Н. А. 27

Зеленый Г. П.	44
Зелинский Н. Д.	154
Земятченский П. А.	31, 57–59, 139, 141–142
Зенкевич Л. А.	11–12, 149, 187
Зеньковский В. В.	115
Зернов Д. Н.	203
Зернов С. А.	60
Зиновьев А. М.	144
Зиновьев Г. Е.	93, 177, 253
Зограф Н. Ю.	203
Золотарев Д. А.	63
Золотарев Е. И.	150
Зубов В. П.	81
Иванов А. А.	32, 49, 82–83, 92, 98, 108, 113, 120, 129, 134–135, 168–169, 171–172, 181, 242, 251
Игнатъев В. Н.	82
Игнатъев П. Н.	16, 31, 101, 189
Изгоев А. С.	93, 190
Иконников В. С.	114, 160
Илизаров Б. С.	85
Илляшевич Я. В.	179
Иловайский Д. И.	26
Ильин В. С.	153
Ильин И. А.	99
Ильина И. Н.	206, 220, 222
Ильинский В. П.	56
Ильинский Л. К.	35
Иоффе А. Ф.	140–141, 171, 183
Ипатьев В. Н.	16, 24, 38, 55, 82, 86, 103, 113, 137, 141, 153–154, 156
Искуль В. И.	142
Калужняцкий Э.	67
Каменев Л. Б.	93, 104
Капица П. Л.	141
Каптерев Н. И.	183
Кареев Н. И.	21, 84, 150, 178, 197
Карпинский А. П.	28, 33, 35, 38, 43, 45, 48, 59, 61, 67, 80, 88, 92, 96, 102, 113, 121–127, 131, 134–135, 137–138, 145, 180, 185, 187, 193
Карпов Л. Я.	115, 154–155
Карский Е. Ф.	18, 29, 51, 63, 69–70, 76, 99, 114, 121, 180
Карчевский С. В.	74
Кассо Л. А.	26, 93, 114
Кауфман А. А.	121, 251
Керенский А. Ф.	34, 49, 74–75, 78, 85

- Кизеветтер А. А. 101, 178
Киселева Н. В. 223
Ключевский В. И. 132
Книпович Н. М. 49, 139, 148, 182
Князев Г. А. 18, 34, 104, 107–110, 116, 181–182
Кобеко Д. Ф. 183
Ковалевский М. М. 27, 188, 248
Кожевников Г. А. 60, 149
Козлов П. К. 61, 165
Коловрат-Червинский Л. С. 57
Колчак А. В. 110, 140, 160, 164
Колчинский Э. И. 10–12, 20–21, 153, 187, 216
Кольцов Н. К. 15, 82, 114, 123, 126, 146–147, 157
Комаров В. Л. 48, 182
Кондаков Н. П. 18, 72, 76, 87, 99, 114
Кондиайн А. А. 242
Кони А. Ф. 27, 40, 69, 75
Константин Константинович, великий князь 33, 69
Константинов Н. С. 33, 69, 139, 178
Коркин А. Н. 150
Корнилов А. А. 163
Корнилов Л. Г. 85
Королев Н. А. 41, 115, 197
Короленко В. Г. 49, 104, 183
Корш Ф. Е. 69
Костычев П. А. 24
Костычев С. П. 49, 182
Котляревский Н. А. 34, 67, 76, 152
Кошляков Н. С. 171
Кравков С. П. 172
Красин Л. Б. 49
Краснокутская Е. П. 144
Крачковский И. Ю. 65
Кремлев А. Н. 197
Кригер-Войновский Э. Б. 24
Кристи М. П. 226, 253
Крылов А. Н. 24, 39, 48, 59, 82, 86, 92, 113, 118, 134, 137–138, 141, 147, 150, 153, 156, 172
Крылов Н. М. 171
Крымский А. Е. 56, 60, 65, 82, 163–164
Ксенофонов И. К. 177
Кубасов И. А. 131
Кузнецов И. Д. 60
Кузнецов Н. И. 58, 171
Кулагин Н. М. 60, 146–147, 156

Кульман Н. К.	70
Кульчицкий Н. К.	24
Куприянова Л. П.	50
Курбатов В. Я.	140
Курепин А. А.	255
Курнаков Н. С.	31, 48, 55–56, 59, 82, 86, 96, 113, 137–139, 141, 156
Кутлер Н. Н.	94
Лавров П. А.	18, 99
Лавуазье А. Л.	39
Лазарев П. П.	39, 46, 48, 72, 82, 86, 113–114, 118–119, 137, 140, 146–148, 150, 153, 155–156
Ландау Л. Д.	158
Ландсберг Д. Ф.	242
Ланской Сергей С.	67
Ланской Степан С.	67
Лаппо-Данилевский А. С.	38, 45, 51, 64, 68, 71–72, 76, 84–85, 96–97, 115, 120, 134, 151–152, 172
Латышев В. В.	76, 177
Лахтин Г. А.	251, 255
Лацис М. И.	173, 177
Лацис М. Я.	178
Лебедев А. И.	68
Лебедев С. В.	154
Левашев С. В.	26
Левинсон-Лессинг Ф. Ю.	47, 59, 138, 143
Левицкий Г. В.	203
Ледницкий А. Р.	68
Лемм О. Э.	20, 183
Ленин В. И.	15, 32, 74, 89, 92–94, 101, 103–105, 117, 124–126, 128–129, 132, 134, 136, 138, 140, 156, 158, 165–167, 169, 172–173, 177–178, 184, 198, 212, 215, 225, 244, 249, 253, 255
Ленц Э. Х.	150
Лесгафт П. Ф.	153
Ливеровский А. В.	194
Линниченко И. А.	39
Лискун Е. Ф.	58–59, 138, 144, 150
Лихачев Н. П.	18, 35, 68, 99
Лобачевский Н. И.	150
Лосский Н. О.	248
Лукьянов С. М.	26–27
Луначарский А. В.	93, 106, 117, 120–125, 127, 130, 132, 134, 146, 158, 165–166, 168, 172, 177, 179–180
Лучицкий И. В.	162, 183
Львов Г. Е.	34, 43, 74
Любавский М. К.	35, 101

- Любименко В. Н. 57, 144, 148
Ляпунов А. М. 86, 114, 116, 137, 171, 180, 182–183
Ляпунов Б. М. 18, 99
- Максимов Н. А. 90
Максимов С. П. 231
Малиновский А. А. 123, 132
Мануйлов А. А. 43, 70, 74, 78
Марков А. А. 18, 39, 45, 48, 86, 113, 115–116, 137, 155, 172, 176
Марр Н. Я. 29, 31, 47–48, 63, 72, 74, 80–81, 85, 96, 115, 121, 124, 134, 152, 166, 168
- Мартин В. Э. 60
Маслов С. Л. 82
Маяковский В. В. 116
Мейснер В. И. 139
Мейстер А. К. 59, 138, 208
Мензбир М. А. 148, 166
Месяцев И. И. 29, 98, 121, 149, 228
Милюков П. Н. 49, 73, 99, 132
Михаил Александрович, великий князь 42
Михайлов К. И. 60, 67, 95, 177, 183, 215, 252
Мичурин И. В. 115
Мищенко Л. Л. 226, 234, 239
Модзалевский Б. Л. 35, 183
Мокржецкий С. А. 163
Молчанов Л. А. 144
Морачевский В. В. 251
Морозов Г. Ф. 62
Морозов Н. А. 153, 189–190, 197
Морозова О. М. 19
Мошонкин М. Я. 242
Муратов С. В. 197
Мурнек О. Я. 177
Мушкетов Д. И. 139, 145
Мэтьюари Артур 41
- Навашин С. Г. 183
Надсон Г. А. 141
Найденов В. Ф. 253
Насонов Н. В. 59, 72, 88, 114, 137, 149, 164, 180
Неменов М. И. 140–141
Неуструев С. С. 164
Никитин П. В. 33, 58, 95, 97, 177
Никитский А. В. 46, 76, 163–164
Никифоров П. Н. 119

- Николай Михайлович, великий князь 177, 252
Никольский Б. В. 111–112
Никольский Б. Ф. 26
Никольский Н. К. 76, 87, 97
Новгородцев П. И. 16, 99
Новиков М. М. 16, 47, 52, 156, 168
Нуланс Ж. 83
- Обручев В. А. 171
Озеров И. Х. 27
Ольденбург С. Ф. 21, 27–30, 33–36, 41, 43–44, 47–48, 51–52, 56, 62–63, 67, 69,
71–74, 76, 78–82, 84–85, 92–94, 96, 102–103, 115, 118, 120–121,
123–124, 126–127, 132–135, 146, 150, 152, 155, 165, 168, 172,
179–181, 183, 185
- Омелянский В. Л. 48
Орбели Л. А. 74, 153
Орлов Е. И. 32–33, 108, 215
Остроградский М. В. 150
Отоцкий П. В. 143
- Павлов А. П. 82, 137, 146, 156
Павлов Д. М. 20
Павлов И. П. 32, 34, 39, 48, 74, 92, 108, 115, 121, 137, 153, 155, 175, 179
Павлова С. В. 32, 34
Палладин В. И. 87, 114, 137, 160, 163, 171, 180
Паллас П. С. 67
Пальмов И. С. 87, 168
Пальчинский П. И. 239, 253
Панина С. В. 191
Паррот Г. Ф. 150
Патканов С. К. 63
Патуйе Ж. 84
Пачоский И. К. 61
Пергамент М. Я. 47, 84
Перельман Я. И. 198
Перетц В. Н. 18, 29, 63, 69, 87, 99, 114, 160, 170, 179, 181–182
Перчёнок Ф. Ф. 17, 35
Петерс Я. Х. 177
Петров В. В. 101, 150
Петрова М. К. 32, 34
Перримонд Э. Г. 254
Петровский А. А. 49
Петровский Г. И. 177
Петровский Н. М. 150
Пирогов Н. И. 67, 190, 192, 195

Платонов С. Ф.	35, 81, 115, 152–153, 182
Плеханов Г. В.	49
Подкопаев Н. И.	139
Покровский М. И.	131
Покровский М. М.	101, 164
Покровский М. Н.	134
Покровский Н. Н.	24
Покровский Ф. И.	88
Покрышкин П. П.	66
Поливанов Е. Д.	92, 98
Полонская-Василенко Н. Д.	20
Полторац С. Н.	14
Поляков А. С.	32, 35
Полянский И. И.	158
Посадский Н. И.	101
Посников А. С.	188
Поспелов А. П.	31
Поссе К. А.	18, 86, 175–176
Прасолов Л. И.	143
Прянишников Д. Н.	146, 149, 155
Пузанов И. П.	163
Радлов В. В.	88, 97, 149, 182
Разин Степан	110
Распутин Григорий	25
Ревуцкая Е. Д.	58
Регель В. Э.	170
Регель Р. Э.	139
Рейснер М. А.	77–78, 132, 134
Ремизов А. М.	103–104
Ржонницкий А. Г.	251
Рид Дж.	11, 26–27, 36, 49, 52, 56, 61, 64, 72–73, 83–84, 86, 111, 113, 116, 125, 158, 162–163, 170, 174, 176, 194, 204, 206, 213, 230, 234, 258
Рихтер Д. И.	251
Родзянко М. В.	33, 76
Рождественский Д. С.	49, 139
Рожков Н. А.	77
Розанов В. В.	112–113, 117
Россолимо Л. Л.	149
Ростовцев М. И.	28, 35, 46–47, 52, 63–64, 72, 76, 84–85, 89, 96, 98, 105, 114, 150, 165, 172, 180
Руденко С. И.	63
Рыкачев М. А.	59, 82, 92, 137–138, 141, 175
Рыков А. И.	93

- Рылов В. М. 24, 39–40, 48, 59, 75, 82, 86, 92, 113, 118–119, 134, 137–138, 141, 147, 149–150, 153, 156, 171–172
- Рябушинский Д. П. 179
- Рязанов Б. Д. 132
- Рязанов Д. Б. 152
- Садовский Б. А. 111–112
- Саксен-Альтенбургская Е. Г. 67
- Сакулин П. Н. 70
- Самойлов Я. В. 74, 108, 146, 154
- Самсонов Т. П. 243
- Светлов В. А. 136
- Святский Д. О. 189
- Седова-Троцкая Н. И. 85
- Селиванов С. М. 242
- Семашко Н. А. 114, 117, 147
- Семенов Н. Н. 158, 164
- Семенов-Тянь-Шанский В. П. 60
- Семенов-Тянь-Шанский Д. П. 203
- Сеченов И. М. 39, 189, 201, 212, 232–233, 237, 246
- Сикорский И. А. 26
- Скоропадский гетман 115
- Скоропадский П. П. 20, 160–162
- Слободский М. В. 103
- Смирнов В. И. 171
- Смирнов Я. И. 46, 182
- Смирнов Я. М. 181
- Соболев В. С. 18, 100
- Соболевский А. И. 26–27, 36, 69, 87, 97, 176
- Соколов А. М. 139, 141
- Соколов Д. И. 251
- Сомов П. О. 149
- Сперанский М. Н. 18, 99
- Срезневский В. И. 88
- Старостин В. В. 65, 226, 236, 253
- Стебут И. А. 124, 127
- Стеклов В. А. 18, 25, 34, 39, 45, 48–49, 80, 86, 92, 96, 103, 105–110, 116, 118, 121, 132, 134–135, 137, 150, 165, 170, 172, 175–176, 185
- Стеллецкий И. Я. 64–66
- Степанов Н. И. 97, 139
- Степанский А. Д. 206–207
- Стопневич А. Д. 139, 142
- Стрельников И. Д. 153
- Струве П. Б. 46, 72, 74, 76, 104, 114
- Сукачев В. Н. 149

- Сулима-Самойло А. Ф. 57–58, 144
Сум Н. Э. 119, 124, 147, 160, 173, 197, 201–202, 213, 228, 231–232, 244
Сумцов Н. Ф. 160
Сушкин П. П. 163, 171
- Таганцев Н. С. 27, 101, 175–176
Такаишвили Е. С. 80–81
Талиев В. И. 62
Тамм Е. А. 158
Тамм И. Е. 171
Тарле Е. В. 18, 21, 35, 85, 115, 144, 153, 162, 182
Твалчрелидзе А. А. 57
Терещенко М. И. 78
Тер-Оганесов В. Т. 118–119, 126, 132, 140
Тигранян С. Ф. 80
Тимирязев К. А. 48, 50, 115, 187
Тимошенко С. П. 16, 114, 161–162
Тищенко В. Е. 172
Толстой Л. Н. 68
Томсон А. И. 18, 99
Тонков В. Н. 135
Троцкий Л. Д. 85, 94, 98, 132, 154
Трубецкой Е. Н. 163
Тулайков Н. М. 53–54, 143
Тураев Б. А. 150, 183
- Умейкин Н. Н. 251
Уразов Г. Г. 58, 139
Усов М. А. 24, 39, 48, 59, 70–71, 92, 94, 110, 114, 121, 137–138, 141, 150, 160, 163–164, 171, 175–177
- Успенский Ф. И. 65–66, 72
Устрялов Н. В. 27, 110, 113
Ухтомский А. А. 153
- Фаворский А. Е. 31, 49, 154
Фальц-Фейн Ф. Э. 61
Фаминцын А. С. 21, 39, 49, 59, 137–138, 182
Федоров Е. С. 21, 39, 49, 113, 185
Федченко Б. А. 145
Федюкин С. А. 15, 19, 95, 192
Ферсман А. Е. 19–20, 29, 31, 49, 53, 55, 58–59, 73, 83, 94, 120, 123, 125, 128, 134, 138, 140–142, 150, 156, 162, 166, 171, 182, 185
- Фигнер В. Н. 50
Филатов М. М. 154
Филипченко Ю. А. 49, 182

Фляксбергер К. А.	58
Фокин Л. Ф.	154
Фортунатов Ф. Ф.	18, 69, 99
Франк И. М.	158
Францев В. А.	18, 99
Френкель Я. И.	171
Фридман А. А.	163
Харлампович К. В.	18, 99
Хвостов М. М.	164
Хлопин В. Г.	58
Хлопин Г. В.	141, 155
Холквист П.	12
Холодковский Н. А.	150
Хотулев А. П.	67
Церетели Г. Ф.	101, 178
Цингер Н. Я.	183
Черенков П. А.	158
Чернов В. М.	61, 66, 188
Чичерин А. Н.	163
Чичибабин А. Е.	155
Чубинов Г. Н.	80
Чубинский М. П.	115
Чугаев Л. А.	31, 56, 94, 138–139, 182
Чупров А. А.	101
Чупров А. И.	188, 194–195
Шапиро Л. Г.	118, 120, 124–125, 131
Шапиро Н. Л.	126
Шахматов А. А.	18, 29–30, 39–40, 47, 50–51, 63, 69–70, 72–75, 89, 93–94, 96, 99–102, 114–116, 118, 120, 126, 129, 132, 134–135, 150, 161, 170, 179, 181–182
Шаховской Д. И.	163
Шевяков В. Т.	24, 37
Шереметев С. Д.	183, 235
Шидловский А. Ф.	145
Шидловский Л. А.	139
Шилов А. А.	35
Шимкевич В. М.	47, 149, 168, 172
Шингарев А. И.	49
Шляпкин И. А.	100, 183
Шмидт О. Ю.	115
Шмидт П. Ю.	145, 172

Шмит Ф. И.	65
Шокальский Ю. М.	49, 135, 145, 215, 230, 236
Шредер И. Ф.	56
Штауде Н. М.	242
Штенберг П. К.	132, 168
Штернберг Л. Я.	63, 166
Штернберг П. Я.	115
Штубендорф О. Э.	183
Шувалов И. И.	67
Шультц Е. А.	203
Щербаков Д. И.	171
Щербатский Ф. И.	183
Эдельштейн Я. С.	164
Элиави Ш.	177
Эфрон Б. А.	254
Юрганов В. В.	142
Юферов В. И.	145
Якоби Б. С.	150
Якобсон Г. Г.	88
Яковлев В. И.	67
Якубов В. Н.	253
Яценко А. С.	16
Ячевский А. А.	53

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Колчинский Эдуард Израилевич — доктор философских наук, заведующий Сектором истории эволюционной теории и экологии Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук.

Синельникова Елена Федоровна — кандидат исторических наук, ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова Российской академии наук.

Научное издание

Колчинский Эдуард Израилевич, Синельникова Елена Федоровна

САМООРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ НАУКИ
В ГОДЫ КРИЗИСА: 1917–1922

Издательство «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10

Корректурa — *Добриян Т. К., Баталова Н. М.*
Верстка — *Лукин С. Е.*

Подписано в печать 01.10.2020. Заказ №6778
Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 17,25. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Скифия-принт».
Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, д. 10